
I

★ ОТЕЧЕСТВО ★

★ ОТЕЧЕСТВО ★

Первый сборник,
подготовленный
военно-патриотическим
литературным объединением
«ОТЕЧЕСТВО»

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989

ББК 84Р7
В63

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ*

Решением Правления Военно-патриотического литературного объединения «Отечество» одна пятая часть стоимости каждого сборника «Военные приключения» выделяется Центру реабилитации воинов-афганцев.

Помните об этом, приобретая наши книги!

Станислав Гагарин,
председатель ВПЛО «Отечество»

В63 **Военные приключения: Первый сборник, подготовленный военно-патриотическим литературным объединением «Отечество»/Сост. и Дневник Отечества — С. Гагарин. — М.: Воениздат, 1989. — 448 с.**

ISBN 5—203—00973—2.

В книгу вошли произведения молодых авторов, написанные в жанре героики и приключений, историко-патриотической прозы, острой публицистики, посвященной проблемам современной Советской Армии.

В 4702010201—225 без объявл.
068(02)—89

ББК 84Р7

ISBN 5—203—00973—2

© ВПЛО «Отечество», 1989

© Воениздат, 1989

Вначале было СЛОВО!

„СЛОВО“! „СЛОВО“! „СЛОВО“!

Так называется теперь бывший журнал «В мире книг» — номер в каталоге 70110 — подписная цена всего 10 рублей 80 копеек. Если вы не подписались на него, то скоро пожалеете об этом!

Тогда вы не прочтете новую историческую повесть Валентина Пикуля, воспоминания В. Набокова и А. Керенского, П. Милукова, генералов А. Деникина и П. Краснова! Вы останетесь без Розанова, Бердяева, Леонтьева, Соловьева, Булгакова — десятилетиями замалчиваемых мыслителей русской философской и космической мысли!

Они будут воскрешены для вас журналом „СЛОВО“!

Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Василий Белов — постоянные авторы этого уникального журнала!

Каждый, кто считает себя интеллигентом, верным сыном Отечества, не может обойтись без журнала „СЛОВО“! Нет, недавно было сказано: „Вначале было СЛОВО...“

ПОЧИН ДОРОЖЕ ДЕНЕГ?

Надо еще разобраться, насколько эта поговорка соответствует нашему национальному характеру. Ведь люди у нас в большинстве своем никогда не поклонялись Мамоне, не было такого духовного завода у соотечественников, не правил Капитал помыслами и делами предков, хотя и бывали исключения, о чем и сказано архисправедливо: в семье не без урода. Но если уж начать мы решили с поговорки, то утверждение, что простота хуже воровства, явно не в Русской Земле родилось, переводное выражение, заемное, я бы сказал — далеко не безобидное, и не без тайного умысла в народное сознание оно внедрено. Об этом мы еще порассуждаем, времени у нас пока хватает, но любое дело требует начала, и вот у нас оно вроде уже зародилось, почин, стало быть, сделан, и заголовок нарисовался к первому выпуску дневника «Отечества» первого сборника «Военных приключений». И смысл в нем есть откровенный, ибо, признаюсь, начать наше дело, о нем и расскажу сейчас, было весьма непросто.

Покаюсь перед вами, дорогие соотечественники, что хотелось мне по примеру Федора Михайловича Достоевского начать сей дневник с описания мытарств при возведении литературного дома, в который я вас приглашаю: и тех, кто любит читать приключенческие книги, и тех, кто умеет их сочинять. Не все радовались нашей затее, ох, не все, вот бы и назвать их поименно, особенно тех, кто палки в колеса благородной колеснице «Отечества» совал, чай, в эпоху гласности живем, пропесочить противодействующих патристическому почину. Сравнить бы по примеру Достоевского с каким-либо африканским «китаем» наши собственные волокитские приемы и раздраконить в очередной, «надцатый» раз титулованных бюрократов... Не

скрою — рука зудела невыносимо, а перо аж-таки дергалось от внутреннего гнева, будто славный калашников в праведном бою.

Едва смирил негодование и призадумался: а надо ли начинать новое дело со схватки? Чинуши и не поморщатся от того, что назову их здесь, а вот в категорию склочных компаний объединение наше зачислят, ярлыки навесят едва новорожденному «Отечеству», это как пить дать... В колыбели задушат, аки те змеи, что младенца Геркулеса намеревались извести.

Нет, подумал я, ужо погодим мы со товарищи, потеряем, солдатунки — бравы ребятушки... Вот наберем силенку, доброе имя у читателей завоюем, тогда и объявим: «Идем на Вы». Так, кстати, наш раздел критики и публицистики называется, не пропустите его, ведь и там без приключений не обойдемся.

Ну вот, вроде как и незаметно, а в разговор с вами втянулся, славные соратники вы мои. Но пока о нас мало что знаете, лишь перелистали наискосок сборник, прежде чем приобрести его для домашнего чтения, вот и попробую рассказать, что же это такое, Военно-патриотическое литературное объединение «Отечество», возникшее как хозрасчетная общественная организация при Военном издательстве Министерства обороны СССР.

Было бы лестно сказать, что вот взяли мы это объединение так и придумали сразу, честь нам и всяческая хвала. Конечно, в том виде, в каком «Отечество» существует, — да, наша идея. Но если по справедливости, то надо сказать: вдохновили нас молодые русские фантасты, их председатель, автор знаменитого фантастического романа «Лунная радуга» Сергей Павлов. Вроде и недавно объединились они и стали выпускать под эгидой издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» сборники фантастических произведений молодых авторов. Тех, кому прежде не было никакого хода, знаю это по собственной прошлой жизни. И вот итог: за год существования пятнадцать добротных книг, еще дюжины полторы в работе, двести — двести! — новых имен, открытых для литературы впервые.

Удивительно это и немного грустно... Вот, оказывается, какие могучие творческие силы таятся в нашем народе. А нас тоже спрашивали: вы уверены, что новое объединение выявит достаточное количество собственных авторов, талантливых приключенцев? Ведь у вас иной жанровый уклон. Фантастику берут, даже не раскрывая книгу.

Что же, это верно, «Отечество» будет заниматься преимущественно приключенческой литературой. Только я не сомневаюсь: молодых авторов, работающих в области остросюжетного действия, в стране предостаточно.

Вот вам, как говорится, навскидку несколько имен из моего личного актива: Владимир Зарубин из Феодосии, Сергей Ковякин из Горной Шории, майор Федор Ошевнев из Ростова, старший лейтенант Сергей Павленко из Западной группы войск... Майор Сергей Дышев из Москвы, Василий Веденеев, Андрей Серба, Юрий Лубченков, Владислав Сосновский... И список можно продолжить, но хватит и этих, весьма талантливых молодых людей.

Но сначала расскажу об организационно-правовой структуре «Отечества». Ведь мы самостоятельное объединение, которое действует при Военном издательстве Министерства обороны СССР. Именно эти, наши старшие товарищи, являются опекунами «Отечества», они будут осуществлять контрольное редактирование уже полностью подготовленных нами сборников «Военных приключений», ставить собственный «копирайт» рядом с нашим, разделяя, таким образом, издательские права и обязанности. Но в хозяйственном и литературном отношении ВПЛО «Отечество» полностью самостоятельно.

Наверно, наших читателей и будущих наших авторов интересуют прежде всего идеологические принципы деятельности объединения. Извольте.

Главный принцип — воспитание искренней любви к Отечеству, в первую очередь у подрастающего поколения. И сделать это мы хотим за счет объединенных нами творческих сил именно молодых литераторов. По собственному опыту знаю, как трудно пробиться к изданию тому, кто только начал, никому не известен. Впрочем, далеко не каждый писатель «служит» в издательстве или журнале, занимает «пост» в секретариате или иной литературно-бюрократической инстанции. Норма существования писателя — сидение за собственным письменным столом, а не в конторе, как бы она изысканно ни называлась. «Служба» всегда писателю противопоказана, но без нее умрешь с голода, ты никому не известен, а значит, и не нужен. Вот и создали мы «Отечество», дабы появилась отдушина для литературной смены нашей.

Кто же может стать членом объединения? Любой наш соотечественник, обладающий необходимыми литературными способностями, искренне уважающий Вооруженные

Силы СССР, глубоко знающий военную историю Родины, правдиво изображающий ратные подвиги современников и предков в остросюжетной, приключенческой форме.

Я вот говорю все время о молодых литераторах... Да, «Отечество» создано именно для них, но это вовсе не означает, будто у нас не будет места для заслуженных мастеров жанра. Для них задумана серия «Золотая полка военных приключений».

Все книги объединения будут выходить под особым книжным знаком. Вы его увидели уже на переплете этого сборника.

Вы, читатель, наверно, уже поняли задачу «Отечества». Она в том, чтобы через увлекательную, занимательную литературу поднять престиж Вооруженных Сил... Если это сразу отложилось в вашем сознании, то осознали нашу задачу абсолютно правильно. Через ратную отечественную историю, через подвиги отцов и дедов, тех, кто сегодня живет рядом с нами, мы пробудим у наших ребят и девушек искреннюю любовь к Родине. У настоящих патриотов Отечества, будь это хлебороб на Кубани или писатель в столице, молодой воин-интернационалист из Сибири или ветеран войны из Владивостока, металлург из Кривого Рога или молдавский виноградарь, вызывают законное возмущение те злопыхательские нападки на армию со стороны ряда газет и журналов, в программах Центрального телевидения, особенно во «Взгляде», например, которые в последнее время резко участились.

Против критики недостатков, примет разложения в армии, а приметы эти существуют, никто не возражал и не возражает. Сама армия начала радикальную перестройку собственных рядов и структур. Но любая критика должна быть конструктивной, если хотите, деловой. Этого, увы, пока нет. Налицо попытки противопоставить армию народу, вбить клин между ними. Особенно стараются новоиспеченные либералы настроить против армии молодежь. И это понятно — молодежь — главная надежда Отечества. Именно поэтому все действия, мягко говоря, безответственных органов массовой информации направлены на создание у молодых людей стойкого неприятия армии и всего, что с нею связано. Отсюда и разговоры о наемных войсках, подтасовки фактов о принципах службы в армии США и ее численности, истерический бум вокруг «дедовщины», требования ввести выборность командиров. Договариваются вообще чуть ли недо

предложений распустить армию, сохранив небольшое количество наемников милиционного типа. Вершиной необузданного и крайне безответственного «пацифизма», имеющего далеко уводящий подтекст, явилось требование некоего писателя ни в коем случае не отвечать ударом на ракетный удар противника.

А что говорить о яростных попытках некоторых депутатов Съезда свалить на армию ответственность за политическую провокацию в Тбилиси?!

Кому это выгодно?

По-моему, даже ребенку ясно, что армия — главная суть государственности. Разрушая авторитет армии,вольно или невольно разрушаем устои Отечества.

И все это, заметьте, делается под флагом гласности, демократии, ликвидации закрытых зон для критики. Мне думается, что такое происходит не случайно.

Впрочем, это вполне естественно. Недавно директор ЦРУ Уэбстер официально заявил, что главным объектом деятельности сего учреждения по-прежнему является Советский Союз. Примерно в этом духе выступил и новый министр обороны США. А наши либералы в ряде изданий от пресловутого уже «Огонька» до сомнительной искренности «Собеседника» ведут себя так, будто ЦРУ слилось с Детским фондом, а Пентагон стал филиалом общества «Мемориал». Я тоже за разрушение стереотипа «врага», но всегда помню, что существует и долгое время будет объективно существовать понятие «потенциальный противник». И чтобы не забыли об этом наши сограждане, мы и создали военно-патриотическое литературное объединение «Отечество».

Готовы ли мы выйти к читателям с новыми книгами? Да, первые сборники «Военных приключений» уже подготовлены к печати.

Намечен Всесоюзный семинар молодых писателей-приключенцев, такие семинары будут проводиться постоянно. На них мы произведем отбор лучших рукописей, опытные писатели подскажут ученикам, где у них достоинства, находки, а где и ошибки стиля, сюжета, композиционные неровности. Перспективным авторам «Отечество» будет назначать литературные стипендии, получая которую в течение, скажем, шести месяцев или года, член объединения сможет написать для нас роман или повесть, не утруждаясь поисками куска хлеба для себя и семьи.

Спросите: о чем же писать, какие темы интересуют «Отечество»? Что касается наших дней, советского пери-

еда истории, то тут, видимо, все ясно. А вот в помощь будущим авторам, для их исторической ориентировки, мы, наверно, перечислим вехи ратной летописи России, на темы которых хотели бы получить приключенческие повести и романы. Вот они.

Славянская праистория. Венеды и скифы.

Поход ариев в Индию и возвращение на землю предков.

Троянская война. Ахиллесова тайна.

Славяне и Византия. Войны с хазарами.

Возникновение Киева. Братья Кий, Щек и Хорив.

Столкновения с печенегами.

Новгородские были. Походы на Север, за Рифейские горы.

Освоение восточных земель. Стычки с норманами.

Варяги и Новгород. Рюрик, Трувор и Синеус.

Князь Дир и Аскольд.

Вещий Олег и его время. Князь Игорь и жена его Ольга.

Князь Святослав и его девиз «Иду на Вы». Обуздание хазарского экспансионизма. Предательство Византии.

Нашествие половцев. Поход князя Игоря Святославовича.

Битвы Владимира Мономаха. Бегство Отрок-хана в Обезы.

Первый набег монголов. Сыбудай и Джебэ. Битва на Калке.

Разорение Рязани Батыем. Подвиг Евпатия Коловрата.

Осада Владимира. Битва на реке Сить. Оборона Торжка.

«Злой» город Козельск.

Восстания против татаро-монгольского ига. Мужество Твери.

Александр Невский. Укрощение шведов и битва на Чудском озере.

Сражение на реке Вожа. Куликовская битва.

Сопrotивление Москвы притязаниям литовского князя Витовта. Олег Рязанский и его роль в русской истории.

Освобождение от азиатского ига в 1480 году. Иван III и его время. Формирование великорусского государства. «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать...»

Войны Ивана Грозного. Астраханская и Казанская орды. Ливонская кампания.

Ермак Тимофеевич и его освободительный поход.

Запорожская Сечь. Подвиги казаков.

Борьба русского народа против польских захватчиков. Смутное время. Кому нужны Лжедмитрии и князья Курбские. Минин и Пожарский. Иван Сусанин и другие безымянные герои.

Боевые истории XVII века. Царь Алексей Михайлович.

Походы русских стрельцов и казаков в Сибирь и на Дальний Восток.

Семен Дежнев, Федот Алексеев и их товарищи.

Хабаров, Поярков, Стадухин, Игнатьев, Анцыферов и другие русские землепроходцы.

Петровские времена. Война со шведами в Прибалтике. Освобождение Курляндии. Полтава.

Рождение русского военно-морского флота и его первые батальи. Битва при Гангуте.

Великая Северная экспедиция. Плаванье Чирикова и Беринга.

Лейтенант Овцын и его приключения.

Исследования на море в XVIII веке.

Семилетняя война. Взятие Кенигсберга и падение Берлина.

Русские полководцы Екатерининской эпохи. Освобождение Крыма и юга России. Прибалтийские кампании.

Федор Ушаков и другие адмиралы флота российского.

Александр Суворов — русский военный гений.

Первые сражения с Наполеоном.

Михаил Кутузов и Барклай де Толли.

Отечественная война 1812 года.

Денис Давыдов, Александр Фигнер и приключения кавалер-девицы Дуровой.

Партизанское движение.

Адмирал Александр Шишков.

Бородинское сражение, последующие победы русских.

Турецкие войны. Освобождение Молдавии.

Великие плаванья русских моряков, их географические открытия. Литке, Лазарев, Крузенштерн, Лисяпский, Врангель, Головин, Беллинсгаузен.

Генерал Ермолов. Батальные истории, случавшиеся в Закавказье и на Моздокской линии.

Восточная война. Оборона Севастополя. Соловецкие острова дают отпор англичанам. Попытка противника высадиться в Петропавловске-Камчатском.

Плаванье фрегата «Паллада» в Японию. Приключения русских моряков из экспедиции Путятина.

Русско-турецкая война 1877—1878 годов за освобождение Болгарии. Генералы Плевны. Герои Шипки. Баязет.

Генерал Скобелев и его полководческие успехи.

Ратная история последней четверти прошлого века.

Русско-японская война. Оборона Порт-Артура. Бои в Маньчжурии. Морские сражения. «Варяг» и «Кореец». Цусима. Судьба русских моряков в Японии.

Приключения русских пограничников в конце XIX и начале XX века.

Первая мировая война.

Судьба Второй армии генерала Самсонова.

Военные приключения казачества.

Брусиловский прорыв.

Русский экспедиционный корпус во Франции.

Подвиги русских летчиков в первой мировой войне.

Разведка Генерального штаба и происки специальных служб противника.

Вот примерный, далеко не исчерпывающий список исторических вех. Все разве перечислишь?.. По одним георгиевским кавалерам армии и флота можно создать много томную эпопею. А яркие судьбы Румянцева, Паскевича, Дибича, Котляревского, Милорадовича, Драгомирова? Есть, есть что написать о русской ратной истории! Засучивайте рукава, молодые писатели, и беритесь за благородное дело восстановления духовного богатства нашего народа, хватит оставаться нам Иванами Непомнящими, невежественными варварами, отдающими самое ценное в человеке — душу — за мишуру и сатанинский блеск отвращающих наше сознание зарубежных видеоклипов.

Уставом объединения предусмотрена и широкая благотворительная, шефская деятельность. Здесь и опека пациентов военных госпиталей, участие в пополнении фонда Центра реабилитации воинов-интернационалистов, шефство над Нахимовским и суворовскими училищами, СПТУ, средней школой. В перспективе на средства «Отечества» создадим морской и авиационный клубы, будем участвовать в патриотических программах, проводимых ЦК ВЛКСМ и ДОСААФ СССР. Планов, разумеется, много. Но главная задача — выпускать интересные книги, героями которых будут нынешние славные ратники и те, кто был до них, увлекательные книги, написанные молодыми писателями.

Именно к ним обращаюсь я от имени ВПЛО «Отечество»: срочно присылайте нам рукописи военных приключений.

чений. Это могут быть романы, повести, рассказы о необычайных действиях ваших современников, близких и далеких предков, а также публицистика на эту тему.

Расположены мы в том же здании, где находится Военное издательство Министерства обороны СССР. Так и пишете: 103160, Москва, К-160, Воениздат, для «Отечества».

И поторопитесь! Хочется, чтобы вы, будущие наши авторы, попали не только в первые сборники «Военных приключений», но и стали участниками семинаров. Приложите к рукописи заявление о желании вступить в объединение, две фотографии и краткое жизнеописание, в котором надо отразить ваше нынешнее социальное положение, литературную деятельность, творческие планы, адреса и телефоны.

Рецензируются у нас только принятые рукописи. Молодым авторам — зеленая улица, за ними, при прочих равных возможностях, преимущественное право на публикацию, и мэтров заранее прошу не обижаться: кто же будет заботиться о литературной смене, ежели не мы с вами?

...В первое время все мы несколько растерялись от нападков на армию, о которых уже говорилось выше, непривычно было такое. Теперь мы сгруппировались и переходим в наступление. Отечество и ее славных ратников в обиду не дадим никому!

Характерно выступление кандидата философских наук А. Козлова в журнале «Коммунист Вооруженных Сил» (1989, № 7), оно и называется символично — «Родину заочно не защитишь». Вот что он пишет:

«По меньшей мере странно звучат за кадром слова писателя А. Адамовича, категорические осуждающие работу «афганцев» по военно-патриотическому воспитанию молодежи в школах, училищах, на предприятиях. А в сборнике «Прорыв» (М., Прогресс, 1988) раздается уже его прямой призыв к антивоенно-патриотическому воспитанию».

Можно было бы и увеличить список авторов, по мнению которых, не нужен, оказывается, разговор с молодежью о патриотизме и интернационализме, о мужестве и героизме. И вот уже вырисовалась «Экстремальная модель молодежи» (Ю. Щекочихин. ЛГ, 1988, 12 октября), от которой не то что дурно, но и больно становится. «Комсомольская правда» (1988, 20 ноября) в статье С. Соколова «Неуставные взаимоотношения на тему ходьбы стро-

ем» рассказывает о том, как в Томске, Новосибирске, Иркутске, Ленинграде, Гарту, Москве, Киеве, Ташкенте... студенты бойкотируют занятия на военных кафедрах, требуют сокращения программы по военной подготовке».

Хорошо сказано, лучше не надо. Тут и мне захотелось рассказать о том, чему был недавно свидетелем, а если бы писал статью, то и назвал бы ее «Уроки памяти».

...Когда мы с генералом армии Н. Г. Лященко, председателем Совета ветеранов Второй ударной армии, ранним солнечным утром ступили на перрон Новгородского вокзала, мне и в голову не могло прийти, что буду свидетелем того, что произошло потом через две недели, в такой же солнечный День Победы, в Мясном Бору.

Открывалась Всесоюзная Вахта памяти, и после короткой беседы с И. И. Никулиным, первым секретарем обкома партии, мы оказались на пресс-конференции.

Журналистов было много. После статьи «Правда о Второй ударной» (Советская Россия, 1987, 12 августа) эта славная газета перестала быть монополистом темы. Во весь голос заговорили и другие средства массовой информации, в частности, «Известия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Книжное обозрение», и хотя многие из них допускали грубые фактические ошибки, общественное мнение по отношению ко Второй ударной резко переменялось, все реже можно было услышать невежественно-пренебрежительное: «А, это те, которые власовцы...»

И теперь тот ручеек гражданского чувства, патриотического движения, которое началось с создания Н. И. Орловым поискового отряда «Сокол» на новгородском «Азоте», превратился в мощную реку искреннего участия в благородном деле отыскания в лесах и болотах Волховщины незахороненных останков воинов Второй ударной, в январе 1942 года спасших беспримерным наступлением Ленинград.

А их на той земле, которую освободила эта армия, лежит до сих пор непогребенными до ста тысяч человек. Не меньше — считают специалисты... Скорее — больше.

— Сегодня приступают к поискам полторы тысячи следопытов, — сказал Юлий Михайлович Иконников, председатель Всесоюзного координационного совета поисковых отрядов при ЦК ВЛКСМ. — Да еще от армии пятьсот человек... В каждом отряде — рация, военные саперы,

вооруженные новейшей техникой обезвреживания взрывоопасных объектов.

Николай Иванович Орлов всю «технику» изготавливал сам, доходил до всего природной смекалкой, учил азам следопытского дела молодых соратников. В 1968 году вышли с Дедом, как звали Орлова ребята, молодые инженеры Саша Калинин и Сергей Цветков. Сейчас с преемником преждевременно ушедшего от нас Орлова, командиром «Сокола» Виктором Глотовым ходят в благородные походы их сыновья, первый же «отец» стал секретарем парткома «Азота», второй — генеральным директором объединения.

— А всего на нашей земле остались непогребенными до миллиона тех защитников Отечества, — говорит Иконников, — которых до настоящего времени числят пропавшими без вести.

Зябко и неуютно становится от этой цифры. И стыдно, хотя вроде бы и нет твоей собственной вины, но ведь все они, и ты тоже, сыновья одного Отечества.

Как же случилось, что святые слова «Никто не забыт, ничто не забыто» превратились только в красивый внешне, но ханжеский по существу лозунг?!

Вопиющее кощунство еще и в том, что в других странах, по которым прошла с боями Красная Армия, кости наших соотечественников не белеют бездомно под дождем и ветром, их схоронили и бережно обихаживают, сам видел недавно братские могилы в ГДР. Или читаю в «Советской России» о том, как чтут в Греции могилы русских моряков, погибших в 1817 году во время Наваринского сражения. Кладбище на Сфактрии, в Пирее, у Эдессы. Приятно читать про то, как уважают наших ратников греки, но тем горше мысли о сотнях тысяч соотечественников, души которых не успокоились до сих пор. У себя на Родине нет для этих бедолаг приюта... Сейчас вот началось, и до Второй ударной, иезуитски оболганной, добрались. Так, может быть, в который раз воскликнем: «А где же раньше были?» Кто виноват в том, что души миллиона убиенных ратников неприкаянно бродят у тех мест, где положили эти герои животы за честь Отчизны, за детей и други своя?

Но, как всегда водилось на Руси, крайнего не найдешь, вроде и нет виноватых, вся наша минувшая жизнь, зачастую лишенная логики, здравого смысла, виновата. Теперь надо исправлять содеянное, отыскать всех до последнего, предать земле этих неизвестных солдат. К

великому сожалению, только у редких из них обнаруживают смертные медальоны с именами и адресом близких. И если по большому счету, то эти непогребенные мертвцы ночью должны приходиться к тем, кто обязан как можно быстрее решить эту нравственную задачу, не оставлять их в покое до тех пор, пока не успокоится каждая душа, лишенная до сих пор вечного покоя.

Об этом и сказал Владимир Антонович Цалпап, зампредоблисполкома и председатель оргкомитета Вахты памяти, другими, правда, словами. Он говорил о чувстве долга, которое так ярко проявилось в простом рабочем парне Николае Орлове, подчеркнул, что нынешних следопытов тоже никто не агитирует идти в болота на тяжкий в физическом смысле, но такой возвышающий человеческое достоинство подвиг.

Сказал проникновенное слово и генерал армии Лященко. Николай Григорьевич прибыл во Вторую ударную в конце сорок второго года, прямо из Сталинграда, когда эта особая армия, созданная специально для прорыва блокады Ленинграда, дважды уже ложилась костьми, в самом буквальном, увы, значении, в Любаньской операции и в Сенявицком сражении. В первом случае она спасла Ленинград от зимнего и весеннего штурмов гитлеровцев, которые готовил командующий группой армий «Север» фон Кюхлер, а в августовско-сентябрьских боях Вторая ударная, в которую вернулся выздоровевший генерал-лейтенант Н. И. Клыков, автор прорыва у Мясного Бора, разгромила 11-ю армию Манштейна, ее спешно перебросил Гитлер из Крыма для новой попытки захватить город на Неве.

В январе 1943 года дивизия Н. Г. Лященко соединилась с войсками Ленинградского фронта. Блокада тогда была усилиями Второй ударной армии прорвана.

— Затем в 1944 году мы наступали с ораниенбаумского плацдарма, — рассказывал генерал-армии, — освобождали Эстонию и Польшу и закончили войну в мае 1945 года, взяв города Грайфсвальд и Штральзунд, очистив от фашистов остров Рюген...

В прошлом году я побывал в тех местах, видел мирные города и села на этом красивейшем острове Балтики. Ничто не напоминает там о кровавой войне. И только в музее Грайфсвальда, который тогдашний комдив Лященко сумел пленить без единого выстрела, выставлены боевые экспонаты, там сохранена память о Николае Григорьевиче, почетном гражданине древнейшего города Гер-

мании, человеке большой и благородной, истинно русской души.

Сейчас он говорит о 24 благодарностях, которые вынесло Второй ударной Верховное Главнокомандование, о 403 Героях Советского Союза. Эти люди стали ими, сражаясь в боевых частях армии, той, которую по дремучему невежеству называли «власовской». Что может быть кошунственнее, когда имя богатырской дружины не только предано и осквернено обвинением, державшимся в массовом сознании десятки лет?!

Генерал Улыбин — заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа. Сюда он прибыл самым, пожалуй, первым. Забот у Вячеслава Дмитриевича выше головы. Его стараниями созданы три палаточных городка, три штаба, которые руководят поисковыми группами, они расположились в Замошье, Мостках и в Теремце Курляндском.

— Городки мы оборудовали со всеми удобствами, — сказал Улыбин, молодой генерал с улыбчивыми, ясными глазами, обликом напоминавший мне русских офицеров, героев Бородина и Шипки. — Электрический свет, кухни, бани. Высокопроходимая гусеничная техника, в каждой группе по два санера, рация, радиосвязь со штабом и между группами, их более сорока. Питание и обмундирование, полную экипировку следопытов обеспечиваем мы. Принимают участие в поиске и армейские подразделения.

Потом видел эти городки, говорил с ребятами. Все солидно и серьезно, как и подобает, когда в дело вступает армия. Ей бы, конечно, гораздо пораньше этим заняться, но армия действует по приказу. К сожалению, тогда были иные люди, имеющие право на приказ, новое мышление было им не по зубам. Вот и ждали бедолаги в Волховских болотах, когда придут за ними их сыновья и внуки. И главное в том, что они дождались...

Едем на встречу со старшеклассниками в 27-ю среднюю школу. Военрук Виталий Цветков и директор Ирина Евгеньевна, тоже Цветкова, они однофамильцы, Цветковых на Новгородчине особенно много, показывают музей 14-й воздушной армии, и Н. Г. Лященко резонно замечает, что в школьном музее минувшей войны ничего не рассказывается об освободителях Новгорода. Из объяснений хозяев узнаем: в военно-патриотическом воспитании учащихся Новгорода царствует такая привычная всем нам «распределювка». Вам только такую армию надлежит чтить, а вот соседней школе такой-то корпус или

соединение... И не могли ослушаться, занимайся исключительно выделенными тебе моряками или летчиками, а вот пехотой займется ПТУ, связистами — энское медицинское училище. И вот даже в таком святом деле не обошлись без заформализованной разрядки.

А ребята в школе замечательные... Они сумеют разобраться в особенностях боев за древний город, поймут, что одной авиацией дома и улицы Новгорода освободить было нельзя.

И после «царского» обеда в Детинце, который прочно захватили бессовестные кооператоры, заламывающие за «национальные» харчи а ля русс бешеные деньги, не предупредив заранее об этом, мчимся туда, где находится главная цель нашего приезда — в Мясной Бор.

Торжественное открытие Всесоюзной Вахты памяти. Выступают Сергей Епифанцев, секретарь ЦК ВЛКСМ, снова берет слово В. А. Цалпан, памятный мне еще по 1980 году, когда я приехал в Новгород, чтобы во второй раз встретиться с Н. И. Орловым. Тогда Владимир Антонович ведал идеологической работой в обкоме партии и, помнится, близко к сердцу принял мои заботы по восстановлению истины о подвиге Второй ударной. Но тогда нами в мечтах не виделось такое по размаху, как сегодняшнее торжество.

Цалпан снова говорит о помощи армии. Техника, заправка горючим, горячая еда, спецодежда, полсотни портативных радиостанций, двести палаток — и все новое, первого, так сказать, срока.

Выступал и Александр Орлов, младший брат Николая Ивановича, в отличие от покойного скромностью не отличающийся. Ни одно мероприятие не обходится без его артистически поставленной речи теперь уже оратора-профессионала. «Дело наше не одного дня, не одного года... К сожалению, их слишком много, в беспмятье брошенных солдат... Мы должны похоронить своих павших...» Правильные слова, их не оспоришь. Но в устах младшего Орлова они раздражают ветеранов благородного движения. Может быть, «соколята» излишне ревнивы к памяти ушедшего в иной мир наставника, который, сам человек величайшего такта и широкой, благородной натуры, не жаловал брательника, не унаследовавшего, к сожалению, масштабность души старшего Орлова.

Но каждому свое... Александр принимает посильное участие в организации поисков, и за это ему спасибо. А в остальном... Не каждому дано быть святым человеком.

И вот то самое место, где мыслится насыпать курган Славы, в котором и будет сооружен храм Памяти Второй ударной. Это огромная поляна, с левой стороны дороги из Новгорода в Ленинград, сразу за поселком Мясной Бор. Здесь выходила узкоколейка, которую армия построила в апреле 1942 года, когда растаяли зимники, а дивизии и бригады оказались в болотах. Именно здесь, по обе стороны узкоколейки, выходили из Долины Смерти бойцы и командиры, политруки и комиссары, почти каждый из них был ранен, но шел к своим, если мог двигаться. Выбрались немногие...

Большинство осталось там, на огромной территории освобожденного Второй ударной пространства, передовая линия которого была по окружности двести километров. До тех боевых вех — Дубовик, Красная Горка, Огорели, Пятилипы — следопыты еще не добирались, обследована едва ли треть мертвого пространства.

Но храму Памяти стоять именно здесь. Он станет центром, объединяющим три братских кладбища у Мясного Бора, и символом воинского русского духа, ибо в этой точке вырвались из неумолимых когтей серьезного противника люди беспримерного мужества, их подвиг не знает аналога в отечественной, да и в мировой истории.

...Прошло несколько дней. Участник гражданской войны в Испании воин-интернационалист Н. Г. Лященко улетел в Мадрид на открытие памятника соратникам. Такие памятники сооружены во всем мире, и вот только в нашей стране его нет. Но это уже иная тема, хотя она неизбежно вытекает из этих вот размышлений о судьбе Второй ударной. А ведь забывая о воинской славе наших предков, пренебрегая этой памятью, мы наносим ущерб нынешней армии, сегодняшнему могуществу Отечества. И совершенно справедливо заметил Карем Рапш в замечательной работе «Армия и культура»: «Память — фактор оборонный».

И вот шестого, седьмого мая стали съезжаться в Новгород ветераны и близкие тех, кто сложил головы в Мясном Бору. Эти люди приезжают поклониться могилам товарищей, отцам и братьям, молодым, так и не увидевшим внуков дедушкам, о которых сохранились в семьях лишь предания и старые, пожелтевшие от времени фотографии.

Их бесшумно встречает на вокзале Вера Ивановна Мишина, директор Музея Второй ударной, который создали патриоты объединения «Азот». И вместе с нею

Людмила Головки, ее молодая и приветливая помощница, научный сотрудник.

Неизменные гости новгородских химиков, отличающихся особым расположением к ветеранам, мне давно знакомы, хотя каждый год появляются новые люди — родственники тех, чьи имена установили недавно. Сегодня познакомился с учительницей из Сызрани. Следопыты обнаружили останки красноармейца Петра Платонова, родного дяди Антонины Алексеевны Головачевой. В медальоне хранилась записка с именем бойца и адресом родных. Вот и приехала племянница с Волги поклониться праху так и оставшегося холостяком родича, взяла с собой и дочь Катюшу, умную, пытлившую девочку, для которой поездка в Новгород останется памятью для всей последующей жизни.

Вообще, мы недооцениваем, недопонимаем, мне кажется, какое огромное психологическое воздействие оказывают на души детей вот такие Вахты памяти. Убежден, что те, кто ходит в поисковые походы, изначально останется порядочным человеком, его духовные устои не разрушат ни «порно», ни наркотический «рок», ни навязываемые нам, как ни странно, именно молодежными изданиями «материальные фетиши», эгоистические принципы «хочу жить не хуже других», дикое варварство якобы цивилизованного западного мира.

Уже вернувшись домой, поинтересовался: будут ли в программах телевидения показаны события Вахты памяти в Мясном Бору. Ничего подобного даже не планировалось... К чему тогда ханжеские разглагольствования, которыми заполнен голубой экран, о приоритете общечеловеческих ценностей? Ведь главная из этих ценностей — память о предках. О погибших же за Отечество отцах и дедах память особо священна. Нет, у нас скорее отдадут экранное время заезжему «ломехузе» с гитарой либо бывшему беглецу за куском чужого пирога на Запад и его сомнительным заявлениям, чем лишний раз расскажут о патриотической работе, без которой все мы бездарно сгинем с лица планеты.

...Традиционно всех гостей Вера Ивановна везет в Музей Второй ударной, знакомит тех, кто здесь уже бывал, с новыми экспонатами, потом азотовцы кормят приезжих вкусным обедом в столовой.

В этом году впервые приехал мой давний старший друг — Виктор Александрович Кузнецов, бывший ответственный секретарь армейской газеты «Отвага». Он при-

знавался мне прежде: «Боюсь ехать... Страшно вспоминать, как было все это». Политрук Кузнецов вышел к тому месту, где всех встречал К. А. Мерецков, правее узкоколейки. Из 33 сотрудников редакции в живых осталось только пятеро. Остальные все там — в Долине Смерти.

Теперь В. А. Кузнецов вместе с руководством Совета ветеранов Второй ударной пойдет после Дня Победы в обласполком — договариваться об отведении земельного участка под курган Славы. Место он видел, вспомнил через 47 лет, именно сюда вышел из окружения. Все сходится в одном — лучшего места для храма Памяти нет и быть не может. А тот факт, что работать над скульптурным воплощением храма согласился Вячеслав Клыков, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, автор памятников Сергию Радонежскому и поэту Батюшкову, обнадеживает. Опыт и мастерство В. М. Клыкова общеизвестны, и в этом гарантия, что мы не увидим того кощунственного безобразия, что выставили в Манеже безответственные соискатели права украсить Поклонную гору.

В просторных «Икарусах», разместившись предварительно в комбинатовской гостинице, едем по удивительно чистым улицам древнего города. Окрестность Новгорода приятно радует сердца. «Вот бы нашего Сайкина, мэра столицы, сюда!» — восклицают москвичи, исполненные стыда из-за запущенных столичных улиц и особенно захламленных мусором вокзалов. Нина Марьяновна Карабанова, медсестра из 46-й стрелковой дивизии, давно уже персонифицированная совесть Совета ветеранов, старшая нашей группы, предупреждает — по давней традиции в эти печальные дни ветераны исповедуют «сухой закон», никакого алкоголя на поминках, спиртное оскорбляет память о погибших. Так решили ветераны Второй ударной, они хорошо знают, к чему привел в нашей стране алкогольный геноцид народа. «Жидкий дьявол» страшнее, пожалуй, Гитлера. Ведь от него нет спасения, сражение с ним идет повсюду, линии фронта в борьбе за трезвость нет, фронт ныне проходит через сознание каждого. И только истинный патриот исповедует диктатуру трезвости! Культ здорового образа жизни мы просто обязаны утвердить в нашем Отечестве. Иначе всех нас ожидает погибель.

Вижу, как уважительно слушают Нину Марьяновну мужчины, как одобрительно кивают женщины, и надежда утверждается в моем сердце. Победим и этого врага, справимся с «жидким дьяволом»!

Смотрим фильм «Командант Долины Смерти». Созданный по сценарию С. С. Смирнова в начале семидесятых, он был запрещен и смыт. На экране проецируется чудом уцелевшая копия. Вижу живого Николая Ивановича Орлова... Счастье, что это возможно, но в дикторском тексте ни слова о Второй ударной армии, ее подвиге в сорок втором году. Если бы документальная лента и вышла на экраны, зрители не поняли бы, чьи останки разыскивал следопыт из Мясного Бора, клевета на Вторую ударную армию продолжала бы гулять по свету.

Почему же никто так и не осмеливался сказать о ней правду? Не смогли или не захотели? Ведь статья «Вторая ударная» появилась в «Советской России» еще в январе 1982 года, когда был жив Л. И. Брежнев, Маршал Советского Союза, кавалер ордена «Победа»...

...Над Мясным Бором синее-синее небо. Редкие кучевые облака почти не закрывают яркого солнца. Майская зелень, буйный цвет черемух, которых здесь великое множество.

Траурный митинг у братских могил. Для нас сегодня День Победы, сорок четвертый день после исхода Великого Сражения народов. Для них, лежащих в двухстах красных гробах, числом в 2729 человек, День Победы первый.

Печальная музыка траурных маршей рождается из медных труб и разносится скрест. Тысячи и тысячи людей собрались здесь. Маршал инженерных войск Сергей Христофорович Оганов и бывший красноармеец Второй ударной Федор Семенович Андриенко, первый секретарь Новгородского обкома КПСС Иван Иванович Никулин и сестра погибшего танкиста Иина Дементьевна Мазыра из далеких Черкасс, командующий войсками ЛВО генерал-полковник Виктор Федорович Ермаков и бывший «соколенок» генеральный директор «Азота» Сергей Цветков, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Виктор Мироненко и вице-адмирал Н. А. Шашков, сын начальника Особого отдела Второй ударной, человек, который первым раскрыл для меня трагическую тайну армии и подтолкнул тем самым к намерению написать о ней книгу.

Да разве всех перечислишь? Этого и не надо. Обиднее другое — мы не смогли установить имена тех, кого нашли в этот день. Несколько десятков медальонов, не во всех сохранились записи, есть и пустые. Фамилии на алюминиевых ложках, красноармейских котелках, фляжках, ноже, мундштуке... Улитин Г. И., Калентьев К. Ф.

год 1896, В. Сергеев, Чуйков, Петя Ф., Зенков, Миша Скорбач.

Александр Петрович Минаев из Башкирии, Николай Рощин из Нижнего Новгорода, Сергей Наумов с Курщины, Михаил Березин из Вятки, Петр Котельников с Красноярского края, Иван Харитонов из Ивановской области...

По всем адресам были направлены запросы, и первые родственники найденных ратников уже прибыли в Мясной Бор.

В немецком пенеале для хлорки нашли записку лейтенанта В. Г. Ширекруга: «Погибаю, но не сдаюсь».

Это верно, не сдались они на милость врага. Все они здесь теперь и вместе лягут в землю, за которую отдали жизни.

Гремят орудийные залпы. Родина хоронит их с высшими почестями. Склоняются знамена, несут на плечах красные гробы с алыми гвоздиками на крышках.

Господи, если ты существуешь, то как мог позволить так долго пребывать им в забвении?! Сколько лет лили дожди на их беззащитные и беспомощные кости, сколько ночей с тоскою всматривались пустыми глазницами в бесстрастное звездное небо их печальные черепа, разум которых превратился в некую психическую энергию, она ведь не исчезла и сохранилась в этих лесах и болотах. Нет, эти ратники вовсе не умерли, они превратились в невидимую армию защитников Земли Русской. И до сегодняшних похорон несли беззаветно преданные ей войны беспримерную полувековую службу.

Опускаются гробы, сыплется на них сухой волховский песок.

Гремят артиллерийские залпы. Это последние для них выстрелы Великой Отечественной войны. Она ведь не закончилась для пропавших без вести и продолжалась все эти годы, пока они лежали там, где застала их смерть. Солдатская смерть в жестоком бою.

И только сегодня пришел покой. Пусть через десятилетия, но Родина с почетом и честью похоронила вас.

Спите спокойно, достойные сыны Отечества... Пусть святая новгородская древняя земля будет для вас пухом.

Вечная вам память.

...Вот и состоялась наша первая с вами встреча, дорогие читатели. Хочу в завершение ее напомнить вам пророческие слова Федора Михайловича Достоевского.

«Наш народ хоть и объят развратом, — писал великий ум России в февральском «Дневнике писателя» за 1876 год, — а теперь даже больше чем когда-либо, но никогда еще в нем не было безначалия... Идеалы в народе есть и сильные, а ведь это главное: переменятся обстоятельства, улучшится дело, и разврат, может быть, и соскочит с народа, а светлые-то начала все-таки в нем останутся незыблемее и святее, чем когда-либо прежде. Юношество наше ищет подвигов и жертв».

Воистину так и есть, на том стоим и стоять будем!

Ваш Соотечественник

„КРАСНАЯ ЗВЕЗДА“

ежедневная газета
для НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН!

Триста номеров в год информации о жизни славных наших **ВООРУЖЕННЫХ СИЛ!** Острые статьи по всем армейским проблемам, яркие очерки о мужественных ратниках, репортажи с боевых учений, рассказы о мирном бытии гарнизонов.

А каков наш потенциальный противник? Какие планы против Отечества вынашивает он? И об этом узнаете, если подпишитесь на «**КРАСНУЮ ЗВЕЗДУ**»! Она по-прежнему полна и полна энергии, хотя газете отроду всего лишь 65 лет!

А с **НОВОГО ГОДА** у «Красной звезды» появится и «**СЫН ОТЕЧЕСТВА**» — приложение, в котором вас ждут необыкновенные приключения, остросюжетные повести и рассказы. Их передадут новорожденному и авторы вот этих сборников «**Военных приключений**», один из которых вы держите сейчас в руках...

Подписывайтесь на **КРАСНУЮ ЗВЕЗДУ**!
Это газета для настоящих мужчин!

Родился в Москве в 1947 году, окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, работал в МУРе. Кандидат юридических наук, подполковник милиции, автор романа «Волос ангела», повести «Операция Эскориал» и ряда других остросюжетных произведений. Лауреат конкурса МВД СССР. Живет и работает в Москве.

Василий ВЕДЕНЕВ

ЧЕЛОВЕК С ЧУЖИМ ПРОШЛЫМ

Приключенческий роман

Шестого июля 1939 года, около четырех часов дня, напротив ворот поместья Каринхалле в Германии остановился большой автомобиль. Его единственный пассажир — крупный шведский промышленник и инженер Биргер Далерус — с нескрываемым интересом всматривался сквозь лобовое стекло в очертания замка. Да, именно замка!

Четыре года назад, когда Далерус познакомился с Германом Герингом, первой женой которого была шведская баронесса, ему довелось побывать в поместье рейхсмаршала. Но тогда здесь стоял лишь грубо построенный дом из балок, напоминавший стилем северные блокгаузы. Теперь же перед взором изумленного шведа был высокий забор, окаймлявший дорогу, ведущую через парк к дворцу. На его столбах внимательный глаз инженера отметил замысловатые украшения и бронзовые скульптуры.

Около дворца трудились множество рабочих, занятых расширением пристроек к крыльям замка.

Встретивший шведского промышленника дворецкий провел его по анфиладе комнат, показав роскошный кинотеатр в полуподвале, пивной зал, оформленный в древнегерманском стиле, и гигантский кабинет хозяина, сплошь увешанный картинами старых мастеров.

«Спектакль, — неприязненно подумал швед, следуя за дворецким, бесшумно движущимся по узорному паркету. — Навязчиво подчеркивают изменения, произошедшие с момента моего последнего визита. Хотят показать, что произошло с национал-социалистскими руководителями с тех пор, как они взяли власть? Или намекают на незыблемость германской империи?»

Наконец дворецкий остановился около высоких дверей.

— Господин Далерус, рейхсмаршал просит его извинить. Сегодня, на пять часов, назначен прием, на который приглашены знаменитости немецкого театра и кинематографа. Поэтому рейхсмаршал не сможет уделить вам много времени. Прощу... — и дворецкий с легким поклоном распахнул створки.

В большом зале прохаживались несколько офицеров штаба Геринга в белоснежных мундирах и белых штблетах. Рейхсмаршала не было. Швед сделал несколько шагов вперед, сдержанно поклонился. Офицеры в ответ вскинули руки в нацистском приветствии. Открылись двери в противоположном конце зала, и вошел Геринг. Тучный, краснолицый, в обтянувшем его непомерный живот, увешанном орденами мундире из светло-голубой замши. Небрежно кивнув присутствующим, он знаком отозвал Далеруса в сторону. Не говоря ни слова, вопросительно уставился на него отеками глазами.

— Господин рейхсмаршал... — негромко начал швед заранее приготовленную речь. — Не далее как второго июля я встречался с некоторыми моими друзьями в «Констительюшнел клуб», где мы обсудили сложившееся положение в международной политике. Мои друзья занимают весьма видное положение в английском обществе и ясно резюмировали мнение общественности — в дальнейшем Англия не потерпит наступательных акций Германии! Я уже неоднократно замечал, что в вашей империи имеется склонность игнорировать нежелательные сообщения. В этой связи я счел долгом сообщить это мнение английской общественности и высшим кругам Германии.

Геринг молчал.

— Как представляется, сейчас необходимо сделать все, чтобы избежать войны... — немного помедлив под сонным взглядом рейхсмаршала, продолжил Далерус. — Я уполномочен английскими друзьями предложить вам провести встречу, в ходе которой вы и несколько других членов германского имперского правительства могли бы

осуществить переговоры с располагающими полномочиями английскими государственными деятелями.

Геринг молчал.

— Я прошу вас дать ответ о возможности такой встречи.

Геринг молча кивнул и вышел из зала; следом за ним ушли его офицеры. Дворецкий проводил шведского промышленника до машины, любезно открыв перед ним дверцу.

...Восьмого июля Далерус наконец получил официальное уведомление Геринга, что Гитлер дал согласие на встречу. Воодушевленный первым успехом, швед стал заниматься организацией проведения переговоров представителей двух империй. Для совещаний он предложил дом, принадлежащий его жене и расположенный в провинции Шлезвиг-Гольштейн, недалеко от датской границы. Промышленник не предполагал, что «историческая» встреча будет проходить на земле, в честь которой назван один из мощных боевых кораблей военно-морских сил Германии, прославившийся через полтора месяца тем, что он выпустил из жерл пушек первые снаряды второй мировой войны.

...Встреча состоялась седьмого августа. С немецкой стороны прибыли рейхсмаршал Геринг, генерал Боденшатц и доктор Хюттл. С английской — семь высокопоставленных представителей деловых кругов. Едва успев начать переговоры, они недвусмысленно заявили: если Германия попытается снова захватить чужую территорию, Британская империя встанет на сторону Польши.

Геринг, тряся обвисшими, как у бульдога, щеками, дал «честное слово солдата» и государственного деятеля сделать все от него зависящее для предотвращения войны, не упустив при этом возможности вставить в речь слова о том, что он располагает самой сильной авиацией в мире!

Утром англичане убыли на Острова, чтобы доложить о ходе переговоров в «Форин оффис» — министерстве иностранных дел.

...К двадцать третьему августа 1939 года Гитлер закончил приготовления к войне и срочно вызвал в ставку, расположенную в Оберзальцберге, высших руководителей вермахта¹.

¹ Текст выступления Гитлера 23 августа 1939 года на совещании в Оберзальцберге был найден после поражения нацистской Германии в архивах ставки во Фленсбурге.

— Я для того созвал вас сюда, чтобы еще раз бросить взгляд на детали моего решения...

Фюрер заметался по кабинету, сжимая и разжимая кулаки.

— Из побудительных причин нужно выделить две: мою личность и личность Муссолини. В сущности, от меня зависит все — от моего бытия, от моих политических способностей. В будущем наверняка не встретится человек с большим авторитетом, чем у меня. Следовательно, мое существование является очень ценным фактором! Однако я в любой момент могу пасть жертвой покушения преступника или безумца. Другим личным фактором является дуче. Его существование имеет тоже решающее значение. Дуче — человек с самыми крепкими нервами в Италии. Учитывая эти авторитетные факторы, на другой стороне перед нами разворачивается негативная картина. В Англии и во Франции мы не находим выдающихся личностей. Руководители наших противников остаются на уровне значительно ниже среднего, не являются людьми действия. Наряду с личными факторами для нас благоприятно также политическое положение. Все эти благоприятные обстоятельства не будут существовать через два-три года. Никто не может знать, до каких пор я проживу. Поэтому лучше, если столкновение произойдет сейчас...

Гитлер остановился у стола, опершись на его крышку кончиками слегка подрагивающих от нервного возбуждения пальцев. Медленно обвел собравшихся выпученными глазами. Лица и спины генералов и высших сановников рейха закаменели.

— Наши отношения с Польшей становятся невыносимыми! — неожиданно выкрикнул фюрер тонким фальцетом, сделав резкий жест левой рукой. — Сейчас еще большая вероятность того, что Запад не вмешается. Поэтому мы должны встать на путь смелых действий с беспощадной решительностью. Нужны стальные нервы, твердая, как сталь, решимость... Я боюсь только того, — внезапно сникнув, едва слышно проговорил Гитлер, — что в последний момент какая-нибудь свинья вылезет с предложениями о посредничестве.

...Вечером того же дня Геринг позвонил Далерусу и попросил его приехать в Берлин. Шведский промышленник не замедлил откликнуться и двадцать четвертого августа встретился с Герингом, который отлично знал: война неминуема. Однако, тщательно скрывая это от шведа,

рейхсмаршал попросил того отправиться в Лондон. Гордый миссией миротворца, Далерус прибыл к министру иностранных дел Британской империи лорду Галифаксу и был им принят.

— Сегодня в полдень наш посол в Берлине говорил с Гитлером, — доверительно сообщил лорд. — Надеюсь, что соглашение все же возможно. Я готов написать письмо Герингу с подтверждением намерений Англии мирно решать дела на континенте.

...Двадцать шестого августа Далерус вновь встретился с Герингом в салон-вагоне личного специального поезда рейхсмаршала и вручил ему письмо лорда Галифакса. Ровно в полночь Геринг передал послание Гитлеру. На другой день Далерус опять вылетел в Лондон. Ночью он был принят фюрером и вез в портфеле предложения немцев: «Германия дает гарантию относительно того, что она силами вермахта будет защищать Британскую империю, где бы ни постигло ее нападение; Германия желает заключить с Англией договор или союз; Англия должна помочь Германии овладеть Данцигом и польским коридором».

...Двадцать шестого августа, вроде бы отошедший в сторону от политической борьбы, а на самом деле только выжидавший удобного момента, чтобы взять верховную власть в Британской империи в свои веснушчатые пухлые руки, Уинстон Леонард Спенсер Черчилль вернулся из Франции на Острова, почуяв неминуемый политический и военный кризис, который должен был привести его наверх.

До начала Второй мировой войны оставалось пять дней. В России убирали созревшие под мирным небом хлеба, во Франции давили виноград, поляки, уже с апреля испытывавшие постоянные провокации немцев, не верили еще в возможность войны.

В ночь на первое сентября в польских деревнях справляли «дожинки». Старый и славный народный праздник, от которого, казалось, всегда веяло ароматом свежеспеченного хлеба и зерна нового урожая, взятого из полного, после недавнего обмолота, амбара; праздник, после которого ждали студеной, снежной зимы; праздник, на котором хозяева, садясь за стол, клали на домотканые скатерти тяжело гудящие натруженные руки, а женщины, весь день хлопотавшие у печи, разгибали наконец, сладко потягиваясь, согнутые в бесконечных заботах по дому и на жнивье спины. Солдаты тоже не спали в казармах,

особенно новобранцы из селян. Даже муштра на плацу, ежедневные утомительные занятия и марши не могли их заставить забыть про «дожинки». Солдаты тихо перешептывались в темноте, примолкая, заслышав шаги дневальных.

...Первого сентября 1939 года в четыре часа сорок семь минут утра майор Сухарски, командир польской части Вестерплатте под Данцигом, послал в военное министерство в Варшаву сообщение по радио: «Немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн» в четыре часа сорок пять минут открыл по порту огонь из всех орудий. Обстрел продолжается. Жду ваших указаний».

В этот же час силы вермахта начали наступление на территорию Польской республики на всех участках границы. Вскоре, подавив сопротивление, немецкие танки, окрашенные в зловеющий черный цвет, вышли на дорогу к Ченстохове.

Гауптман Фабиан, удобно расположившись за складным столиком в полевом радиоцентре, задумчиво водил острой ножкой циркуля по крупномасштабной карте Польши. Жирно проведенные красным карандашом стрелы на сероватой немецкой карте обозначили путь, по которому двигались мотомеханизированные группы абвера под командованием опытных офицеров Шнейдера, Булана и Енша, получивших приказ внезапным ударом парализовать разведцентры противника и захватить имеющиеся в них материалы.

Иголочка циркуля, мирного, блестящего никелем чертежного инструмента, сделанного из крупновской стали, безжалостно втыкалась в пройденные специальными группами пространства чужой территории, оставляя на бумаге ровные дырочки, словно отметки пулеметных очередей с машин люфтваффе, повисших над дорогами. За спиной гауптмана попискивала рация — командиры групп каждые полчаса сообщали о ходе операции. Один из радистов немного повернул верньер настройки приемника. Из динамика рванулся резкий, захлебывающийся на высоких нотах, голос.

— Прибавьте громкость, ефрейтор! — не оборачиваясь, приказал гауптман. — Говорит фюрер!

...В десять часов утра Гитлер выступил с речью в рейхстаге.

— Сегодня ночью немецкая территория была обстреляна солдатами Польши. С пяти часов сорока пяти минут мы отвечаем на обстрел, и, начиная с данного момента,

мы оплатим бомбой за каждую бомбу! — напрягая на длинной жилистой шее взбухшие веревками вены, кричал фюрер с трибуны, не зная, что по халатности чиновников, готовивших речь, в нее вкралась ошибка по времени на целый час. Но даже если бы он и узнал об этом, то только презрительно скривил бы рот под усами-щеткой: какая разница, часом раньше или позже приступить к окончательному покорению всей Европы, всего мира!

Началась Вторая мировая война.

Глава I

Переходя улицу, пан Викентий незаметно оглянулся. Так и есть — подозрительный тип, увязавшийся за ним на перекрестке, не отставал — прохожих было немного и обнаружить слежку не представляло особого труда, к тому же преследователь не особо прятался. Сделав равнодушное лицо, он упрямо шагал и шагал за паном Викентием, останавливаясь, когда останавливался тот, и снова двигаясь следом, когда Марчевский отходил от стены с наклеенным на нее очередным приказом военного коменданта или вставал с еще не просохших после недавно сошедшего снега — середина марта — садовых скамей на скверах.

И, как на зло, ни одного трамвая! Можно было бы на ходу вспрыгнуть на площадку, а потом, так же внезапно, соскочить и скрыться в проходных дворах. Или доехать до конечной остановки на окраине и там избавиться от назойливого соглядатая другим способом. Не тащить же за собой хвост к квартире Зоси? Только этого не хватало! В том, что хвост прицепился к нему не при выходе из подъезда Зосино дома, пан Викентий был полностью уверен. Он всегда тщательно осматривал улицу, прежде чем выйти, — сначала из окон квартиры, потом из окна лестничной площадки и через стекло двери парадного. Да и кому знать, что он сейчас живет у Зоси? Эта квартира была занята ею уже после начала войны, и просто счастливая случайность свела их вместе в начале октября тридцать девятого. Иначе не нашел бы ее в жуткой круговерти кровавых событий столь скоротечной и столь же позорной войны.

Жены пан Викентий лишился в первую же бомбежку. Был дом, семья, уважение сослуживцев, заманчивые

перспективы в продвижении по ступеням лестницы, ведущей наверх, к новымчинам и наградам, а теперь нет ничего. Кроме Зоси — доброй, милой Зоси. И ненависти. Нет, не той ненависти — яростной, туманящей мозг и бросающей с саблей в руке впереди эскадронов улан на немецкие танки, а другой — расчетливой, холодной, со-сущей изнутри сердце, гложущей, как червяк, денно и ношно, в неутолимой жажде ударить по врагу побольше и как можно больше раз, храня себя для новой и новой мести... Пусть даже придется долго ждать удобного момента. Но миг этот будет, обязательно будет! По крайней мере, пан Викентий сделал все для того, чтобы такой момент наступил поскорее.

Сегодня он уже второй раз приходил на условное место для встречи со связником. Тот должен был ждать его начиная с 1-го числа этого месяца по понедельникам, средам и пятницам ровно в половине второго часа дня в маленьком помещении касс кинотеатра «Зевс». В это время редко бывали посетители, желающие приобрести билет на просмотр немецкой кинохроники или старого фильма про ковбоев. Не те времена — сейчас людям не до кино. Поэтому для встречи Марчевский избрал именно кассы кинотеатра — меньше возможности для случайных совпадений, поскольку он и связник не знали друг друга в лицо. Только условные знаки для опознания друг друга и пароль.

Но связник не появлялся. Может быть, посланец Марчевского не дошел до новых друзей. Или ему не поверили? Нет, должен был прийти, должны верить — пан Викентий нашел именно такого человека, который и дойдет и вызовет доверие у тех, кто теперь должен стать его друзьями.

Надо избавляться от непрошеного спутника на прогулке. Марчевский знал, что его ищут. Ищут разные люди и с разными целями. С одними он сам желал встретиться, с другими — нет. Увязавшийся за ним господин в темном пальто и широкополой шляпе был явно не из тех, с кем пану Викентию хотелось бы увидеться. Марчевский прибавил шагу, направился в сторону тихих улочек, скрывавших развалины от прошлогодних бомбежек. Больше не оглядывался — понял, что тин в широкополой шляпе так просто не отвяжется.

Пан Викентий невесело усмехнулся — многие из хорошо известных ему приемов избавления от слезки оказались непригодными в условиях оккупации. Но первая

растерянность уже прошла. Мозг работал четко, выскивая наилучший вариант. Однако тревожное чувство, возникшее, когда он заметил господина в темном долгополом пальто, не исчезало, а наоборот, усиливалось. Ни к чему сейчас такие приключения, ни к чему. Слишком многое поставлено на карту, сделан важный ход, даже не ход... Принято серьезное решение и осуществлены меры для его реализации, а тут возникают осложнения. Сначала надо бы дождаться ответа на сделанные предложения и только потом встречаться с кем бы то ни было. Марчевский с сожалением вспомнил о Мокотовском поле в старой, еще довоенной Варшаве. Вот где было удобное место для встреч и неожиданных исчезновений! Там собирались тысячи людей, преимущественно безработных, которым некуда было девать свободное время. Некая своеобразная, стихийно возникшая биржа с неограниченным выбором дешевой рабочей силы. В толпе проще простого затеряться. Но сейчас не было ни Варшавы, ни Мокотовского поля... Была полупустая улица без трамваев, редкие прохожие, жавшиеся к домам, быстро шагавший по грязному, покрытому лужами асфальту тротуара Марчевский и его молчаливый преследователь.

Сзади послышался рокот моторов. Марчевский оглянулся — на улицу втягивалась моторизованная часть немцев. Пятистые тенты огромных грузовиков опущены, глухо гудят бронетранспортеры, стрекочут подпрыгивающие на булыжной мостовой мотоциклы, разбрызгивая далеко в стороны грязь из-под колес.

Не стоило лишний раз искушать судьбу, и пап Викентий свернул за угол. Там, как он помнил, было кафе, в котором ему доводилось раз-другой выпить чашечку кофе. Тихое, по-домашнему уютное, с большой пальмой в деревянной кадке, стянутой ржавыми обручами, с темным паркетным полом и маленькими столиками на двоих, покрытыми разноцветными скатертями.

К счастью, маленькое кафе оказалось целым и было открыто. Еще раз оглянувшись на казавшуюся бесконечной колонну немецких войск, Марчевский толкнул знакомую дверь.

Кадка с пальмой стояла на старом месте, в углу. Правда, развесистая крона слегка пожелтела и пожухла, острые длинные листья поникли, как сложенные веера. Столики, за которыми сидели немногочисленные посетители, уже не покрывали разноцветные скатерти и, самое

главное, как отметил про себя пан Викентий, совсем пропал запах — дразнящий, вызывающий аппетит и предвкушение праздника запах шоколада, ванили и хорошего кофе, сваренного по-варшавски.

Подойдя к стойке, за которой пожилой хозяин перебирал пластинки, решая, какую из них поставить на старенький патефон, Марчевский попросил кружку пива и бутерброд. Хозяин, не удостоив его взглядом, молча кивнул и, остановив выбор на одной из пластинок, бережно насадил ее на штырек патефонного круга. Склонив голову на бок, словно прилежный ученик, выводящий в тетради заданные строгим учителем чистописания упражнения, он начал заводить патефон, шевеля губами и отсчитывая обороты ручки — ровно двадцать четыре. Тихо опустил на черный диск иглу и, взяв полотенце, начал протирать кружку.

Пан Викентий сразу узнал любимое им танго Ежи Петербургского. Вот вступил аккордеон, легко полилась мелодия, подхваченная саксофоном, женский и мужской голоса запели дуэтом о синих цветах разлуки и давно ушедшей любви. «Как много и как мало отпущено человеку в жизни. Сначала он спешит вперед, а потом начинает сожалеть о прошлом, живя воспоминаниями о былом», — подумал Марчевский, беря кружку с дурным — видно было уже по пене — пивом, небрежно подвинутую к нему по прилавку хозяином. На маленькой сервировочной тарелочке появился бутерброд — серый кусок хлеба с тонким слоем маргарина и крошками паштета неизвестного происхождения. Скорее всего, из конины.

Танго напомнило о поездке с женой в Париж, выступление молодого, малоизвестного шансонье Жана Габена, исполнявшего под аккомпанемент аккордеона песни парижских окраин и рабочих кварталов. Тогда, после концерта, покойная жена сказала, что знает о Зосе. Как честный человек он должен сделать выбор: семья или любовница. Выбор за него сделала война. Хорошо еще, что остались живы дети и их удалось отправить из Варшавы в деревню, к дальним родственникам жены. А Янина не убереглась. Судьба? Когда-нибудь, правда, видимо, еще очень не скоро, война кончится, а дети подрастут. Смогут ли они понять его, принять Зосю, если, конечно, все они останутся живы. Стоит ли сейчас, надрывая сердце, думать об этом?

Размышления оборвал стук входной двери. Вошел тот самый, в длинном темном пальто и широкополой шляпе. Ничем не примечательное лицо. Скосив глаза, пан Викентий бросил взгляд на его ноги — хорошая обувь. Сохранилась с довоенной поры или его подозрения верны? Такие ботинки обычно носят немцы.

Тем временем мужчина в широкополой шляпе прошел в глубь зала, присел за столик, достал дешевые сигареты. Снял шляпу, обнажив рано облысевшую голову с редкими рыжеватыми волосами. Протянув длинную руку, взял с соседнего столика оставленные кем-то газеты.

Снова стукнула дверь. Вошел еще один посетитель. Цепко прощелся глазами по стоявшему у стойки Марчевскому и присел за столик у двери, вытянув ноги в хорошо начищенных сапогах.

Пан Викентий успел перехватить быстрый и вроде бы равнодушный взгляд, брошенный на лысого. Тот едва заметно кивнул в ответ. Или показалось? Но все равно, пора уходить. Если второй из тех, кто взялся за ним следить, то его обкладывают серьезно.

— Эти двое идут за мной... — тихо сказал Марчевский хозяину. — Пан может показать второй выход?

Ответа он ждал с замиранием сердца — сейчас, в оккупации, наступило время недоверия, и кто знает, как поведет себя хозяин кафе. Сделает вид, что ничего не слышал? Тогда придется снова петлять по улицам, и еще не известно, чем все закончится. Очень плохо, что второй в начищенных сапогах — на улице грязь, — значит, он вышел из машины. Если есть второй выход — можно попробовать оторваться от слежки.

Хозяин, опустив голову с ровным пробором в седых волосах, почти не разжимая губ, прошептал:

— Идите в туалет... Крайняя левая cabina...

Марчевский, благодарно поглядев на хозяина кафе, пошел к скрытой потертыми плюшевыми занавесками двери, ведущей в туалет.

Мужчина в начищенных сапогах проводил его настроженным взглядом, лысый отложил газеты.

Быстро захлопнув за собой дверь кабинки, пан Викентий увидел в стене, почти под потолком, небольшое оконце. Без решеток, без рамы, просто вентиляционная дыра, в которую, хотя и с трудом, можно протиснуться. Он встал ногами на унитаз и подтянулся, схватившись за край отверстия.

Свернув потуже пальто, он вытолкнул его наружу, потом вылез сам и очутился в захламленном дворе, выведившем в развалины. Не отряхивая грязного пальто, на ходу влезая в рукава, Марчевский торопливо пошел по тропинке между разбитыми стенами домов, стараясь уйти как можно дальше от кафе. Жаль, что не расплатился с хозяином, но если все будет в порядке, он вернет долг. И за пиво с бутербродом, и за указанный путь к спасению.

...Мужчина в начищенных сапогах подошел к стойке. Брезгливо сдвинув в сторону кружку с недопитым пивом и тарелку с нетронутым бутербродом, ухватил хозяина за вязаный жилет, притянул к себе.

— Знаешь его? Отвечай, свинья! — спросил он по-польски с немецким акцентом. — Часто он здесь бывает?

Старик взглянул через его плечо в зал. Лысый, уже успевший проверить туалет, прошмыгнул мимо них на улицу. Там громко заурчал мотор автомобиля.

— О, тең пан? — хозяин сделал слабый жест в сторону потертых плюшевых занавесей.

— Да, да! — заорал немец. — Быстро!

— Тең пан перший раз об эту пору трапезуе...

Пальцы мужчины в начищенных сапогах скрутили жилет на груди хозяина ту же, потом вдруг разжались, оттолкнув старика. Не удержавшись на ногах, тот упал; завзевев, посыпалась на пол мелочь из сбитого им при падении ящика деревянной кассы, стоявшей на табурете за стойкой. Немногочисленные посетители кафе притихли. Немец, зло смюнув, быстро вышел. Торопливо бросая деньги на стойку, начали выходить один за другим остальные посетители. Старый хозяин тяжело вздохнул и, подняв ящичек кассы, начал ползать на коленях по полу, собирая мелочь. Губы его горько кривились.

...Развалины кончились быстро. Тщательно отряхнув пальто, Марчевский осторожно выглянул из-за обломка стены с сохранившейся штукатуркой. Перед ним — никого. Слева в конце улицы торчала знакомая фигура в длинном пальто и широкополой шляпе. С другой стороны его ждал тот, в начищенных сапогах. Он медленно прохаживался по тротуару, сунув руки в косые карманы полупальто из коричневого бобрика. Значит, они вместе и у них есть машина. Что ж, игра пошла серьезная. Если бы его хотели задержать — взяли бы прямо на улице еще

час назад или в кафе. Нет, им надо знать, где он живет теперь, куда пойдет. Поэтому брать пока не станут. Или он ошибается? Может быть, стоит вернуться назад, пройти через развалины на улицу, где располагается кафе? Но там могут ждать другие. И все же стоило рискнуть.

Дзельница — квартал небольшой, и вполне можно успеть раньше немцев. В том, что это немцы, пан Викентий уже не сомневался. Но уверенность, которая глубоко в тебе, это еще не есть истина! Возможна и ошибка. Поэтому идти на обострение — стрелять в преследователей — Марчевский не хотел. Нет, стрелять только в самом крайнем случае — когда не будет иного выхода. Хотя кто это может быть, кроме немцев?

Быстро повернувшись, он пошел по знакомой тропке обратно. Вот и выход на улицу. Теперь, не оглядываясь, не привлекая к себе внимания, пройти по тротуару до угла к остановке или зайти в любой подъезд и там подождать трамвай...

Ступив на тротуар из-за глыбы битого кирпича с мертво впаявшимися в нее причудливо изогнутыми взрывом бомбы железными балками, он невольно вздрогнул. Навстречу ему, мерно печатая шаг, двигался патруль эсэсовского взвода комендатуры. Прижавшись спиной к остаткам стены, Марчевский пропустил их. Немцы прошли мимо совершенно равнодушно, даже не удостоив его взглядом.

Лоб стал мокрым. Сунув руку в карман пальто за платком, пан Викентий наткнулся пальцами на холодный металлический предмет. Ключ! Ключ от проходного парадного! Как он мог забыть о нем! По приказу коменданта подъезды не запирались, но замки в дверях сохранились, и у него есть ключ от замечательного парадного! Поднявшись по лестнице, можно через второй этаж пройти в другой дом, откуда легко попасть в систему проходных дворов, выход из которых в неприметной подворотне через две улицы. Прекрасно! Самое прекрасное, что дом с замечательным парадным недалеко отсюда. Потом можно будет подождать трамвай. А приехав в тихую Зосину квартирку, выпить кофе, покурить и не спеша подумать, проанализировать, уяснив для себя: как он мог оказаться в поле зрения немецкой наружной службы. Гестапо, СД, абвер? Скорее, последнее. Наверняка именно эти господа желают видеть его как можно скорее.

Марчевский направился в сторону центра. Сворачивая за угол, бросил быстрый взгляд через плечо.

Дьявол! Метрах в ста позади мелькнули знакомое длиннополое пальто и темная шляпа. Вцепился, клещ! Надо признать: работают грамотно.

Перебежав улицу, он нырнул под арку ворот большого здания и через минуту очутился в тихом узком переулке.

Впереди темнела толпа людей. Он невольно замедлил шаг, заметив вооруженную охрану. Что это, облава? Но тогда почему не слышно криков, лай свирепых немецких собак, не бегут навстречу испуганные люди?

Подойдя ближе, Марчевский разглядел понурых людей в плохой одежде. У многих были нашиты на рукавах голубые шестиконечные звезды. Полицейские в синих мундирах и двое немцев с карабинами лениво покуривали, наблюдая, как арестанты сдирают со стен остатки палеппленных осенью плакатов.

На одном из них был изображен маршал Рыдз-Смиглы, поднявший булаву, похожую на детскую погремушку. Из-под его правой руки выезжали колонны танков, из-под левой — выплывали оцетинившиеся орудиями корабли, внизу частым гребнем сверкали штыки марширующих батальонов, а над головой пролетали эскадрильи самолетов.

Плакат был сделан на хорошей бумаге, приклеен к стене дома на совесть, и теперь, понукаемые окриками конвоиров, арестанты с трудом отдирали не поддавшиеся даже дождям и снегу призывы бывшей Польской республики. Долше всех продержался лоскут бумаги с рукой Рыдз-Смиглы, зажавшей булаву-погремушку. Но вот и он был соскоблен со стены.

Пан Викентий снова оглянулся — как там лысый? Тот шел следом, четко соблюдая дистанцию. Интересно, не крикнет ли он охранникам-немцам или полицейским? Нет, промолчал.

Марчевский ускорил шаг. Да, вот что осталось от пустой болтовни урядительства о сильной обороне: одни плакаты... А ведь сколько было разных добровольных обществ, призванных помочь армии! Вспомнить хотя бы лигу воздушной обороны государства — «Польские крылья». Все население сдавало деньги, но самолеты так и не построили. Не на эти ли деньги господина из бывшего правительства сейчас живут в Лондоне? Действительно, в руках генералов оказалась не грозная булава, а детская

погремушка... Подойдя к знакомому подъезду, он наклонился, сделав вид, что ту же затягивает шнурок ботинка. Лысый, в долгополом пальто, тоже остановился, шаря по карманам будто бы в поисках спичек — в губах зажата сигарета. Второго, в начищенных сапогах, нигде не было видно. Ждет, чтобы сменить уставшего коллегу, двигаясь следом в машине? Хорошо, если так. Даже на машине они не успеют выскочить на ту улицу, куда сейчас выйдет пан Викентий.

Удача! Одна из створок массивной двери заветного подъезда была плотно притворена и закрыта изнутри на шпингалеты. Только захлопни дверь, вставь ключ, поверни его и... ты свободен от назойливого внимания. Но вдруг замок не работает? Все равно стоит попробовать. Следом за ним лысый в подъезд не сунется — побоится засады. Кроме того, немцы аккуратисты: раз их обучали сразу за объектом наблюдения не входить, так они и поступят. Прекрасно! Тогда — вперед.

Притототив в кармане пальто ключ, Марчевский неожиданно свернул в подъезд. Ключ легко вошел в замочную скважину. Теперь захлопнуть тяжелую дверь. Повернется ключ в замке или... Повернулся. Взбегая вверх по лестнице на второй этаж, пан Викентий представил себе растерянное и глупое лицо лысого, когда тот будет ломиться в двери закрытого подъезда, метаться по улице, торопливо совещаться с панарником, кидаясь в разные стороны в поисках исчезнувшего поляка, которого они «пасли».

Теперь придется высидеть дома неделю-другую, не выходя на улицу. Пусть думают, что он уехал из города. Не станут же немцы прочесывать квартал за кварталом, дом за домом, квартиру за квартирой. Хотя с этих господ станется — когда им очень нужно, они готовы на все, а Марчевский знал, что он им очень нужен.

...Он выкурил, наверное, пять сигарет, спрятавшись в глухом парадном полуразрушенного дома, откуда прекрасно виден подъезд, в котором была квартира Зоси. И, только убедившись, что все в порядке, пан Викентий быстро перебежал улицу и шмыгнул в подъезд, аккуратно придерживая за собой дверь.

...Мужчина в бобриковом полупальто и начищенных сапогах, сняв фуражку, вытирал скомканным носовым платком, зажатым в левой руке, потную шею. Правой он прижимая к уху телефонную трубку. Наконец на том конце провода ответили:

— Здесь Ругге!

— Докладывает Восьмой! — привычно вытянулся мужчина. — Сообщение подтвердилось. Мы пугнули его неприкрытым наблюдением. Он два раза довольно умело срывался с крючка, но в конце концов привел в адрес, указанный агентом... Нет, прежде чем войти, он тоже проверился, только нас не обнаружил. Мы разделились — Штубе гнал его по улицам, а я ждал в адресе... Нет, он уверен, что ушел... Да, контактов не имел... Есть!

Положив трубку на рычаги, мужчина вытер платком лоб, достал сигареты и, опустившись на жесткий стул, неторопливо закурил, с наслаждением выпустив струю синего дыма первой, как он считал, самой сладкой, затяжки.

...Поднявшись по лестнице, пан Викентий некоторое время постоял, чутко прислушиваясь. Тихо. Достав из кармана ключи, он бесшумно открыл дверь и, толкнув ее кончиками пальцев, подождал, стоя за порогом. В прихожей было сумрачно и пусто. Войдя, он запер за собой дверь и, прислонившись к ней спиной, негромко засмеялся. Ему снова удалось уйти живым и невредимым, оторваться, не притащить к последнему убежищу хвоста.

Марчевский снял шляпу и пальто, повесил на вешалку. Зажег свет, подошел к зеркалу. Трюмо бесстрастно отразило высокого худощавого мужчину с ранней сединой на висках, глубоко посаженными усталыми глазами, окруженными сеткой мелких морщин. Он потер ладонями щеки. Раньше у него не было таких морщин под глазами. Никто не давал ему на вид больше тридцати семи — тридцати девяти. А на самом-то деле он уже справил сорок семь. Нет, видно, нелегальный образ жизни все же не для него. Или не для мужчин его возраста? А может быть, стоит прибавить к этому, что нелегко быть нелегалом в период немецкой оккупации, когда существуют такие учреждения, как гестапо?

Отходя от трюмо, с гордостью подумал, что есть еще силачка и ловкость — не каждый в его возрасте сможет выдержать такое нервное и физическое напряжение, какое пришлось вынести за сегодняшний день. И от чувства радостной удачи даже прицелкнул пальцами. Погасив свет, хотел пройти в комнаты, но передумал и присел на пуфик, достав сигареты.

Закурив, блаженно откинулся назад, упершись затылком в стену. Но тут же вскочил на ноги. Ему послышались голоса в гостиной: громкий Зосин смех и вкрадчи-

вый пизкий мужской голос. Кто там может быть? Зося никого не принимает, да и какие сейчас гости, когда введен полицейский час, устраивают облавы на улицах... Пан Викентий посмотрел на вешалку. Висели там только его и Зосины вещи.

Сунув сигарету в пепельницу, стоявшую на подзеркальнике, Марчевский тихо, стараясь не скрипнуть ни одной половицей старого паркета в столовой, прокрался к закрытым дверям гостиной.

Да, там, несомненно, был мужчина, говорившей с Зосей. Голос тихий, слов не разобрать, но интонация спокойная, уверенная. От мысли, что у Зоськи может быть другой любовник, пан Викентий был далек — не то время для амуров.

Но кто там? Говорили на польском... Секунду подумав, Марчевский медленно расстегнул пиджак. Под мышкой у него висела кобура с тяжелым пистолетом «вис» армейского образца. В заднем кармане брюк был еще маленький браунинг, но огромный пистолет в руке, как почитал пан Викентий, оказывает неизмеримо большее психологическое воздействие. Опять же и калибр приличный — в случае чего не придется несколько раз нажимать на курок.

Сейчас он вынотрошит неизвестного посетителя... Марчевский вынул пистолет из кобуры, снял с предохранителя и, тихо приоткрыв двери в гостиную, негромко сказал:

— Ни с места! Стреляю!..

...Карл-Хайнц Шмидт, гауптман, уроженец Кельна, был высок, атлетически сложен и не то чтобы красив, но весьма приятен. Его лицо только несколько портил слегка приплюснутый перебитый нос. Одетый по полной форме, даже в шинели и фуражке, он стоял перед столом своего начальника — Генриха Рутге, круглолицего, полного и лысоватого человека лет пятидесяти. Рядом с Рутге сидела любимая овчарка — огромный кобель по кличке Дар. Генрих любил пояснять, что собаку он назвал в честь знаменитого персидского царя Дария, но поскольку Дарий для собаки очень длинно, то он отбросил последние две буквы, отчего его кобель никак не стал хуже. Ласково почесывая кобеля за ушами и показывая в улыбке золотые коронки на передних зубах, Рутге говорил:

— Я прошу вас, Шмидт, не забывать, что здесь мы имеем дело не с противником, но с потенциальным союз-

ником. И наша задача состоит в том, чтобы эта потенция переросла в реальность. Поэтому не давите, сделайте все мягко, вежливо.

«Опять старик мудрит, — подумал Карл-Хайнц. — Не перехитрил бы самого себя».

— Я понял, господин подполковник! — щелкнул он каблуками.

— В таком случае отправляйтесь. И да поможет вам бог!

Гаунтман четко повернулся и вышел из кабинета.

Спустившись во двор, к ожидавшим его легковой машине и мотоциклистам, он посмотрел на начинающее темнеть весеннее небо. Недовольно поморщился, увидев в разрыве облаков первые звезды. Отвернув обшлаг шинели, взглянул на часы. Да, сегодня, пожалуй, не успеть в офицерское казино. Кто знает, сколько придется потратить времени?

Усевшись в машину, он долго расправлял полы шинели, недовольно сопя и тихо ругаясь. Наконец устроился достаточно удобно и скомаандовал солдату-водителю:

— Поезжайте, я скажу, где свернуть...

...Зося тихо и как-то сдавленно вскрикнула, увидев в дверях Марчевского с пистолетом в руке. Сидевший спиной гость попробовал приподняться и посмотреть, почему так встревожилась милая хозяйка. Но эта попытка была тут же пресечена.

— Не двигаться! — приставив ствол пистолета к темно-русой макушке незнакомца, приказал Марчевский. — Медленно поднимите руки над головой!

Над спинкой кресла появились две поднятые руки. Манжеты светлой рубашки сползли вниз, было видно, что запястья у незнакомца тонкие, кисти рук небольшие, как у человека, никогда не занимавшегося физическим трудом. Однако пальцы оказались крепкими и толстыми, с чуть припухшими бугорками суставов.

— Теперь, не опуская рук, медленно встаньте.

Незнакомец повиновался. Встав, он оказался почти одного роста с Марчевским, только, пожалуй, пошире в плечах.

— Повернитесь лицом ко мне!

Пан Викентий с интересом взглянул в лицо незваного гостя. Ничего особенного: причесан на косой пробор, волосы средней длины, аккуратно подстрижены; лицо обычное, выделяются только немного тяжеловатый крепкий подбородок и бугристые надбровные дуги, отчего лоб ка-

жется несколько ниже. Взгляд светлых глаз незнакомца был прикован к стволу пистолета, направленного ему в живот.

— Пан... — начал было гость.

— Молчать! — тихо, но с явной угрозой бросил Марчевский. — Встаньте лицом к стене. Руки не опускать!

Быстро обыскав незнакомца, пан Викентий убедился, что тот безоружен. Под тонкой шерстяной тканью английского костюма — в этом пан Викентий не мог ошибиться, костюм был явно английского производства — ощущались натренированные, плотные мышцы спины и плеч гостя. Однако от него шел запах «Фрюлинга» — немецкого одеколона. «Это тебя и выдает с головой, приятель! — усмехнувшись, подумал Марчевский. — Поговорим немного, а потом, как стемнеет, придется прогуляться в развалины. Кто ты? Ищейка на вольной охоте, случайно попавшая в мое убежище, или связан с моими преследователями?..

Отправить Зося к подруге, а потом прийти туда самому, пристрелив в развалинах соглядатая? Рубить концы все равно надо — это закон нелегала. И другого выхода нет. Может, удастся за день-два подыскать какое-нибудь жилье или придется уехать? Не лучший вариант — те, с кем необходимо увидеться, будут искать здесь. Но и немцы тоже...» Не догадывавшийся о мыслях пана Викентия незнакомец переступал с ноги на ногу.

— Можете опустить руки и сесть в кресло!

Пан Викентий отошел в другой угол комнаты, снял со спинки стула пальто и шляпу гостя, осмотрел. Оружия не было и там.

— Зося, выйди, пожалуйста, нам с паном надо поговорить. И собери самое необходимое. Себе и мне.

— Пан полковник зря беспокоится, — спокойно сказал незнакомец. — Я не имею дурных намерений.

— Вот как... — протянул несколько удивленный Марчевский. — Зося, почему ты егопустила?

— Он сказал, что давно знает тебя, — красивое Зосино лицо выражало искреннее недоумение.

— Хорошо, мы сейчас все выясним... — Марчевский подошел к окну, немного отодвинул штору, посмотрел вниз. Улица была пустынна. — Иди, Зося, делай, как я сказал!

Дождавшись, пока она выйдет, вернулся к столу, сел напротив незнамого гостя, не убирая пистолета. Отметил про себя, что незнакомец держится достаточно спокойно.

Надеется выкрутиться? Но ноздри до сих пор щекочет сладковато-прииторный запах «Фрюлинга», а это — смертный приговор!

— Итак, — глядя в глаза незнакомцу, сказал Марчевский, — пан знает меня, мое бывшее звание, знает, где я живу, а я, представьте, пока не знаю о вас ничего.

— Пан полковник не нрав — офицер всегда остается офицером, даже если армия потерпела поражение, — улыбнулся гость. — Поэтому я назвал вас по званию. Однако вы, похоже, действительно не помните меня?

— Представьте себе, — с издевательской усмешкой ответил полковник.

— Я Тараканов, из Кракова.

— О, так пан русский? Интересная новость. И что же вы делаете здесь? Откуда знаете меня, как нашли мое жилище? Отвечайте быстро, на долгие разговоры нет времени.

— Надеюсь, пан полковник не станет стрелять в квартире при женщине, если я достану сигареты? — вместо ответа поинтересовался Тараканов. — А на ваши вопросы я отвечу. Все очень просто — мне нужны пенендзы¹, а знакомых здесь нет. Случайно увидел вашу даму и пошел за ней, надеясь на счастливую встречу с вами. Вот и встретились. Не откажите в помощи бывшему сотруднику дефензивы².

— Нескладно лжете, господин Тараканов... Зося не выходит из дома! Среди сотрудников дефензивы у меня не было знакомых с фамилией Тараканов, и там не служили эмигранты.

— Не служили, но сотрудничали! — уточнил гость без тени смущения. — Полиция не может обходиться без осведомителей.

— Согласен, — кивнул Марчевский. — Но теперь вы, видно, сменили хозяина.

— Прошу вас, не торопитесь с выводами! — примирительно поднял руки Тараканов. — При новом хозяине зачем бы мне деньги? Могу предложить интересную вещь, и, надеюсь, она придется вам по вкусу. Но самое главное — деньги! Они у вас есть?

— Короче, что вы хотите? — самоуверенность Тараканова начала раздражать пана Викентия. С каким удовольствием он всадил бы между глаз пулю бывшему по-

¹ Деньги (польск.).

² Дефензива — политическая полиция буржуазной Польши.

лицейскому осведомителю, наверняка перешедшему на службу к оккупантам. Может быть, не ждать темноты, а пристрелить его в квартире, а потом уйти? Нет, пока ничего не ясно с его собственными делами, нельзя столь явно бросать вызов немцам. Они хватятся соглядатая, придут, обнаружат труп и...

— Ну, говорите, я жду! — поторопил Марчевский.

— Вот. — Тараканов сунул руку в карман и вытянул из него за тонкую золотую цепочку изящное распятие. На небольшом натальном крестике было прикреплено искусно вырезанное из слоновой кости изображение фигурки распятого Христа. — Не откажите, пан полковник, я совсем издержался. А золото всегда в большой цене. И, обратите внимание, старая работа. Оно ваше, если заплатите.

— Сколько? — с иронией поинтересовался полковник.

— Сто пятьдесят марок, — не моргнув глазом ответил Тараканов. — Ни фенинга меньше.

— А злотые вас не устроят? Покажите... — Марчевский взял протянутое распятие, повертел, рассматривая. На оборотной стороне было выгравировано: 25 декабря. Дата рождества Христова... — Напомните, Тараканов, где мы могли встречаться раньше?

— В Польше «Б», например. Вообще в восточных краях¹, когда там велась борьба с коммунистическими партизанами. А злотые будут в цене еще не скоро. Берите, я вижу, вам нравится.

— У меня нет такой суммы. Но могу предложить сто марок, тоже неплохая цена.

— Хорошо. Ни вам ни мне! — хлопнул ладонью по колену Тараканов. — Пусть будет сто двадцать пять. Из уважения к дате!

Бледная улыбка тронула губы пана Викентия, впервые за время разговора. Он положил на стол пистолет и убрал распятие в карман пиджака.

— Скажите, Тараканов, сколько вам лет?

— Это имеет значение? — пимало не смутившись, ответил вопросом на вопрос бывший осведомитель политической полиции. — В отличие от женщин, я не делаю секрета из своего возраста. Мне тридцать шесть. А что?

— Вы еще так молоды... — продолжая улыбаться, пояснил Марчевский, — но торгуетесь, как старый еврей на варшавской барахолке. Берите, что вам дают,

---

¹ Название областей в буржуазной Польше.

— На варшавской барахолке не бывал, не знаю, — парировал Тараканов. — Я вообще не бывал до войны в Варшаве, только проездом. Но деньги, они счет любят, пан полковник. Я на эти марки жить собираюсь, понятно? И во время войны надо есть, пить, где-то спать, что-то надевать на себя...

— Скоро лето, — меланхолично заметил пан Викентий.

— Еще не скоро, — огрызнулся незванный гость, — до лета успеешь с голодудохнуть. Давайте сто двадцать пять, и разойдемся. А нет, так верните вещь, как-никак золотая. — Он требовательно протянул руку.

Марчевский даже удивился, какая длинная оказалась у Тараканова рука, а ее движение — неожиданное, гибкое, быстрое, как выпад опытного фехтовальщика.

— Не торопитесь, — поморщившись, полковник слегка отодвинул в сторону протянутую руку. — Я еще не решил окончательно. Скажите, что вы делали после нашего поражения в сентябре прошлого года? Извините за нескромность, но все-таки вы пришли ко мне, а не я к вам, и происхождение предлагаемой вещи не совсем ясно.

— Бойтесь купить краденое? — усмехнулся бывший осведомитель. — Зря! Теперь до этого никому нет дела. Впрочем, я объясню — эта вещь — подарок одной хорошей женщины своему сыну. На обороте выгравирована дата дня его рождения. Нет, подарили не мне, я не католик. Рассказать, как распятие попало в мои руки?

— Это не так интересно, — вяло махнул ладонью, разгоняя перед собой табачный дым, чтобы лучше видеть собеседника, закуривший сигарету Марчевский.

Тараканов его озадачил. С одной стороны, похоже, не лжет, но с другой... Сейчас время недоверия, кто поручится, что человек, сидящий перед ним, именно тот, за кого себя выдает? Немецкие спецслужбы работают грамотно, не брезгуя никакими средствами, хорошо готовят своих людей, а бывший полковник не имел права рисковать, доверяясь незнакомцу. Слишком многое поставлено на карту в этой игре. Слишком многое...

— Курите, — предложил пан Викентий, протягивая эмигранту сигареты. Тот взял, поблагодарив небрежным кивком головы. Жадно затянулся, выпустил дым из узких ноздрей.

Неясное чувство настороженности не покидало Марчевского. Он и сам вряд ли мог ответить себе на вопрос,

что именно так беспокоит его? Серо-зеленые, какие-то колючие глаза Тараканова, неотрывно следящие за каждым жестом собеседника; его нос, с небольшой горбинкой, словно приплюснутый к обстановке в гостиной; неожиданно быстрые жесты, манера сидеть так, словно в любую минуту готов сорваться с места, побежать неведомо куда, или эти странные руки, с небольшими кистями и сильными пальцами, крепко зажавшими сигарету? И в то же время непонятная уверенность в себе, ненапускное спокойствие, словно пришел к доброму старому знакомому поболтать за чашкой кофе, покурить, рассказать забавную историю и отправиться восвояси. Станный человек.

— Как же вам удалось найти меня? Откуда знаете Зося?

— Видел, когда вы приезжали в имение маршала Пилсудского, в Друскининкай, года три назад. Помните? А здесь встретил случайно, простите за подробность, выследил, полагая, что и вы где-то рядом. Пришлось подарить вашей даме флакончик пробных французских духов, который я безуспешно пытался продать. Кому сейчас пужны духи? Зато они открыли мне двери вашего дома.

— Французские духи? Заглянули в парфюмерный магазин, оставшийся без хозяина?

— Я никогда не воровал, — криво усмехнулся Тараканов. — Просто довелось побывать в Париже.

— Даже так... — протянул пан Викентий. — Что же вы там делали?

— Хотел завербоваться в иностранный легион. Сидел, знаете ли, на мели. Говорят, финансовая пропасть самая глубокая, а я не оставлял попыток выбраться из нее. Во Франции много русских эмигрантов, надеялся на их помощь, потом передумал.

— Испугались свиста пуль?

— Нет, было бы за что воевать. В двадцатом году я с винтовкой в руках отступал из России, хотя мне было всего шестнадцать лет. В Крыму наш кадетский корпус практически бросили на произвол судьбы. К счастью, удалось попасть на пароход. Много повидал, не всегда был сыт и одет, только никогда не воровал, пан полковник. Однако мы заболтались, время вечернее, скоро полицейский час, не приведи господь попасть в руки патруля. Говорят, они стреляют без предупреждения.

— Пока гром не грянет, мужик не перекрестится, так,

кажется, сказано в русской поговорке? — улыбнулся Марчевский. — Берите сто марок и уходите. Я провожу вас: покажу, как незаметно добраться до вокзала. Вы, наверное, собираетесь уехать или имеете жилье здесь?

Ответить Тараканов не успел. В комнату быстро вошла Зося. Ее лицо было бледным.

— Викентий! Внизу немцы!

Марчевский быстро подошел к окну, отодвинул штору. У подъезда стояла большая легковая машина. Рядом прохаживались, разминая затекшие ноги, слезшие с мотоциклов солдаты. Громкий стук металлического предмета заставил полковника обернуться. Тараканов ловко закинул его пистолет, лежавший на столике, под диван.

— Пся крив! — поляк схватился за задний карман брюк, пытаясь достать браунинг.

— Не глупите, пан полковник! — встал Тараканов. — Сейчас надо держаться друг за друга.

В дверь квартиры уже стучали. Громко и требовательно...

...Раньше ему казалось, что лучше всего думается в седле. Поскрипывание подпруги, легкий звон трензелей, хорошо подогнанные стремяна, привычный запах конского пота и живое движение идущего под тобой жеребца, играющего мышцами под тонкой, покрытой мягкой шерстью кожей. Легко тронешь шпорами бока лошади, и она пойдет вскачь, замелькают, проносясь мимо, деревья или широко раскинется степь, опьяняя дурманящими запахами, начнут торопиться мысли, обгоняя друг друга и бег жеребца. Хорошо!

Потом тонкий взвизг остро отточенного клинка, выдернутого на скаку из ножен, красивый замах — «восьмеркой», когда пашка описывает замысловатый круг над головой, со свистом разрезая воздух, грозя смертью врагу, — и удар, слегка привстав на стремянах, резко опускаясь вслед за клинком...

Однако давно прошли те времена, когда командир конного разведзвезда Алешка Ермаков махал пашкой и скакал на горячих жеребцах, пластая клинком петлюровцев и гайдамаков, деникинцев и махновцев. Теперь поскрипывает под ним кожей не седло, а мягкое сиденье автомобиля, фыркает не лошадь, а мотор, и пахнет не конским потом, а бензином. Время уплотнилось, кажется, стало даже осязаемым — хоть режь его на мелкие кусочки, пытаясь распределить между бесконечными делами, но как не мельчи — все равно не хватает! Иногда прихо-

дится напряженно работать сутки напролет, анализируя и сопоставляя сведения, собранные разными людьми, в разных странах, из разных источников, принимать решения, которые должны быть скрупулезно выверенными и единственно верными, чтобы успеть нанести врагу упреждающий удар, неотвратимый и быстрый, как выскерк разящего клинка. Или парировать удар врага. Но это всегда такая ответственность — принять решение. Кто бы знал, каким тяжким грузом ложится эта ответственность на его плечи, как давит бремя сомнений — прав ли, все ли учел, верно ли разгадал замыслы противника, не принял ли желаемое за действительное? А вдруг враг гонит «дезу» — как привычно называли разведчики вражескую дезинформацию? Выманивает на себя наши силы, чтобы затеять с ними игру, усыпить бдительность, а потом подло ударить в самое уязвимое место?

Генерал Ермаков провел ладонями по гладкой поверхности стола, словно сметая со столешницы мелкий сор; привычно успокоительно темнел фигурный письменный прибор каслинского литья с чернильницей в виде подковы, слева — лампа под зеленым стеклянным абажуром, похожая на керосиновую, которая была в их доме, в Смоленске, где он провел детство. Именно поэтому Алексей Емельянович не разрешил хозяйственнику заменить ее на новую. Лампа казалась кусочком далекого, безвозвратного детства, привносила домашний уют в строгий кабинет.

В январе 1939 года министр иностранных дел Польши полковник Юзеф Бек во время встречи в Мюнхене с министром иностранных дел Германии фон Риббентропом заявил: Польша желает жить в дружественных и добрососедских отношениях с Германией и готова сотрудничать с немцами в борьбе против Коминтерна.

Еще бы не готова! Господа, определявшие политическую линию буржуазной Польши, совсем недавно внимательно слушали выступления приезжавшего к ним главного нацистского полицейского Гимmlера, рассказывавшего о концлагерях для левых и коммунистов. После его визита построили страшный лагерь в Березе Картузской, куда дефензива отправляла инакомыслящих.

И это за несколько месяцев до войны! А ведь менее двух лет назад, в октябре 1938 года, посол буржуазной Польши в гитлеровской Германии Юзеф Липский доносил Беку, что на его вопрос германскому послу в Польше фон Мольтке: может ли Польша рассчитывать на доброжелательную позицию рейха в случае вооруженного конфлик-

та с Советским Союзом? — последовал весьма недвусмысленный ответ Геринга: в случае советско-польского конфликта польское правительство, несомненно, может рассчитывать на помощь Германии.

Алексей Емельянович подвинул ближе к себе пухлую папку с документами, раскрыл, полистал, быстро пробега глазами по ровным машинописным строкам. Давно господ Бек и Липский связаны с немцами, ох как давно!

Еще до первой мировой войны тогда малоизвестный Юзеф Пилсудский, ставший после переворота 1926 года фактическим диктатором Польши, активно сотрудничал с австрийской военной разведкой «Хаупт-Кундшафтштелле», создав пресловутую «Первую бригаду», готовившую кадры разведчиков для работы против России. В их числе был и студент Львовского политехнического института, впоследствии министр иностранных дел буржуазной Польши Юзеф Бек, который на приеме у фюрера, состоявшемся накануне войны, подобострастно пожимал лицемерно поданную ему в знак «вечной дружбы» руку Гитлера.

Карьеру шпиона Бек начал в 1917 году, пробравшись на территорию молодой Советской республики, где возглавил киевскую группу военной немецкой разведки КНЗ. После революции в Германии и краха династии Гогенцоллернов, когда кайзер Вильгельм бежал за границу, Юзеф Бек, разоблаченный чекистами, сумел скрыться и тайком направился в Варшаву, куда в то время стремились под крыло Пилсудского, облеченного доверием крупной польской буржуазии, все его прихвостни из бывшей «Первой бригады» — Медзинский, Шатцель, Матушевский, Лис-Куля и другие агенты австрийской военной разведки и члены полуконспиративной «Польской организации военной» — ПОВ.

Осенью 1918 года Бек сумел добраться до Люблина, где был радушно встречен и обласкан местным военным начальником Эвардом Рыдз-Смиглы. Тогда-то и обнялись два иуды, погубившие Польшу в сентябре 1939 года, приготовившие народу страшную участь военной катастрофы и оккупации.

Позже, уже в Варшаве, Бека принял в Бельведере — правительственной резиденции — сам «комендант» и первый маршал Юзеф Пилсудский. Следует предложение — возглавить Второй отдел Генерального штаба, готовить разведчиков и диверсантов против СССР. Предложение было с благодарностью принято. Банды Булак-Балаховичей и генерала Перемыкина, поход белорусских национа-

листов на Мозырь, попытки создания антисоветского подполья, поддержка Савинкова — вот чем начал заниматься серый кардинал польской разведки Юзеф Бек, который был известен Алексею Емельяновичу давно и очень хорошо. Можно ли теперь поверить одному из его бывших сотрудников?

Ермаков тяжело поднялся из-за стола, прошелся по красной ковровой дорожке, бросил взгляд на окна — темно, скоро зажгутся фонари — не пора ли и ему зажечь лампу на столе? Нет, лучше пока посумерничать, как когда-то говаривала мать.

Несомненно, что быстрое поражение прогнившего буржуазного режима Польши в войне с немцами многим из офицеров польской армии встряхнуло мозги, заставило думать иначе, искать выход из создавшейся ситуации. Среди них много истинных патриотов, не собирающихся складывать оружия и прекрасно понимающих — помощь может прийти только с востока, от братского славянского народа, от Красной Армии. Не слепые, видят, куда нацелился Гитлер, жаждущий подмять всю Европу.

Но сомнения не оставляли, бродили за ним тенью по широкому кабинету. Прав ли он? Не лезет ли сам в сети, хитро расставленные врагом, рискуя чужими жизнями и проигрышем в оперативной инициативе, столь важным в невидимой, жестокой схватке разведок, которая уже началась. Нет, не в Испании, раньше! Началась с первых дней существования Советской власти, которую он, генерал Ермаков и его товарищи, должны беречь, чтобы всегда были сильны страна и ее армия.

Много говорят об опыте войны в Испании. Но, как считал Алексей Емельянович, испанский опыт здесь не годился — другие условия, иная война, да и противник стал действовать более изощренными методами и в то же время зачастую слишком нагло, топорно, явно второпях проводя многие операции. И, как ни странно, добивался успеха, особенно в странах Западной Европы.

Долгие ночные часы проводил генерал Ермаков за бумагами, скрупулезно разбирая те операции немецкой разведки, о которых имел достаточно полную информацию. Недоценивать противника не был склонен. Наоборот, лучше несколько переоценить, считать тоньше, умнее, чтобы выигрывать наверняка. К тому же при выполнении задуманного им и его товарищами придется столкнуться не только с немцами. Имелись сведения, что

польскими вопросами очень интересуется и английская разведка.

Походив еще немного по кабинету, генерал все-таки зажег настольную лампу и, сняв трубку внутреннего телефона, набрал номер.

— Козлов? Зайди с материалами.

Через несколько минут в кабинет неслышной походкой вошел немолодой майор с темно-синей коленкоровой папкой под мышкой. Жестом предложив ему располагаться у стола, Ермаков отошел к окну, словно занимая позицию стороннего наблюдателя, и, прислонясь спиной к высокому подоконнику, предложил:

— Давай, Николай Демьянович, порассуждаем...

Майор молча склонил в знак согласия лысоватую голову и открыл папку, приготовившись к работе.

— Итак, первое: успешно проведенная немцами операция по захвату польских разведывательных центров вместе с документацией и не успевшими скрыться сотрудниками.

— Так точно... — тихо откликнулся майор. — Акция спланирована по личному приказанию адмирала Канариса, руководил капитан Фабиан. Усиленными мотомеханизированными группами командовали лейтенанты Шпейдёр, Булан и Енш. Осуществление акции было начато с момента вторжения на территорию Польши. Поддержка «люфтваффе» обеспечивалась. Не исключена предварительная серьезная проработка операции Данцигским институтом.

Об этом институте Алексею Емельяновичу докладывали неоднократно. Незадолго до нападения на Польшу немцы широко развернули в Кенигсберге, Бреслау, Берлине и Данциге «научные учреждения востоковедения», являвшиеся прикрытием филиалов военной разведки, работавшей в первую очередь против СССР. «Славянский восток» не давал покоя фюреру — огромные пространства плодородной земли, залежи ископаемых, развитая промышленность... В частности, под крылом абвера функционировал Данцигский «Институт фюр Остевропейше Виртшафт», сотрудники которого часто выезжали в Польшу. Якобы в научные командировки. Там же осел и ряд бывших работников фирмы Круппа «Друсат», которая в двадцатые и начале тридцатых годов по заключенному контракту направляла из Германии в Советский Союз специалистов. Теперь некоторые из этих «спецов» работали на абвер. Хотя чему удивляться — Крупп всегда

война — пушки, танки, броневые плиты для кораблей военно-морского флота.

— Николай Демьянович, кто из этого института был в составе делегации на переговорах по обмену галицких немцев на украинцев? Или в числе четырехсот немецких представителей, приехавших к нам в октябре тридцать девятого?

Козлов тихо зашелестел бумагами. Кожа на его лбу собралась в складки, брови сложились шалашиком. Сними с него коверкотовую гимнастерку с двумя шпалами в петлицах, одень в рубашку с галстуком и нарукавники — вот тебе самый натуральный бухгалтер какой-нибудь артели, настолько добродушное лицо майора не вязалось с его профессией военного разведчика. Ни «стального» взгляда, ни загадочности.

— Господин Бергер, — майор нашел нужный лист в деле, и складки на его лбу разгладились. — Штандартенфюрер СС. По нашим данным, осуществлял контроль за работой других сотрудников делегации, неоднократно бывал в Данцигском институте.

— О нем поговорим позже, — прервал его Ермаков. — Значит, немцы получили картотеки польской разведки. Лакомый кусок для Берлина. Однако не могут они в полной мере использовать имеющиеся у них материалы, не зная кодов и шифров, применявшихся восточной референтурой Второго отдела Генерального штаба. Таблицы кодов поляки успели уничтожить. Вроде все в кулаке, а в рот никак не суцешь, — усмехнулся генерал. — Дешифровка им пока не удалась, так?

— Совершенно верно... — Николай Демьянович быстро пробежал глазами лежащую перед ним сводку. — Абвером предприняты меры к розыску скрывающегося на оккупированной территории бывшего полковника Викентия Ксавериевича Марчевского, сорока семи лет, поляка, католического вероисповедания, имеющего высшее военное образование, ранее проживавшего в Варшаве. Марчевский участвовал в разработке системы кодов и шифров для картотек Второго отдела и теперь является как бы живым ключом к захваченным материалам. По нашим данным, его местонахождение немцами еще не установлено.

— Зато мы получили от него весточку... — генерал отошел от окна, заложив руки за спину, туго обтянутую тонким сукном кителя, начал рассказывать по кабинету. — Пойми правильно, Николай Демьянович! Мы с то-

бой много лет работаем вместе. Как говорится: ум хорошо, а два — лучше. Хочу еще раз пройти все, от начала до конца, перебрать каждый фактик, попробовать его на зуб — не фальшивый ли? Нам отвечать за операцию, нам и думать о ней денно и ночью. Потому и позвал: сомнения мучат. Полагаешь — генерал Ермаков сомнений не знает? Знает, еще как знает... Не мне тебе рассказывать, что значат эти картотеки и для нас, и для немцев, и даже для англичан, давших приют эмигрантскому польскому правительству. На эту приманку абвер может выманить кого угодно, а нам промахнуться нельзя! Люди, числящиеся в картотеках, могут получить нового хозяина — какие кадры подбирали себе господа. вроде Бека, ты знаешь. И пачнет распозаться эта зараза, как чума, по нашей территории. Поэтому и волнуюсь. Что рассказал Лодзинский?

— Тадеуш Лодзинский перешел нашу границу три месяца назад. На первом же допросе в погранотряде потребовал доставить его к представителям советской военной разведки, обещая сообщить важные сведения. С ним работал Коноплев.

— Знаю Коноплева, — кивнул Ермаков. — Лодзинский — бывший член Компартии Польши?

— Так точно. Перед войной было принято решение о ее роспуске, но Лодзинский выбывшим из рядов коммунистов себя не считает. В показаниях отмечал, что для его народа было трагедией оказаться лицом к лицу с немцами без сильной компартии.

— Это точно, — вздохнул генерал, присаживаясь напротив Козлова. — Что он говорил о встрече с неизвестным, пославшим его к нам?

— Несколько месяцев назад к нему поздно вечером пришел человек, лет за сорок; приятной наружности, хорошо одетый, вызвал его из дома и предложил прогуляться. Лодзинский отказался, сославшись на полицейский час. Тогда незнакомец приказал ему следовать за ним под угрозой оружия. Пришлось подчиниться. Он завел Лодзинского в развалины и начал допрашивать о связях с коммунистами. Тадеуш мужчина серьезный, под два метра ростом и силенкой не обижен, работал в железнодорожном депо кузнецом, отнял у неизвестного пистолет. Но и тот оказался не промах: сумел скрутить кузнеца и вернуть оружие. Потом сказал, что ему известно о брате Лодзинского, проживающем на нашей территории, о коммунистическом прошлом Тадеуша, об арес-

тах, заключении. Даже назвал номер части, в которой служил Лодзинский во время войны. Потом заявил, что он польский патриот, бывший офицер, скрывающийся от немцев, хочет оказать помощь делу борьбы за освобождение родины. По его словам, он много думал и понял, что враждебная политика по отношению к русским была одной из причин катастрофы, постигшей Польшу. На англичан надежды возлагать глупо — они потянут только к собственной выгоде. Французы — тем более. Те и другие уже предали поляков в начале войны с немцами. Остаются только русские, о которых Гитлер сломает зубы. Предложил Лодзинскому отправиться к нам через границу, — тем более что у того сохранились связи среди железнодорожников, — а попав на нашу территорию, просить встречи с представителем советской военной разведки и передать ему некоторые данные и условия связи.

— Так... Лодзинского проверяли?

— Очень тщательно, товарищ генерал. Коммунист, был в подполье, брат действительно живет у нас, недалеко от Минска, имеет семью, работает, на хорошем счету. Сам Лодзинский особых подозрений не вызывает. Он просил у незнакомца время подумать. Нелегальный переход границы в условиях оккупации Польши немецкими войсками не шутка! Смертельный риск. Неизвестный согласился ждать ответа два дня, но пригрозил, что найдет способ рассчитаться, если Тадеуш донесет немцам. На прощание указал время и место следующей встречи. Судя по тому, что рассказывает Лодзинский, место встречи выбирал человек опытный в нашем деле — хорошо просматриваются подходы и предусмотрены несколько вариантов отхода в случае неожиданных осложнений. На следующей встрече Тадеуш дал предварительное согласие, но спросил неизвестного о гарантиях. Тот их дал, назвав адрес и пароль одной из явок компартии, существовавшей в довоенное время. Немцы об этом знать не могут, Лодзинский ручается. Правда, неизвестный оговорился, что сам он не коммунист и никогда им не был, но как патриот должен бороться с врагом тем оружием, которое ему наиболее знакомо. Он назвал Тадеушу место и время встречи с нашим связным и дал пароль. На словах просил передать, что готов отдать сведения о картотеке Второго отдела.

— Но у него ее нет! — хлопнул ладонью по столу Ермаков. — Он знает принцип шифров и кодов, а сама картотека у немцев. Чтобы ее передать нам, ну, не саму кар-

тотеку, конечно, а содержащиеся в ней сведения, он должен пойти в услужение к фашистам, внедриться в абвер. Иного пути нет!.. Коноплев опытный работник, нет оснований ему не верить. Я читал материалы, работа проделана большая, и результаты обнадеживают. Лодзинский сразу узнал по фотографии Марчевского?

— Да... — Козлов, испросив разрешения, закурил. Полистал дело. — Вот протокол. Ему предъявили альбом с фотографиями офицеров бывшего Второго отдела. Не колеблясь, он опознал в полковнике Марчевском того неизвестного, что приходил к нему домой, а потом встречался с ним через два дня. Кстати, Марчевский говорил Тадеушу, что на него очень большое впечатление произвела краковская трагедия, заставила торопиться.

О страшной судьбе краковских интеллигентов Алексей Емельянович знал. Поздней осенью тридцать девятого года немцы обязали всех профессоров и преподавателей, живших в городе, прибыть на доклад в старинный Ягеллонский университет, где оберштурмбанфюрер СС Мюллер арестовал пришедших туда сто восемьдесят профессоров, доцентов и ассистентов. Все они были отправлены в концлагерь Заксенхаузен. Тринадцать известнейших в ученом мире профессоров умерли через три месяца, многие погибли под пытками...

— Допустим, Лодзинский говорит правду. Но вот сказали ли правду ему? Город, где назначена встреча Марчевского с нашим связным, — один из опорных пунктов немецких спецслужб на оккупированной территории. И сам Марчевский раньше имел контакты с немцами, не говоря уже о том, что работал с Беском. Вот в чем дело... И все же мы идем на риск. Установим связь с Марчевским, только не так, как он этого ждет, а иначе. Посмотрим, как станут разворачиваться события. Со стороны нашей границы послать человека на связь невозможно. Поэтому избран путь с запада, которого ни Марчевский, ни немцы, если они участвуют в игре, предусмотреть не могут. Человек уже пошел?

— Да... Для выполнения задания был подготовлен капитан Волков. Он должен убедиться в надежности Марчевского и дать ему несколько способов связи — бесконтактный, контактный и выход на радиста. Волкова страхуют товарищи из оперативной разведгруппы. С погранвойсками НКВД договоренность есть.

— Волков... — побарабанил пальцами по столу Ер-

маков. — Помню его. На разведфакультете академии имени Фрунзе учился?

— Совершенно верно... — согласно наклонил голову Козлов. — Имеет надежные документы, по легенде — русский эмигрант, проживавший в Польше. Свободно владеет немецким, польским, английским. Псевдоним — Хопров.

— Крепко ему надо держаться, Волкову. В его руках жизни многих людей из цепочки. Как его зовут?

— Антон Иванович. Очень способный работник. Указания о нашем санкционировании связи Марчевского с немцами ему даны. Не сомневайтесь, Алексей Емельянович, — совсем не по-уставному вдруг обратился Козлов к генералу. — Сдюжит Волков! Он парень опытный, с головой. Прирожденный разведчик. И характер — крепень!

Алексей Емельянович настороженно стрельнул глазами в Козлова — что это он вдруг так расхваливает Волкова? Не похоже на всегда сдержанного, словно застегнутого на все пуговицы, майора.

— Дружили? — прямо спросил генерал.

— Так точно, — выпрямился на стуле Николай Демьянович, не отводя глаз под взглядом начальства. — Работали вместе.

— Тяжело будет твоему другу, — помягчел Ермаков. — Генрих Ругге там абверкомандой руководит. Такой волчина... Замок под городом для себя облюбовал, устроил в нем резиденцию. Seriously обосновывается, надолго. Псевдоним для Марчевского?

— Гром. Сам себе выбрал, через Лодзинского передал.

— М-да... — генерал пригладил короткопалой рукой седеющие волосы, неожиданно спросил: — Сам-то ты, Николай Демьянович, Марчевскому веришь или нет? Не думаешь, что немцы нас на крючок взять хотят, а? Там ведь и англичане выходы на Грома станут искать. Им тоже картотеку заполучить охота!

— Кто знает... — уклончиво пожал плечами Козлов. — Волкову на месте виднее будет. Все меры предосторожности, какие только возможно, мы приняли. И чего уж теперь, когда Волков пошел на связь.

— Думать-то нам все равно надо. И за себя, и за них за всех: за немцев, за англичан, за Марчевского... Прикрыть кем Волкова есть?

— Подготовлено.

— Ну, вот и поговорили, — поднялся из-за стола Ер-

маков, подводя итог долгой беседе. — Знаешь, Николай Демьяныч, иногда кажется — лучше бы сам пошел, чем другого посылать! На душе легче было бы, понимаешь?

— Все же сомневаетесь, товарищ генерал? — уже от двери спросил майор.

— Сомневаюсь... — глухо ответил Алексей Емельянович.

...Снег уже везде сошел, обнажив прошлогоднюю, порыжелую траву, сквозь которую, как через нечесанные космы, пробивались нежно-зеленые стрелочки, еще не набравшие силы от солнца и дышащей паром земли. В оврагах стояла талая вода, бурая от глины и осевших на дно палых листьев — былого роскошного урожая лесов. Однако откосы полностью просохли, и мелкие комочки почвы осыпались из-под подошвы сапог при каждом шаге, с бульканьем падая в воду на дно оврага.

Под широкими лапами вечнозеленых елей местами сохранились остатки серого, поздраватого льда, и к вечеру от леса тянуло сырым холодом, словно зима грозила вновь вернуться, подернуть лужи ломкими лучами наледди, пустить в воздух белых мух, заставляя мечтать о сухом тепле жилья.

Человек, одетый в большой серый ватник, темные брюки и яловые, смазанные жиром, чтобы не промокали в сыром лесу, сапоги, удобно устроился на взгорке, просушенном ветрами, забравшись в гущу расправивших ветви кустов боярышника. Он сидел на стволе поваленного дерева и рассматривал в сильный бинокль сопредельную сторону границы. Оптика приблизила башни старого костела из красного кирпича, скирду прелой соломы на краю непаханого поля, чахлую рожицу, через которую проходила грунтовая дорога. Правее темнел заболоченный, густой лес. Деревни, в которой стоял костел, не было видно — она спряталась за рощей и высоким косогором.

Чуть опустив бинокль, человек в сером ватнике отыскал полосатый, красно-зеленый пограничный столб с успевшей потемнеть пластинкой, на которой был выбит герб. Контрольно-следовая полоса утонула в грязи — низина, болото. На той стороне границы было тихо. Ветер не приносил с собой ни запаха дыма от топящихся печей, ни собачьего лая. Чужих пограничников тоже не было видно.

Осмотревшись, человек в сером ватнике и яловых сапогах наметил себе путь посуше и, отложив бинокль, покурил, пряча огонь папиросы в кулаке. Обгорелую спич-

ку и окурок он убрал в жестяную баночку, вынутую из кармана ватника. Встал, спрятал бинокль за пазуху, подтянул ремень на черных суконных брюках, осторожно раздвинул ветви густых кустов и пошел вниз, к оврагу, стараясь держаться за край взгорка, чтобы его не было видно с сопредельной стороны.

Через несколько минут он спустился в овраг. Хватаясь руками за спутанные, длинные пряди жухлой травы, чтобы не оступиться в холодную воду, пробрался к едва заметному под осыпавшейся землей темному отверстию, похожему на большую барсучью нору. Оттуда тянуло гнилостным запахом стоялой болотной воды. Росший над отверстием куст свесил свои ветви вниз, словно прикрывая тайну мрачного, узкого лаза, ведущего в другой мир, туда, где на сопредельной стороне высились кирпичные башни костела и пряталась за рощей деревушка.

Посмотрев по сторонам, человек в сером ватнике достал сильный фонарь и, включив его, направил луч света в глубь норы. Склонился, напрягая глаза в попытке разглядеть — что там, внутри? Желтый, похожий на комок старого масла, блик от света фонаря пополз по темной поверхности воды, стоявшей на дне облицованного плиткой из обожженной глины тоннеля. Прополз немного и затих в пязкой темноте подземелья, выхватив из нее корни деревьев, раздвинувшие облицовку и свисавшие, как уродливые сосульки.

Вздохнув, человек ступил в глянцево-черную грязную воду и, согнувшись, осторожно пошел по тоннелю, придерживаясь левой рукой за осклизлые стенки. В правой он держал фонарь, освещая путь. Идти было неудобно, приходилось сгибаться почти вдвое, ноги скользили в грязи. Зато вода, сначала достававшая почти до края голенищ сапог, постепенно отступала, уровень ее становился все ниже, а потолок тоннеля начал немного подниматься. Вскоре можно было уже стоять почти во весь рост, а вода на дне доходила только до щиколоток. Обернувшись назад, человек увидел, что входное отверстие, через которое он проник в тоннель, светится сзади, как узкий серп ущербной луны. Тоннель был пологим, видимо для лучшего стока вод.

Вот темнота как будто раздвинулась, уплотнилась. Рука, державшаяся за стенку тоннеля, ощутила пустоту. Человек остановился. Повел по сторонам фонарем — сводчатое помещение, чем-то похожее на внутренность русской печки, когда залезаешь в нее мыться, стараясь не

коснуться голыми локтями раскаленных кирпичей и поудобнее устраиваясь на подстилке из пахучей, ржаной соломы. Однако здесь нет неги сухого жара печи и тонкого аромата недавно испеченного на капустном листе подового каравая — только бьющая по ушам вязкая, пропитанная гнилостным сырým запахом тишина...

Луч фонаря начал методично обшаривать стены, потолок, полукруглое устье очередного колена тоннеля, ведущего дальше, в неведомое. Может быть, прямо под костел? Или к каким-нибудь сточным колодцам, закрытым литыми чугунными решетками? Что на той стороне тоннеля и куда он может вывести, человек в сером ватнике не знал.

Есть! В круте света на левой стене маленького лекторного зала было отчетливо видно сделанное мелом стилизованное изображение черепахи — овал, сверху небольшая петля с двумя точками — как плоская головка с глазками-бусинками, внизу — короткий крючок хвоста. Но у этой черепахи было шесть ног! От овала-панциря шли шесть черточек — по три с каждой стороны.

Однако такая небрежность в рисунке, видимо, не только не смутила человека в сером ватнике, но даже обрадовала его. Он улыбнулся в темноте и, нашарив в кармане стеганой куртки кусочек мела, шагнул к стене. Взяв кожаную петлю фонаря в зубы, направил свет на рисунок. Упершись рукой в стену, человек в сером ватнике аккуратно зачеркнул мелом сначала голову черепахи и правую переднюю ножку-палочку, потом среднюю правую ножку и левую заднюю. Последний штрих был положен на хвостик-закорючку. Получилась ломаная, зигзагообразная линия. Не зачеркнутыми остались только три ножки...

Когда он наконец-то выбрался из тоннеля, ведущего неизвестно куда, было уже темно. Погасив фонарь, он с минуту постоял на дне оврага, прислушиваясь, потом быстро полез наверх, ловко карабкаясь по крутому обрыву.

Через полчаса за взгорком, с которого человек в сером ватнике осматривал в бинокль чужую территорию, его встретил молчаливый мужчина в накиннутой поверх шинели плащ-палатке и зеленой пограничной фуражке со звездочкой.

— Порядок... — ответил на его вопросительный взгляд совершивший подземное путешествие. — Пошли, обсушиться надо. Все-таки успел набрать воды в сапоги.

...Еще через два часа на стол майора Козлова в кабинете на Знаменке в Москве легла расшифрованная радиogramма:

«Гуни к приему и помощи Хопрову готов. Связь подтверждена.

Семенов».

Николай Демьянович вложил текст в синюю коленкорную папку и подумал о том, что необходимо срочно подготовить еще несколько вариантов связи, быстрых и надежных, исключая частый радиообмен. По данным, полученным сегодня утром, немцы значительно усилили службу пеленгации и радиоперехвата в пограничной зоне с СССР.

...— О, майн либер альтергеноссе! — золотозубо улыбаясь, привстал навстречу Марчевскому из-за огромного стола Генрих Ругге. — Ведь мы с вами действительно альтергеноссе — одногодки, не так ли? А вы заставляете меня беспокоиться об участии старого товарища. Нехорошо, герр Викентий, прятаться от друзей! Присаживайтесь. Сейчас будет кофе. Распорядитесь, Шмидт!

Марчевский прошел к столу, сел в кресло. Настороженно поднявший голову при его приближении кобель глухо зарычал, но замолк, повинуясь окрику хозяина. Абверовец ласково потрепал его за ушами, причмокивая от удовольствия.

— Мой Дар... Хорош, правда? Надеюсь, вы будете друзьями и с ним. Удивительно умный пес!

Пан Викентий слушал, напряженно сцепив пальцы. Хотелось завывать от отчаяния — почему сразу не ушел?! Теперь сидит здесь, в замке, расположенном в нескольких километрах от города, в кабинете начальника абверкоманды подполковника Ругге. Езус Мария, какой калейдоскоп событий за один день! Утром неудачный выход на место встречи со связником. Потом слежка, появление в квартире Зоси подозрительного Тараканова и вслед за этим приезд немцев. Поневоле задумаешься над подобными совпадениями. Но, может быть, еще не все потеряно? Ведь блеснул же луч надежды и пока ничего не ясно до конца. Значит, надо собрать волю в кулак и продолжать бороться. Как — будет видно по обстоятельствам.

Открылась высокая резная дверь кабинета, и солдат в белоснежной куртке вкатил сервировочный столик на колесах. Легкий ароматный парок поднимался над кофейником, тарелочки с сыром и копченой колбасой, тонко на-

резанный хлеб, масло, коньяк, коробка сигар... Господин Ругге щедро угощает пленников? Да, а где Тараканов? Спросить? Нет, пожалуй, не стоит, выяснится само собой. Абверовец все равно вынужден будет хоть что-то сказать о человеке, задержанном вместе с Марчевским.

— Угощайтесь, — все так же радушно улыбаясь, Ругге встал из-за стола и пересел в кресло напротив пана Викентия. — Я за вами поухаживаю на правах хозяина. Поговорим, вспомним прошлое.

Настороженно слушая его болтовню, Марчевский осматрелся. Огромный сейф в углу, множество книжных полок и шкафов, два изящных застекленных шкафчика с винтовками. Отдельно, на специальной полочке, лежали оптические прицелы. Заметив его взгляд, абверовец самодовольно заметил:

— Да-да, мой друг, не оставляю прежних увлечений! Помните, как я уложил кабана в тридцать седьмом? Мы с вами встречались тогда в Беловежской пуще, когда рейхсмаршал Геринг приезжал на охоту. И, как мне помнится, вели интересные беседы за рюмкой. Неужели вами все это забыто? А наша встреча в тридцать четвертом году, на переговорах, закончившихся заключением соглашения о пропаганде? Давайте выпьем за новую встречу, — немец налил в рюмки коньяк. — Надеюсь, вы объясните старому доброму другу Генриху, почему пришлось вас искать?

«Начинается... — отстраненно подумал пан Викентий. — С чисто немецкой педантичностью. Ну что ж, придется подыграть».

— Я... Я был в растерянности, — поднятая рюмка дрогнула в его пальцах. — Одно дело, когда мы встречались как равноправные партнеры, а теперь, когда один из нас победитель, а другой...

— Бог мой! Герр Викентий! Разве в разведке можно говорить о таких вещах? После стольких лет нашего плодотворного сотрудничества! Именно сотрудничества, а не оговорился, нет. И мне непонятны ваши сомнения — разве вы не ждали нас? По-моему, это было predetermined: слабое должно отпасть, умереть, а ему на смену приходит более сильное, жизнеспособное, несущее обновление всей Европе, всему миру!

«А он мало изменился, — наблюдая за Ругге, отметил Марчевский. — По-прежнему любит пустой треск выспренной болтовни. Но за ней умело прячет весьма серьезные вещи. Только человек, плохо знающий, с кем имеет

дело, может попасться на такую удочку, принять его за пустозвона. Нет, герр Ругге серьезный разведчик. Личина болтуна только одна из множества масок, которые он меняет с поразительной легкостью, как прирожденный циркач из балагана на ярмарке. Но что сейчас скрывается за словесной шелухой? Не дошел мой посланец? Они все пронюхали, а теперь наслаждаются моим неведением и готовят неожиданный удар? Поэтому и появился Тараканов? Если о нем не спросят — значит, он их человек. Но могут и специально спросить, чтобы скрыть это... Не исключено и то, что я усложняю по своей обычной привычке. Вдруг Ругге просто по-человечески рад моему задержанию? Ведь они искали меня, а Генрих такой же человек, как и все, и ничего ему не чуждо. Хорошо, если так. Но от них теперь не вырваться. Начинается новая дорога в жизни. Куда она приведет — на эшафот или к победе?»

— Вы правы, как всегда... — пригубив коньяк, пан Викентий поставил рюмку. — Выгоднее быть на стороне победителя.

— Где же вы пропадали? — близоруко прищурился абверовец. — Теперь нет больше смысла секретничать.

Последние слова прозвучали со скрытой угрозой — не забывайте, либер альтергеноссе, кто здесь стал хозяином, в чьих руках все: ваша жизнь, ваша земля, ваше будущее.

— В деревне, — обозоруживающе улыбнулся Марчевский. — Не смотрите на меня подозрительно, я говорю правду. После поражения нашей армии скрывался в деревне. Спросите, в какой? В разных, постепенно перемещаясь сюда, к этому городу, где вы меня и отыскиали. Но если бы я знал, герр Ругге, что вы здесь, наша встреча состоялась бы раньше.

— Хочется верить... Я знаю, что ваша жена погибла, знаю. Тяжелая утрата, но остались дети! Надеюсь, ваша откровенность не заставит меня прибегать к жестким мерам по отношению к ним? Согласитесь, отыскать их не составит большого труда. Поэтому скажите, почему вы стремились именно сюда, ближе к новой границе с русскими?

— Здесь Зося. — Марчевский решил не петлять, как заяц. Все равно они уже знают, кто хозяйка квартиры, где его задержали. Разве не естественно, что мужчина стремится обрести хотя бы какой-то островок любви, тепла, участия, дружеской поддержки, наконец, в это смутное время недоверия?

— Да, зачастую даже у профессионалов берет верх чувство, а не разум, — подумав, согласился Рутге.

Ему вдруг стало невообразимо скучно. Зачем он затеял никчемный, глупый разговор, похожий на диалог из провинциального спектакля? Разве он плохо знает Марчевского? Нет, тот ему известен очень хорошо. Долгое время глаза и уши Рутге окружали полковника, доносили о каждом его шаге, симпатиях и антипатиях, ловили даже вскользь брошенные замечания, которые могут сказать опытному человеку больше официальных выступлений. Да, Марчевский ему нужен, нужен как ключ к картотеке, нужен как опытный человек, способный, сотрудничая с абвером, оказать большую помощь в налаживании работы на Востоке. У полковника опыт, знание местной среды, обычаев, нравов, связи внутри оккупированной страны и за ее пределами. Стоит ли сейчас пытаться вывернуть его наизнанку, долбить вопросам, на которые будешь получать заранее приготовленные ответы? Ведь он наверняка готовился к такому исходу — задержанию спецслужбами рейха и, вне всякого сомнения, потратил не один час, репетируя собственное будущее поведение. Вон как ловко разыграл дрожь в пальцах! Проверять его будут. Проверять, проверять и проверять! Даже когда не останется и тени подозрений — все равно будут проверять во избежание попыток переметнуться, заняться двурушничеством, приобрести себе индульгенции у врагов рейха, например у англичан. Адмирал Канарис прав — агента разведки надо связать по рукам и ногам, поставить в условия, лишаящие возможности торговать военными секретами. Каждый должен выполнять строго определенные функции и знать только положенное. Железная дисциплина и общение с ограниченным кругом людей! Разведка должна опираться не на «таланты» отдельных шпионов, а на хорошо продуманную систему! И в этой системе полковнику Марчевскому уже отведено место. Выбора у него не будет — либо сотрудничество, либо развяжут язык другим способом, а потом уберут за ненадобностью. Марчевский не может не понимать этого. Так стоит ли ломать комедию? Не проще ли взять быка за рога?

— Знаете, почему вас искали? — доливая себе в чашку кофе, спросил немец.

— Да.

— И каково ваше решение?

— Только никаких подписок, господин подполковник. Это унизительная процедура, словно вербуют мелкого ос-

ведомителя. А я надеюсь на сотрудничество. С вами, с вермахтом, с Германией.

— Разумно... С подписками, думаю, решим. Ведь мы старые друзья, правда, герр Викентий? — Рутге снова повеселел. Повернувшись к столу, не глядя взял с него какую-то вещь, лежавшую под листом бумаги, небрежно бросил себе на ладонь, показал Марчевскому. Это было распятие, которое хотел продать ему Тараканов. — У вас при обыске нашли крестик. Что это?

— Я купил его, и теперь он принадлежит мне, — пап Викентий спокойно протянул руку, намереваясь взять золотую вещицу.

— Вот как... — немец отвел свою ладонь в сторону. Двумя пальцами ухватил распятие, поднес ближе к близоруким глазам, рассматривая. — Хорошая, старая работа. Антикварная штучка. Что-то выгравировано на оборотной стороне? Не вижу без очков...

— Дата рождества Христова, — спокойно пояснил поляк. — Я решил на покупку, поскольку Тараканов прав — золото всегда в цене.

— Тараканов? Тот человек, что был в доме вашей... — абверовец немного замялся, видимо подыскивая нужное слово на польском. — Вашей симпатии? Кто он?

— Так... — равнодушно пожал плечами Марчевский. — Встречались когда-то... Мелкий осведомитель дефензивы, выявлял коммунистов. Русский эмигрант.

— Держите... — немец отдал Марчевскому распятие. — Собственность священна — это основа нашего мира и национал-социализма. Сейчас покажут вам комнату. Отдохните, приведите себя в порядок. Ужин принесут, я распоряжусь. Поживите у меня в гостях — замок большой, места хватит. Когда отдохнете, будьте так любезны изложить на бумаге все, что вы делали с момента начала войны. Желательно подробно. И на немецком. Завтра мы встретимся и начнем работать с картой. У нас будет много работы, майн либер альтергенессе...

Неслышно отворилась дверь, замаскированная книжными шкапами, и в кабинет вошел Шмидт с большим узлом в руке. Развернув его, брезгливо вывалил на пол пиджак, брюки, рубашку, нижнее белье. Глухо стукнув о паркет, упали туфли.

— Здесь все, — гауптман отступил на шаг.

Подполковник вернулся от двери, до которой вежливо проводил Марчевского, и, присев на корточки перед гру-

дой одежды, начал перебирать ее, тщательно прощупывая швы.

— Ваши впечатления о поляке? — не поднимая головы, обратился он к Шмидту.

— Насторожен.

— Вы тоже были бы таким па его месте. Ничего, привыкнет. Предстоит тщательно проверить все его показания. А пока пусть работает. Не даром же его кормить. Вы сами осматривали вещи русского? Что-нибудь нашли?

— Нет. Костюм без меток, но явно английского производства.

— Думаете, господин Тараканов прибыл прямо с Островов? — усмехнулся Рутге, ловко прощупывая пояс брюк. — Нет, гауптман, англичане никогда не доверятся русскому, даже эмигранту. А костюм... Поляки всегда покупали либо отечественные костюмы, либо английские. Это был своеобразный шик, варшавская мода. Но никогда не брали немецкие! Если наш новый знакомый Тараканов действительно жил здесь, то почему бы ему не носить английского костюма? Пока это ничто... Не сопротивлялся?

— Был спокоен, разделся по первому требованию. В карманах ничего заслуживающего внимания — польские золотые, немного марок, дешевые сигареты, спички польского довоенного производства, перочинный нож, паспорт. Также польский, на фамилию Тараканов. Оружия нет.

Подполковник закончил осмотр одежды, встал, прошел в угол к умывальнику, старательно вымыл руки.

— Распорядитесь, пусть распорют все швы. Эмигрант не обеднует, в крайнем случае, если он нам сгодится, найдем во что его одеть. А нет... Мертвому безразлично, в чем лежать во рву.

— Врач его осмотрел. На теле никаких отметин, мужчина здоровый, нормального телосложения, мускулатура хорошо развита.

— Не считаете, что мог заниматься специальными видами борьбы? Вы присутствовали при осмотре, сами видели все?

— Да, господин подполковник. Развитие определенных групп мышц может свидетельствовать о занятиях спортом, но точно судить не берусь. Под предлогом дезинфекции его всего смазали специальным составом. Ничего не выявлено.

Рутге уселся в кресло, закурил, жестом предложив Шмидту занять место у стола.

— Надо его как следует проверить. Если он действительно работал в Польше «Б», как здесь раньше называли земли Украины и Белоруссии, то может нам весьма пригодиться. Но только после тщательной проверки. Найдите кого-нибудь из бывших «осадников», может быть, знают о нем что-либо? Они все там работали на корпус охраны пограничья и дефензиву.

Шмидт согласно кивнул. Он знал, что в двадцатые годы на земле Западной Белоруссии было специально расселено около пяти тысяч осадников — бывших офицеров и унтер-офицеров легионов Пилсудского. Они получали наделы от пятнадцати до сорока пяти гектаров, строили похожие на крепости хутора и служили опорой полицейским властям. Польшей «А» называли центральную и западную Польшу, где нужды в осадниках не было, в отличие от Польши «Б» с враждебно настроенным по отношению к пилсудчикам белорусским и украинским населением. Многие из бывших легионеров предпочли немцев, оккупировавших страну, приближающимся частям Красной Армии, и потому отыскать человека, возможно значащего Тараканова до войны, было задачей вполне реальной.

— Вы распорядились дать бумагу русскому?

— Да. Ему объяснили, что правда в его же интересах. Будет писать.

— Почитаем... Люблю подобные произведения, — улыбнулся подполковник, — узнаешь столько нового. Будем продолжать скрупулезно работать над тем, чтобы выявить среди наших людей и вновь появляющихся рядом с нами человека с чужим прошлым. Да-да, с чужим прошлым. Вражеский разведчик не может быть самим собой, он натягивает чужую личину, берет себе чужое прошлое и выдает его за свое. Понимаете? Обнаружив такого человека, ни в коем случае не ликвидировать, нет. Наоборот, окружить заботой, чтобы и волос не упал с его головы, чтобы не простудился, не сломал ноги... Но за это он будет давать своим хозяевам то, что решим мы. И так до тех пор, пока не минет в нем надобность. Такие люди, с чужим прошлым, к нам придут, поверьте моему чутью, Шмидт! Марчевский один из немногих, кто знал тайну ключа шифра картотеки агентуры польской разведки. Думаете, сбежавшие в Лондон не подзвездают об этом? Есть сведения, что они весьма заин-

тересованы в установлении контактов с господином полковником. Еще Бисмарк говорил: «Польша — один из камней преткновения всей европейской политики». А на Островах любят диктовать свою волю континенту. Поэтому они будут пытаться осуществить контакт с нашим пленником. В картотеке заинтересованы и русские — они могут получить сведения о чужих агентах, оставшихся на занятой ими территории Западной Украины и Белоруссии. А кроме Марчевского почти не осталось в живых никого, кто знает тайны ключей! Поэтому они придут. Такой лакомый кусок не упустят ни англичане, ни русские. Французы, думаю, не сунутся, им не до этого.

— А если уже пришли? — глубоко посаженные глаза Шмидта уставились в лицо начальника. — Костюм на Тараканове английский, без меток! Этот тип может быть таким же русским, как я китайцем!

— Вот это-то мы и выясним, дорогой Шмидт, здесь мы хозяева и можем диктовать правила игры. Захотим — усилим темп, сделаем поединок более жестким, захотим — будем тянуть время, прикидываться дураками. Проверять, всех и все проверять, Шмидт! Искать, постоянно искать чужого агента. Пойдемте, я хочу взглянуть на русского.

...Помещение, куда привели Тараканова, оказалось подвальной комнатой без окон, насквозь пропитанной запахом сырой штукатурки и немецкого дезинфекционного порошка «Лойзетодт», употребляемого для борьбы со вшами. Одежду отобрали, пообещав ее вернуть после дезинфекции и выдав взамен старый солдатский мундир, потрепанные брюки, грубую нижнюю рубашку и кальсоны. К ногам бросили стопганные туфли. Мрачный солдат захлопнул за Таракановым тяжелую дверь, оставив его одного. Присев на лавку из деревянных реек, эмигрант осмотрелся.

Свежештукатуренные стены — немцы не любили оставлять в камерах никаких следов прежних узников. Высокий, сводчатый потолок, электрическая лампочка в проволочной сетке. Выключателя в камере не было. На правой стене темнела решетка вентиляционного отверстия. Скамья, на которой сидел Тараканов, стояла рядом с привинченным к полу небольшим столом. На полу лежал свернутый тощий матрац.

Вздыхнув, арестант привычно потянулся к карману за сигаретами, но рука остановилась на полдороге — у него отобрали все вместе с одеждой. Будут проверять? Несо-

мненно. Пусть, ему нечего скрывать, а окончательно определяться где-то на службу все равно надо — нельзя же болтаться в такое время, как цветок в проруби, не имея никакого дела. Но для начала надо выбраться из этого подвала живым и здоровым. Поэтому не стоит раздражать хозяев.

Лязгнул замок, и в камеру вошел средних лет мужчина в немецком мундире без знаков различия. Молча поставил на край стола миску с пищей, положил рядом кусок хлеба и две сигареты. Добавил к ним полупустой коробок спичек, карандаш и тонкую стопку серой бумаги.

— Знаете немецкий? — обратился он по-польски к настороженно наблюдавшему за ним Тараканову.

— Слабо... — извиняюще улыбнулся тот. — Могу немного говорить, а пишу совсем плохо.

— Тогда пишите все о себе на русском, подробно, с указанием дат, имен, точных мест происходивших событий. Вплоть до девичьей фамилии матери. Ясно.

— С какого времени?

— С рождения, — буркнул мужчина в немецком мундире и вышел. Тараканов подвинулся ближе к столу, взял ложку. В миске была картошка с консервированной свиной. Неплохо. Кормить, видно, будут пока не по тюремному рациону, а из солдатского котла.

Поев, он закурил, положил перед собой стопку бумаги, взял карандаш. Задумчиво постучал им по губам, ременная, как пачка. Наконец на листе появились первые строки: «Родился я на юге России, в тысяча девятьсот четвертом году, в православной семье капитана царской армии Ивана Владимировича Тараканова...»

...Рутге задвинул заслонку потайного оконца, через которое наблюдал за сидящим у стола Таракановым. Хорошо смазанные петли без скрипа повернулись, опуская крышку, прятанную глазок за вентиляционной решеткой.

— Марчевский на прощание сказал мне, что этот русский — поклонник Савинкова... — задумчиво сообщил подполковник. — Проверьте, Шмидт, не был ли он сам террористом? И не тешите — предстоит большая игра, нужен человеческий материал.

Гауптман согласно кивнул.

Глава II

Господина министра разбудили очень рано, даже слишком рано. Сквозь сладкий предутренний сон он по-

чувствовал, как кто-то вежливо, но очень настойчиво тербит его за плечо.

— Проснитесь, господин министр, проснитесь...

С трудом разлепив тяжелые от сна веки, господин министр иностранных дел Дании сел в постели, запахивая на груди расстегнувшуюся пижаму: — В чем дело?

Он имел право на такой вопрос. Быть разбуженным еще затемно?! На каком основании? Что могло произойти такого экстраординарного?

— В гостиной вас ожидают немецкий посол и авиационный атташе Германии, — разбудивший министра личный секретарь выглядел явно встревоженным. Ждать чего-либо хорошего от господ нацистов было по меньшей мере глупо. — Они просят вас поторопиться.

Наспех сунув босые ноги в теплые домашние туфли и накинув на плечи куртку из верблюжьей шерсти, министр вышел в гостиную. Оба немца при его появлении встали. Но заговорил не посол, как этого ожидал господин министр, а германский авиационный атташе.

— Господин министр! Германское командование имеет конкретные доказательства того, что Англия запланировала оккупацию датских и норвежских военных баз. Для предупреждения этого германские вооруженные силы перешли границу и начали оккупацию Дании. Должен вам также сообщить, что в течение нескольких минут над Копенгагеном появятся эскадрильи немецких бомбардировщиков. Однако, согласно приказу, они пока не сбросят бомб. Задача датчан: не оказывать сопротивления, так как это привело бы к самым ужасным последствиям.

Пораженный услышанным, министр иностранных дел обессиленно опустился в кресло. Взгляд его упал на каминные часы — было четыре часа двадцать минут девятого апреля 1940 года.

...Десятого апреля британский посол в Копенгагене Говард Смит направил в Форин оффис донесение:

«На рассвете, примерно около пяти часов, три небольших транспортных парохода появились у входа в копенгагенский порт. Над ними кружили немецкие самолеты. Береговая противовоздушная оборона дала один предупредительный выстрел по самолетам. Не считая этого, датчане не оказали сопротивления, и, таким образом, немецкие десантные и военные корабли смогли свободно войти в порт. В первой волне высадились на берег примерно восемьсот солдат. Они сразу прошли к древней копенга-

генской крепости Кастель, ворота которой были заперты. Их попросту взорвали. Датская стража, которую застали врасплох, не оказала сопротивления. Как только крепость была занята, часть немецких вооруженных сил направилась в Амалиенбург, в королевский дворец, где напала на стражу и застрелила одного из телохранителей, а двух ранила.

Шансы датской армии на сопротивление вследствие полной внезапности уменьшились еще больше. Например, один из старших офицеров датского военного министерства в день немецкой высадки на берег, девятого апреля, как обычно, ехал на автомобиле из своей виллы в столицу. По дороге он наткнулся на немецкий разведывательный дозор, который приказал ему остановиться. Но старший офицер военного министерства, смеясь, погнался дальше, не поняв, что это: находящиеся в шаловливом строении или немного подвыпившие датские солдаты?.. Он начал понимать только тогда, когда автоматная очередь прорезала его машину...»

Больше от Говарда Смита донесений в Форин оффис не поступало.

...В тот же день немцы оккупировали Норвегию, завершив операцию «Везербунг».

...Старая мельница стояла на берегу тихого, поросшего ряской, пруда. Плифы мельничного колеса выкрошились от наводков и долгих лет, как зубы у старика; бревна приобрели цвет благородного серебра, а здание мельницы казалось дорогой игрушкой, забытой ребенком-великаном среди буйно разросшихся кустов и задумчиво глядящих в зеленую гладь воды плакучих ив. Темный мох облепил фундамент, сложенный из нетесаных камней, густо желтела глина берегового откоса, а на самом его краю воздело к серому небу руки-ветви засохшее дуплистое дерево.

— Голландский мастер? — прищурился рассматривавший полотно Альфред Этнер.

— На этот раз вы не угадали, господин группенфюрер, — сопровождавший Этнера обер-фюрер СС Бергер достал из внутреннего кармана очки в тонкой золотой оправе, тщательно протер стекла и, держа очки как лорнет, склонился к табличке на раме.

— Картина неизвестного русского художника. Примерно середина прошлого века.

— Поразительно, просто поразительно. Манера письма очень напоминает старую фламандскую школу. Сознай-

тес, — Этнер взял под руку выпрямившегося обер-фюрера, — вы специально подвели меня к русской картине?

— Вы правы, экселенц.

Этнер убрал руку, прошелся по небольшому залу, стены которого были увешаны полотнами в дорогих рамках. Остановился перед картиной, изображавшей охотничий выезд английского вельможи семнадцатого века. Дамы и кавалеры на породистых лошадях, своры собак, нетерпеливо рвущихся с поводков, коренастые псаря, вооруженные длинными кинжалами, подняли блестящие охотничьи рога, готовясь загрнуть по знаку хозяина, спустить собак со сворок, начать лихую и кровавую потеху. На кого выехал охотиться вельможа — на оленя, на лисицу, на медведя? Хотя, кажется, в английских лесах того времени уже давно не водилось медведей, если они там были вообще. Медведи — это Россия. Чертов Бергер! Умеет-таки ненавязчиво повернуть мысли начальства в интересующую его сторону.

Группенфюрер покосился на Бергера, почтительно стоявшего в стороне. Штатский костюм немного мешковато сидел на его тощей длинной фигуре. Сквозь редкие, сероватые волосы просвечивала розовая, как у младенца, кожа. Да, обер-фюрер далеко не красавец, но зато весьма надежный сотрудник, не лишенный способностей. И с хорошими связями. Этнер никак не ожидал, что пригласивший его посетить имение родственника по линии жены Бергер сделает такой сюрприз — картинная галерея в немецком помещичьем доме. Причем неплохая галерея, черт возьми, очень неплохая. Хотя и небольшая. Многие полотна доставляют массу удовольствия. А вперед еще обещанный обед, приготовленный поваром китайцем. Помнится, Бергер говорил, что хозяин имения фон Бютцов оказал большие услуги национал-социалистам до их прихода к власти.

Этнер уже был представлен хозяину — лысому тощому старику с хитрыми голубыми глазками, словно напоказ одетому в традиционный баварский костюм. Перебросившись с гостями парой ничего не значащих фраз, хозяин сослался на дела и оставил их одних. Нет, не зря Бергер предложил провести свободный день в имении дальнего родственника, не зря. Хочет в неслужебной обстановке обговорить некоторые дела? Ну что же, поговорим.

— Как вы полагаете, обер-фюрер, кто из этих псов ретривер?

Бергер подошел, надел очки, внимательным взглядом окинул полотно.

— Простите, господин группенфюрер, я не совсем понимаю. Это что, особая порода?

— В некотором роде, — усмехнулся Этнер. — Вижу, вы не знаток псовой охоты, уходящей в небытие. Ретривер — пес, приученный приносить хозяину убитую дичь и подранков. Только приносить. Своего рода собачий лакей. Выслеживает добычу другой пес, более умный и тонко организованный, а ретривер только приносит... Абвер должен стать для СД ретривером в начатом нами польском деле! Пойдемте на веранду, здесь не стоит курить...

Они вышли, сели в плетеные кресла. Этнер достал пачку американских сигарет, угостил Бергера.

— Апрель всегда представлялся мне чародеем, творящим чудеса на германской земле, — продолжил Этнер. — Леса в легкой зеленой дымке появляющейся листвы, молодой, нежной, еще не тронутой жгучими лучами летнего солнца. Синеющие горы, звонкие, чистые ручьи, унесшие мусор стаявшего снега... Я искренне благодарен вам, Бергер, за приглашение посетить это имение. Нельзя все время сидеть в душных кабинетах и на деловых совещаниях. Однако раз уж мы начали разговор, то стоит его продолжить?

— Как вам будет угодно, — вежливо склонил голову обер-фюрер.

— Апрель принес не только пробуждение природы, но и новые победы — пали Дания и Норвегия. Теперь очередь Франции. Пусть не думают отсидеться за линией Мажино, не выйдет! Кстати, я недавно видел прелюбопытное произведение ведомства господина Геббельса. Представьте, на листовке изображена комната, где на стуле, около большой супружеской кровати, висит английский мундир. И подпись: пока Жан служит на линии Мажино, солдаты английского экспедиционного корпуса утешают его Жанну.

— Серьезно? — заулыбался Бергер.

— Вполне. Авторы верят, что когда эти листовки будут разбросаны с самолетов над французскими позициями, то окажут деморализующее воздействие на легкомысленных парижан и марсельцев.

— Самый веский аргумент — наши танки. И бомбовый удар.

— Да, как в Польше, — блестящий пример молниеносной войны. Они сами подтолкнули нас, проведя пе-

репись населения семнадцатого мая тридцать девятого года. Тогда весь мир узнал, что к востоку от линии Одер — Ныса — Лужицкая проживает не только восемь с половиной миллионов поляков, но и более семи миллионов немцев! Недавно рейхсфюрер Гиммлер интересовался, как идет подготовка в Гамбургской школе СС. Скоро нам понадобится много опытных, хорошо обученных людей...

Бергер знал о Гамбургской школе, располагавшейся в восточном пригороде у реки Альстер. Подобные школы были в Мюнхене и Регенсбурге. Но Гамбургская была любимым детищем рейхсфюрера. Ее прятали от любых вражеских взглядов и случайных любопытных. Даже не все члены СС подозревали о существовании подобных школ, а Гамбургской в особенности. Она располагалась в скромном с виду четырехэтажном здании бывшей гимназии для дочерей прусских офицеров. Для соблюдения секретности школа официально имела вид училища секретариата национал-социалистической партии. Здание скрывала высокая стена, увитая плющом и диким хмелем. Ограду специально достраивали, чтобы отрезать большую территорию. Школой руководил доктор Генрих Куртц, высланный в тридцать восьмом году из Соединенных Штатов. Школа располагала прекрасно оборудованными кабинетами, аудиториями для занятий, отличным тиром, гимнастическим залом, тренировочными площадками под открытым небом с макетами мостов, железнодорожных путей, тоннелей. После окончания обучения слушатели школы обычно поступали на строго законспирированные курсы повышения квалификации в Штутгарте, где находилась центральная библиотека с фотоальбомами военных заводов, различных государственных и общественных учреждений стран Европы и Америки.

— Рейхсфюрер, как всегда, прозорлив, — согласился Бергер. — Мы успешно работаем в Польше и будем переносить этот опыт на другие территории.

— В общем смысле — да! Но есть конкретная задача. Абвер заполучил бывшего сотрудника польского генерального штаба полковника Марчевского. Вспомните старую поговорку: недоеденный кусок — самый сладкий кусок. А господа из Лондона не съели картотеку агентуры польской разведки. Для русских это жизненно важно, поскольку значительная часть агентов, которые могут быть перевербованы нами, находятся на территориях Западной Украины и Белоруссии. Значит, и они будут ин-

интересоваться карточкой. А выход на нее один — Марчевский!

— Операция спланирована, господин группенфюрер. Но как быть с десятью заповедями?

Бергер имел в виду отнюдь не библейские заповеди. В свое время, занимаясь дележом сфер влияния, Канарис и Гейдрих заключили соглашение, получившее название «десяти заповедей». Согласно ему в компетенцию абвера входила тайная служба информации за границей, борьба со всеми организациями, угрожающими национал-социалистскому режиму, развертывание саботажа и диверсий, выявление связей групп сопротивления, возникающих на оккупированных территориях, с иностранными разведками. СД оставляют за собой контроль над внутренней политикой оккупированных государств.

— Наплевать! — принял в пепельнице окурок Этнер. — Англичане и русские — серьезные противники. Их военные разведки всегда были чрезвычайно тесно связаны с политикой. Сейчас не важно, кто из них первым клюнет на нашу удочку. Лучше всего, конечно, чтобы клюнули и те, и другие. Мы должны заставить их поверить в наше провозглашение, Бергер! Заодно приглядеть за абвером.

— Вы им не доверяете, экселенц? Только в этой операции или...

— Им не доверяет рейхсфюрер! — отрубил Этнер. — Поэтому штандартенфюрер СС Карл Бухер специально выделен для наблюдения за действиями Канариса. Вам следует знать об этом и сделать соответствующие выводы. Выполнить стоящую перед нами задачу лучше всего через агентов чужой разведки, причем желательно, чтобы они сами добыли подготовленную нами информацию. Вот в чем фокус! Однако глупо возлагать все надежды только на то, что Марчевским начнут интересоваться чужие разведки и мы получим возможность подслушать им нужные материалы. Хотя это один из выигрышных вариантов. Поэтому я дал согласие на его разработку. В нужном направлении одновременно будут работать и другие службы. В том числе за рубежом. Противник в любом случае должен выйти на подготовленный нами материал и получить подтверждение добытой его разведкой информации. Он его получит через дипломатов, военных атташе, попов из Ватикана, через деловые круги... кстати, в этот польский город направлен на должность начальника гестапо Вилли Байер. Человек проверенный, специально подоб-

раянный для этой должности. Все инструкции ему даны. Только! Вы начали работу по польскому варианту?

— Да, группенфюрер. К Марчевскому подведен опытный сотрудник. Он окончил орденбург¹ в Крессине, стажировался в Гамбургской школе. Прекрасно подготовлен. Для большей правдоподобности мы вводили его в семью настоящего русского эмигранта, за которого он себя выдает. За короткие сроки он сумел изучить особенности личности двойника, перенять его походку, манеру говорить. Учитывалось и некоторое внешнее сходство. Из лагеря получены настоящие документы и вещи. Думаю, он уже в контакте с Марчевским.

Слушая Бергера, Этнер согласно кивал. Ему были известны привычки подчиненного — каждую операцию тот готовил крайне тщательно. Если хотел внедрить человека в подполье, то обязательно пропускал его через общение с настоящими членами организации, находящимися в заключении. При подготовке документов использовал только ту бумагу и чернила, которые были захвачены при налетах на подпольные типографии и явочные квартиры, аналогично дело обстояло и с печатями.

— Вы не перегнули палку, подведя его к поляку под видом русского? Может быть, не стоило так? — поинтересовался Этнер.

— Отчего? — удивленно поднял короткие брови Бергер. — Наш офицер отлично владеет русским языком, хорошо знает славян, их психологию, очень предприимчив и осторожен. Абвер сейчас использует многих эмигрантов, поэтому его мнимая национальность не будет подозрительной. Должен вам открыть один секрет — офицер, введенный мной в разработку Марчевского, — сын хозяина имения, Конрад фон Бютцов.

— Вот даже как... — не смог скрыть изумления группенфюрер. — Отец знает?

— Отец весьма любопытная фигура. Я не зря пригласил вас сюда. У него два сына, и младший из них — офицер СС.

— А старший?

— Старший живет в США.

— Любопытно. И давно? Что он там делает? Почему не возвращается в рейх?

---

¹ Орденбург — специальные офицерские училища в нацистской Германии, готовившие элиту для вермахта и войск СС, обычно располагались в старинных замках. Часто поставляли кадры для нацистской разведки.

— Уехал он давно. А возвращаться... Думаю, господин группенфюрер, наш любезный хозяин заручился поддержкой в решении этого вопроса на самом верху, — оберфюрер многозначительно поднял длинный палец.

— Вы хитрец, Бергер! Наверняка не бескорыстно пригласили меня к своему родственнику... Кстати, абверу дабы надлежащие указания по оказанию нам помощи в проведении операции. Мы — дирижеры, они — исполнители, не знающие даже деталей и конечной цели. Но боюсь, как бы не пришлось плохо вашему протекже. Прятаться за чужим, да еще славянским прошлым! Русский все время будет вызывать подозрения. Абвер умеет работать.

— Подозрения? — пожал худыми плечами Бергер. — Сколько угодно! Главное, чтобы он выявил там темную лошадку из конюшни чужой разведки, через которую мы сможем реализовать свой материал и выполнить поставленную задачу. А своих стоит ли бояться, господин группенфюрер?.. О, время обеда! Отведаем блюда, приготовленные искусным азиатом. Заодно поближе познакомьтесь с хозяином. Кажется, он тоже любитель охоты.

...Поздно вечером, усталый, но очень довольный проведенным в имени фон Бютцова днем, группенфюрер СС Этнер возвращался на своей машине в Берлин.

Хозяин имения действительно оказался весьма приятным и полезным человеком. И Бергер тоже не промах — всунул родственника в разведывательную операцию, проводимую среди своих и на собственной территории. А награды и повышение по службе будут. Зато практически никакой опасности — кругом свои. Но потом можно двинуть родственника выше, на хорошую должность. Об этом стоит подумать. Тем более что в багажнике лежит тщательно упакованная столь понравившаяся Этнеру картина неизвестного русского мастера, с тихим прудом и старой мельницей.

...В поезде Выхин почти не спал. Состав тащился медленно, часто останавливаясь по непонятным причинам. В вагоне было душно, нахло пемытыми человеческими телами, дешевым табаком и сырой тканью. Хорошо еще, что удалось занять место около окна. Примостившись на жесткой деревянной скамье общего вагона — купейные только для немцев, Выхин пытался задремать. Мешали разговоры соседей-поляков о новых порядках, бешено возросших ценах, пропавших без вести родственниках, ушедших в прошлом году в армию. Один раз состав остановили для проверки документов. Немецкие жандармы с ме-

таллическими бляхами на груди и люди в штатском быстро и деловито просматривали подаваемые им бумаги, бесцеремонно вытряхивали скудные пожитки из мешков и чемоданов. После проверки кто-то сказал, что в соседнем вагоне забрали молодого царня. За что? А кто знает? Тенерь время такое.

К городу поезд подошел утром. Через грязное стекло вагона Выхин увидел разбитое еще в начале войны здание вокзала. Его двери и оконные проемы были заложены кирпичом. Роль станционных построек выполняли два старых вагона, стоявшие в стороне, на запасных путях. Перрон сохранился, и шумная толпа из общих вагонов выплеснулась на него. Выплеснулась и качнулась обратно — перрон был оцеплен солдатами. Задние, еще не успевшие выйти из дверей, наспирали на передних, невольно остановившихся при виде пемцев. Вышедший одним из первых Выхин — пришлось потолкаться, прокладывая себе дорогу, тоже немного отступил назад. Стоит ли привлекать к себе внимание и первым лезть на очередную проверку документов?

Несколько немецких офицеров и солдат, ехавших в передних вагонах, прошли на площадь. Следом, подгоняемые окриками жаандармов и полицейских, потянулись остальные пассажиры.

Площадь перед вокзалом была невелика, пыльная, застроенная по краям невысокими домами. Справа — трамвайный круг с ожидавшим пассажиров полупустым трамваем.

Избежать проверки документов было невозможно — сзади оцепление, а у единственного прохода стояли несколько эсэсовцев из дежурного взвода комендатуры. Документы проверяли и перед посадкой, но там все было проще, а здесь совсем рядом граница с Советами. В поезде поговаривали, что до сих пор кое-кто из местных и приехавших из других районов страны пытается уйти за кордон. Встав в очередь на проверку, Выхин прикинул, сколько это займет времени. Приехало человек пятьдесят — семьдесят, на каждого тратили по пять—семь минут. Получалось, что ему придется простоять здесь около часа, поскольку в очереди он был тринадцатым. Несчастливое число, усмехнулся он. От нечего делать начал разглядывать стоявших в очереди и проверявших документы. Эсэсовцам, видно, тоже не очень-то хотелось торчать у вокзала лишнее время в ожидании прибытия следующего поезда. Они разделились, начав пропускать

проверяемых в два потока. Очередь двинулась заметно быстрее.

Неожиданно внимание Выхина привлек человек в штатском, стоявший чуть в стороне от бывшего вокзального здания. Он легко покуривал, искоса поглядывая в сторону проходивших проверку. Широкополая шляпа сбита на затылок, крепкий, немного тяжеловатый подбородок с чуть заметной ямочкой, выпуклые надбровные дуги, отчего лоб казался темного пизковатым, внимательные светлые глаза, перебегавшие с одного лица на другое. Казалось, он кого-то выискивал в толпе.

Выхин подошел к рыжеватому немолодому эсэсовцу, подал бумаги. Тот, щуря глаза от дыма зажатой во рту сигареты, начал их внимательно просматривать. Повинуясь его знаку, Выхин распахнул светлый плащ, позволил провести руками по телу в поисках оружия. Удовлетворившись проверкой и личным досмотром, эсэсовец небрежно сунул ему в руки бумаги и кивком головы показал, что можно быть свободным. Перекинув небольшой чемоданчик в левую руку, Выхин взял бумаги и отшел, намереваясь убрать их во внутренний карман пиджака.

— Хальт! Стой! — неожиданно раздался сзади громкий вопль.

Пророкотала короткая автоматная очередь. Выхин прижался спиной к стене. Стреляли не в него. Через площадь быстро бежал средних лет человек в темном костюме, умело прыгав за пачавшими бестолково метаться пассажирами, уже прошедшими контроль и направляющимися к трамвайной остановке. На бегу он отбросил мешавший ему чемодан, выхватил пистолет и несколько раз выстрелил, целясь в эсэсовцев.

Люди на площади кинулись в разные стороны, боясь попасть под пули. Человек в темном костюме, видимо, хорошо знал город и привокзальную площадь. Воспользовавшись напущенной паникой, он юркнул в узкую щель между домами и пропал из вида. Эсэсовцы завели мотоцикл, трое из них сели на него и поехали через площадь, оглябая квартал. Вскоре вновь послышались автоматные очереди, выстрелы из пистолета.

Звуки погони сместились в сторону, можно было наконец осмотреться. Только что проверявший у Выхина документы рыжеватый эсэсовец сидел на земле, держась за плечо. Сквозь пальцы текла тонкая струйка крови. Выезжавший на площадь трамвай остановился, из него вы-

скачили несколько вооруженных немецких солдат и бросились на звуки выстрелов.

Через несколько минут все смолкло. Увели раненого, эсэсовцы быстро закончили проверку документов, приехавшие набились в трамвай, стремясь поскорее покинуть вокзальную площадь.

Выхин убрал бумаги. Заметил, как мелкой, предательской дрожью трясутся пальцы, засовывающие листки в бумажник. Еще бы — кому охота получить в подарок шальную пулю. Он повертел головой по сторонам — человек в широкополой шляпе, высматривавший кого-то среди пассажиров, сошедших с поезда, исчез. Словно его и не было. Пора, пожалуй, убираться от греха подальше, пока опять что-нибудь не произошло. Ненужные приключения никогда не привлекали Выхина. Не дожидаясь следующего трамвая, он пошел по улице прочь от вокзала, стараясь восстановить в памяти план городка, который тщателью заучивал перед поездкой.

Здесь должен быть костел святого Юргена, как раз на углу улицы, что ведет от площади в сторону предместий. Вот он. Теперь надо свернуть за угол и идти прямо, до кинотеатра, а там повернуть. Размеренная ходьба немного успокоила, мысли потекли ровнее. Может быть, он будет потом вспоминать это происшествие с улыбкой? Но сейчас хотелось скорее уйти как можно дальше — черт знает, что может взбрести в голову эсэсовцам на площади. Начнут облаву, возьмут заложников, а могут просто открыть стрельбу по безоружным... Оккупация!

По сторонам улицы целые дома начали перемешаться с развалинами, оставшимися после прошлогодних бомбежек. Остатки стен торчали выкрошившимися зубами, кое-где между битым кирпичом уже начала пробиваться чахлая трава. От многих домов остались только коробки с пустыми проемами окон.

Выхин свернул в проулок между разбитыми кварталами, стремясь сократить путь. Мостовая была здесь расчищена от обломков, можно пройти на параллельную улицу. Еще несколько минут, и Выхин выйдет к кинотеатру, а там рукой подать до шоссе, которое ему нужно. Кроме него, других прохожих не было. Стараясь скорее миновать мрачное место среди развалин, Выхин непроизвольно прибавил шагу.

— Стой!

Окликнули тихо, но с явной угрозой. Остановиться или, на всякий случай, нырнуть в пустой дверной проем

стены бывшего трехэтажного дома? Кто может его здесь окликать? Впереди никого, сзади тоже.

— Стою... — Выхин решил все же остановиться.

— Кто вы? — спрашивал мужчина, голос доносился сбоку, из-за кучи щебня.

— Приезжий, — лаконично ответил Выхин, осторожно поворачивая голову.

— Не двигайся! — приказал тот же голос. — Поляк?

— Русский.

— Из эмигрантов?

— Да... Что вам нужно?

— Немцы поблизости есть?

— Нет. По крайней мере, я не видел.

— Приехали с утренним поездом?

— Да. Скажите, что вам надо, или я уйду! — разозлился Выхин. — Хватит ломать комедию!

— Подойдите сюда... — голос невидимого собеседника звучал уже не угрожающе, а просительно.

Повернувшись, Выхин зашел за кучу щебня. Опершись рукой о выступ разрушенной стены, там стоял мужчина в темном костюме. Правая штанина намочла от крови, лицо было бледно, губы страдальчески кривились. Увидев Выхина, он поднял пистолет.

— Это лишнее... — поморщился тот. — Вам нельзя стрелять, иначе немцы тут же будут здесь. Как вам удалось оторваться от них?

— Были на площади? — вместо ответа спросил мужчина, не опуская оружия.

— Был... Чего вы хотите? Я вас уже второй раз спрашиваю об этом. Остановили, чтобы поинтересоваться национальностью?

— Я ранен, — мужчина убрал пистолет. — Рядом есть подвал. Помогите мне пройти.

— А если нас застукают вместе? Мне ни к чему сидеть с вами в гестано.

— Бойтесь? — усмехнулся мужчина.

— Боюсь, — согласился Выхин. — Откуда мне знать, кто вы такой?

— А пули в спину боитесь? — глаза незнакомца стали жесткими.

— Черт с вами, пошли. — Выхин поставил на землю чемодан.

Незнакомец оперся на его плечо, заковылял, кривясь от боли, в глубь развалин. Но его пистолет был направлен в бок Выхину.

— Не бойтесь... Сюда они не сунутся... — просипел раненый.

Выхин в ответ только усмехнулся.

Подвал оказался действительно неподалеку. С трудом спустившись по выщербленным, заваленным мусором ступенькам, они очутились в холодном сухом помещении, почти темном, если не считать слабого света, просачивавшегося через вентиляционные отверстия бывшего фундамента здания, под которым и был подвал. Охнув, мужчина опустился на пол. Достал из кармана пиджака нож, разрезал штанину, открывая рану на ноге.

— Принесите мне воды, — попросил он. — На углу водоразборная колонка.

— В чем? — издевательским тоном спросил Выхин. — Дадите ведро?

— Неужели у вас нет ничего в чемодане?

— Представьте себе, — развел руками Выхин. — Если только в стаканчике для бритья?

— Намочите хотя бы платок.

— Ладно, попробую. — Выхин повернулся, чтобы уйти.

— Подождите, — остановил его мужчина. — Знаете город?

— Откуда? — искренне изумился Выхин. — Я же только сейчас с поезда.

— Мне все равно некому довериться... — мужчина покусал нижнюю губу, раздумывая. Потом, видимо решившись, сказал: — Узнайте, где казино «Турмклаузе», зайдите туда вечером. Закажите чашку ликера «Кюрасао». Запомнили, именно чашку. Потом скажете, где и при каких обстоятельствах видоли меня.

— И все? — с прощией поинтересовался Выхин. — Знаете, мне нет дела до чужих тайн. Сейчас хочется сохранить собственную голову, а вы предлагаете мне сунуть ее прямо в петлю. Очень любезно с вашей стороны. Но даже если я и решусь пойти в казино, боюсь, что в лучшем случае меня там примут за сумасшедшего.

— Но мне больше некого послать, — мужчина в темном костюме прислонился спиной к стене, устроившись поудобнее. — Сделайте, как я вас прошу. Если не сможете сходить сегодня, то сходите завтра. Но лучше сегодня.

— Посмотрим... — Выхин направился к лестнице, ведущей вверх, в развалины. — Пока я схожу за водой...

Выйдя из подвала, внимательно осмотрелся — никого, словно все вокруг вымерло. Пробравшись через кучи

щепня и битого кирпича, он дошел до своего чемодана, взял его, вышел на дорогу.

Странная история, причем попахивающая провокацией. Кто этот раненый, почему бежал от патруля, просверлявшего документы у вокзала. И надо же было пойти здесь! Или все так было рассчитано и его ждали? Тогда плохо дело — еще голько появившись здесь, он оказывается втянутым в какую-то игру? Чью и с кем? Кто играет, по каким правилам? Одна сторона — безусловно немцы, а другая?

Водоразборная колонка действительно была на углу. Нажав на рычаг, Выхин спустил ржавую воду, скопившуюся в трубах, потом намочил носовой платок. Заметил, что на его светлом плаще остались пятна крови, видимо, испачкался, когда помогал раненому дойти до подвала. Пришлось замывать полу плаща.

Наконец плащ принял пристойный вид. Еще раз смочив платок, Выхин задумался — а стоит ли возвращаться в подвал, к этому странному человеку? Интересно, здесь действительно есть казино «Турмклаузе», в котором можно спросить чашку — он так и сказал: «Не забудьте, именно чашку»? — ликера «Кюрасао»? Есть ли такой ликер? Вроде, действительно, есть, у голландцев, лимонно-желтого цвета. Впрочем, не это сейчас важно. Идти в подвал или нет? Насчет казино решим потом.

Постояв несколько минут, он все же решился. Медленно пошел по улице обратно, вошел в развалины, добрался до знакомых ступеней, остановился.

— Не вздумайте стрелять, я принес воду... — предупредил Выхин и стал спускаться вниз.

— Где вы? — он поморгал, привыкая к полумраку подвального помещения и пытаясь рассмотреть, где раненый незнакомец.

— Где вы? — еще раз повторил Выхин, оглядываясь по сторонам. Ответа не последовало — подвал был пуст.

...В пригороде дорога стала шире — дома словно нехотя раздвинулись, отступив в тень полисадников и садов, отгородившихся от прохожих глухими каменными изгородями с низкими воротами и узкими калитками. За деревьями виднелись особняки — преимущественно двухэтажные, из белого камня, с красивыми черепичными крышами.

Не спеша шагая по квадратным каменным плиткам, которыми был вымощен тротуар, Выхин раздумывал о странном происшествии. Куда все-таки мог деться ранен-

ный? С простреленной ногой — а Выхин сам видел рану у него на ноге, когда тот разрезал штанину, далеко не уйдешь. Не пожалев времени, Выхин тщательно осмотрел подвал и не смог обнаружить никаких следов, указывающих на тайные убежища или скрытые выходы. Да и сам подвал был небольшим, просто негде спрятаться. Значит, раненый выбрался из него без посторонней помощи и ушел? Куда? Почему? Или кто-то помог ему найти более надежное убежище. Если бы его обнаружили жандармы, полиция или эсэсовцы, они непременно оставили бы у подвала засаду. Кроме того, Выхин никого не заметил, пока замывал полу плаща у водоразборной колонки.

А может быть, незнакомец специально попросил принести воды, чтобы удалить, хотя бы на время, Выхина? Но зачем тогда остановил его, просил помочь, назвал пароль из казино, настаивал на том, что необходимо побывать там сегодня же вечером или, самое позднее, завтра. И обязательно рассказать об обстоятельствах и месте их встречи. Кому? Похоже на то, что Выхину доверили только часть пароля, без отзыва. Скорее всего казино «Турмклаузе» действительно существует и там можно спросить чашку ликера «Кюрасао», а потом рассказать о встрече с раненым. Но кому, кому, черт побери! Официантке, мэтру, поваренку на кухне, хозяину заведения или швейцару? А стоит ли туда ходить? Вот в чем вопрос. А если все это — раненый, просьба о помощи, пароль — просто очередная проверка? Но кому проверять его здесь? О прибытии Выхина в этот город может знать только один человек, и то не наверняка. И не станет он устраивать подобных проверок! В этом Выхин был убежден на сто процентов.

Могли его спутать с кем-то другим, заманить в силки, расставленные на иную дичь, о которой Выхин не имеет ни малейшего понятия? Что же, это одно из вероятных объяснений произошедшего, но только вероятное объяснение, а не действительное...

— Скажите, где бывшее имение Пилецкого? — остановил он проходившую мимо пожилую польку, одетую в темное.

Та только молча махнула рукой вперед, по направлению, в котором он шел, и скрылась за калиткой. Звякнула щеколда.

Недоуменно пожав плечами, Выхин направился дальше, перебрасывая из руки в руку, казалось потяжелев-

ший за время пешей прогулки, чемодан. «Зря, наверное, пошел пешком», — подумал он. Но через несколько минут дорога вывела его к последним домам пригорода, и Выхип увидел вдалеке старый круглый донжон сторожевой башни и приземистые, серые строения замка, обнесенные высокой стеной из красноватого камня. Лента дороги ныряла в небольшую рощу и выводила прямо к воротам, перед которыми стоял полосатый шлагбаум с будкой для часового.

Ну вот, кажется, добрался до места. Еще тридцать — сорок минут шагать, а там и крыша над головой. Кто-то его встретит?

...С новичком пожелал познакомиться сам Ругге. Золотозубо улыбаясь, он поглаживал голову своего кобеля и откровенно рассматривал Выхина, стоявшего навтыяжку перед столом в кабинете начальника абверкоманды. Новенький понравился Ругге — аккуратно подстрижен, волосы светлые, чуть вьющиеся на концах, глаза серо-голубые, приятное лицо — не такая конфетно-галантерейная внешность, а действительно по-мужски приятное лицо — приличный костюм, не слишком дорогой, но и не дешетка. Чувствуется, что физически крепок, вынослив. Жаль, что славянин. Но сейчас пужны такие. Если он еще к тому же не глуп, то может очень пригодиться.

— Знаете немецкий? — лениво перелистав лежащие перед ним на столе бумаги новичка, поинтересовался подполковник.

— Да. Читаю и могу разговаривать, — с акцентом ответил Выхип.

— Хорошо... — снова улыбнулся Ругге. — Устаю от польского и русского. Ваш родной язык, господин Выхип, изобилует массой неточностей и исключениями из правил. Я иногда думаю о том, что именно он является неким ключом к пониманию русского человека, привыкшего изъясняться весьма туманно. Не находите?

— Вы очень наблюдательны, господин подполковник, — вежливо склонил голову Выхип.

Ответ Ругге понравился: лезть никогда не бывает грубой. И на немецком новенький говорит неплохо. Вот только этот варварский акцент. Впрочем, не декламировать Гете он сюда приехал, а выполнять задания.

Подполковник снова полистал бумаги. Новенький прибыл из Абверштелле-Краков — специальной школы абвера, готовившей агентов из русских эмигрантов и украинских националистов. Ругге хорошо знал начальника

школы полковника Вальтера Визера, официально именованного начальником абверкоманды 101-А, и еще в прошлом году просил прислать несколько толковых людей, прошедших полный курс подготовки. Вот один из них. Скоро, как только он наладит здесь дело, начнут поступать в его распоряжение люди из специальных школ абвера в Тегеле, под Берлином и Квинзее, под Бранденбургом. Но те будут уж другие — там готовят диверсантов. Придется перебрасывать их в нужные районы сопредельной страны. В нужные районы и в нужное время. Но пока время не наступило, будут работать эти, протапывающая тропку для идущих следом.

— У нас много забот, господин Выхин... — немного помолчав, сказал подполковник. Легонько ткнул в загривок Дара, и тот послушно улегся у его ног. — Любите собак? Если бы вы были немцем, я не спрашивал об этом.

— Да, господин подполковник. Вапа собака восхитительна.

— Верно, Дар уникален и потому достоин восхищения, — не без самодовольства заметил Рутге. — Что же, начнем работать вместе, господин Выхин. Вам покажут комнату — жить будете здесь, в замке, как все. Отдыхайте до завтра.

...По длинным коридорам жилого крыла замка Выхина вел плотный человек в толстом шерстяном свитере, коричневом двубортном пиджаке, немецких бриджах и польских сапогах со следами шпор.

— Алонз Дымша, — представился он, подав крепкую руку с небольшим серебряным перстнем на безымянном пальце.

— Кормят хорошо... — говорил Дымша, ведя Выхина к его комнате. — Подъем в шесть утра, а если есть дело, то и раньше. Ежедневно занятия и упражнения. Требирует Шмидт, гауптман. Познакомитесь... Вообще-то у немцев здесь своя компания, а у нас своя.

— У вас?

— Ну да, — досадливо дернул плечом Дымша, — у нас... У таких, как вы и я. Приличных людей мало, но кое-кто есть. Я вас познакомлю.

— Спасибо, — кивнул Выхин.

— Ну вот, устраивайтесь. А я пошел, дела. До вечера. — Дымша показал Выхину дверь, отдал ключ и, молотцеваато щелкнув каблуками, ушел.

Выхин открыл дверь, стоя на пороге, оглядел узкую небольшую комнату. Простая деревянная кровать, распя-

тие над ней, видно оставшееся от прежних владельцев замка, умывальник в углу, вешалка для одежды около двери, небольшой шкаф, тумбочка у кровати, свежен покрашенный темно-коричневый пол из гладких досок.

Он вошел, прикрыл дверь. Снял с руки свернутый плащ, повесил на вешалку. Прошел к кровати, сел и закурил. За окном шумели деревья парка, качая верхушками под свежим ветром, набегавшим со стороны границы. Что же, здесь ему предстоит жить и работать. Здесь он должен встретиться с бывшим польским полковником Марчевским.

..Вечером никуда пойти не удалось. Сразу после ужина — кормили внизу, в большом сводчатом зале, вместе с солдатами охраны — к Выхину подошел Дымша, взял, как старый знакомый, под руку и, обдав легким запахом спиртного, заговорщически прошептал:

— Поднимайтесь к себе... Ждите, есть дело.

— Какое? — пытаюсь высвободиться, поинтересовался Выхин.

— Узнаете, — подмигнув, пообещал Алоиз. — Будьте у себя...

Недоуменно покажав плечами, Выхин пошел по лестнице наверх. Может быть, послать Дымшу к дьяволу и заняться делами? Пойти в город, изучить его как следует, не по планам, издаанным еще в довоенной Польской республике, а в натуре, меряя шагами мостовые старых улочек, ныряя в подворотни и проходя с улицы на улицу темноватыми, узкими переулками; узнать, где это загадочное казино, в котором подают гостям голландский ликер в чашках; кто там встречает и провожает посетителей. Совсем необязательно сразу заходить туда, а если и зайдешь, то спрашивать чашку «Кюрасао». Можно просто посидеть где-нибудь в укромном уголке, наблюдая за происходящим вокруг, не привлекая к себе внимания. Не исключено, что такого казино вообще нет. Хотя на это Выхин практически не рассчитывал — опыт подсказывал — казино есть, в нем действительно ждут человека, готового назвать пароль. Вот только кто ждет и зачем? И стоит ли торопиться туда, не имея ответа на эти вопросы.

Какое дело к нему у Дымши? За столиком в столовой соседями Выхина оказались два неразговорчивых солдата из комендантского взвода, охранявшего замок. Четвертое место пустовало. В зале преобладали солдатские мундиры. И только несколько человек были в штатском.

Разглядеть их как следует Выхин не успел — подавали солдаты-официанты, быстро и ловко расставляя тарелки перед обитателями замка. Ели тоже быстро, по-солдатски, почти не разговаривая.

С обитателями замка познакомиться не удалось, — начальник абверкоманды строго соблюдал заповеди адмирала Канариса, и любое общение людей, не связанных по службе, немедленно пресекалось. Хотя в этом осином гнезде, похоже, никто и не стремился к общению: деловито сновали по коридорам люди с папками бумаг, негромко стучали пишущие машинки, за плотно прикрытыми дверями кабинетов слышалась приглушенная украинская, польская, белорусская речь. Выхину было известно, что под крылышком Ругге собраны специалисты по Прибалтике, группы украинских и белорусских националистов и такие, как он: люди без родины, бывшие белые офицеры или потомки эмигрантов, связавшие судьбу с немецкой разведкой.

Поев, немецкие солдаты сгрудились у выхода, начали закуривать, перебрасываясь шутками, послышались смешки. Официанты шустро убрали со столов. Один вынес в зал поднос с кружками, наполненными пивом. Выхин слышал, как кто-то из солдат громко предложил сыграть в кости.

«У немцев здесь своя компания», — вспомнились слова Дымши.

Сквозь столпившихся солдат пробрались к выходу несколько штатских — Выхин обратил внимание, что все они сидели за столиками порознь: два-три солдата и человек в штатском. Дымши остановил Выхина уже за дверями столовой. Какое же у него может быть дело? Они знакомы-то мельком.

Ну что, взять плащ и уйти? Или подождать Алоиза? Марчевского, видимо, кормят в другом месте. Может быть, он столуется вместе с Ругге, Шмидтом и другими офицерами? Никого из них в столовой не было.

Занятый своими мыслями, Выхин не заметил, как дошел до отведенной ему комнаты. Открыл дверь, бросил быстрый взгляд по сторонам: внешне все выглядело точно так же, как он оставил, уходя на ужин. Не проверяли еще его вещей? Хотя куда им торопиться — не на день же он сюда приехал, все впереди. Ну, идти или остаться? В дверь постучали.

— Входите! — откликнулся Выхин. — Не заперто. ,

Дверь открылась, и вошел довольный, улыбающийся Дымша. Следом за ним, как-то бочком, в комнату проскользнул еще один человек — в темном двубортном костюме, светло-голубой рубашке с галстуком в мелкий горошек. В руках у него был стул, под мышкой — газетный сверток. Бросив быстрый взгляд на его лицо, Выхин внутренне вздрогнул — квадратный подбородок, низкий лоб, внимательные светлые глаза — все это он уже видел сегодня утром, на площади, когда ждал своей очереди на проверку документов. Совпадение? Какое, к черту, совпадение: тот же костюм и даже ямочка на подбородке! Но что он делал на площади, почему оказался здесь?

— Сознайтесь, хотели отправиться в город, по девочкам? — хихикнул Дымша, подходя к тумбочке. — Зря — вновь прибывших не разрешают выпускать из замка: ка-рантин!

— И надолго? — внешне безразлично поинтересовался Выхин.

— По-разному... Знакомьтесь, это Тараканов, ваш соотечественник. Мы вместе работаем.

Мужчина в темном костюме поставил стул, подал руку.

— Тараканов, Владимир Иванович.

— Вадим Евгеньевич... — отрекомендовался Выхин. — Давно из России?

— Давно, — буркнул Тараканов. — В двадцатом отступил из Крыма с войсками Врангеля.

Он подвинул стул, развернул газетный сверток, достал колбасу, хлеб, немного сала и коробку сардин.

— Давайте, Дымша, чего стоите? — повернулся он к Алоизу. Тот с видом фокусника, достающего из цилиндра зайца, выудил из карманов бриджей две бутылки шнапса, торжественно подвнял их над головой.

— Вот! Чтобы не скучать и со знакомством. Мы даже со своей закуской, а Владимир Иванович и стульчик прихватил. Пемцы аккуратисты — лишней мебели в комнате не поставят. Я же вам говорил, что у нас здесь своя компания, а у них — своя. Делаем одно дело, а пьем порознь. Стаканы есть? — Дымша поставил бутылки и дробно рассмеялся, потирая руки. — Да вы не смущайтесь, присаживайтесь. Простите, конечно, за незваное вторжение, но в нашей стране это с некоторых пор принято.

— Двусмысленно шутите... — мрачно заметил Тараканов, открывая бутылки и разливая шнапс в поданные

Выхиным стакан. Быстро нарезал складным ножом колбасу и хлеб, сделав большие бутерброды. — А вы когда из святой Руси смазали пятки, господин Выхин?

— Я не смазывал! Мои родители выехали еще до переворота в семнадцатом году, — резко ответил Вадим.

— Ну, ну... — примирительно остановил их Дымша, поднимая стакан. — Стоит только сойтись двум русским, как тут же начинается выяснение отношений. Перестаньте, господа, не время и не место. Надо думать о другом: вино в бокалах, закуска на столе. Правда, нет дам, по что поделать. Давайте выпьем — истина в вине, как говорили древние латиняне.

Он лихо опрокинул пшнас в рот, проглотил, поморщившись, взял бутерброд, жадно откусил. Тараканов и Выхин тоже выжили, Выхин — одним махом влив в себя спиртное, Тараканов — по-лошадиному цедя водку сквозь зубы, мелкими глотками.

— Пьете, как немец... — заметил Выхин, выбирая себе кусок сала. — Это не вас я сегодня утром видел на привокзальной площади?

— Меня, — согласился Владимир Иванович. — Я вас тоже заметил. Там сегодня один бежал от патруля, проверявшего документы. Стреляли, — пояснил он, повернувшись к Дымше.

— Попали? — равнодушно поинтересовался тот.

— Не знаю. Я ушел. А вы не видели? — обратился Тараканов к Вадиму.

— Не видел... Ну что, еще по одной?

— Давайте. Правда, это не питье, — скривил губы Дымша. — Вот до войны помню, какой только водка не было: и Житиновка, и Контушенка, и Выборова, и Ижембьяк — чистая, что твоя Христова слеза, хлебом вахла, а эта отдает какой-то химией или гнилой картошкой.

— За неимением гербовой пишут на простой! Я бы, может, тоже не отказался от Смирновской... Где жили, Вадим Евгеньевич?

— Некоторое время в Германии, потом в Польше. А вы? Все время здесь? Многие из ваших подались во Францию, а вы почему-то в Польшу? Неужели воевали с красными? Сколько вам было лет тогда? Молодо выглядите.

— А я еще не старик, — усмехнулся Тараканов. — В двадцатом был кадетом, успел пострелять из винтовки по краснюкам. Потом испытал весь ужас отступления, когда на царходы лезли по головам, спихивали с тра-

пов женщин, стариков, детей, топчя раненых. Тяжелое время, не хочется вспоминать... Противно.

— Да, приятно вспоминать только победы, — согласился закуривший сигарету Дымша. — Так убили этого беглеца или нет?

— Скрылся в развалинах, — меланхолично жуя колбасу, пояснил Владимир Иванович. — Пальнул из пистолета в эсэсовцев и скрылся. Ловкий малый. Но его вроде бы все-таки задел — хромал. Вы не заметили, Владимир Евгеньевич?

— Не заметил. Я больше думал о том, чтобы самому не поймать мальную пулю; обидно схлопотать свинец ни за что ни про что. Прижался к стеночке и переждал, а потом пошел сюда.

— Пешком? — вроде бы ненароком уточнил Дымша.

— Пешком, — подтвердил Выхин. — Хотелось скорее убраться с площади. Мало ли что — граница недалеко.

— Граница совсем рядом. С башни Россию видно, — наливая себе шанс, сказал Тараканов. — Так и хочется руку протянуть.

— То не российская земля! — надувшись так, что взбухли щены на лбу, бросил Алоиз. — Там была Польша!

— Э-э, вспомнили, пан Алоиз, — пренебрежительно махнул рукой Тараканов. — А не хотите вспомнить о том, что Варшавка была генерал-губернаторством Российской империи?! А? Забыли?

— Того больше не будет! — начал распалиться Дымша.

— Что вы, господа? Неужели теперь мне надо выступать в роли миротворца? — улыбнулся Выхин. — Зачем мы собрались — спорить и ссориться или приятно провести время в своей компании, как говорит пан Дымша? Давайте раз и навсегда договоримся — никаких разговоров о политике! Согласны?

— Я за! — Тараканов налил всем шанс. — А вы, пан Алоиз?

— Хорошо, пусть будет так.. — Дымша взял стакан, небрежно тронул им, в знак примирения и согласия, стакан Тараканова. — Не будем впустую делить земли и перестраивать мир. Это сделают и без нас.

— Вот и хорошо, — заключил Выхин. — Что вы так пристально рассматриваете мой плащ, господин Тараканов?

— Странные пятна, похожие на замытую кровь, — глядя прямо в глаза Выхину, ответил тот.

— Отчего вы решили, что именно кровь? Может, просто грязь? Я с дороги, плащ старый... Мало ли где и чем мог запачкаться?

— Конечно, конечно... — быстро согласился Владимир Иванович. — Я, пожалуй, выпью и пойду. Нам завтра рано вставать. Вы со мной, пан Алоиз?

— Разве можно уйти от еще не допитого вина или непокоренной женщины? — хихикнул Дымша. — Идите, я пока остаюсь. Надеюсь, господин Выхин не возражает?

— Оставайтесь, допьем, — равнодушно согласился Вадим. — Может, и вы не будете торопиться, а, Тараканов?

— Нет, пойду. Надо выспаться. Приятно было познакомиться...

Он слегка поклонился и ушел, плотно притворив дверь. Выждав несколько секунд, Дымша, тихо ступая по половицам, подкрался к двери и, резко распахнув ее, выглянул в коридор. Вернувшись на место, пояснил недоумевающе глядевшему на него Выхину.

— Ушел... У него есть противная привычка стоять под дверями. Вообще, мало приятный тип, но дело знает. Кстати, сардинки-то остались нетронутыми. Вот мы сейчас под сардинки...

Пан Алоиз разлил остатки шнапса по стаканам, поддел ножом сардинку из коробки.

— До войны в Польше был всего один палач, некий Мациевский, — начал он рассказывать внимательно слушающему Выхину, — большие никто не желал заниматься малопочтенным делом. Поэтому, если преступника осуждали на смерть, то приходилось привозить Мациевского. У него, знаете ли, была привычка на каждого повешенного употреблять свежую пару белых перчаток. После казни он их выбрасывал, этаким картинным жестом, приговаривая: «Справедливость восторжествовала!» Наш Тараканов мне почему-то очень напоминает Мациевского, нет, не внешне, скорее привычками. Поговаривают, что он был осведомителем дефензивы. Полицейский стукач! Теперь ходит на вокзал; по заданию местных властей рассматривает бывших политических противников режима Пилсудского. Берегитесь, пан Выхин, сдастся, он и на вас положил недобрый глаз.

— Ерунда, — как можно равнодушнее отозвался Вадим. — Я никогда не был коммунистом, не состоял в

профсоюзах, не сочувствовал левым. Иначе мы не сидели бы здесь за одним столом, вернее за одной тумбочкой, и не пили пшанс.

— То так... — вздохнул прихмелевший Дымша. — Я слышал, Ругге специально проверял Тараканова по картотеке на политических, оставшейся от дефензивы. Представьте, этот россиянин безошибочно указал среди прочих предъявленных ему фотографий на тех, кого разыскивали до войны в восточных кресах. Его было хотели использовать люди из СС, но наш шеф воспротивился. А где гарантии, что Тараканов не связан с немецкой политической полицией? Мутный человек. Вон как впился в ваш плащ!

— Дался вам мой плащ... — раздраженно отмахнулся Выхин. — Мало ли что взбредет в пьяную голову!

— Нам наверняка придется работать вместе в группе, обслуживающей лично Ругге и полковника Марчевского. Там и Тараканов.

— Кто это, Марчевский?

— Узнаете... — устало полуприкрыл глаза пан Алоиза. — Узнаете и Шмидта, и других. Сами узнаете. Любопытства и болтовни шеф не поощряет. А за Тараканова скажу вам, что слышал от него нетуха! Вот так-то!

— Какого нетуха? — не понял Выхин.

— Не знаете? — приоткрыл левый глаз развалившийся на стуле Дымша. — «Нетуха баба схватила, в сапоге его хранила»... — глуховатым баском пропел он начало куплета. — Не слышали? Так вот скажу я вам, милостивый пан Выхин, что это польская тюремная песня. Тюрем-на-я! Понятно?

— Думаете, Тараканов уголовник?

— Ничего я не думаю, плановый пан Выхин. Просто немного анализирую и делюсь с вами, в виду душевной приязни, некоторыми результатами собственного анализа.

— Спасибо, пан Дымша. Не знаю, смогу ли ответить вам тем же, но позвольте спросить — откуда же вам известен тюремный фольклор? Надеюсь, вы в тюрьме не сидели?

— Я? — удивленный таким поворотом разговора, Дымша открыл глаза и, враз подбравшись, подался к Выхину всем телом. — Меня достаточно помотало по свету. Однако ж я не россиянин, как Тараканов, а поляк! Я пою другое: «За богатствами в Подолии полк шестой выходит в поле, пикн, сабли жми в ладоци, большевиков

мы гоним, гоним!» — заревел он старую уланскую песню пилсудчиков.

— Тише вы! — остановил его Вадим. — Идите, пожалуйста, спать. Шнапса больше нет.

— И пойду! — Дымша встал, пошатываясь, сделал несколько шагов к двери, обернулся. — А вы слышали, милостивый пап Выхиц, что тот человек, который сбежал сегодня на вокзальной площади от патруля и спрятался в развалинах, был обнаружен немцами? Его хотели взять, только он подорвал себя и еще несколько человек гранатой... Об этом Тараканов вам не сказал. У него нема гонору и отваги, или, как говорите вы, россияне, нет чести и смелости, все из-под полы, из-за угла. Потому — стирайте плащ, Выхин. А я пошел спать.

Хлопнула дверь, Дымша вышел. Простучали каблуки его сапог по каменным плиткам пола коридора. Вадим остался один.

Тщательно прибрал остатки попойки, он подошел к окну и, приоткрыв раму, закурил, пуская дым в щель, из которой тянуло ночной прохладой. Состоялись новые знакомства, произошел весьма любопытный разговор. Сколько событий за один день!

Действительно ли раненый, которому он так неосмотрительно помог в развалинах, взорвал гранатой себя и пытавшихся его захватить немцев? Или это хитрая приманка? Почему Дымша сказал ему об этом? Как Тараканов умудрился разглядеть пятна на плаще, что думать о высказываниях поляка относительно привычек и странностей Тараканова... Стирать еще раз плащ или не надо? Почему его гости пришли вместе, а ушли порознь? И не следует ли теперь ждать откровений Тараканова о Дымше?

Задумавшись, он не заметил, как сигарета догорела и окурок больно обжег пальцы. Выбросив его, Выхин прикрыл окно и, сняв ботинки, завалился на кровать. Пожалуй, торопиться не стоит, а подождать до завтра — новый день, новая пища.

Раздеться сил уже не хватило, и Выхин уснул прямо в одежде. Снились ему лесистые горы, в легкой синей дымке, звенящие ручьи и никогда дотоле не видавший им полковник Марчевский, сидящий на белой лошади, которую вел под уздцы весело насвистывающий уланские песни Алоиз Дымша.

...Дымша, тяжело отдуваясь от мучившей его одышки, перебирал руками скользкие от предутренней сырости ско-

бы, вбитые в ствол толстой сосны, взбираясь все выше и выше, к тщательно замаскированному в густой кроне дерева помосту, на котором был устроен наблюдательный пункт. Дернуло его вчера так надрызгаться сивушной гадости. Теперь руки предательски дрожат, ноги соскальзывают — того и гляди сорвется вниз и сломает себе шею на радость Тараканову. В том, что он будет этому только рад, Дымша почему-то не сомневался.

Во рту сухо и противно, словно там эскадрон ночевал; голова пустая и кажется, что мысли катаются в ней, как мелкие камушки в детской погремушке. Катаются, словно гоняясь одна за другой, но, как камушки, живут каждая по отдельности, никак не желая соединиться в одно целое. А надо бы им слиться, приобрести стройность, потянуться замысловатой цепочкой, да не дает еще не выветрившийся похмельный туман.

Нет, не зря он вчера провел столько времени с Выхиным, лакая немецкое пойло. Вбить клин между россиянами — вот что сейчас очень нужно! Посеять сразу же недоверие: пусть таятся друг от друга, подозревают, подглядывают, подслушивают, приходят советоваться к нему, к Дымше. А уж он-то им посоветует, будьте спокойны! Нельзя допустить, чтобы они снелись, стали если уж не друзьями, то хотя бы приятелями — куда тогда подеваться ему, Алоизу Дымше? Он один должен быть очень нужным Ругге, Шмидту, Марчевскому. Только он один!

Наконец-то и помост! Тяжело черевалившись через барьер, Алоиз сел, широко раскинув ноги и прислонясь спиной к стволу сосны. Хорошо еще додумались сделать небольшой барьерчик — получилось что-то вроде неглубокого гнезда. Не будь этого, пусть и хилого, ограждения, вполне можно загреметь с высоты, особенно в таком состоянии, как сейчас. Вниз даже поглядеть страшно и неприятно — подкатывает к горлу волна мутной тошноты, но глядеть придется, правда, не прямо вниз, а вдаль, внимательно осматривая сопредельную сторону, где могут скрываться секреты русских пограничников. Ну ничего, надо же дух перевести! Сейчас маленько передохнет и возьмется за бинокль. Вот он, висит на груди, рядом с небольшой серебряной дудкой, дунув в которую, можно извлечь звук, весьма похоже имитирующий громкий крик болотной птицы. Какой, Алоиз не знал и не очень хотел узнать, — разве это так существенно? Главное, что, заметив опасность в момент перехода границы его напарником, он должен трижды дать сигнал.

Достав из заднего кармана бриджей плоскую фляжку с коньяком, сделал пару глотков. Прикрыв глаза, ожидал, пока теплая волна дойдет до сердца, заставив его биться ровнее. Передохнуть не удалось — требовательно зазуммерил полевой телефон.

— Что вы там копаетесь?! — послышался раздраженный голос Тараканова.

— Осматриваю полосу... — вздохнув, ответил Дымша.

— Скоро будет совсем светло... — Тараканов дал отбой.

Положив трубку, Дымша заставил себя посмотреть вниз. Там, у подножия сосны, темным пятном выделялась фигура Владимира Ивановича, одетого в немецкий маскировочный костюм. Какое все-таки счастье, что Ругге не заставляет его, Дымшу, ползать на пузе через границу, считая для этого недостаточно молодым и здоровым. Есть у немца здравый смысл, понимает: бывший офицер разведки Алоиз Дымша может больше пользы принести здесь, а не по ту сторону. Подняв бинокль, он методично начал осматривать линию границы, метр за метром. Русские применяли систему патрулей и секретов, проложили контрольно-следовую полосу, умело маскировались и вообще стерегли границу так, словно от этого зависело все их существование. Такого рвения Дымша не понимал и уж ни в коем случае не мог одобрить, но относился к нему с невольным уважением, как уважают сильного противника.

Где могут сегодня притаиться мужички в зеленых фуражках? Вряд ли они засядут по горло в холодной и пощечей болотной жиже — именно через болотину обычно проходил путь людей Ругге на ту сторону. Тщательно осмотрев край болота, Алоиз не заметил ничего подозрительного, но до рези в глазах всматривался в серые, только начинающие зеленеть кусты, пучки торчащей прошлогодней травы, заросли жухлого камыша. Мешали кроны стоявших впереди деревьев. Сколько раз он хотел предложить спилить хотя бы два-три из них, но потом, поразмыслив, отказывался от этого. Лучше напрягать зрение в предутренней дымке, чем быть обнаруженным русскими пограничниками. Стоит им только засечь «гнездо» наблюдателя на сосне, как последуют ответные меры. И тогда неизвестно, что могут решить Ругге или Шмидт, они большие мастера на выдумки. Не стало бы хуже. В сером свете нарождающегося утра все казалось словно стертым, потерявшим ясные очертания и краски. Хорошо

еще нет тумана. Хотя кому хорошо, а кому и не очень — Тараканов наверняка предпочел бы идти в молочной мгле, чем при ясной погоде.

Слова зазуммерил телефон. Дымша снял трубку.

— Время! — резко сказал Владимир Иванович.

— Можете двигаться, — ответил Алоиз. — Держите на кривую березу, через болото. Не забудьте слегу.

Тараканов дал отбой. Внизу тихо прошелестели ветви раздвигаемых кустов, мелькнула полусогнутая фигура с длинным шестом в руках, и снова все как вымерло. Не опуская бинокля, Дымша нащупал в кармане плитку шоколада, отломил кусочек и бросил в рот — позавтракать не успел, да и не хотелось после вчерашнего. Хотелось опять приложиться к фляжке, но Дымша решил с этим повременить до возвращения Тараканова. Сейчас надо выждать, пока тот выйдет из кустов, поймать его в липзы бинокля, проводить немного, а потом вновь осматривать границу, справа и слева, спереди и сзади пути напарника, чтобы не пропустить появления русских и, заметив пограничный наряд, вовремя подать сигнал тревоги.

Послать бы к черту все это, да пельзя — вынуждают обстоятельства. Кровава и окрутна эпоха, или, как говорят русские, суровое и жестокое время заставляет его сидеть здесь, водить дружбу с немцами и такими, как Тараканов. Если бы они знали все о Дымше, то быстренько сделали ему «хераус мит дунге»¹. Такой конец пана Алоиза никак не прельщал, поэтому он вел игру осторожно, досадливо отмахиваясь от понуканий настоящего, не немецкого начальства, все чаще проявлявшего нетерпение. Хорошо им там, в стороне от русских пограничников, гестапо, абвера, Рутге с его свирепым песом гауптмана Шмидта с глазами садиста и чудовыми кулаками, немощитного Выхипа, мутного Тараканова и других прелестей оккупированной страны. Впрочем, не все они так далеко, некоторые тут, почти рядом, и приходится бедному Дымше балансировать, как на канате, натянутом над жуткой пропастью: с одной стороны толкают свои, с другой — немцы.

Ах, если бы он послушал в свое время умных людей, то жил бы в Варшаве между Замком и Бельведером², а

¹ Искаженное «ответай» (нем.) — синоним слова «повесить» на жаргоне

² Замок и Бельведер — правительственные резиденции в довоенной Варшаве. Жить между Замком и Бельведером — принадлежать к знати.

потом собрал бы манатки и сидел бы сейчас на горном курорте в Швейцарии, согреваемый не столько весенним теплом, сколько мыслями о крупном счете в банке нейтральной страны.

Но в двадцатом году Алоиз Дымша был молод и глуп — глуп потому, что верил разглагольствованиям Юзефа Пеллудского о возрождении Великой Речи Посполитой «от моря и до моря», шел проливать за это свою и чужую кровь, высшим благом считая получить на грудь крестик «За военные заслуги», который обещал всем вышедшим в поход на Киев тогда еще тоже молодой Рыдз-Смиглы.

Что же, «героична валка за вольность и неподлежность»¹ кончилась для Алоиза Дымши тяжелой раной в бедро, а крестика он так и не получил. Правда, потом учитывали его заслуги, но что это все по сравнению с тем, что он мог иметь и не имел!

В сумятице войны попался Дымше однажды странный человек, пробиравшийся на запад с сумкой, полной непонятных бумаг. Более опытный приятель предложил этого человека кончить где-нибудь в овраге и никому не говорить про него, а бумаги забрать себе. Но Алоиз не согласился — разве так честно, разве они не борются за свободу, а грабят и убивают?

Если бы он понимал тогда, что эти бумаги были не что иное, как коносаменты — документация на дорогостоящие грузы, отправленные еще до войны морем и хранящиеся в нейтральных портах, на складах. Больших денег стоило все это добро, очень больших. И более опытный приятель, и странный человек, которого они поймали, когда были в патруле, куда то пропали в ту же ночь, а Дымша остался лежать на земле с простреленным бедром. Хорошо еще, что у приятеля дрогнула рука, а пана Алоиза не подвела реакция, он вовремя бросился в сторону: иначе прострелили бы череп. Рассказывать что-либо об этом случае было бесполезно.

Потом, много лет спустя, читая газету, Дымша увидел знакомую фамилию — его бывший приятель, у которого дрогнула рука, жил в одной африканской стране и, судя по всему, чувствовал себя распрекрасно, поскольку владел множеством движимого и недвижимого имущества. О странном человеке, несшем сумку с бумагами, газета

---

¹ Борьба за свободу и независимость (польск.).

ничего не писала, и Дымша, поразмыслив, заключил, что второй раз рука у его «приятеля» не дрогнула.

Ах, если бы вовремя понять, что жизнь, хотя и очень редко, все же дает шанс выбрать: жить лучше или быть лучше! Теперь пан Алоиз шанса своего не упустит! Нет, не упустит. Он согласен разделить с Ругге то, что знает полковник Марчевский, чтобы выгоднее продать эти знания. Желающие найдутся, главное — убрать всех конкурентов, даже потенциальных.

Снова мелькнула в кустах фигура Тараканова, приближенная сильной оптикой. Желтый мужчина, сухощавый, но кренкий. Вои как ловко двигается по болоту, умело используя складки местности, быстро перебегая от куста к кусту, перепрыгивая с кочки на кочку.

Дымша и сам мог бы сделать то же самое, но предпочитал корчить из себя человека немощного, но незаменимого специалиста по интересующим Ругге районам, как, на польский манер, привык называть пан Алоиз районы, куда планировалась заброска немецкой агентуры.

Что это? Дымша даже протер глаза, опустив бинокль, однако вновь быстро поднял его, вшивпись взглядом в тропинку, петлявшую по краю болота на сопредельной стороне.

Да, по ней шел парид русских пограничников. Правда, без собаки, но парии молодые, подтянутые, пан Алоиз хорошо знал им цену — такие служили не за страх, а за совесть, впрочем, все русские одинаковы.

Он поднес к губам серебряную свистульку, намереваясь подать сигнал тревоги — закричит громко три раза птица, мало ли их тут, русские пограничники даже не обратят на это внимания, — но движение его руки невольно замедлилось. А вдруг это еще один шанс — шанс навсегда, и вполне безболезненно избавиться от Тараканова, все больше и больше входящего в доверие к Ругге и, словно неароком, отодвигающего его, Дымшу, на второй план?! Кто докажет, что русские не сидели в засаде или что не появились внезапно. А может, Тараканов сам перебежал к ним — ушел на ту сторону и больше не вернулся. Откуда Дымше опять, как развернулись события в глубине русской территории, — не расскажут же об этом русские пограничники: у абвера нет среди них агентов. Немецкая погранохрана — гренцшутцен — этот участок почти не патрулирует, кроме заранее оговоренных дней и часов, чтобы русские не заподозрили недоброго, заметив их отсутствие. Кто узнает, как было на самом деле?!

Тараканов просто так не дастся — у него есть пистолет. Все одно — или его убьют в перестрелке или захватят и уволочут к себе русские в зеленых фуражках. Если убьют, то сразу все, а если нет — кто же его отдаст обратно? Русская контрразведка? Черта с два!

И Дымша не донес до рта мушкетерский серебряной свистульки, а только плотнее прижал к глазам окуляры бинокля.

...Сердце прыгнуло и упало куда-то вниз. Словно разом оборвалась важная нить, державшая его на определенном месте.

Тараканов застыл, сжимая в застывших от первоначального напряжения и холодной болотной воды пальцах шероховатую, грубо вытесанную слегу. Что делать? Бежать — куда? Спрятаться — где? Почему Дымша не подал сигнала тревоги, ослеп или... Или не сделал этого намеренно? Хорошо, что он сам успел заметить русских пограничников, идущих по краю болотины. Заметил, но куда деваться?

Решение пришло само собой. Отступив на шаг в сторону от мелкого места, Тараканов начал погружаться в холодную болотную воду. Быстро опускаться было нельзя — услышат всплеск, но и тянуть — смерти подобно. Противная, осклизлая от уже успевшей появиться ряски, кажущаяся какой-то жирной болотная вода начала подниматься по его телу. Затекла в сапоги, сразу ставшие странно тяжелыми и очень просторными. Дошла до пояса, поползла мертвенным холодом выше, под сердце; вот она уже у горла, около губ. Да это не вода поднимается к его лицу, а сам он опускается в нее, рискуя оскользнуться, понасть в трясину, из которой уже никогда не выбраться. Просто счастье, что его прикрывает куст, широко раскинувшийся над водой ветви.

Сколько придется просидеть в воюющей жиже? Пять минут, десять, полчаса? Шаги пограничников все ближе и ближе. Заметят? Или судьба будет сегодня благосклонна к нему и удастся выпутаться? Ну, погоди, пан Алоиз!

Левую ногу начала сводить судорога. Тараканов невольно приоткрыл рот, искривленный гримасой боли, и тут же хлебнул тухлой воды. Пришлось проглотить, протолкнуть ее вместе с криком внутрь себя, корчась от корчащей ногу судороги.

За что такие мучения, за что? Так недолго и утонуть среди чахлах кустов и редких деревьев, только пойдут пузыри, да вспорхнет с соседнего куста испуганная птица.

Послать все к черту, закричать, позвать на помощь? Но тогда конец всему! Нет, терпеть, стиснуть зубы и терпеть, терпеть!

Сколько прошло времени? Кажется, уже целую вечность он сидит, опустившись по ноздри в ледяную, зловопахнущую воду, схватывающую тело стальными обручами. Хоть бы пронесло, хоть бы не заметили, скорее бы ушли отсюда. Что им, нечего делать, кроме как медленно идти вдоль границы? Все, не осталось сил, кажется, что весь ты, до последней жилки, сведен судорогой, терзающей мышцы.

Краем глаза увидел спины удаляющегося погранично-го паряда. Заставил себя просидеть в воде еще несколько минут и только потом медленно поднялся, опираясь на слегу. Вода расступалась неохотно, стекая с него ручьями и звонко капая с намоченного маскировочного костюма. Ухватившись рукой за ветви куста, постоял, жадно дыша полной грудью. Пойти обратно или двигаться вперед? Решившись выбраться на берег, скользя подошвами мокрых сапог, бросил слегу в кусты и, пригибаясь, побежал к темнеющей роще.

Найдя густо заросли кустов, нетерпеливо рвал завязки маскировочной куртки, стигивал сапоги, выливая из них воду. Оставшись в одном белье, отжал всю верхнюю одежду, потом перетянул белье. Поднес к уху наручные часы — как ни странно, они шли. Одевшись, направился дальше, пытаюсь согреться быстрой ходьбой. Вскоре от его плеч пошел легкий парок. Выглянувшее солнце начало припекать, но все равно непросохшая одежда была тяжела и неприятно облепляла тело.

Вскоре он вышел на сухое место, заросшее чахлым ельником. Чутко прислушался — только ветер шумел в кропах деревьев, да где-то далеко стучал дятел по сухой лесине. Стоять на ветру не хотелось — можно вконец застудиться, и Тараканов забрался в гущу ельника. Приложив руки ко рту, крикнул громко и протяжно, подражая крику выхи. Раз, другой, третий... Снова прислушался. Справа раздался шорох. Владимир Иванович присел, достав парабеллум. Тяжесть оружия в руке придала спокойствие, уверенность, потерянные за время страшного сидения в болотной жиже.

Раздвинув еловые лапы, на полянку выбрался средних лет человек в длинном брезентовом плаще, темносиней кепке и охотничьих сапогах. Остановился, повертел головой, словно кого-то высматривая.

Тараканов, не убирая оружия, тихонько окликнул его:

— Сова!

Мужчина вздрогнул и быстро сунул руку в карман.

— Не глушите! — цемного громче прикрикнул Тараканов, выходя на открытое место. — За вами никто не увязался?

— Нет... — Сова вытер потный лоб, сдвинув на затылок свою кепку. — Напугали вы меня...

— Я не страшный, — усмехнулся Тараканов, убирая парабеллум. — Пограничники страшней. Здравствуйте, Сова.

— Доброго здоровьица, — мужчина показал в улыбке длинные желтоватые зубы. — Где так вымокли?

— В болоте. У вас с собой ничего нет выпить?

Сова виновато развел руками. Потом быстро начал снимать плащ: — Возьмите мой свитер...

— Некогда, — остановил его Тараканов. — Держите. — Он достал из карманов брюк два длинных параллелепипеда батарей питания для рации, упакованные в тонкую клеенку. — Надеюсь, не промокли... Приемник у вас сохранился?

— Да. Русские не отбирали, — кивнул мужчина, пряча под плащ батареи.

— Слушайте наши передачи. Сигнал прежний. Через два дня по его получении придете в известное вам место. И осторожнее, осмотритесь, чтобы никого не притащить на хвосте. На месте вас будут ждать несколько человек. Их надо вывести в глубь территории красных, как можно дальше от границы.

Сова понимающе кивнул.

— Поведете только двоих, остальные — сопровождающие. Если возникнут какие-либо осложнения, ваша задача — немедленно исчезнуть, чтобы и следа не осталось! Ясно?

— А те?

— Сами разберутся, без вас. Сопровождающие знают, что нужно сделать и как. Если все пройдет нормально, покажите им направление движения обратно. По исполнении дадите нам знать. Выход в эфир в обычное для вас время. Долго не торчите на волне — дайте условную группу цифр и прекращайте передачу.

— Ну, а вдруг все пойдет не так? Что тогда? — Сова глубже сунул руки в карман плаща и даже ссутулился.

— Не трусьте заранее, не первый раз, — успокоил

его Тараканов. — Главное, не подставляйте себя, уходите. Бросайте все и уходите. Я еще раз повторяю — они сами все знают и сделают как надо. А вы потом дадите радиogramму. Код на случай неудачи, надеюсь, помните?

— Помню... — Сова суеверно сплюнул через левое плечо. — Лучше, когда все нормально.

— Кто бы спорил... — согласился Тараканов. — Красные не активизировались? Посматривайте, могут появиться машины-пеленгаторы.

— Да нет, у нас пока, слава богу, все тихо, — снова сплюнул через плечо Сова. — Вас проводить?

— Нет. Кароль останется прежний. В группе никого, знающих вас в лицо или где вас отыскать, не будет. Учитите. Прощайте.

— Удачи, — кивнул Сова. Прощально приподняв кепку и исчез в зарослях.

Тараканов вновь направился в сторону границы.

...Спускаясь вниз с помоста на сосне, Дымша мысленно репетировал оправдательную тираду, которую он будет произносить перед Таракановым, если тот, конечно, выберется, или перед Рутге, когда придется отчитываться за сегодняшний выход на границу. Ничего, отболтается — не в таких переделках приходилось бывать. Главное, все палить на Тараканова. Стоит, пожалуй, обдумать и досконально проработать вариант с его переходом к красным: не слушал сигнала опасности, поданного Дымшей, пошел направо и сдался. А у него, Алоиза, нет винтовки, чтобы привянуть меры, хотя подозрения появились сразу же, как только перебежчик попер напрямиком на русский пограничный наряд. Из пистолета не попасть — далеко! Конечно, после этого Рутге устроит хитрые проверки, потренлет нервы, будет делать вид, что ему все известно... Потом волнения улягутся, жизнь войдет в привычную колею, а на помост, сооруженный в кроше сосны, Дымша наверняка придется лазить уже с винтовкой, снабженной оптическим прицелом. Но это не страшно, это лучше, чем ползать по болоту на другую сторону.

Пан Алоиз посмотрел на часы. Придется еще посидеть здесь некоторое время. Потом он объяснит, что ждал, не вернется ли Тараканов.

Дымша видел, как тот погружался в болото, выжидая, пока пройдут пограничники, потом резко побежал к роще. Есть ли гарантия, что русские его не заметили во время обхода? Нет, такой гарантии никто не даст. Мужички в зеленых фуражках тоже не простаки, они специаль-

но могли пройти мимо, чтобы потом устроить засаду и спанать нарушителя границы уже на своей территории. Правда, не было слышно выстрелов: Тараканов стрелял быстро и довольно точно — Дымша имел возможность убедиться в этом на занятиях, которые устраивал Шмидт. Однако русские вряд ли дали ему облизнуть ствол — к чему им перестрелка? — навалились сзади, скрутили... Или повели под угрозой оружия.

Ничего, можно и подождать немного, хуже не будет. По крайней мере не заявишься в замок прямо перед возможным возвращением Тараканова — это рискованно. Дымша представил себе холодные, недоверчивые, прищуренные глаза Рутге, его кривую золотозубую улыбочку и передернул плечами от внезапного озноба. Нет, уж лучше подождать, чтобы наверняка.

— Пан Езус! — невольно помпнул имя божье неверующий Дымша, увидев мокрого и грязного Тараканова, неслышно вышедшего из кустов прямо на него.

— Промокли? — как ни в чем не бывало сочувственно поинтересовался он, быстро доставая заветную фляжку с коньяком и протягивая ее Владимиру Ивановичу.

— Не ожидал? — криво усмехнулся тот. — С глазками плохо стало, русских не видел? Или решил меня угробить, скот!

Ударом ноги Тараканов вышиб фляжку из рук Дымши. Алоиз быстро вскочил на ноги. Видно, драки не миновать. Если пан Тараканов намерен выяснить отношения — пожалуйте!

Драгся Дымша не боялся и умел. В свое время он настойчиво изучал приемы рукопашного боя, чтобы уметь защищаться даже от вооруженного противника, помни, как страдал от раны в простреленной ноге, лежа один в темноте на чужой земле. Тогда Дымша поклялся, что больше подобное не повторится. Тараканов моложе, но легче весом, а пан Алоиз только прикидывался слабаком. Оставаясь один в комнате, он часами проделывал специальные упражнения, тренируя тело, работая до седьмого пота. Ну, подходи, Тараканов, получи свою пайку! Видно, мало тебе сидения по горло в болотной жиже?!

Чуть согнув руки в локтях, опустив подбородок к широкой груди, Дымша шагнул к противнику и неожиданно ударил его ногой в живот. Второй удар должен был прийтись в голову, когда Тараканов согнется от боли...

Но от боли скорчился сам Дымша. Ловко увернувшись, Тараканов врезал ему по почкам, жестко, вложив

в удар силу накопившейся злости. Не дав Дымше опомниться, он подскочил к нему, потянув за плечо, приподнял с мягкого настила из мха, на который упал Алоиз, и снова ударил. В солнечное сплетение. Перед глазами у Дымши поплыли радужные круги, горло словно перехватило жесткой рукой.

Так ему не доставалось уже давно.

Несного отдышавшись, он осторожно приоткрыл глаза: Тараканов сидел в стороне, отвинчивая крышку у фляжки с коньяком.

Дымша поднялся, вынул из кармана нож. Щелкнула пружина, выбросив остро отточенное лезвие, тускло блеснувшее в слабом свете рождающегося дня.

— Я зрблю з вас шиль!— прошипел он, делая шаг к Тараканову.

Глаза у того потемнели.

— Тебе что, мало?— угрюмо поинтересовался он, кладя фляжку.

Дымша, не отвечая, прыгнул на него, целясь ножом под ребра, чтобы, ударив, повернуть клинок в ране, и конец! О последствиях он уже не думал — затоптать этого россиянского босняка бей роду и племени, заставить лизать сапоги, убить, разодрать на части... Тараканов едва успел перехватить руку Алоиза с ножом.

Когда Дымша пришел в себя, то увидел серое, низкое небо с медленно ильвущими по нему дождевыми облаками. Свет заслонило лицо Тараканова, в губы ткнулось горлышко фляги. Дымша жадно глотнул спиртное, закашлявшись, сел. Все тело болело, ломило отбитую поясницу, плохо слушалась вывернутая правая рука.

— Ну как вы?— спросил поддерживавший его под спину Тараканов.

— Дайте еще...— Алоиз, крихти и стеная, потянулся к фляге.

— Будет...— отвел его руку Владимир Иванович.— Не то опять впадете в бошенство.

Дымша сел, опупывая лицо,-- оно было цело, если не считать ссадины около уха. Видно, содрал кожу о сучок, когда боролись на земле.

— Где вас так научили драться?— поляк полез за сигаретами, закурил.— Слава деве Марии, что мы оба живы. Даже не разбили мне физиономию. Спасибо.

— Не хватало еще, чтобы выясняли, почему мы подрались,— хмыкнул Тараканов.— Или хотите сами доло-

жить Ругге, что не подали сигнала тревоги при появлении русских?

— Зачем же? — быстро ответил Дымша. — Мы оба в одной лодке, и ни к чему ее раскачивать... А насчет сигнала. Я слишком перебрал вчера, а вы меня оскорбили...

— Конечно, вернувшись, я должен был лобзать вас в зад за то, что чуть было не отправился на тот свет или в гости к энкавэдэ. Впрочем, это равносильно.

— Помогите встать, — попросил Дымша.

— А вы опять полезете в драку?

— Хватит уже... — вполне искренне признал Алоиз. — Пора возвращаться. И... я могу на вас надеяться?

— Можете... — буркнул Тараканов, подавая ему руку. — Ну вас к дьяволу, Дымша. Идите впереди. Мне надоело от вас отбиваться. Хоть бы извинились.

Дымша, не отвечая, собрал разбросанные по полянке вещи и, прихрамывая на когда-то раненую ногу, пошел обратно к замку. Сзади тяжело шагал Тараканов, хлопая носом.

Мысли в голове у пана Алоиза теснились невеселые. Ему очень не нравилось умение Тараканова драться — ну где его могли так распрекрасно обучить? От бога такие вещи не даются — это Дымша знал по собственному опыту. И не допесет ли он? Дернул же черт сегодня рискнуть. Показалось, что это шанс, да только показалось. Подождать другого случая или самому, не дожидаясь разворота событий, пойти к Ругге и поделиться сомнениями, сдав со всеми потрохами милого Владимира Ивановича. Что он ему, в конце-то концов, родственник

Глава III

Крепкие, с тщательно подпигленными ногтями, пальцы Ругге быстро пробежали по торцам карточек, стоявших в узком деревянном ящичке.

— По-моему, даже ящичек прежний? Не находите?

— Вы правы. Позвольте? — нан Викентий небрежно подвинул к себе картотеку. Абверовцу пришлось убрать руку; пес, лежавший у его ног, поднял голову и глухо зарычал.

— Тихо, Дар! — прикрикнул на него Ругге. — Видите, даже он считает себя хозяином картотеки.

— Но здесь только часть ее... — откликнулся быстро просматривающий материалы Марчевский. — Причем, как мне кажется, не самая лучшая.

— Но это главное. Надо попробовать — подойдет ли ключ, которым вы владеете, — довольно равнодушно сказал Ругге.

Марчевский не сумел удержаться от быстрого взгляда на него: «Играет или вправду равнодушен? А может быть, затевает очередную проверку?»

— Попробуем, — согласился он, помолчав. — Прямо сейчас?

— Конечно... — показал в улыбке золотые коронки Генрих. — Зачем тянуть? Начнем хотя бы вот с этой? — он выдернул одну из карточек и положил перед полком. — Попытайтесь расшифровать.

— Это может быть уже не действующий агент, — спокойно сказал наш Викентий. — Не забудьте, что нами не менялась система предварительной сигнализации, могли быть и индивидуальные осечки самих агентов. Все-таки они оказались на чужой территории.

— Мы это учитываем, дорогой Викентий, — снова улыбнулся немец. Он сегодня был в штатском: белая рубашка, двубортный темно-коричневый инджак, серые брюки. И совершенно безвкусный, на взгляд Марчевского, галстук. Какое планировались потери на случай, подобный происшедшему?

— Имеем в виду оккупацию?

— Скажем мягко — войну, которая привела к поражению. — Ругге закурил и подвинул к Марчевскому коробку сигарет. Тот отрицательно мотнул головой.

— В лучшем случае потери должны были составить не менее двадцати процентов.

— А в худшем? Кто-то же должен остаться? Не могут же всех их, — немец похлопал крепкой ладонью по стоящему рядом массивному сейфу, — выловить русские или взять на связи англичане. К тому же им далекоовато добираться сюда со своего Острова.

— Вы прекрасно знаете, Генрих, что для хорошо поставленной разведывательной службы не существует расстояний. А у Интеллиджес сервис вековой опыт и традиции. — Марчевский развел руками.

— Их традиция — совать в пасть льву чужую голову. Но с нами этот фокус не пройдет! — жестко и зло сказал Ругге. — Надеются отсидеться за Ла-Машем? Пустяк, минута полета авиации! Пролив — не Атлантика и не Тихий океан. Я бы еще понял, если бы так вели себя американцы. Впрочем, не будем отвлекаться. Итак?

— Вы куда-то собрались? — неуверенно спросил Мар-

чевский, вертя в руках карточку. — Может быть, я вас задерживаю?

— Пока нет, — буркнул Ругге, — собирался поехать по делам на пару дней: надо кое-что уточнить на местности, но машина еще не готова к дороге.

— Расстроены, что не смогли выехать в назначенное время?

— Да, расстроен, — не стал скрывать абверовец. — Расстроен потерями. Потерями своих людей, не ваших. Честно говоря, я не ожидал, что они будут столь велики. Иногда приходит в голову крамольная мысль, что наши успехи на Западе прямо пропорциональны неудачам на Востоке. Я имею в виду только чисто разведывательную работу.

— Она никогда не была простой и не обходилась без потерь, — заметил пан Викентий. — Это, надеюсь, знают в Берлине?

— О, да! — закивал Ругге. — Знают. Но кто-то должен все-таки отвечать за неудачи? Если есть кому получать ордена, должны быть и те, кто получает оплеухи. Наша задача, дорогой альтергеноссе, расконсервировать ваших людей. Не ваших лично, конечно, а вашей прежней службы, влить их в новую систему, заставить работать в несколько ином направлении, чем прежде. В конце концов, коммунисты наши общие враги. И не только они... Работы хватит: каждого надо будет проверять, строя мосты на ту сторону, по которым пойдут... — подполковник оборвал себя на полуслове, выразительно сделав рукой энергичный жест полководца, посылающего в бой свою армию. — Но мы опять отвлеклись.

— Да. Вот эти пометки в верхнем углу означают, что данный человек является радистом, — Марчевский показал группу цифр на карточке. — Здесь же закодированы частоты, позывные, отзыв и время связи. А тут резервные волны, на которых он может работать в случае каких-либо осложнений. Трудно сказать, сохранилась ли у него рация. А вот эти пометки внизу, — он указал абверовцу на закорючку, сделанную зеленым карандашом в нижнем углу карточки, — говорят о том, что данные радиста зашифрованы с помощью журнала «Доско́ло свято» за тридцать шестой год. Так, минутку... Да, все верно, пометка сделана хвостиком вверх, значит, журнал номер пять, вторая страница, читать нужно снизу вверх. Вполне возможно, что вместо города Лида, указанного здесь, на самом деле радист находится во Львове, и не на

Школьной улице, а на Церковной. Идя по отметкам, сделанным цветными карандашами, мы с вами доберемся до каждого из этой картотеки.

— Я распоряжусь достать подшивку журнала, — заверил Ругге.

— Да, будьте так любезны... — лукаво усмехнулся Марчевский. — И еще закажите комплекты за тридцать пятый и тридцать седьмой год. Кроме того, понадобятся Евангелие тридцатого года, обязательно изданное в Лодзи, сборник сказок Божены Немцовой в переводе Модзисковского, выходные данные я вам назову, подшивки краковских газет, справочник Львовского университета, сборник неалмазов, энциклопедия, романы Дюма-отца... Не забываете, я подготовлю перечень.

Ругге был потрясен: оказывается, поляки применяли весьма сложную систему шифровки, причем одна карточка могла быть закодирована двумя, а то и тремя шифрами одновременно. Например: имя — одним шифром, место жительства агента — другим, а явка и пароль — третьим. Предстоит колоссальная работа! Какое счастье, что он сумел отыскать Марчевского; теперь тот, ориентируясь по малоопытным пометкам, приведет его к нужному результату. Подполковник подвинул ближе к поляку лист плотного картона, расчерченный аккуратной сеткой.

— Мы разработали сводные таблицы для каждого раздела картотеки. Начнем с агентов, находящихся на Украине и в Белоруссии. По мере расшифровки будем вписывать сюда данные и получим свою, более компактную, полностью расшифрованную картотеку. Наша задача — достигнуть этого как можно скорее, — он с трудом спрятал в углах губ довольную улыбку. Сработано! Полковник действительно владеет тайной ключа. Всего он, конечно, может и не помнит, но большую часть картотеки наверняка расшифрует. Черт побери, без него трудновато было бы добраться до истинных данных агентов разведки, хотя, зачем лицемерить, практически невозможно! Кто знает, кроме пана Викентия, конечно, как и на какой странице надо читать журнал или книгу — задом наперед, снизу вверх или по диагонали, чтобы получить искомое. Нет, поляка стоит поберечь. Очень стоит.

— Вы говорили о позывных, — напомнил немец. — Может быть, вызовем радиста на связь? Вдруг откликнется?

— По крайней мере, никто нам не мешает это проверить, — улыбнулся пан Викентий. — Судя по радиомачте, у вас есть радиоцентр. Если станция не обладает до-

статочной мощностью, можно попробовать из другого радицентра абвера. Когда рация нашего человека откликнется, мы вытянем следом за ним цепочку людей, с которыми он связан.

Ругге встал, прошелся по кабинету, искоса поглядывая на свое отражение в стеклянных дверцах шкафов с винтовками. Чувствовалось, сколь непривычно ему штатское платье. Мысль о вызове радиста на связь была крайне заманчивой. Откуда тому знать, кто именно будет давать ему задания: поляки, англичане или... абвер? Красивое решение. Даже в том случае, если радист будет гнать дезинформацию, по ней тоже можно судить о многом. Поэтому стоит, видимо, начать с радистов, сразу включая их в работу.

— Что же... — помолчав, ответил абверовец. — Попробуем. Правда, я не слишком склонен верить в успех, но... Сейчас многое зависит от выигрыва в инциденте. На картотеке есть другие данные радиста? Фамилия, адрес?

Ответить Марчевский не успел. Приоткрыв дверь, в кабинет заглянул Шмидт.

— Они вернулись, — как всегда лаконично, обратился он к шефу.

— Хорошо! — кивнул Ругге и, обращаясь уже к пану Викентию, добавил: — Придется на некоторое время прерваться. Подождите меня.

Он сложил карточки в ящик и, закрыв своей спиной от Марчевского замок, набрал комбинацию цифр на дверце сейфа. Убрал ящик и, захлопнув массивную дверцу несгораемого шкафа, пошел к выходу. Собака тут же вскочила и побежала следом.

— Ну, ну, дурашка! — ласково потрепал овчарку по холке немец. — Остайся здесь. Пан Викентий не будет возражать против твоего общества?...

— Нисколько...

Ругге вышел. Овчарка, зевнув, улеглась между сейфом и заинтересованно поглядывавшим на нее Марчевским.

...Вечером, незадолго перед наступлением полицейского часа, в небольшое кафе в центре города зашел прилично одетый светловолосый молодой человек. Спросив у хозяина кружку пива, он устроился за столиком в углу, наслаждаясь тишиной и сигаретой. Посетителей было немного, и молодой человек успел за несколько минут рассмотреть каждого: пожилую пару пенсионеров, двух молоденьких девиц, торопливо допивавших плохонький ко-

фе, мрачного полицейского, хлопнувшего около стойки рюмку сивухи и с явной неохотой отправившегося на улицу.

Докурив, молодой человек направился в туалет. Войдя в кабину, плотно прикрыл за собой дверь, накинуд поржавелый крючок, прислушался. За ним никто не шел, ни звука шагов, ни сощенья ожидавшего своей очереди. Дернув за ручку унитаза бачка, молодой человек под шум льющейся воды запустил длинные пальцы в щель дверного косяка и выудил оттуда тугой шарик стеарина. Быстро обтерев его платком, он кинул шарик под язык и вышел. Вернувшись за свой столик, допил пиво и, небрежно кивнув хозяйшу, покинул кафе. Догнал на повороте трамвай и вскочил на подножку задней площадки — на передней ездили только немцы.

Проехав несколько остановок, он, так же на ходу, соскочил и, пройдя проулком, вышел к старому многоквартирному дому. В своей комнате он вынул изо рта шарик, разогрел его на пламени спички и, размяв в пальцах, извлек толстый листок бумаги, испещренный колонками цифр. Достав из тайника портативную радио, молодой человек проверил замок на входной двери и надел наушники. Длинные пальцы быстро закрутили верньер настройки. В эфир полетели позывные...

Расположенный на территории Белоруссии радиопередатчик принял телеграмму и передал ее дальше, в Москву. Шифровальщик поставил на бланке необходимые входящие и исходящие номера и принялся за расшифровку, пометив время: 21 час 40 минут.

«По сведениям Грома, абвер располагает если не всей, то значительной частью интересующей командование картотеки. В настоящее время начата ее дешифровка и сведение в специальные таблицы. Первыми для расшифровки подготовлены разделы, содержащие сведения об агентуре на территории Западной Украины и Белоруссии. Одновременно проводится работа по созданию опорных баз немецкой военной разведки вдоль линии новой границы с СССР, для чего готовятся специальные группы из числа кадровых сотрудников абвера, белорусских и украинских националистов. Предположительно, завершение этой работы запланировано на лето сорокового года. Во всех округах генерал-губернаторства: Краковском, Варшавском, Люблинском и Радомском, усилена подготовка к расквартированию новых немецких частей, создаются польские рабочие батальоны, куда насильно словятся местные на-

селение. Продолжается конфискация собственности, в первую очередь — имеющей военное значение. Особое внимание обращается на ремонт и укрепление шоссе и железных дорог, ведущих к советским границам.

Хопр ов».

...Бергер не любил бывать в кабинете группенфюрера Этнера. Почти всегда приходилось ждать в большой приемной под пристальным взглядом секретаря, пропускать вперед позже пришедших коллег, озабоченных сверхсрочными делами, и при этом молчать, не выдавая себя ни сердитым взглядом, ни недовольной grimасой. Как же — все они товарищи по партии, поставленные ею охранять интересы рейха! Он знал, что любой из этих «товарищей по партии», не колеблясь, насмерть забудет его на дыбе, если это прикажут сделать, и не только его. Истинную цену товарищества он увидел в «ночь длинных дождей», когда спокойно перерезали горло штурмовикам Рэма, многие из которых были приятелями его «товарищей» по СС.

Однако главное заключалось в другом — Бергер не любил кабинета Этнера по той причине, что группенфюрер маниакально был привязан к идее постоянного использования звукозаписи и записывал все разговоры с сотрудниками. Многие из тех, кто не знал об этой «страстишке», уже поплатились за длинный язык, отправившись служить в захолустье или в действующую армию. Начальников, к сожалению, не выбирают, и Бергер вынужден посещать кабинет со стенами, обшитыми фигурными напелими из темного дерева, большим ковром на полу и бронзовыми светильниками на стенах: возможно, именно в светильниках и прятались микрофоны?

Иногда ему казалось, что в воздухе, заполнявшем кабинет, так и витали неведомым образом покинувшие корочки дел грифы «совершенно секретно» и «техайме фершлюсс захе»¹.

Группенфюрер, сидевший за огромным столом, небрежно ответил на приветствие Бергера, предложил ему сесть и некоторое время продолжал просматривать бумаги. «С чем связан неожиданным вызов к начальству?» — прикидывал Бергер, терпеливо ожидая, пока Этнер за-

¹ Тайна под замком (нем.) — термин высшей секретности в нацистском рейхе.

кончат ознакомление со сводками. — «О чем пойдет речь — о Франции, России, Англии? Никаких материалов брать с собой приказа не было. Что-нибудь случилось здесь, дома, в Германии?»

— План, в подготовке которого вы принимали участие, — начал Эстер, — наконец-то готов. Сегодня он должен быть утвержден. Англия встанет на колени перед гением фюрера и железной поступью германских солдат.

— «Потом, на досуге, он будет прослушивать запись и вспоминать, какое у меня было при этом выражение лица...» — подумал Бергер.

— Развертывается работа по трем взаимосвязанным направлениям: психологическое подавление противника — это по ведомству рейхсминистра пропаганды господина Геббельса, — диверсионная деятельность и непосредственно военное вторжение на Острова. Диверсии и политический аспект, сами понимаете, касаются непосредственно нас. Не станем вульгарно понимать диверсии только как взрывы и убийства, — с улыбкой продолжал Этер, — а в первую очередь примем все меры к усилению ориентирующихся на нашу движению групп оппозиции. После падения Франции, которое не замедлит, придет черед Англии. Я выждал вас, чтобы узнать, закончена ли подготовка вывода противника на подготовленную нами дезинформацию. Скоро праздник, Первое мая¹, мне хотелось бы порадовать рейхсфюрера нашими успехами. Понимаете, какое значение имеет эта работа, если в результате мы сможем застать восточного противника абсолютно неподготовленным?

— Да, экссленц... — склонил голову Бергер. Обращение «экссленц», принятое к генералам вермахта, очень нравилось Этеру. — Материал подготовлен, абвер задействован: произойдет именно та утечка информации, которая нам нужна.

— Есть ли там нужные люди? — Этер откинулся на спинку рабочего кресла и, не мигая, уставился в лицо подчиненного. — Оправдана ли ваша ставка на абверкоманду Ругге?

— Введены в действие и запасные варианты, — выдержал взгляд шефа Бергер. — Но наиболее вероятно, все же именно там. Мой человек прибыл на место, по его сообщениям — подозрителен каждый!

¹ В нацистской Германии Первое мая отмечалось как день национал-социалистского государственного праздника «национального труда».

— Пусть не очень-то их настораживает... — помягчел Этнер. — А то мы подложим свинью Канарису раньше времени и не достигнем цели. Недавно рейхсфюрер, со свойственной ему прозорливостью, посоветовал использовать каналы Лоренца...

Лоренца Вернера Бергер знал. В 1933 году тот был начальником гестапо в ганзейских городах — Бремене, Любеке и Гамбурге, став после уничтожения там профсоюзов и всех других политических рабочих организаций бригаденфюрером СС. В период первой мировой войны Лоренц успешно занимался шпионажем, а до прихода нацистов к власти дважды сидел в тюрьме за коммерческие аферы, но об этом предпочитали благоразумно умалчивать — особенно после того, как рейхсфюрер Гиммлер пригласил Лоренца для встречи с Розенбергом. Именно Розенберг предложил Лоренцу после «чистки» Северо-Западной Германии заняться активизацией деятельности «Северного общества», центр которого располагался в Любеке. Это общество широко пропагандировало фашизм Швеции, Дании, Финляндии. Лоренц преуспевал и на этом поприще — за короткое время ему удалось создать в этих странах более сорока контор-клубов «Северного общества». Гитлер и Розенберг были довольны. Кроме того, учеником Лоренца был Рейнгард, могущественный человек в СС и СД.

— Я подготовлю предложения, — не замедлил откликнуться Бергер. — Осмелюсь напомнить, эксцеленц, что вы специально настояли на назначении начальником СС и полиции в этом польском городишке одного из бывших сподвижников Лоренца — Вилли Байера. Он отправился туда прямо из штаб-квартиры Гамбургского гестапо в отеле «Атлантик».

— Как же, как же... Помню. Вилли Байер — Бешеный Верблюд! — засмеялся группенфюрер. — Знаете, почему его так прозвали? Нет? Он очень любит орать и при этом жутко брызгает слюной. Она даже спекается у него в углах рта. Со стороны забавно, но каково его подчиненным? Вечно ходить заплеванными, потому что Байер вопит по любому поведению?

— У него при этом выкатываются и стеклеют глаза... — добавил Бергер, почувствовав веселое расположение шефа.

— Да, старый боец Вилли Байер... А мы не поторопились с ним? — неожиданно убрав с лица улыбку, вкрадчиво заинтересовался Этнер. И это «мы» неприятно ре-

зануло ухо Бергера. Неужели шеф уже готовит «козла отпущения» на случай неудачи, собирается все свалить на него? Или тут пачала играть «коридорная политика», когда при решении даже суперважных вопросов учитываются взаимоотношения с сильными мира сего?— Насколько я его знаю, он склонен к жесткому подавлению всех. Абсолютно всех! Особенно нижестоящих. Видимо, за годы работы с Лоренцом у него выработался определенный комплекс неполноценности и теперь Вилли стремится доказать, что он не только вождь, а сам вождь, хотя во многих вопросах недостаточно компетентен. Одно дело, когда он был за спиной таких людей, как Лоренц и Гейдрих, а другое, когда надо все делать самому. И еще руководить на месте.

— Он закатывает истерики только подчиненным, экзельенц. И очень редко противоречит начальству.

— Ценное качество, — скривил губы группенфюрер. — Чтобы не сомневаться в успехе, прошу вас лично заняться операцией. Поезжайте в Польшу, Бергер, посмотрите все сами, на месте — так надежнее. Но держитесь подалеке от Байера, когда тот начнет орать, потом можете не отчистить мундир.

...Свет он включать боялся, несмотря на плотно задернутые шторы на окнах. Наредка по ним пробегал луч прожектора, установленного на вышке охраны, и тогда комната принимала фантастический вид — все предметы отбрасывали причудливые, ломаные тени, мрачные, чернильно-темные. Сначала он невольно вздрагивал, когда мертвенно-призрачный свет проникал сквозь шторы, но потом, занявшись делом, ради которого тайком проник сюда, перестал обращать на это внимание.

Дверь кабинета Ругге открылась на удивление легко — стоило только несколько секунд поковыряться в замочной скважине отмычкой. Войдя, он несколько секунд стоял, настороженно прислушиваясь и пытаясь рассмотреть, как стоят стулья и кресла в темном кабинете, — не хватало еще задеть что-нибудь, поднять шум и вызвать переполох.

Заперев за собой дверь все той же отмычкой, он подергал ее, держась за ручку затянутой в тонкую перчатку рукой. Потом, тихо ступая, подошел к массивному сейфу, достал из кармана потайной фонарь и осветил тонким лучиком света диск набора шифра и три круглые ручки с делениями, на которые были нанесены цифры.

«Все просто, — усмехнулся про себя человек в перчатках. — Стоит только набрать код на диске, словно звонишь приятелю по телефону, потом поставить ручки в нужное положение — и тайны господина Рутге к вашим услугам... Дело за малым: знать шифр и пужное положение ручек...»

Вынув маленькую книжечку, на страницах которой были колонками, как в хорошей бухгалтерской книге, написаны столбцы пятизначных цифр, он торопливо принялся за работу, зажав фонарь в зубах. Было очень неудобно — рот заполнила тягучая слюна с металлическим привкусом; приходилось, прижимая к себе книжечку одной рукой, другой набирать цифры и поворачивать ручки, не забывая зачеркивать уже опробованные комбинации. Вскоре лоб покрылся потом, словно он делал непосильную физическую работу: дыхание стало прерывистым и хриплым, сердце билось в груди неровными толчками.

Наконец он решил немного отдохнуть. Вынул из рта фонарь, привычно полез в карман за сигаретами, но тут же одернул себя — нельзя, надо терпеть! Так, уловив дыхание, чтобы сердце начало биться спокойнее, чтобы ушла противная, предательская дрожь в пальцах, чтобы не подгибались уставшие колени...

Сколько еще ему мучиться здесь, около этого сейфа, похожего на индийскую гробницу или пирамиду фараона древнего Египта? Какой шифр придумал для замка, надежно охраняющего его служебные секреты, золотозубый любитель собак Генрих Рутге?! Сейф не польский, а немецкий. Принцип его механизма известен — при наборе на диске шифра следует повернуть ручки, поставив их рисками напротив пужных чисел, и поворачивай кольцо, открывай брошированную дверцу. Вот только где они, нужный шифр и цифры, напротив которых должны встать ручки сейфа? Не будешь же ходить сюда каждую ночь?

Человек в перчатках снова зажег потайной фонарик и быстро просмотрел странички книжечки — неопробованные комбинации занимали ее добрую половину. Сейчас тихо, может быть, попробовать работать на слух? Немцы музыкальная нация, сложные механизмы их сейфов обычно издают тонкий, мелодичный звук, когда совпадает комбинация цифр. Звук этот очень слаб, почти не слышен, но если прижать к дверце мембрану стетоскопа? Тем более как-то раз ему случайно удалось увидеть первые три цифры набора шифра на диске — не меняет же Рутге шифр

каждый день, для этого нужен специальный мастер. Миг, и из кармана извлечен стетоскоп.

Нежно обняв огромный металлический ящик, человек прищип к нему, напрягая слух, одновременно тихонько набирая пальцем в перчатке цифры на диске. Вот, после первой удалось расслышать едва заметный тонкий звон, словно где-то далеко-далеко лопнула туго натянутая струна. Есть?! Или показалось?

Небрежно смахнув пот со лба, он снова прижал стетоскоп к сейфу, набирая вторую из известных ему цифр. Тот же тонкий звук...

Удача? Рано думать об этом, а вдруг, при неправильном наборе остальных цифр, замок автоматически сбрасывает первые из набора? Тогда ничего не выйдет. Торопись, действуй, пробуй — время неумолимо идет! А еще надо добраться до содержимого сейфа и суметь незамеченным выскользнуть из кабинета, спрятаться у себя, сделать вид, что всю ночь был только там, спал сном праведника.

Ну, рискуй! Набирай третью цифру, а потом, зажав дыхание и прихватив рукой в перчатке край диска, веди его, чутко прислушиваясь, пока снова не раздастся знакомый щелчок...

Через несколько минут он обессиленно сел прямо на пол, устало полуприкрыв глаза и вытаскив из ушей трубки стетоскопа. С диском, на котором набирался шифр, наконец-то было покончено. Теперь одна из тайн Рутге в его руках! Комбинацию цифр он теперь не забудет даже в белой горячке — она словно впечаталась в мозг.

Осталось разобраться с ручками, но это уже много проще — у человека в перчатках был некоторый опыт по вскрытию чужих сейфов. Кинув взгляд на циферблат своих наручных часов со светящимися фосфорным светом стрелками, он опять заторопился. Стальная гребница оказалась не столь податливой. Еще несколько раз он отдыхал, сидя на полу и прислонясь спиной к тумбе стола, прежде чем удалось поставить ручки в нужное положение. С замиранием сердца он взял рукой, затянутой в перчатку, за массивное поворотное кольцо дверцы. Откроется или нет? Ошибка обрекала на новые мучения и смертельный риск. А если есть еще какие-нибудь секреты, о которых ему неизвестно, — бывают сейфы, стреляющие во взломщиков, подающие звуковые сигналы, да мало ли чего изобрели хитроумные механики?!

Отступить, прийти сюда еще раз? Снова ждать, когда

выдастся удобный момент, и опять трястись от каждого шороха...

Рука словно сама, не повинаясь мозгу, потянула за кольцо. Тяжелая дверца легко пошла в сторону на хорошо смазанных петлях. Ни выстрела, ни sireны... Он удовлетворенно улыбнулся.

Но улыбка тут же сошла с лица. Внутри сейф был разделен на два отделения — нижнее и верхнее. В нижнем какие-то бумаги, большой конверт из «крафта», с головастым орлом, держащим в когтях дубовый венок со свастикой. Верхнее закрывала бронированная дверца с узкой скважиной фигурного ключа!

Быстро пошарив по карманам, человек достал тюбик со специальной пастой и миниатюрную масленку, вроде тех, что применяют для смазки домашних швейных машин. Сприснув из масленки замочную скважину дверцы верхнего отделения сейфа, он выдавил из тюбика, плотно прижатого к скважине, густую темную пасту. Отодвинув от замочной скважины тюбик, подождал, пока паста начнет засыхать, и осторожно вытянул готовый слепок ключа. Тщательно вытер края замочной скважины.

Что же, теперь уходить? На глаза опять попался все тот же большой конверт. Уйти, не поинтересовавшись, что именно прячет от чужих глаз герр Ругге в нижнем отделении сейфа?

Протянув руку, он взял конверт — сургучные печати были уже сломаны — открыл. Увидев гриф секретности и название документа, ощутил радостное возбуждение: вот это удача! Видно, абверовец торопился и не убрал конверт в верхнее отделение. Что же, тем хуже для него. Сколько тут листов? Ага, порядком, однако минут за тридцать — сорок вполне можно управиться.

Быстро достав миниатюрный фотоаппарат-лейку с магниевой лампой, человек обернулся на окна, внимательно оглядев шторы — не будет ли заметно вспыхивание магния? Снимать решил на полу, прикрывшись от окон столом. Торопливо, но без суеты, разложил листки с машинописным текстом и схемами, поднес к глазам видоискатель фотоаппарата и замер.

За дверями кабинета раздался злобный собачий лай и громкие голоса, среди которых выделялся недовольный голос Ругге.

...Начальник абверкоманды появился в приемной, одетый в пижаму, с ночным колпаком на голове, но с пистолетом в правой руке. Лево́й он держал за ошейник залив-

вавшего злобным лаем Дара. Глаза у собаки горели, шерсть на загривке поднялась дыбом.

Следом за Рутге в приемную ввалились полуодетый Шмидт и несколько солдат внутренней охраны.

— Что случилось? — встревоженный Шмидт подергал ручку двери кабинета. — Заперто...

— Дар поднял тревогу, — шурясь со сна от яркого света, пояснил Рутге. — А он редко ошибается.

В углу, там, где стояла корзина для бумаг, раздался легкий шорох. Один из солдат быстро шагнул туда и, разворошив бумаги, поднял котенка.

— Кошка, господин подполковник!

Дар, свирепо рыча, рвался к дверям кабинета.

— Ну что ты, дуранка... — потянул его к выходу Рутге. — Эта тварь может оцарапать твой нежный нос и испортить морду. Тебе не жаль собственных глаз? Выкинуть эту гадость! — небрежно поведя стволом пистолета в сторону котенка, приказал он. — Головой об угол — и в помойку. Я не терплю кошек.

И потащил упирающегося пса к дверям. Шмидт и солдаты последовали за ним.

— Акт первый, — значительно сказал Рутге Шмидту в коридоре.

Тот понимающе кивнул в ответ.

...Застывший с фотоаппаратом в руках человек чутко прислушивался к звукам, доносившимся из-за дверей. От каких только нелепых случайностей не зависит жизнь — например, от вшивого котенка. Через полчаса он неслышно выскользнул в приемную, тщательно запер за собой дверь кабинета и словно растворился в сумраке слабо освещенного коридора замка.

...В эту почь полутемные коридоры старого имения Пилецкого, построенного в стиле замков богатой шляхты еще в восемнадцатом веке, были странно оживлены движением людей.

Кто-то, скрытый полумраком, проходя в туалет, поднял руку и опустил на карниз деревянной обшивки стен коридора тугой бумажный шарик записки. Через несколько минут другой человек, приоткрыв дверь своей комнаты, вышел в коридор и, заустив пальцы за карниз, выудил эту записку.

...Выхин прикрыл глаза от неожиданно ударившего в лицо яркого света фонаря.

— Что вы тут делаете? — голос был очень знаком.

Протянув вперед руку, Вадим нащупал записку че-

ловека, державшего фонарь, и, сжав его, направил свет вверх. Перед ним стоял Тараканов.

— Какая встреча... — усмехнулся Выхин. — Тот же вопрос могу вам задать и я. Или мы, как дети, будем спорить, кто первый спросил?

— Не будем... Но все же?

— Ходил в туалет, — с вызовом ответил Владимир — Устраивает? Или здесь запрещено ходить ночью по нужде? Кстати, вам тоже не спится, да еще обзавелись фонарем.

— Немцы аккуратисты, экономят свет, — мягко освободив руку, ответил Владимир Иванович. — Боюсь набить шишку в темноте, посещая то же заведение. Спокойной ночи.

И Тараканов пошел дальше по коридору, подвешивая себе под ноги фонарем.

— Спокойной ночи, — буркнул в ответ Выхин.

Тайком наблюдавший за ними в щель приоткрытой двери своей комнаты Алоиз Дымна, тихонько, стараясь не щелкнуть замком, прикрыл дверь и запер ее. Он довольно улыбался.

...Генерал Ермаков не умел играть в домино, не терпел карточных игр и никогда не увлекался шахматами. Но в собственном кабинете держал шахматную доску с расставленными на ней замысловато выточеными из темного и светлого дерева фигурками королей, всадников, боевых слонов и осадных башен. Иногда он привозил их домой и часами просиживал, подперев голову рукой, перед доской, нелепо, с точки зрения шахматиста, переставляя фигуры с места на место. Менялось положение темных и белых фигур. То выдвигались вперед маленькие пехотинцы, прикрывшиеся круглыми щитами, то вдруг отступали, а им на смену, против всяких правил, шагая через несколько клеток, выходили короли.

Жена и дочь, наблюдая за ним в эти часы, тихо посмеивались — Алексей Емельянович объяснил им как-то, что такое времяпрепровождение для него лучший отдых. Домашние считали: имеет право на безобидные чудачества.

Перед мысленным взором Ермакова фигурки оживали. Они превращались в начальника абверкоманды Ругге, бывшего польского полковника Марчевского, упедшего для связи с ним капитана Волкова, напряженно работающего в пограничной зоне Павла Романовича Семенова. Были на доске фигурки, обозначающие Бергера и

группенфюрера Эстера, и в игре генерала Ермакова они становились все более опасными для его фигур.

Разведуправление Генерального штаба РККА уже располагало данными о подготовке немцев к большой войне на Востоке. Источники, от которых поступили сведения, были неоднократно проверены делом и не вызывали сомнения. В немецких штабах шла напряженная работа — готовились новые директивы, рассчитывались силы танковых соединений и пехотных частей, запасы стратегического сырья, мощности промышленности с учетом заводов, которые имелись в уже оккупированных фашистами странах — Польше, Чехословакии, Австрии. В обстановке строгой секретности немцы начали печатать разномасштабные карты европейской части СССР...

Разворачивалась сеть школ абвера на территории Польши и Восточной Пруссии — готовили радистов-диверсантов, агентов для глубокого внедрения. Как же заманчиво для господ с Бендлерштрассе¹ отыскать тропки, уже проторенные польской разведкой, использовать в собственных интересах ее людей. Если иметь о них нужные сведения, то можно поставить железный заслон проникновению немецкой агентуры в пределы нашей страны. Правда, это только одно из направлений работы, но тоже немаловажное.

Алексей Емельянович покрутил в пальцах фигурку черного конного воина — для чего она олицетворяла собой Бергера. Есть сведения, что он направляется с особым заданием в Польшу.

Зачем? Какие интересы имеет там СД? Бергер больше занимался Западом, чем Востоком, а едет именно в Польшу. Опять же в городок, где расположена абверкоманда Рутге, цепко держащего в когтях Марчевского, начальником СС и полиции назначен Вильгельм Байер — один из бывших ответственных сотрудников Гамбургского гестапо. Как говорится в русской пословице — не по Сеньке шапка! Добро бы отравили его в Краков, Варшаву, Лодзь или крупный город образованного на территории оккупированной Чехословакии протектората Чехии и Моравии — так нет, снимают с насиженного места в очень значительном городе Германии и переводят в приграничный городок Польши. Провицился Байер или, наоборот, получил пока неизвестные нам директивы, выпол-

---

¹ Улица в Берлине, на которой располагалась резиденция абвера.

нение которых СД не сочло возможным возложить на кого-либо другого, а выбрало именно этого исполнителя, известного преданностью нацизму, жестокостью, подозрительностью и изощренностью в провокациях?

Вот и его шахматная фигурка заняла место рядом с фигуркой, обозначавшей Рутге. «Ну-ка, ну-ка... — сказал сам себе Алексей Емельянович, — ведь Байер мастер провокаций! А что, если СД совместно с абвером, или даже втайне от него, проводит свою акцию? Поэтому и направляет к нашей границе собственных людей. Вот только какую пакость они задумали?»

Рутге — специалист по Востоку, Бергер — по Западу, Байер — по провокациям, Этнер — человек, близкий к Шелленбергу, занимающемуся политической разведкой, а Бергер — подчиненный Этнера. Байер, в свою очередь, один из ставленников Гейдриха.

Змеиное гнездо! И опыт подсказывает, что это еще не все действующие лица, есть кто-то, прячущийся в тени, — и генерал выставил перед тяжелыми фигурами пешку — маленького черного пехотинца, прикрывшегося щитом.

В ближайшее время следует ждать активизации действий немецких частей против французских войск и экспедиционного английского корпуса. Не тут ли собака зарыта? Может быть, хотят сразу двух зайцев убить — всучить нам и им хорошо подготовленную дезинформацию, а ударить совсем в другом месте? Этот вопрос надо безотлагательно проработать. Если догадка верна, то дезинформация будет масштабной, посящей не только военный, но и политический характер.

Так, а что с Волковым? По сведениям, полученным от Семениова, капитан прибыл на место. Связался ли он с Марчевским, поверил ли тот ему — ведь Волков, согласно разработанному плану операции, должен прийти совсем не так и не оттуда, где ожидал его бывший полковник. Сколь долго сможет продержаться Волков в абверкоманде? Для абвера Волков не очень дорогой материал — используют и без сожаления могут уничтожить — они дорожат только арийцами. Видимо, в свете данных о подготовке немцев к большой войне на Востоке стоит продумать варианты длительного использования возможностей Марчевского. Не одной картотекой он может быть полезен советской разведке и делу освобождения многострадальной родины — Рутге и его хозяева вряд ли отпустят бывшего польского разведчика, особенно если развернутся широкие события. Упомянуть слово «война»

Алексею Емельяновичу очень не хотелось, несмотря на то что он с самого пачала знал истинную цену договора, заключенного Германией с СССР в тридцать девятом году.

Итак, надо подумать о том, как сохранить Марчевского после получения сведений о захваченной немцами картотеке. Придется капитану Волкову взять на себя основную нагрузку в этой операции, которая начинает постепенно превращаться в часть большого, уже стратегического, замысла. А связь с Марчевским после выполнения задания он передаст. Волкову, выполнив задание, придется уйти — немцы, конечно, долго будут настороже, перетряхнут все и вся, но до той связи, о которой подумал генерал Ермаков, им не добраться — для этого будут предприняты все необходимые меры. Да и Марчевский останется вне подозрений, и ему легче станет внедряться прочно, надолго: Рутге сам его нашел, а себе он верит.

Алексей Емельянович вновь переставил фигурки на шахматной доске. Подумав, взялся рукой за одну, стоявшую вне доски, на столе. Он уже догадался о маленьком черном похотище, выдвинутом скорее всего Бергером. А вот оии о его человеке, который должен вступить в игру, сменив Волкова после выполнения им задания, догадаться не должны, — и Ермаков решительно поставил позади своих фигур, на самом краю черно-белого поля, скифского всадника на белом коне.

Гуин — под этим псевдонимом генералу был лично известен очень способный разведчик, опытный, хорошо законспирированный. Как это в шахматной игре ходит конь, углом? Три клетки прямо и одна в сторону, причем, кажется, в любую? Вот так и Гуин будет этим ходом коня в их игре, меняявшись ролями, в конце операции, с капитаном Волковым. Они сумеют это сделать.

Надо поговорить с Николаем Демьяновичем Козловым, пусть заинтересуется по имеющимся каналам, что это такое затекает СД. И подготовить все материалы по введению Гуина на конечном этапе в операцию, которую в основном должен теперь взять на себя Волков. Трудно придется парню, очень трудно. Но потому и послали именно его, что очень трудно...

Ермаков встал, открыл окно. В комнату ворвался свежий апрельский ветер, прохладный, немного сырой.

«Рано немцы считают себя победителями Польши, — подумал Алексей Емельянович. — Еще Монтескье писал:

«Не побежден народ, хотя утративший войска, но сохранивший правы свои». Нрав у поляков свободолюбивый, вспомнить хотя бы знаменитых «косиньеров» Костюшко... Сколько раз поднимался этот народ на борьбу за свободу. И сейчас там нарастает движение Сопротивления. Нет, рано немцам считать себя победителями Польши, равно! Для поляков это только поражение прогнившего режима Пилсудского, Бека и Рыдз-Смиглы, но время наверняка покажет, что это не поражение народа».

...В казино «Турмклаузе», расположенное на тихой улочке в центре города, Дымша пришел около семи вечера. Толкнув старинную дверь с перекладинами, пробитыми медными, позеленевшими от времени и непогоды гвоздями, он перешагнул порог и очутился в маленьком вестибюле. Стрельчатая арка, завешанная занавесом из разноцветных стеклянных бус, вела в зал. Небрежно раздвинув звякающие стекляшки, напизанило на тонкие лески, пан Алоиз прошел в зал, сел за свободный столик и кивнул, как старому знакомому, пожилому мэтру. Похожий на посастую нахохлившуюся птицу старик в ответ только приподнял густые седые брови, нависшие над маленькими глазами, и сделал едва приметный жест рукой. Через несколько минут он подошел к столику Дымши, перекладывая из руки в руку стопку жетонов.

— День добрый...— приветствовал его Алоиз.— Как дела?

— Пан шутит...— бледно улыбнулся мэтр.— Какие могут быть теперь дела? Я же не шибер, как называют немцы спекулянтов.

— Ну, не прибедняйтесь, старина. У нас есть работа, а это в наше время тоже немало. Но крайней мере — кусок хлеба. Сегодня играют?

— Наверху,— лаконично отозвался старик.— Пойдете?

— Пожалуй,— протянул Дымша.— Дайте мне жетонов на десятку.

— Пан не уточнил, на какую десятку,— усмехнулся мэтр.— На золотые или на марки?

— На золотые, на золотые... Сколько вы даете на них сегодня?

— Три жетона.

— Не густо...

Подбрасывая на ладони полученные в обмен на деньги жетоны, Дымша направился к деревянной лестнице на второй этаж. Остановившись под прилепленным к стене плакатом с портретом немецкой кинозвезды Але

Ондре, он достал сигареты и прикурил, зорко оглядел зал. Потом медленно поднялся и пошел по коридору.

Зал, где играли в карты и иногда в рулетку, был в конце коридора второго этажа, а по сторонам тянулись однообразные двери номеров. Дымша без стука открыл дверь под номером три и защелкнул ее за собой на замок.

— Опаздываете...

В продавленном кресле, стоявшем рядом с широкой деревянной кроватью, сидела женщина лет сорока, зябко закутавшись в большой платок. Сколько Дымша ее знал, она всегда так куталась, словно никак не могла согреться.

— Извинито, раньше не мог вырваться. Зато я с хорошими вестями.

Алоиз прошел в глубь комнаты и сел на кровать — больше сесть было просто некуда.

— Рассказывайте, — глухо сказала женщина.

— Вот... — порывшись несколько секунд в поясе своих брюк, Дымша достал туго скатанную полоску бумаги. — Здесь все, что удалось собрать за последнее время.

— Мало, — женщина выпростала из-под платка руку с сигаретой, прикурила, жадно затянулась. — Как Марчевский? Удалось найти к нему подход?

— Трудно, — полуприкрыл глаза Дымша, из-под опущенных век наблюдая за руками женщины. — Его почти ни на минуту не оставляют одного.

— Но все же оставляют? — с иронией спросила она.

— Не требуйте невозможного! — неожиданно окрысился Алоиз. — Я и так работаю на пределе. Удалось заглянуть в сейф Ругге — пленка в тайнике. Осторожнее... Не проявлена. Там очень ценные сведения о подготовке высадки немцев на Острова.

— Это меняет дело, — женщина нервно примяла в пепельнице недокуренную сигарету.

— Еще бы... — фыркнул Дымша. — Только поторопитесь. И вот что, сделайте одолжение, в тайнике найдете коробочку, я хочу иметь ее содержимое, выполненное в металле, как можно скорее.

— Надо было принести с собой. Неразумно доверять такие вещи тайникам.

— Неразумно таскать с собой! — парировал Дымша. — Это все равно, что носить собственную смерть. Думаете, там не устраивают внезапных проверок и обысков?

— Спокойнее, спокойнее... — осадил его женщина. —

Не тратьте зря пыл, поберегите нервы, еще пригодятся, борьба предстоит долгая.

— До могилы,— мрачно пошутил Дымша.— И, скорее всего, до нашей.

— Не торопитесь туда, успеете,— женщина закурила новую сигарету.— Что удалось узнать о связном?

— Он взорвал себя гранатой, в развалинах.

— Об этом уже известно,— жестко сказала женщина.— Нас интересуют подробности.

— Какие, к черту, подробности? — снова вскинулся Алоиз.— В тот день приехал некий Выхин, из эмигрантов, говорит, выехал из России еще до революции. Он видел начало трагедии на площади. Там же был Тараканов, тоже из русских. Я рассказывал им о нем, помните?

Женщина кивнула, плотнее закутываясь в платок.

— Оба подозрительны...— продолжал Дымша.— Очень подозрительны. У Выхина были страшные пятна на плаще, похожие на кровь, а Тараканов по заданию немцев ходил высматривать среди приехавших левых и коммунистов. Да, Выхин, как мне удалось узнать, якобы учился в школе абвера, расположенной под Краковом или в самом городе.

— Он объяснил, откуда пятна? — задумчиво спросила женщина.

— Тараканов его спрашивал, а тот отболтался, грязь, говорит. Удалось вам проверить, действительно ли Тараканов был осведомителем дефензивы?

— Пока нет. Сумятица войны, оккупации. В Лондоне нет архивов по Восточным кресам, сами понимаете. Надо выяснить, была ли гибель нашего человека случайной. Или подвели документы?

— Але ж ни свидетеля, ни почлаки, — разведя руками, ответил Дымша.— Ни свидетеля, ни улики! Но немцы что-то подозревают. В город прибыл новый начальник СС и полиции Байер.

— Знаю...— устало сказала женщина.— Он из Гамбургского гестапо, человек Гейдриха. Надо быть предельно осторожными. Кстати, вас тоже не было в замке, когда погиб связной.

— Обрастаеете информаторами...— криво усмехнулся Алоиз.

Появившееся было у него желание рассказать об усилившихся подозрениях в отношении Тараканова, особенно после драки у границы, начало пропадать и исчезло. Стоит ли выкладывать всю информацию сразу — она и так

сосет ее, как ненасытная пиявка, и никак не может отвалиться, пресытившись. Он пожалел даже, что сказал о пленке, спрятанной в тайнике: можно было бы приберечь это на следующий раз. Что станет с ним, когда не будет новых сведений? Впрочем, такое маловероятно — в воспом. калейдоскопе событий, да еще общаясь с герром Рунге, всегда принесешь что-нибудь в клюве в это гнездышко.

С Таракановым он разберется сам — не исключено, что тот только выдает себя за эмигранта, хотя и отлично владеет языком. Стоит натравить на него Выхина, пусть поговорит, поинтересуется приметами быта дореволюционной России, незначительными деталями, которые немцы, а у Дымши все более крепло подозрение, что Тараканов — немец, знать не могут. Только на кого же тогда он работает — на СД, на гестапо? Иначе зачем ему притворяться русским в абвере? Конечно, Тараканов мог жить в России — мало ли там было немецких колонистов — отсюда и прекрасное знание языка, но слишком много за то, что он все же немец: как он пьет водку, как расходует деньги — аккуратноенько, все записывая в книжечку, сводит дебит с кредитом в конце месяца. Почему он подловил Выхина в коридоре ночью? Где его, в конце коридора, могли так прекрасно обучить приемам самообороны? И Тараканов не знает многого из того, что должен знать человек, долго проживший в Польше до войны, — в этом Дымша успел уже убедиться. Мелочей, вроде общеизвестных песен, он все же не знает, но зато знает тюремные. Откуда?

Вопросов много, но делиться подозрениями с пиявкой, как про себя именовал пан Алоиз сидящую напротив него женщину, Дымша не станет. По крайней мере, пока не станет. Немецкие черты всасываются с молоком матери, и ни один из русских, с которыми Дымше приходилось общаться, такими чертами не обладал. И немецкий язык Тараканов знает, прекрасно знает, видно по глазам, когда говорят немцы в его присутствии, — такое выражение глаз не может быть у человека, с трудом ловящего смысл чужой речи. Он все понимает, прекрасно понимает, это его родной язык, нет сомнений, но пачав говорить, он парочно коверкает его и делает паузы, словно вспоминая нужные слова. Ну, ничего — еще посмотрим!

— Не буду скрывать, вас видели в городе, — ответила на вопрос Дымши женщина. — Хочу предупредить, что мы...

— Не надо... Не надо меня предупреждать, — скорчив кислую мину, недовольно прервал ее Алоиз. — Думаете, продамся Руге или Байеру? Резона нет. О нашем погибшем друге я постараюсь узнать точнее. Вспомните, что встретить его должен был именно я, потому и выбрался в город. Не знаете, чего это стоило!

— Знаю... Знаю, сколько идет ежемесячно на ваш счет в банке. И не злотыми. Не забудьте про Марчевского. Он и картотека — главная цель!

Поняв, что встреча окончена, Дымша встал и пошел к выходу из номера. Тихо приоткрыв дверь, убедился, что в коридоре никого.

— Следующий раз как всегда? — полуобернулся он к жещине. Та кивнула в ответ...

Спускаясь по лестнице, Дымша решил закурить и, сунув руку в карман, обнаружил жетоны. Стоило их опять обратить в деньги. В зале он поискал глазами старого мэтра и увидел его около кухни — тот отдавал сверток мальчугану, похоже — внуку. «Подкармливает родню... — беззлобно отметил Алоиз. — На деньги союзника».

Подойдя к старику, он отдал жетоны и попросил наполнить фляжку коньяком — если уж пользоваться деньгами союзников, так всем!

Выходя, Дымша еще раз оглядел зал, но ничего подозрительного не заметил — так, обычная публика. Но только когда он уже ушел, из-за колонны, украшающей зал, появился Выхин с кружкой пива в руках. Прихлебывая отдающий водой и скверным солодом напиток, Вадим внимательным взглядом проводил Дымшу, потом оглядел лестницу на второй этаж, откуда тот спустился, старого мэтра, просеменвшего на кухню, плакат с Але Ондре, тихую компанию в углу зала и решил заглянуть в казино еще разок-другой.

Сегодня он был выпущен в город, и простое любопытство привело его сюда. Хотя нет, не простое — Выхин несколько раз проверился, не идет ли кто за ним. Сначала он решил только посмотреть, где расположено казино «Турмкраузе», а потом, придя к его дверям, подумал: а почему бы не зайти? Совсем не обязательно сразу спрашивать чашку ликера «Кюрасао». Можно поглядеть по сторонам, оценить обстановку, «поторговать глазами», как говорится в русской поговорке, — за это с него никто ничего не попросит. А тут такая встреча — пан Дымша! Нет, непременно надо будет заглянуть сюда еще.

...Короткая автоматная очередь вдребезги разнесла ряд пустых бутылок, поставленных на барьер перед мешками с песком.

Полуподвальное помещение замка, превращенное в тир, сразу наполнилось кислотоватым пороховым запахом. Но старым каменным плиткам пола весело запрыгали желтые стеклянные гильзы.

— Гут! — похлопал по плечу Дымшу не склонный к внешним проявлениям чувств Шмидт. Отобрал автомат, знаком приказав отойти с линии огня. Кивком поздравил к себе Тараканова. — Теперь вы.

Ожидая, пока дежуривший в тире Выхин выставит новый ряд бутылок, Владимир Иванович снарядил магазин и вставил его в автомат, передернул затвор. Присевший на лавку Дымша с интересом наблюдал за ним. На другом конце длинной скамьи сидели Рутге с псом и Марчевский. Не спуская глаз с Тараканова, Дымша пытался прислушаться к их негромкому разговору.

— С удовольствием составлю вам компанию, Генрих... — улыбаясь, говорил пан Викентий. — Но и вы не откажите.

— Хорошо, постараюсь. Но не могу твердо обещать...

Последние слова немца заглушила автоматная очередь, звон разбитого стекла, щелчки пуль по деревянным щитам за мешками. После стрельбы Тараканова часть бутылок осталась стоять на барьере.

— Шлехт, плохо... — недовольный Шмидт взял у него из рук автомат. — Не надо длинных очередей, задирается ствол. На эту посуду хватит двух коротких очередей. Ясно?

— Да... — вяло согласился Владимир Иванович. — Но мне привычней пистолет.

— О?! — неожиданно оживился Шмидт. — Поставьте бутылки — крикнул он Выхину. — Хотите пари? — гауптман повернулся к Тараканову. — За десять секунд с этого расстояния разбить всю посуду. Иначе двадцать марок, а если нет...

— Разобью! — прервал его ухмыльнувшийся Владимир Иванович. — Большие марки за каждую пустую бутылку, неплохая цена. Только дайте второй пистолет.

— Стреляете с обеих рук? — недоверчиво покосился Шмидт.

— Попробую.

— Ставлю пятьдесят марок! — неожиданно подал голос Рутге. — За вас, Шмидт! Покажите, как это надо делать.

— С вас тридцать марок, — откликнулся Шмидт. — Двадцать — мой!

— Хорошо, хорошо... — засмеялся Рутге. — Но учтите: выигравший поит свою компанию, а проигравший — свою! Начинайте первым, Шмидт!

— Кто еще хочет участвовать? — выходя с оружием в руках на огневой рубеж, небрежно поинтересовался гауптман.

— Нет, — ответил за всех Выхип, отодвигая ногой корзину с пустыми бутылками. — Желаю вам удачи!

Шмидт только криво усмехнулся и поднял пистолеты.

— Время!

Загремели частые выстрелы, полетели на пол осколки бутылок. Одна осталась стоять на самом краю барьера.

Шмидт опустил оружие.

— Попробуйте это сделать лучше, — отдавая Тараканову пистолеты, сказал он. — За десять секунд семнадцать бутылок из восемнадцати. С тридцати метров.

— Я попробую... — Владимир Иванович вогнал в рукояти парабеллумов магазины и передернул затворы, досылая патрон.

Внимательно наблюдавший за ним Дымша остался доволен — его подозрения подтверждались. Все русские при стрельбе занимали другую позицию, а Тараканов встал так же, как и Шмидт, — слегка согнув ноги в коленях, словно собирался пружинить при каждом выстреле. Так, в раскорячку, вставляли при стрельбе только немцы! Русские и поляки стреляли, стоя на прямых ногах и не сгибая рук в локтях, вытягивали их в сторону мишени. По крайней мере такова была метода обучения стрельбе в русской и польской армиях.

На огневой рубеж Тараканов вышел быстро, словно прищипывая, как боксер на ринге.

— Время! — зычно гаркнул Шмидт.

От первого же выстрела разлетелась та самая бутылка, в которую не попал гауптман. Потом все слилось в сплошной треск пистолетных выстрелов и звон бьющегося стекла. Когда Владимир Иванович опустил оружие, барьер был чист, только в свете ламп, освещавших его, поблескивал острыми гранями чудом удержавшийся осколок донышка бутылки.

— Bravo! — лениво хлопнул в ладоши Рутге.

Дымша затаился, не зная, как реагировать. Выхип, словно ничего не произошло, сметал осколки, готовясь выставить новую шеренгу разнокалиберной пустой посу-

ды. Шмидт, поиграв желваками на сухом лице, полез за бумажником.

— Поздравляю... — процедил он, подавая банкноты. — Остальные тридцать марок за господином подполковником. С меня ужин, господа, — обернулся он к Ругге и Марчевскому.

— В таком случае я должен угостить Дымшу и Выхина, — улыбнулся Тараканов. И тут же добавил: — Если разрешит господин начальник.

— Считайте себя именинником. Деньги получите. — Ругге встал, взяв пса за ошейник. — По случаю дня праздника национального труда все поедем в город.

...В город поехали после обеда, на двух машинах. В первой за рулем сидел сам Ругге, на переднее сиденье рядом с ним вскочил его неразлучный спутник Дар. Заднюю дверь подполковник предупредительно открыл перед Марчевским.

— Садитесь, альтергеноссе. А вы, — обратился он к остальным, — поезжайте на машине Шмидта. Подбросьте их, гаунтман.

Солдат охраны, выйдя из полосатой будки, открыл ворота, и машины выехали на дорогу к городу.

Поймав в зеркальце заднего вида лицо Марчевского, подполковник учтивливо спросил:

— Соскучились по прелестной лани Зосе? Ничего, скоро увидите. Только закончим некоторые дела. Может быть, у нас и отужинаем?

— Продукты... — развел руками пан Викентий.

— Ерунда, ложитесь на Шмидта, он добудет все, что только можно найти в этом городе. — И Ругге начал насвистывать сентиментальную песенку «Анти, майн блондес квид...», нещадно перевирая мотив. «Нервничает», — цинил уже изучивший привычки абверовца Марчевский.

— Что вас беспокоит, Генрих?

— Потери, майн либер альтергеноссе, потери... Я все больше прихожу к убеждению, что среди нас предатель! А может, и не один.

— Побойтесь бога, Генрих! Вы же сами подбирали и проверяли людей. А теперь такое...

— И тем не менее предатель есть. Правда, пока это теоретически, — невесело усмехнулся Ругге, — но теория и практика в нашем деле идут рука об руку. Вам ли не знать об этом?

— Но кто, Генрих, кто?

— Кто? — поджал губы немец. — А кто угодно: Дымша, Тараканов, Выхин, Шмидт. Или вы! Теоретически им может быть любой, а вот кто окажется на практике...

— По-моему, это уже слишком, — откинулся на спинку сиденья пан Викентий. — Так скоро нельзя будет спокойно работать. Хотите создать атмосферу тотальной подозрительности, как ваши коллеги из гестапо?

— С мясниками не имею ничего общего, — обиженно заявил абверовец. — Могу об этом говорить свободно, потому что нас двое. Дар не проговорится. Но я сам выявлю эту пададь!

— Вы просто утомлены работой, Генрих.

Ругге не ответил. Машины въехали на небольшую площадь и остановились перед комендатурой.

— Заходите... — кивнул Марчевскому на дверь комендатуры Ругге и повернулся к остальным. — Гауптман, сегодня мы ужинаем у Марчевского, позаботьтесь о продуктах. Остальные могут развлекаться по своему усмотрению. Но без эксцессов!

Шмидт быстро уехал. Выхин, Тараканов и Дымша, оживленно переговариваясь, пошли по улице в сторону центра. Проводив их взглядом, Ругге вошел в комендатуру.

— Подождите минутку... — бросил на ходу Марчевскому и прошел в соседнюю комнату. Навстречу ему поднялся со стула лысоватый мужчина с широкополой шляпой в руках.

— Вот что, Штубе... — Ругге благосклонно протянул ему раскрытую пачку сигарет. Мужчина взял одну, поблагодарив. — Они пошли в город. Возьмите каждого под плотное наблюдение.

... — Простите, господа, но... — Дымша остановился на первом же перекрестке. — У меня есть некоторые дела.

— Сердечные? — с ухмылкой осведомился Тараканов.

— Почти, — сдержанно ответил Дымша. Ссориться не хотелось, тем более вечером намечалась выпивка за счет этого гбура, как он на польский манер окрестил про себя грубияна — Тараканова. Вот там и можно отыграться — сожрать и выпить столько, что у того глаза на лоб полезут, когда придется платить по счету. — Давайте встретимся в гражданском кабаке. Туда же ходят солдаты, будет спокойнее. Возможно, я приду с дамой. Не возражаете?

— Я нет, а как Владимир Иванович? — повернулся к Тараканову Выхин.

— Валдите...— махнул рукой тот.— Если удастся, прихватите и для нас по бабенке.

«Гбур! Певежа!» — вскипел было внутренне Алоиз, но, сдержавшись, изобразил улыбку и ушел, прощально помахав рукой.

— Ну, а вы куда пойдете? — уставился на Выхиа Владимир Иванович.

— Мне все равно, — пожал тот плечами.

— В таком случае я отправлюсь с вами. Вдвоем веселей. А до вечера надо еще как-то скоротать время.

— Может быть, осмотрим достопримечательности?

— Какие? — презрительно скривил губы Тараканов.— Это вам не Париж и не Венеция. Тут и посмотреть толком не на что.

— Есть старые костелы, зайдем?

— Костел? Любопытно. Пойдемте... Но в какой, их здесь несколько?

— В ближайший, — недолго думая, решил Выхиа.

— Ближе всех костел святого Рафаила, кажется, действующий. А чуть подальше — святого Николая. Почти наш свитой. Двинем к нему?

— Нет, лучше в ближний, зачем зря ноги бить, — отказался Выхиа. — А вы знаете тут все костелы?

— Погодите, — мрачно пообщал Тараканов, — поживите здесь еще месяц-другой, каждую собаку знать будете.

...Костел оказался закрыт. Уныло подергав тяжелое бронзовое кольцо на массивных дверях храма, приятели уже собрались уходить, как вдруг Тараканова осенила идея.

— Должен быть сторож! Погодите, я гляну в том домишке, может, откроет?

— Пойдемте вместе, — решил Выхиа.

Сторож — похитрый человек с лицом, заросшим сивой щотной, запросил за осмотр костела денег.

— Божеский храм-то! — начал было увещевать его Тараканов. — Совести в тебе нет.

— Как знают паново, как знают...— бубнил свое сторож.

— Шут с ним! — Выхиа полез в карман, доставая мятые бумажки. — Давайте дадим на водку.

— Тогда уж пополам, — засмеялся Владимир Иванович, — коли я напросился в попутчики для осмотра достопримечательностей. — Получив деньги, сторож сразу

подобрел, начал величать их «шановными панами» и, гремя ключами, отпер двери.

В костеле было сумрачно и прохладно; сводчатые арки из темно-красного кирпича уходили вверх, чтобы сойтись там, под потолком, образуя строгий готический узор; картины жития святых, стрельчатые окна с частыми переплетами, каменные и деревянные изваяния, длинные ряды скамей из темного дерева, низкий барьерчик, отгораживающий алтарь..

Тараканов, не таясь, зевнул — ему было скучновато. Он уже походил вдоль стен, оценивающе присматриваясь к картинам, небрежно пощелкал пальцем по фигуре святого и теперь только ожидал, пока Выхин закончит осмотр храма.

— Скажите, любезный,— обратился Вадим к сторожу.— Ничего такого старенького у вас нет на продажу?

— Что надо шановному пану? — подобострастно осклабился сторож.

— Я бы хотел купить какую-нибудь старую статую. Желательно небольших размеров. Есть?

— А как же, пан, имеем. Только придется вам обождать минуту, я за паненкой сбегаю, все в подвале, где склеп был, а ключ у нее.

— Что за паненка? — заинтересовался подошедший Тараканов.

— Ксендза нашего, отца Иеронима, племянница. Я скоро...— заверил сторож и юркнул в боковую дверь.

— Господин Выхин, зачем вам всякая рухлядь? — брезгливо скривился Владимир Иванович. — Вы разве антиквар? Да и что может быть, ценного и захолустье? Теперь по вашей милости придется опускаться в пыльные подвалы, сырые склепы...

— Перестаньте брюзжать,— раздраженно оборвал его Вадим.— Не хотите, подождите на улице, покурите.

— Почему же...— протянул Тараканов.— Панычка вроде ничего... Я не могу пустить вас с ней в подвал одного — опасаясь за нравственность.

Выхин оглянулся. Впереди сторожа шла стройная светловолосая девушка, красивая, большеглазая.

— Владимир Иванович...— опередив Выхина, подскокил к ней Тараканов, схватив за руку, сжимавшую кольцо с ключами, поднес ее к губам.— А это Вадим Евгеньевич, антиквар.

— Выхин...— сдержанно поклонился Вадим, недовольно покосившись на своего спутника. «Ишь как павлиний

хвост распушил. Неандерталец чертов! Морда, как у первобытного, а туда же, в дамские угощяки. Девушка-то и вправду ничего, фэйная, как здесь говорят».

— Вы русские? — подняла тонкие брови девушка. — Странно в такое время встретить здесь соотечественников. Меня зовут Ксения.

— У польского ксендза русская племянница? — в свою очередь удивился Выхин.

— Ну, не совсем русская, — улыбнулась Ксения, — мать у меня полька, а отец Иероним — мой родной дядя.

— Где же ваш родной батюшка, позвольте спросить? — галантно беря ее под локоток, осведомился Тараканов.

— Умер... Пойдемте, господа, я покажу вам, что есть...

Шагая за ней следом, Выхин думал, что и в жутком захлустье, которое можно сравнить с павозной кучей, бывает, отыскивается жемчужное зерно. Важно теперь не упустить шанс, как-нибудь отодвинуть в сторону пронырливого и до неприличия навязчивого Тараканова. Пригласить Ксению на ужин? Пожалуй, это мысль, стоит попробовать.

Низкая, скрипучая дверь подвала отворилась, девушка зажгла огарок свечи и поманила их за собой.

— Пещера Али-Бабы... — хмыкнул под нос Владимир Иванович.

Несколько щербатых ступенек, поворот, и они оказались в сводчатом помещении с довольно высоким для подвала потолком. У стен стояли каменные саркофаги с выбитыми на них гербами давно исчезнувших шляхетских родов, украшенными шлемами в пышных черьях, щитами и алебардами, святые с молитвенно сложенными руками.

— Вот... — Ксения показала на несколько стоящих в углу старых скульптурных изображений. — Выбирайте.

Выхин подошел ближе, присел на корточки, рассматривая. Его внимание привлекла средних размеров скульптура, изображавшая пожилого бородатого человека с лицом польского христианина, прижимавшего к себе натруженными, разбитыми работой руками с узловатыми пальцами голого младенца. Неизвестному мастеру удалось передать чувство безысходной скорби и обреченного спокойствия в позе мужчины, его лице и доверчиво прижавшемся к нему мальчишке. Протянув руку, Вадим потрогал скульптуру — она оказалась деревянной, но достаточно тяжелой.

— Сколько? — не оборачиваясь, спросил Выхин.

— Это святой Иосиф, патрон спокойной смерти. А на руках у него младенец Иисус, — набожно перекрестившись, пояснила Ксения. — Старая работа, местный мастер делал.

— Я могу купить, но скажите, сколько стоит?

— Шановный пан не обидит бедных людей... — затапул было сторож.

— Не обидит, не обидит! — оборвал его Выхин. — Вынесите это наверх, я посмотрю при свете, там и решим.

Сторож поднял скульптуру, и они пошли к выходу. Вадим ревниво отметил, что Тараканов, опередив его, опять оказался рядом с Ксенией. Хрипловатый басок Владимира Ивановича приобрел воркующие нотки.

— ...Ну что вам стоит? Приходите, право, не пожалеете...

«Уговаривает встретиться вечером, — догадался Выхин. — Пусть только она согласится, а там посмотрим, кто останется в дураках. Но какая же все-таки красивая девушка!»

Наверху он быстро осмотрел скульптуру и, почти не торгуясь, заплатил. Сторож, позванивая ключами, ждал у выхода, пока Тараканов уславливался с Ксенией о встрече в кабаке для гражданских. Та в ответ смеялась, показывая ровные белые зубы и запрокидывая головку. Потом, неожиданно для Выхина, стрельнула в него глазами и согласилась. Это его обнадежило.

Сторож вынес скульптуру святого Иосифа на паперть, запер двери костела и пошел к себе.

— Думаете выгодно перепродать эту рухлядь? — Слегка ткнув носом ботинка в основание скульптуры, небрежно поинтересовался Тараканов.

— Думаю... — не стал его разочаровывать Выхин. Все равно этот кретин ничего не сможет понять. Может быть, потом поймет, не сейчас. — Помогите донести до трамвая.

— Хотите притащить ее в замок? Нет, мой друг, это вы уж как-нибудь сами. Мне не хочется таскать на горбу начальника самой великой армии на свете — армии мертвых. Я к ним не тороплюсь! Адью, герр Выхин, до вечера!

И Тараканов, приподняв шляпу, фланкирующей походкой направился по кривому, мощенному брусчаткой, переулку.

— Скотина! — вслед ему процедил сквозь зубы Выхин, изваливая на плечо свою покунку.

...Войдя в каморку, сторож, не снимая старого пиджака, подбитого для тепла ватой, присел к столу, покрытому клетчатой клеенкой. Пошарив в ящичке, вытащил некую вещь, никак не вязавшуюся с бедным жилищем и его пищенским обликом, — это была сильная лупа в медной оправе, с длинной темной ручкой из кости. Не исключено, что сторож «позаимствовал» ее у отца Иеронима, по причине преклонных лет вечно забывавшего, что и где у него лежит. Бросив быстрый взгляд на входную дверь и убедившись, что она надежно заперта, сторож выгреб из кармана мятые бумажки, полученные от «шпановных папов», осматривавших костел. Тщательно расправляя каждую купюру, он начал внимательно осматривать их через лупу. Наконец его терпению было вознаграждено — на одной из бумажек обнаружили тонко написанные очень мелким почерком столбцы пятизначных цифр.

Встав, сторож взял с полки растрепанную книгу священного писания, лист бумаги и карандаш. Некоторое время он листал книгу, сверяясь через лупу с колонкой цифр на купюре и выписывая отдельные слова на лист бумаги. Захлопнув книгу, он перечитал полученный текст. Чиркнув спичкой, поднес листок к огню, подождал, пока он полностью сгорит, и растер пепел в пальцах.

Потом без сожаления сжег купюру. Наскоро собравшись, он вышел из халуны и постучал в двери дома ксенда. Открыла Ксения. Поклонившись, сторож попросил: — Папсенька, скажите отцу Иерониму: мне надо отлучиться.

...Вернувшись в комнату, где ожидал его Марчевский, Ругге довольно потер руки и, потрепав по холке пса, сообщил:

— Я специально просил вас приехать сюда, чтобы встретиться с одним человеком.

Марчевский недоуменно посмотрел на абверовца. Что тот еще задумал: провести тотальные проверки, и хочет начать их именно с него?

— С моим личным человеком! — значительно подчеркнул немец. — Цените оказанное доверие.

— Мы что же, увидимся с ним прямо здесь, в комендатуре? — недоверчиво спросил пап Викентий. — Не боитесь его «спалить», приглашая сюда?

— Зачем же здесь... — засмеялся абверовец. — Вы в штатском платье, я — тоже. Дара придется запереть, ничего, немного поскучает без хозяина, а сами пройдемся. Прошу...

Через полчаса они поднимались по лестнице обычного жилого дома на одной из улиц городка. Даже на лестничной площадке было слышно, как недалеко гремел трамвай. У обитой черной клеенкой двери на третьем этаже Ругге остановился.

— Здесь... — и постучал.

Открыли быстро. У пана Викентия создалось впечатление, что открывший им дверь человек ждал в прихожей. Возможно, так оно и было. На вид хозяину квартиры, — а может быть, он и не был здесь хозяином — было под пятьдесят. Небольшие внимательные глаза, приплюснутый, как у старого боксера, нос, шишковатый череп, прикрытый редкими черными, с проседью волосами. Поздоровались. Прошли в скромно обставленную, явно нежилую комнату. «Не успел еще обжиться на копспиравтивной квартире, — подумал Марчевский. — Или показывает мне не ту квартиру, которой постоянно пользуется».

Расселись за круглым столом, покрытым лиловой вязаной скатертью с кистями.

— Нужна консультация, — без всяких предисловий начал абверовец. — Этот господин, — он указал на хозяина, — должен обеспечить вывод двух специально подготовленных людей в глубь сопредельной территории. Знакомые вам места, майн либер альтергеноссе. Карту!

Хозяин быстро принес и расстелил на столе крупномасштабную карту.

— Переход линии границы намечен здесь, — ткнул карандашом Ругге. — Там их встретят и проведут дальше. Как избрать наиболее безопасный способ выхода из пограничной зоны? Ваши предложения?

Марчевский склонился над картой. «Он способен пожертвовать своими людьми, — подумал о Ругге. — Или погонит никуда не годных барапов, проверяя, где их будут ждать русские. Примитивный трюк? Послать несколько групп по разным маршрутам, а потом выяснить, кто знал, на котором была засада? Да зачем выяснять, он все будет знать заранее... Или он действительно успел проникнуться ко мне доверием и хочет совета профессионала? Если так, то надо дать дельный совет, а новым друзьям сообщить, чтобы проследили за немецкими посланцами, выяснили, куда и к кому они поехали... Езус Мария, когда же все это только кончится?!»

— Железная дорога отпадает. — Марчевский поднял глаза на ожидавших его ответа Ругге и хозяина кварти-

ры. — Но ей, конечно, быстрее уйдешь из района про-
никновения, но больше шансов наткнуться на проверки.
Переспрашивать у надежных людей на той стороне тоже
нет резона. Есть смысл проложить маршрут так, чтобы
выйти к транспортной магистрали вне пределов погран-
зоны. Лучшее всего это сделать так... — он прочертил
линию на карте. — Здесь они смогут сесть на поезд, не
опасаясь проверок.

— Долго идти, — заметил хозяин.

— Зато безопаснее, места там глухие, население еще
не обработано большевистской пропагандой, и, если за-
метят чужого, не побегут докладывать в НКВД, а поду-
мают, в затылках почешут. Главное — выход к станции
в таком месте, где никто недодумается искать.

Рутге заинтересованно начал рассматривать карту с
линией маршрута, предложенного Марчевским.

— Пожалуй, вы правы, — наконец сказал он. — Сов-
сем не обязательно двигаться прямо к Минску или Бара-
новичам. Стоит обдумать. Спасибо, ждите нас в гости, а
я еще задержусь немного.

Проводив напа Викентия, начальник абверкоманды
вернулся в комнату, опустившись в кресло, закурил.

— Что скажете, Шнайдер?

— Совет дельный, господин подполковник, — хозяин
принес бутылку коньяка и две рюмки. — Но... посмотрим.

— Вот именно, — блеснул в улыбке золотыми корон-
ками Рутге. — Посмотрим! Примите вечером от Штубе
сводки наблюдения за Дымшей, Таракановым и Выхи-
ным, а то я обещал отужинать с господином Марчевским.

— Его вы отпускаете без хвоста? — разливая коньяк,
поинтересовался хозяин, которого Рутге назвал Шнайде-
ром.

— Зачем обременять лишней работой наружное на-
блюдение? Он сейчас совместит приятное для себя с по-
лезным для меня — побегит к Зосе, не зная, что она за-
вербована вами еще пять лет назад и специально подве-
дена к нему.

И оба они весело рассмеялись.

...Когда Выхин пришел в гражданское кафе, Таракан-
нов был уже там. Помахав Вадиму рукой, он пригласил
его за сервированный столик.

— Дотащили своего мертвецкого командира? — с про-
нией поинтересовался Владимир Иванович. — Ну-ну, пе-
рестаньте на меня дуться.

— Ладно, что было, то прошло... — усаживаясь, отве-

тил Выхин. — Но в следующий раз буду знать, что на вас рассчитывать нельзя.

— Смотря в чем... Как думаете, придет наша знакомая?

Вадима тоже интересовало, придет ли Ксения; ему хотелось этого и не хотелось одновременно. Слова увидеть ее, поговорить, пригласить танцевать — он уже заметил на маленькой эстраде пианино — значит, будет музыка? А как быть с тем, что напротив сидит Тараканов, который наверняка начнет приставать к девушке с ухаживаниями, мешая ему, Вадиму. Неужели он уже ревнует ее к Владимиру Ивановичу?

Внимание отвлек маленький седоватый человек в потертом смокинге и пестром галстуке-бабочке. Он вышел на эстраду — если можно было так назвать небольшое возвышение, где стояло пианино, — улыбаясь раскланялся и, подняв крынку инструмента, ударил по клавишам. Быстро сыграв бравурное вступление, маленький человек неожиданно сильным голосом запел фривольные куплеты:

Треплет ветер фартучки, поднимает платяца,
И ласкает ножки панночки-души,
Любят хлопцев панночки, но не всех, не каждого,
Только тех, кто с деньгами, с теми хороши...

— А я сегодня как раз с деньгами... — довольно улыбаясь, заметил Тараканов. — Вот и Алоиз, да не один! Какая краля...

Выхин обернулся. К их столику шел Дымша, ведя под руку девушку с густо подведенными глазами. Представив ее как старую знакомую по имени Бася, он, вежливо подвинув стул, усадил девушку рядом с Выхинным. Выингли по рюмке, и некоторая напряженность, которая обычно бывает среди не очень-то близких людей, собравшихся за одним столом, постепенно начала таять. Алоиз сыпал прибаутками и рассказывал весьма двусмысленные анекдоты, не забывая опрокидывать рюмку за рюмкой; Бася громко хохотала, промокая маленьким платочком расплывшуюся тушь на глазах, но ела и пила паравне с Дымшей; Выхин, то и дело поглядывавший на вход в зал, заметил, что и Тараканов, поддерживая застольную беседу и разглядывая танцующие пары, тоже поглядывает туда. Ждет — понял Вадим.

Ксению они увидели одновременно. Она стояла у дверей, одетая в скромный серый костюмчик, держа в руках маленькую черную сумочку. Торопясь обогнать друг дру-

га, поднялись из-за стола и, не обращая внимания на ничего не понимающего Дымшу, пошли к девушке. Выхин успел опередить Тараканова.

— Добрый вечер! — вежливо поклонился он, по этот момент сзади его крепко стукнули по плечу. «Опять шутки Тараканова!» — мелькнуло у Вадима. Обернувшись, он увидел совершенно незнакомого парня.

— Тебя к телефону! — нагло улыбаясь, заявил тот и цепко ухватил Ксению за локоть. — Иди-иди, а мы пока спляшем!

— Пустите! — попыталась освободиться девушка, но парень держал крепко.

— Может быть, покажешь, где телефон? — развернул его лицом к себе Вадим.

— Я тебе покажу, где городское кладбище... — мрачно пообещал парень, опуская свободную руку в карман.

Ждать продолжения Выхин не стал: закрыв собой Ксению, он двинул парня коленом в пах. Зазвенело разбитое стекло, кто-то упал. Краем глаза Вадим успел заметить, как Тараканов отбил руку с бутылкой, занесенную над его головой, одним ударом уложив на пол нападающего.

К ним уже пробирался Дымша, раздвигая посетителей широкими плечами. Он подоспел как раз вовремя, иначе им не удалось бы отбиться от рьяно наседавших дружков корчившегося на полу парня. Однако силы были неравны, и после боя осталось за шумной пьяной компанией.

— Погуляли, — осторожно трогая кончиками пальцев припухшую губу, вздохнул Алоиз, печально оглядывая пустынную темную улицу. — Ну, что будем делать? Махнем в другое заведение? Вы как?

— Я пойду домой, — сухо сказала Ксения.

— Прощь, лучше еще выпьем! — засмеялась Бася.

— Можно, я вас провожу? — спросил Выхин.

— Провожает тот, кто приглашал, — отрезал Тараканов.

— Не ссорьтесь, — примирительно встал между ними Дымша. — Пусть дама выберет сама.

— Не обижайтесь, господин антиквар, — мягко улыбнулась Ксения, — меня проводит Владимир Иванович. До свиданья, панове.

Взяв Тараканова под руку, она пошла по улице. Выхин хотел было шагнуть следом, но Алоиз удержал его.

— Э-э... Не торопитесь. Неизвестно, кто выиграет, а

кто проиграет. До полицейского часа остается еще уйма времени. Пойдемте с нами, тут есть одно хорошее место.

— Вроде этого? — кивнул на двери покинутого кафе Вадим.

— Да перестаньте, чего в жизни не бывает? Пошли, пошли... — полубобняв его за плечи, потянул за собой Дымша.

Он был очень доволен. Кажется, эти два конкурента сами, без его помощи, перегрызутся. Останется только подливать масла в огонь.

...Воды в дренажной системе было меньше — стояли снега, кончился наводок, а обильных дождей в последнее время не выпадало. Но все равно на покато дне тоннеля и на полу небольшого коллекторного зала оставался жирный слой, видимо никогда не просыхавшей, толкой грязи.

Человек в сером ватнике, пробравшийся в зал через знакомый низкий тоннель, уже в который раз поглядывал на стрелки светящихся часов, не веря им, — время, казалось, замедлило ход здесь, под землей, словно невероятно растянувшись или остановившись совсем. Но нет, часы шли исправно, стрелки же двигались — длинная, секундная, раз за разом обегала циферблат, медленно ползла вперед минутная и еще медленнее — часовая.

Может быть, он просто теряет терпение? Уже не первый раз приходит сюда в назначенные дни — не зря у черепахи, нарисованной мелом на стене зала, было шесть ног и голова — по числу дней недели, но пока все напрасно — тот, кого он с таким нетерпением ожидает, не появляется.

Перекрыли вход в эти подземные лабиринты на той стороне границы? Но есть другой канал связи, а по нему тоже ничего не поступает. И радия молчит — в крайнем случае подали бы кодированный сигнал. Так нет!

О провале оперативной группы уже было бы известно. Но провала у них не должно быть — все члены группы надежно законспирированы, тщательно готовились для долгой и ответственной работы, которую им только предстоит начать. Не могли же они, еще не начав работать, попасть в поле зрения немецких спецслужб? Ничего нет хуже мучительной неизвестности — лучше самому быть в центре событий, там, за кордоном, чем ждать, ждать...

Вдалеке, где-то в самой глубине подземного лабиринта, раздался тихий всплеск.

Человек в сером ватнике насторожился, сунув руку за пазуху, нащупал рубчатую рукоять ТТ. Чутко прислушался, напряженно вглядываясь в темноту. Всплеск раздался уже ближе.

Это был звук шагов, осторожных, крадущихся.

Взяв фонарь, человек в сером ватнике направил его в сторону устья тоннеля, ведущего в глубь чужой территории, и три раза нажал на кнопку. Немного подождал и мигнул фонарем еще раз.

В ответ мигнули два раза, потом еще два.

Вскоре в коллекторный зал вышел мужчина в длинном брезентовом плаще с капюшоном, опущенным до самых глаз.

Человек в сером ватнике включил фонарь, осветив под ноги, показывая, где он. Мужчина в плаще подошел.

— Трубы илом запесло... — свистящим шепотом сказал он.

— Но вода все равно проходит, — ответил человек в сером ватнике. — Здравствуйте.

— Вам привет от Хопрова.

— Спасибо, как он там?

— Обжигается. У меня мало времени, к ночи надо успеть вернуться.

— Тогда слушайте и запоминайте...

Глава IV

Осенью тридцать девятого года немецкие армейские части проходили через польские местечки и городки очень быстро: им было не до обывателей — впереди еще держали оборону защитники Гданьска и Варшавы, под Радомом и Кутно, между Вислой и Бзурой рыли окопы потерявшие лошадей уланы, били из пушек по немецким танкам артиллеристы, а с востока шла на земли Западной Украины и Белоруссии Красная Армия.

В отличие от вермахта люфтваффе уделяли гражданскому населению больше внимания — немецкие летчики специально отрабатывали над дорогами приемы охоты за отдельными целями и уничтожение колонн беженцев. До последнего человека...

Следом за вермахтом прибывали тыловые части и с ними расторопные молодчики в черной форме с ромбовидной эмблемой службы безопасности СД на левом рукаве — оперативные группы второго эшелона войск СС,

Имея на руках заранее подготовленные списки, они, не обращая ни малейшего внимания на крики жертв или присутствие возможных свидетелей, которые тоже становились жертвами, арестовывали польских учителей, врачей, служащих, судей, адвокатов, ксендзов, инженеров, земледельцев, бывших военных, а также евреев-мужчин — всех этих людей без суда и следствия расстреляли в лесах, противотанковых рвах или песчаных карьерах согласно приказу № 288/39д начальника службы безопасности. Такая акция была проведена в восточно-верхнесилезском и западногалицийском секторах с 15 сентября по 1 октября 1939 года под командованием обергруппенфюрера СС Удо фон Войриша. Одним из «специалистов», принимавших участие в разработке плана акции, был Вильгельм Байер.

В «Послужном списке на выслугу лет в Охранных отрядах Национал-социалистической германской рабочей партии», изданном Главным управлением кадров СС, напротив фамилии Байера значилось — член нацистской партии с 11.12.1928 года, унтерштурмфюрер с 06.12.1931 года, награжден Почетным кольцом рейхсфюрера СС 01.10.1932 года, назначен в Имперскую службу безопасности... Во времена «борьбы за власть» (до 1933 года) выполнял поручения руководителя СС Берлина Курта Далюге по выявлению неустойчивых элементов в СА.

Вилли Байер, прозванный подчиненными Бешеным Верблюдом, больше всего на свете боялся стать никем. Ночами, ворочаясь с боку на бок под жаркой периной, он раз за разом видел один и тот же жуткий сон. Призрачные фигуры снимают с него ставшую родной черную форму с серебряными позументами и фуражку с высокой тульей, на околыше которой прикреплен череп со скрепченными костями. Неизвестные, почему-то прячущие от него лица люди уносят его мундир, и повесть откуда взявшаяся толпа окружает, с хохотом показывая на жалкого, пытающегося прикрыть наготу, сразу ставшего никемным, бедного Вилли.

Бульдожьи щеки гестаповца начинали мелко подрагивать во сне, в носу предательски щипало, и вдруг текли из глаз обильные слезы... Он частенько так и просыпался — весь в слезах от этих кошмаров. Но даже жене никогда не решался признаться в том, что именно ему приснилось. Вилли был мистиком и верил: слова могут накликать беду. Впрочем, какой мистицизм — уж он-то лучше других знал цену неосторожно брошенному слову,

приводящему к серо-синей полосатой куртке заключенного концлагеря или, того хуже, к гильотине.

А неотступный сон преследовал его по ночам, рвал на части первую систему, терзая страхом. Да, Вилли был трусом и сам себе давно признался в этом. Но только сам себе! Как каждый трус, он мечтал утопить свой страх в чужом; чтобы его все боялись, по крайней мере если не поголовно, то большинство, он же будет бояться только бога и начальства. В бога Вилли продолжал тайно верить, хотя это совсем непристойно для члена нацистской партии и работника гестапо.

И в самом деле, сними с него мундир, отними ставшую столь привычной власть — и что будет являть собой бедный Вилли Байер? Недоучившийся архитектор по интерьеру, в свое время попавший в окопы первой мировой войны, где был контужен французским снарядом. После этого у него и появился дефект челюстного аппарата, из-за чего он так часто брызгал слюной, моментально входя в раж, а потом прилипла и эта проклятая кличка — Бешеный Верблюд. Ему доносили о ней, он злился, только ничего не мог поделать. Всех подчиненных не заставлял молчать, а болезненное реагирование на прозвище, которое при нем никто не рискнул бы произнести вслух, не могло прибавить авторитета. Это Вилли понимал очень хорошо, поскольку имел жизненный опыт и знал темного человеческую натуру.

Назначение начальником СС и полиции в небольшой польский город он поначалу воспринял с обидой, естественно, в душе, внешне это никак не проявилось. Но потом, когда вызвали «наверх» и объяснили всю важность задачи, преисполнился гордости — не кому-нибудь, а именно ему — Вильгельму Байеру поручено ответственное дело. Но тут же затанцованный до времени подленький страх больно куснул под сердцем — а вдруг что не так выйдет? Не повезут ли, в случае неудачи, обратно в фатерланд его голову отдельно от тела? Поэтому в Польшу Бешеный Верблюд приехал в мрачном расположении духа.

Жестокость, жестокость и еще раз жестокость вкупе с беспощадностью к врагам рейха! — вот что нужно было в этом городе. Он готовился пачать «чистку», как вдруг получил уведомление о прибытии высокого гостя из Берлина. И вот гость сидит перед ним, высокий, худой, с просвечивающей сквозь редкие волосы кожей костистого че-

репа, тщательно протирает белоснежным носовым платком стекла очков в тонкой золотой оправе.

Байер почтительно молчал, ожидая, пока начнет беседу гость. Но тот, закончив протирать очки платком, убрал его и, достав маленький замшевый лоскуток, снова занялся стеклами.

Для Бергера это был предлог как следует рассмотреть Байера и составить о нем мнение. Искоса бросая взгляд на оплывшую фигуру гестаповца, Бергер думал о том, что придется сразу же нейтрализовать мелочный деспотизм начальника СС и полиции города, столь свойственный ему, как человеку, обладающему способностями только в узкой области, но лишенному кругозора и сильного ума. Обер-фюрер знал, насколько любит Байер, разжигаемый беспокойным самолюбием, вмешиваться в чужие неурядицы и недоступные его пониманию дела.

«Такой не может жить, когда не топчет другого... — покосившись на сопящего от напряженного ожидания Байера, подумал Бергер. — Обожает постоянно набивать себе цену, любым способом... Однако он хорош и как жертва, принесенная на алтарь рейхсфюрера в случае неудачи...»

В общем-то правильно оценив Байера, Бергер не мог знать о страхе, который терзал круглосуточно Бешеного Верблюда, выматывая нервную систему и заставляя делать ошибки.

— Будете выполнять мои распоряжения, — надев очки, пошел в атаку обер-фюрер. — Наш человек сообщает, что ему удалось выйти на реальный след. Учтите, это не какой-нибудь тривиальный осведомитель — в связи с важностью операции среди являющихся работавших опытный, хорошо подготовленный сотрудник СД. Надо будет обеспечить ему безопасность.

— В городе нет преступного подполья, — не замедлил с ответом Байер. — Если к абверовцам затесался вражеский агент, то мы поможем его выявить и обезвредим после окончания операции.

— Прекрасно... Информация, которую подготовили для противника, ушла, господин Байер. Из абверкоманды Ругге никто не исчез, в городе убит неизвестно чей связной, служба пеленгации засекала работу чужого передатчика. Правда, радист успел поменять волну и быстро закончил сеанс, поэтому не удалось установить место достаточно точно. А вы говорите, нет подполья... Есть! Специальные средства, использованные при подготовке дезин-

формирующего документа, показали, что он переснят. А там информация, не дающая времени ждать. Проверять всех выезжающих и приезжающих мало толку. Здесь не Германия, где каждый немец считает своим долгом поставить в известность гестапо. Здесь надо серьезно работать, и вы будете это делать именно так, как я скажу.

— Мои заслуги... — начал было Байер.

— Именно они позволили вам участвовать в таком важном деле. По его окончании получите другое назначение, в Германии. А пока будем контактировать. — Бергер встал. — Не надо провожать, работайте... — и обер-фюрер подал на прощание руку.

Выйдя из душного, тесно заставленного мебелью кабинета, обер-фюрер быстро прошел через приемную, небрежно кивнул чиновнику предварительного контроля, в обязанности которого входила проверка и личный досмотр лиц, приходящих на прием к начальнику СС и полиции города, спустился по лестнице на первый этаж, свернул к дверям, ведущим во двор, где его ожидала машина.

Первое свидание с Байером состоялось, по о впечатлениях говорить пока рано — все должно улечься, отстояться; отлетит в сторону шелуха эмоций, и только тогда придет время анализа. Основная задача выполнена — гестаповец не полезет куда ему не следует, не будет проявлять ненужной инициативы. Но крайней мере, на это можно надеяться. Надо сразу загрузить его работой, чтобы некогда было вздохнуть, чтобы день и ночь его люди вкалывали на СД: пусть поставят за подозрительными наружное наблюдение, немедленно внедрят агентуру во все значные места, на рынки, в городскую управу, на предприятия, в гостиницы, подберут осведомителей в каждом квартале, доме. Весь город должен быть под колпаком! Нельзя допустить утечки информации. Потом пусть проводят облавы, расстреливают заложников, занимаются чисткой в городе. Потом, после окончания операции.

Ехидная улыбка тронула губы обер-фюрера. Информация ушла, это факт. Никто из противников, вступивших в игру с СД, не знает, что она ложная. Теперь бы еще всучить им специально изготовленную в Берлине «картотеку» второго отделения польского генштаба. Все равно, кто клюнет на нее первым — англичане или русские. Идеально отдать ее и тем и другим, но... это только идеально. Пусть возьмут хотя бы один.

Кто же переснял документы? Русские? Вряд ли, скорее всего, работа англичан. Тогда успех во Франции будет обеспечен, а русские все равно доберутся до дезинформации по другим каналам — она уже начала самостоятельную жизнь, и теперь многие разведки будут покупать и перепродавать эти сведения друг другу. Прекрасно! Уже сев в автомобиль, Бергер вдруг вспомнил, как ему рассказывали про высказывания Байера. Тот с самым серьезным видом заявил:

— Я хороший человек, потому что меня любят собаки.

Обер-фюрер засмеялся, чем немало озадачил не знавшего, как на это нужно отреагировать, водителя.

...— Ты можешь отказаться. Это опасная игра, не успеешь оглянуться, как сорвешься и окажешься в лапах гестапо.

Сторож устало прикрыл глаза. Ксения посмотрела на его постаревшее за один день лицо, с темными теньями под глазами — осупувшийся, давно не бритый, где-то пропадавший долго-долго, с середины дня и до поздней ночи. Теперь это действительно очень долго, потому что можно просто пойти на базар и больше никогда не вернуться. Ксения догадывалась, где он был, и от этого ее уважение к сторожу стало еще больше.

— Я согласна, — твердо сказала девушка.

— Торопись... — с трудом поднял на нее воспаленные глаза сторож. — Подумай, все взвесь. Потом придется уйти, бросить все и уйти. Возможно, навсегда.

— Разве я больше не солдат «подземной армии»? — ответила вопросом Ксения. — Разве я не думала еще тогда, давая согласие?

— То так... — вздохнул сторож. Жуткое время. Ей бы танцевать, любить, выйти замуж, родить красивых детей, стать счастливой матерью и женой. Но вместо этого... — Подумай, — повторил он. — А сейчас иди, извини, я очень устал.

Ксения кивнула и пошла к двери. Задержавшись на минутку у порога, бросила взгляд на сторожа. Тот, уронив голову на руки, лежавшие на столе, дремал. Она вышла, тихо притворив за собой дверь.

...Дорога до парка, окружавшего бывшее имение-замок Пилецкого, показалась Ксении странно короткой и длинной одновременно. Короткой потому, что она страстно желала отдалить тот миг, когда придет на место, станет там ходить, оглядываться — вдруг это получится очень неуклюже, подозрительно, бросится кому-нибудь в глаза.

О плохом думать не хотелось, гнала эти мысли прочь. Уйти после выполнения задания? Куда? Наверное, в лес или, может быть, еще дальше? Хорошо, она сделает так, как прикажут, куда надо будет — туда и пойдет. А бедный старый ксендз Иероним? Добрый седой чудак, искренне, всей душой верящий в бога и людскую добродетель, смущаемую дьяволом. Что станет с ним после их ухода? Но вот и парк. Еле приметная тропинка ведет вглубь, туда, где за деревьями прячется небольшой пруд. Когда-то он был чистым, светлая вода отражала звезды, высыпавшие на небе по вечерам, хотелось опустить руку в воду, зачерпнуть ладонью пригоршню звезд. Как же давно все это было, как давно... Почти уже лопнули, выклюнулись первые листочки — изумрудно-зеленые, клейкие, еще не развернувшиеся до конца из трубки.

Ксения немного посидела на садовой скамье — сырой, с облупившейся голубой краской. Вокруг никого не было — только шорох ветра в ветвях, да едва слышный звук окарины из замка — наверное, кто-то из немецких солдат развлекал товарищей незамысловатой мелодией, напоминающей родные края. «В глуши зеленой чащи я помню старый дом»... — выводила далекая окарина.

Поднявшись, Ксения пошла дальше, заставляя себя не оглядываться каждую минуту, — ведь убедилась же, что никого кругом нет.

Через несколько минут она подошла к нужному месту — все было именно так, как описал сторож: небольшая поляна с бугром посередине — видимо, бывшей клумбой — три старые ели с чуть порыжелой, темно-зеленой хвоей густых, опущенных книзу лап, и, в стороне, разбитая ротонда с некогда белыми, а теперь грязно-желтыми колоннами. Девушка направилась к ней. Тихо поднялась по ступенькам, разворошила ногой кучу мусора у подножия одной из колонн. Открылась темная щель между основанием колонны и каменными плитками пола ротонды. Оглянувшись по сторонам, Ксения пригнулась и пошарила рукой в щели. Там было пусто.

Ничего? Напрасно шла, напрасны страхи и тягостное ожидание момента, когда следовало взять нечто из тайника.

Она тщательно подгрестила носком туфельки прошлогодние прелые листья и мусор, закрывая щель. Осмотрелась — вокруг все так же тихо и пустынно. На душе сразу стало легче. Весело сбежав по ступеням, Ксения

быстро пошла обратно, мимо старых елей, мимо садовой скамьи.

Огромный черный пес появился перед ней бесшумно и совершенно неожиданно. Ксения от испуга слегка вскрикнула и прижала руку к груди.

Собака, обливав морду длинным розовым языком, уставилась на нее янтарно-коричневыми злыми глазами. Девушка подняла руку, пес глухо зарычал, показав клыки.

Ксения отступила, подняла тонкую хворостину — надежная защита, но все же...

Шерсть на загривке у пса вздыбилась, он зарычал громче.

— Пошел! — девушка хотела замахнуться на него.

— Осторожнее, фройляйн! — раздался сзади мужской голос. — Сидеть!

Пес послушно уселся на тропе, не спуская глаз с Ксении. Она оглянулась. К ней не спеша приближался немолодой немецкий офицер. Подойдя ближе, он с улыбкой поднял руку под козырек. Во рту блеснули золотые коронки.

— Прелестная пленница... Что вы здесь делаете, фройляйн? Сидеть! — снова прикрикнул он на пса. — Не бойтесь, он без команды не бросается.

От этих слов Ксении стало не по себе.

— Я... Я гуляла. Мы всегда раньше здесь искали грибы, — она показала немцу свою хворостинку. Не выдаст же собака, не доложит хозяину, что она только что подняла ее?

— Какие грибы столь рано? — полное лицо немца снова расплылось в улыбку. — Сознайтес, наверняка фройляйн ходила на свидание! Угадал?

— Нет. — Ксения отбросила ветку. — Не угадали. Пан должен знать, что на свидания девушки ходят вечером.

— Вечером полицейский час. У фройляйн есть пропуск? — серые глаза немца не улыбались, они смотрели серьезно и пылливо. — Так какие грибы?

— Шампиньоны. Здесь их называют печарки. Очень вкусно. А с продуктами стало тяжело.

— Что делать, война. Фройляйн где-нибудь работает?

— Нет. С работой тоже тяжело.

— Понимаю, понимаю... — покивал немец. — Извините, что мой пес испугал вас. Здесь никто не бывает, поэтому я отпускаю его гулять без поводка. Иди, познакомься с

фройляйн, — с улыбкой обратился офицер к собаке. И добавил: — Не волнуйтесь, вас собака не тронет.

Ксения с замершим сердцем стояла не дыша, пока огромный пес обходил ее кругом, чутко обнюхивая.

— Ну вот... — довольно усмехнулся немец. — Простите мой плохой польский. Всего доброго.

И офицер, не оборачиваясь, пошел по дорожке в глубь парка, легким свистом подозвав собаку.

...Генрих Рутге, заложив руки за спину, медленно шел среди деревьев, вдыхая аромат просыпающегося леса. Дар бегал рядом, снуя челноком. Иногда он делал широкие круги вокруг хозяина, время от времени подбегая и преданно заглядывая в глаза.

— Гулять! — отпускал его абверовец.

Он думал, что все в мире подчинено определенным закономерностям. Случайности тоже вещь не простая, а очень и очень сложная, работающая то на тебя, то против тебя, и весьма важно обернуть каждую случайность в собственную пользу, по крайней мере попытаться обернуть.

Испуганная девушка в парке, которую остановил Дар, тоже случайность. Вот только какого рода — та, что за тебя, или та, что против? Зачем ей ходить сюда, в эти места, куда поляки избегают и нос показывать, зная о расположенных в замке немецких учреждениях? Действительно искали грибы? Это недолго проверить — надо спросить Дымну или Тараканова, они жили в этих местах, скажут.

Но, может быть, он все слишком усложняет, занутивает сам себя, привычно ища скрытый смысл в простых вещах? Может быть... Однако специально присланный из Берлина документ, хранившийся в его сейфе, был переписан. Может быть, Дар опять не зря встревожился? Стоит над этим подумать.

...Кружащий ветер надул к почти дождь. Он пошел как-то незаметно, словно подкралвись: сначала брызнули на сухую землю отдельные редкие капли, потом припустило сильнее и наконец заморосило, как будто все вокруг подернуло рваным серым ридлом.

Тараканов зябко передернул плечами — холодные капли попали за ворот маскировочной куртки. Идущий впереди Шмидт уже пару раз оскользнулся, тихо выругавшись сквозь зубы. Стемцело, а в лесу темнота казалась еще более густой, плотной — хоть рывь ее на куски, вместе с дождем.

Сзади, растянувшись цепочкой, шли еще шесть человек. Замыкал молчаливое шествие Алоиз, хмурый, чем-то недовольный, похожий в плаще с капюшоном на католического монаха неизвестного ордена. Тихо — только звук крадущихся шагов, шорох дождя да силоватое дыхание.

Когда вышли к сосне, на которой был оборудован наблюдательный пункт, дождь приутих, ветерок слегка растащил тучи и проглянула луна, бросив тусклый отблеск на оружие в руках шестерых. Дымша с явной неохотой подошел к стволу сосны, взялся руками за скользкие скобы — стоявший рядом Тараканов уловил запах вина. Незаметно для Шмидта сжав локоть Алоиза, Владимир Иванович легонько отодвинул его в сторону и сам полез наверх. Дымша, оценив благородство коллеги, слегка подсадил его, помогая преодолеть первые метры подъема.

— Приготовьтесь, — шепотом приказал Шмидт молчаливой шестерке.

Наверху Тараканов встретил порыв сырого ветра, бросившего в лицо мелкие капли влаги с хвост, пятно луны над головой и серебристый отблеск лунного света на поверхности недалекой воды. Вспомнив вынужденное купание, Владимир Иванович невольно поежился — черт бы побрал совсем этого Дымшу: если бы он сейчас в таком состоянии полез наверх, то сломал бы себе шею. С чего только насосался спиртного? Добывает же его где-то: пьян постоянно, особенно в последние дни. Что с ним происходит?

Тараканов поднял бинокль и, напрягая глаза, взгляделся сквозь окуляры в сопредельную сторону. Вот светлая полоска воды, потом темная — берега, еще темнее — свежевспаханная русскими контрольно-следовая полоса, за которой седая, в призрачном лунном свете, трава и черная стена леса. От этой стены отделились фигуры и медленно двинулись вдоль полосы. «Пограничный наряд», — подумал Владимир Иванович. Вот они вошли в полосу лунного света, на мгновение остановились, глядя в сторону немецкого леса, потом пошли дальше. Тараканову показалось, что он даже сумел различить лица пограничников под широкими козырьками фуражек. Впрочем, это, скорее всего, игра фантазии.

Неожиданно дождь припустил с новой силой. На луну натянуло серое облако, и все вокруг опять погрузилось во тьму.

Нащупав полевой телефон, Владимир Иванович крутанул ручку: — Наряд прошел...

— Гут, — коротко отозвался Шмидт. — Спускайтесь. Внизу было совсем темно. Курить Шмидт не разрешил. Шестерка неизвестных нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Гауптман заставил каждого попрыгать, проверяя, не гремит ли что-нибудь из снаряжения. Тараканов, стоявший рядом с ним, пытался разглядеть лица, но скрытые полуопущенными капюшонами, они казались размытыми светлыми пятнами.

— Через пять минут будете на той стороне, — по голосу можно было понять, что Шмидт улыбается. — С вами бог!

Шестерка неслышно растаяла в мокрой темноте. Ни пороха, ни хруста ветки под ногой, ни всплеска воды.

Тараканов шагнул было опять к сосне, но Шмидт удержал его: — Темно...

— Русские уже справили Первое мая, — откашлявшись, заметил Дымша.

— В праздники они охраняют границу еще сильнее. Лучше переходить сегодня, после праздника, — пояснил Тараканов.

Он ждал. Ждал распоряжений. Подняли поздно вечером, велели собраться и срочно вывести к границе группу. На опушке леса они увидели грузовик. Около него курили несколько человек. Потом пошли. Командовал Шмидт. Что теперь, когда те ушли, зачем мокнуть?

— Зачем мокнем? — словно подслушав мысли Тараканова, заинтересовался Дымша.

— Ждем, — ответил Шмидт.

Дымша опустил на корточки возле сосны, глубже натянув на голову капюшон, и через несколько секунд послышалось бульканье. Тараканов, прислонившись к стволу спиной, поднял голову вверх, но там, кроме летящих с неба мелких капель дождя, ничего — ни звезд, ни луны. Шмидт прохаживался маятником — пять шагов туда и пять обратно. Через час он разрешил курить. На исходе четвертого часа ожидания, когда уже успели изрядно промокнуть и начали мерзнуть, из ближних кустов мигнули фонариком, и на политку выпли четверо из шестерки неизвестных. Шмидт шагнул к ним.

— Как?

— Нормально, — на немецком ответил один из вернувшихся.

— Дайте флягу! — требовательно протянул к Дымше руку гауптман. Взяв флягу, он отвинтил колпачок и за-

прокинул ее надо ртом. Потом пустил ее по кругу. К пану Алоизу она вернулась пустой.

— На сегодня все. Возвращаемся! — гауптман был явно доволен.

...Сегодня Марчевский впервые понал в личные апартаменты Ругге, расположенные рядом с его кабинетом. С интересом разглядывая обстановку жилища начальника абверкоманды — зачастую вещи могут очень многое сказать о хозяине и его привычках, — пан Викентий отметил, что в жилых комнатах нет шкафов с винтовками, полочек с оптическими прицелами, рабочего стола с бумагами: комнаты Ругге были типичным жилищем немецкого бюргера — с вышитыми готическими буквами салфетками, уютным диваном, рядом с которым лежал коврик для собаки, двумя большими креслами, располагавшими к приятной беседе, аккуратной стопкой газет на журнальном столике и кофейным сервизом на большом обеденном столе, покрытом плюшевой скатертью. Все сияло чистотой, словно только что вышло из стерилизатора.

Войдя, пан Викентий не увидел хозяина. Тот был в ванной. Оттуда доносилось его довольное покряхтывание и урчание пса. Осторожно ступая по патертому до зеркального блеска паркету, мимо Марчевского прошел в ванную комнату солдат, неся ведра с водой.

— Идите сюда, альтергеноссе! — позвал Ругге.

Марчевский осторожно подошел, приоткрыл дверь. Подполковник мыл собаку, поставив ее в большое корыто. Раздетый до трусов, мокрый и босой, он с явным удовольствием намыливал Дара, тихо поскуливавшего под мускулистыми руками хозяина.

— Близко не подходите... — предупредил помещ. — Он любит отряхиваться. Рискуете испортить костюм... Здесь грязно, могут появиться блохи, придется его мыть.

— Понимаю, понимаю... — вежливо покивал пан Викентий, наблюдая, как перекачиваются под кожей Ругге уже изрядно заплывшие жирком, некогда хорошо натренированные мышцы.

— Поставьте ведра, — приказал Ругге солдату, — и можете быть свободны... Так вот, господин Марчевский, я принял ваш совет.

— О чем вы, Генрих? — недоуменно поднял брови поляк.

— О маршруте группы. Идея показалась мне стоящей — русские со времен царей, в которых текла изряд-

ная доля немецкой крови, приучены свято соблюдать границы. Не только государственные, но и внутренние — власти одной области редко суются в дела властей другой, без согласования наверху. Издержки тоталитарного режима! Поэтому, если наших людей и засекали, то, пока чекисты утрясут эти проблемы, можно уйти на территорию другой области, сесть на поезд и затеряться в азиатских просторах.

— Здесь Европа, при чем здесь Азия? — не понял Марчевский.

— Вся Россия — Азия! — отрезал Руге. — А русские — азиаты! Коварные и злобные скифо-славяне. Не согласны?

— Я над этим не думал, — ишюне искреще ответил поляк.

— Подумайте, почитайте Розенберга, он жил в России и знает, что и как там делается. Будьте добры, подайте мыло... Да не это, возьмите в комнате, на маленьком столе, темное мыло. Надо промыть хорошенько, чтобы не чесался.

Марчевский вернулся в комнату. На журнальном столике рядом с аккуратной стойкой газет лежал кусок дегтярного мыла. Протянув руку, наш Викентий невольно застыл — рядом, на спинке стула, висел мундир абверовца, а из кармана лежащих поверх него щегольских бриджей свешивалась связка ключей. Раскрыть или нет? Генрих Руге способен на любые проверки и провокации, но такого шанса может больше не представиться.

Молниеносно достав из кармана перочинный нож, наш Викентий раскрыл его, отрезал ровную тонкую пластинку от бруска мыла и прижал ее с обеих сторон к сейфовому ключу. Еще мгновение — и сложенный пополам обмылок с отгиском ключа исчез в кармане его пиджака.

— Шанль? Посмотрите за газетами! — крикнул из ванной немец.

— Шанел, шанел... — успокоил его Марчевский, подавая мыло.

— Будем падеяться на удачу? — весело сверкнул золотыми коронками абверовец. — Если получится, походатайствую о вашем поощрении. И возьмем этот метод на вооружение.

— Признателен за лестную оценку моих скромных заслуг, — вежливо склонил голову наш Викентий.

— Ну, не корчите из себя гимназистку... — хохотнул Руге, тщательно вытирая пса мохнатым полотенцем. —

Скромные заслуги... Нам еще предстоит много работать с картотекой. Судьбы цивилизации придется решать не на Западе, а на Востоке, поверьте моему чутью... Выпьете кофе?

— Нет, спасибо, — отказался Марчевский. Маленький кусочек темного мыла, казалось, прожигал насквозь карман его костюма, словно он держал при себе готовую вот-вот взорваться мину со взведенным механизмом. Но настораживать абверовца не следовало. — Пойду приготовлюсь к работе.

— Хорошо. Через полчаса начнем...

Выйдя от Ругге, пан Викентий, сдерживая шаг, пошел по длинному коридору замка. Так и тянуло пощупать маленький кусок мыла в кармане — не в нем ли разгадка многих тайн?

Словно пораженный громом, Марчевский внезапно остановился. Лоб его покрылся холодной испариной. Езус Мария! Он так торопился, что забыл после сна оттирать протереть платком ключ, чтобы не осталось никаких следов. Остались следы или нет, а если остались, заметит ли их Ругге? Может и не заметить, но где гарантия, что он специально не свесил связку ключей из кармана брюк? Но возвращаться было уже поздно.

...Расставались в предутренней темноте, стоя в густом подлеске на краю оврага. Сова забрал тяжелые от сырости леса брезентовые плащи двух молчаливых людей, махнул рукой в сторону дороги, сказал:

— До станции доберетесь засветло. Советую взять билет сначала на местный поезд, а потом пересесть.

— Спасибо... — прервал его один из спутников. — Мы разберемся.

Не сказав больше ни слова, они вышли на дорогу, не оглядываясь, направились к станции. Посмотрев им вслед, ушел в лес и Сова.

Отойдя достаточно далеко, он отыскал небольшую яму, полную слежавшихся прошлогодних листьев, натаскал сухого хвороста, положил плащи ушедших, облил бензином из ранее припасенной бутылки и поджег. Всполох взметнулось рыже-белое, почти бездымное пламя. Поворошив палкой костер и убедившись, что плащи сгорели, проводник, торопливо шагая по одному ему известным тропкам, отправился в обратный путь. Он спешил вернуться как можно скорее, пока никто не заметил его отсутствия...

На платформу железнодорожной станции сначала вышел один из мужчин, простившихся с Совой в предупредительной темпоте. В руках у него был вещевой мешок. Поставив на платформе, он внимательно осмотрелся: ничего пастораживающего — какая-то баба в платке с двумя молочными бидонами, одорукий старик, смолящий сигарку, пожилая дежурная по станции и голенастая девчонка-подросток в не по росту большой вязаной кофте.

Мужчина купил билет и, прикурив у инвалида, расположился на лавочке около дверей деревянного станционного здания.

Вскоре появился второй, взял билет и пристроился в другом конце платформы.

Подшел поезд. Старенький паровоз выпустил белые клубы отработанного пара, сипло свистнул, лязгнули сцепы вагонов. Посадка прошла без происшествий. Среди пассажиров мужчины, вышедшие из леса, не заметили подозрительных лиц.

...Через несколько часов шифровальщик принес майору Козлову телеграмму.

«Гости следуют район Ленинграда. Прошу обеспечить прием. Руководство группой сопровождения поручено Ивлеву, Семенов».

Майор аккуратно вложил листок с текстом телеграммы в уже ставшую нухлой синюю коленкоровую папку, запер ее в сейф и пошел на узел связи, чтобы по прямому проводу переговорить с Ленинградом.

...Сегодня Ксения была уже спокойнее. Прежние страхи отступили, на смену им пришла деловитость собранного человека, занятого пусть опасным, но нужным делом.

Дорога до запущенного парка при бывшем замке Пилецкого показалась не столь тягостной, а хорошо знакомой, не раз пройденной. Быстро оставив позади садовую скамью с облупившейся краской и давно не чищенный пруд, девушка вышла к ротонде. Старые ели, словно приветствуя ее, качали мохнатыми лапами с норжелей на концах хвоей. Вокруг тихо и безлюдно. Может быть, в щели у основания колонны опять будет так же пусто, как и в прошлый раз?

Она отгребла листья, быстро оглянувшись, нагнулась и запустила пальцы в щель. Ксты! На ее ладони лежал маленький кусочек темного мыла. Неужели это именно та вещь, которую она должна припрести сторожу? Захотелось ковырнуть обмылок ногтем, посмотреть, не спрятано ли что в нем, но Ксения удержалась. Положив его

в сумку из кукурузной соломки, полную всяких пустяковых вещей, девушка пошла к дорожке, умоляя про себя пресвятую деву Марию, чтобы сегодня ей не попался навстречу тот немецкий офицер с огромной злой собакой. Лучше вообще избежать всяческих встреч, незаметно вернуться в город, добраться до своей улицы, прийти к костелу, а потом, улучив подходящий момент, передать страшную посылку сторожу.

Надеждам сбыться было не суждено — на дорожке заброшенного парка повстречался «пан антиквар», купивший в их костеле статую святого Иосифа.

— Какая встреча! — радостно улыбаясь, он попытался взять ее под руку. — Извольте гулять?

— А пан караулить? — язвительно ответила Ксения.

— Как можно?! — округлил глаза Выхин. — Разве прелестная панночка разрешала это? Позвольте, я помогу?

Он взялся за ручку сумки, настойчиво потянув ее к себе.

— Попробую обойтись без помощи пана, — заверила Ксения. — Пусть пан не боится, здесь не заблудишься.

— И все же... — не отставал Выхин, шагая рядом с ней и держась за ручку сумки. — Неужели я не могу надеяться на вашу любезную снисходительность к кавалеру?

— Пан антиквар холост? — игриво поинтересовалась Ксения.

— Давайте сумку! — прошипел Выхин, почти вырывая из рук девушки плетеную кошелку. Та недоуменно приостановилась.

— Идите, черт побери, и улыбайтесь! — скомандовал Выхин, бери ее под руку.

Ксения хотела вырвать руку, возмутиться, но, бросив взгляд вдоль заросшей травой аллеи, обмякла, покорно идя навстречу приближавшемуся к ним немцу с огромной собакой на поводке.

Подойдя ближе, немецкий офицер усмехнулся, удержал рванувшегося с поводка пса.

— День добрый... Я же говорил, что фройляйн ходит на свидания. Ах, молодость, молодость... Над ней не властны ни войны, ни политические катаклизмы. Воспа... Надеюсь, в сумочке фройляйн нет военных секретов? — губы немца улыбались, но глаза смотрели ценко, настороженно. — Разрешите?

Он властно взял у Выхина сумку Ксении и, запустив

в нее руку в перчатке, небрежно перевернул содержимое — маленькую перламутровую пудреницу, пенальчик с губной помадой, потертый кошелек, несколько прищепок для белья, невесть как оказавшихся в сумке, паспорт. Документ офицер раскрыл, внимательно осмотрев все печати.

Ксения стояла ни жива ни мертва — вот сейчас затаенная в перчатку рука немца выудит из сумки обмылок, повертит, поднесет поближе к холодным светлым глазам. Потом последует короткий, как удар хлыста, вопрос: «Что это?!» И не убежишь — догонит собака. Можно ли рассчитывать на помощь «пана антиквара»? Но рука немца не достала из сумки больше ничего. С улыбкой разочарованья он вернул сумку Выхину и, небрежно бросив руку к козырьку фуражки с высокой тульей, пошел дальше по аллее, ведя на поводке овчарку.

Ксения перевела дух. Но где же обмылок?

— Что это? — на ладони Выхина лежал тот самый кусочек темного мыла.

— Сейчас трудно с мылом, — покраснела Ксения. — Хотите сделать мне подарок?

— Знаете, кого мы сейчас встретили? — глядя ей прямо в глаза, спросил Выхин. — Это начальник абверкоманды подполковник Генрих Ругго. Что такое абверкоманда, вам не надо объяснять?

Девушка, поблещев, кивнула.

— Тогда откровенность за откровенность, — продолжал Вадим. — Скажите, что это?

— Мыло... — пожала плечами Ксения. — Разве пан сам не видит?

— Видит... Пан много чего видит, — буркнул Выхин и, повертев в пальцах обмылок, ловко разломил его на две половинки. На каждой из них явственно виднелся отпечаток сложного сейфового ключа. — А это?

— Пан просто фокусник, — натянуто улыбнулась девушка.

— Зачем вы так? — вздохнул Вадим. — Я понимаю, сейчас время недоверия, и потому ни о чем не стану спрашивать: всему своя пора. Дайте же сделаем так — я принесу вам готовый ключ. Тогда вы поверите мне?

— Значит, пан все-таки фокусник?

— Нет, Ксения, я ваш друг... — тихо сказал Выхин, увлекая ее к выходу из парка.

...След, как и в прошлый раз, Дар взял быстро. Вел

по нему, как по незримой, туго натянутой струне, не рыскающая по сторонам. И снова подполковник бежал за псом, рвущимся с поводка.

Вот и знакомая ротонда. Нетерпеливо отбросив ногой в ярко начищенном узком сапоге пальцы ладони, Генрих нагнулся над темной щелью-трещиной у основания колонны. Неужели его догадки неверны? Быстро стянув с руки перчатку, он пошарил пальцами в щели — пусто. Но зачем польская девка ходит сюда, зачем?! Сегодня еще одна новость — рядом с ней оказался Выхин. Усилить за ним наружное наблюдение, послать запрос в Краков, поднять имеющиеся на него материалы, поддержать некоторое время без выхода в город — пусть потом рванет, выйдя за ворота, на встречу со связником!

А вдруг нет никакого связника, или встреча уже произошла, сейчас, на его глазах?! Если так, зачем тайник — Дар не ошибается, он точно приводит во второй раз к одному и тому же месту, где побывала эта «фройляйн». Установить ее недолго, он запомнил все данные паспорта, взять под наблюдение — тоже. Это будет вторым его ходом. А дальше?

Потребовать у Выхина вывернуть карманы? Глупость! Во-первых, насторожишь, а во-вторых, можешь ничего не обнаружить или не обратить внимания на переданный предмет. Вдруг это всего-навсего огрызок карандаша или расческа, в которой не хватает определенно-го числа зубьев, что имеет понятное только посвященным значение?

Нет, надо подумать, хорошо подумать, прежде чем еще что-либо предпринять. Уже есть два подозрительных лица, но надо вытянуть всю цепь... Генрих подгрел ладонь к основанию колонны, натянул перчатку, лениво проведя глазами по окнам замка, подозвал собаку и пошел в глубь парка.

Надо подумать, хорошо подумать, прежде чем что-либо предпринять.

...Тараканов опустил сильный бинокль — он видел произошедшее в парке, — а когда Рутге поднял голову и посмотрел в сторону замка, ему показалось, что они сейчас встретятся глазами. Стало как-то не по себе, и Владимир Иванович даже отступил на шаг в глубь комнаты.

События приобретали несколько непонятный оборот. Следовало все хорошенько обдумать. Он лег на кровать, невидящими глазами уставившись в трещины на потолке.

Дорогу на Париж немецкие генералы изучили еще в прошлом веке. Плевать, что у французов есть линия Мажино, плевать на уроки Вердена, надо помнить о «Плане Шлиффена», хорошо обкатанном в первую мировую войну, — удар по нейтральным Бельгии и Голландии в обход французских армий. Почти как «косая атака» великого прусского короля Фридриха II!

На посту премьер-министра Франции господина Даладье сменил Поль Рейно. Не проходит и пяти дней немецкого наступления на французов, как он в полном отчаянии звонит в Лондон.

Английский премьер как раз обедал в своем поместье Чартвелл, где он любил проводить время за кладкой новых кирпичных стен, разведением свиней и лошадей. Линию связи подключили к Чартвеллу. Черчилль, весьма встревоженный неожиданным звонком Рейно, взял подающую ему личным телохранителем сержантом Скотланд-Ярда Томпсоном телефонную трубку. Что там еще произошло, на континенте?

Из наушника доносится возбужденный голос Рейно:

— Мы разбиты! Мы проиграли битву...

Черчилль повернулся спиной к напряженно следившим за ним притихшим гостям.

— Но это невозможно... Так быстро? — он довольно спосно и бегло говорил на французском, поскольку в молодости жил в качестве гостя в одной французской семье на юге страны. Слава создателю: никто не слышит панических ноток в голосе Рейно. Никто, кроме него.

— Они прорвали фронт у Седана. За хлынувшими немецкими танками продвигается большое количество мотомеханизированной пехоты, — сникнув, сообщил французский премьер.

В мозгу Черчилля, словно ретроспективный показ кинохроники, мелькнули воспоминания: вот он в начале века как гость кайзера Вильгельма присутствует на маневрах немецкой армии, вот он в окнах первой мировой войны... 15 марта 1939 года, когда немцы заняли Прагу, Черчилль был никто — просто неофициальный глава оппозиции. Но теперь.. Теперь надо что-то делать!

— Послушайте! — жестко сказал он в трубку. — Нужно держаться!!!

Черт бы побрал этих французов! Если так пойдет

дальше, то они, чего доброго, оставят его один на один с Гитлером. Этого нельзя допустить!

— Силы противника слишком подвижны и слишком велики. Они действуют с пикирующими бомбардировщиками. Их действие всеокрушающее! — слова закричал Рейно. — Место прорыва с часу на час расширяется и углубляется. Направление: Лион — Амьен. Мы разбиты... Мы проиграли битву!

Сэр Уинстон медленно опустил трубку на рычаги аппарата. Неужели старания толкнуть немцев на Восток пойдут прахом?

На следующий день, 16 марта 1940 года, английский премьер лично вылетел в Париж, чтобы на месте ознакомиться с положением. Допесения разведки, выкладки военных, звонки Рейно — это не то. Сэр Уинстон хотел видеть все собственными глазами, считая только себя самым серьезным военным и политическим авторитетом. Увиденное им в столице Франции никак не могло обнадежить — во дворах министерств, прямо на улице, тоннами сжигали бумаги, ломкий черный пепел витал над парижскими бульварами. Глядя на эту картину, Черчилль мрачно молчал, жуя сигару, зажатую во рту...

Вскоре английская экспедиционная армия скучилась, как стадо баранов, гонимое частями генерала Клейста, на побережье портового города Дюнкерка.

...На Францию фашистские захватчики наложили контрибуцию в 400 миллионов франков в день, которую затем увеличили до 500 миллионов. За год в Германию было вывезено 250 тысяч товарных вагонов, до отказа нагруженных углем, станками, одеждой, тканями, продовольствием, 15 тысяч паровозов и 1 миллион 300 тысяч автомашин... Из имевшихся в Бельгии 114 тысяч железнодорожных вагонов немцы реквизировали 74 тысячи, вывезли в Германию большую часть бельгийских автомашин, забрали золото, принадлежавшее Бельгийскому национальному банку, на сумму 200 миллионов долларов. Сверх того банк заставили выпустить денежные знаки на сумму свыше 3,5 миллиарда франков для обмена на немецкие «оккупационные марки».

Германия остро нуждалась в никеле, поэтому вся бельгийская никелевая монета была изъята, переплавлена и отправлена в рейх. В первый же год оккупации немцы реквизировали в стране $\frac{4}{5}$ урожая и почти весь рогатый скот...

Из Дании только за один год было вывезено продуктов, сырья, промышленных товаров на 542 миллиона марок...

В Чехословакии немецким интересам были подчинены угольные копи, военные заводы Шкода, Витковицкие металлургические предприятия, химические, железодельные и сталелитейные заводы...

В Польше, только в Лодзи, фашисты присвоили 4300 фабрик, 70 банков, 500 складов текстильного сырья и мануфактуры, 8500 крупных и 12 тысяч мелких магазинов и лавок. На нужды рейха заставили работать Силезские угольные копи, трубопрокатные и металлургические заводы в Сосновице, Островицкие машиностроительные и вагоностроительные заводы, завод кабеля в Быдгоще, завод искусственного шелка в Томашове, вывезли в Германию 1400 тонн хлеба и 2 миллиона тонн картофеля.

...Сегодня Генрих Рутге выглядел вялым и утомленным. Небрежно ответив на приветствие Марчевского, он встал из-за стола и долго мерил шагами кабинет, заложив руки за спину.

Пап Викентий терпеливо ждал, теряясь в догадках.

— Я чувствую, как над нами нависает СД... — стоя к Марчевскому спиной, тихо сказал Генрих. — Старая прусская поговорка гласит: не нужно укрываться от дождя в водосточном желобе.

— Не понимаю вас, — откликнулся Марчевский.

— Они затеяли игру, — повернулся к нему лицом Рутге, — игру с дальним прицелом. Я не посвящен во все детали, но знаю, что как козырь СД пытается использовать картотеку, следовательно, и вас. Нет, не обольщайтесь, вы не единственная карта в их колоде. Но, собираясь сесть за карточный стол с господами англичанами и русскими, они боятся утечки информации. Преждевременной утечки! И считают, что в абверкоманде работает человек, скрывающийся за чужим прошлым.

— Надеюсь, меня вы не подозреваете? — улыбнулся пап Викентий. Чего только стоила ему эта небрежная улыбка.

— Вас? Мы уже говорили об этом... Недавно я засек в парке польскую девку, после видел ее с Выхиним. Дар привел к тайнику, куда она ходила.

Рутге снова начал мерить шагами кабинет. Поляк молчал, настороженно следя за ним.

— Тайник был пуст, в сумке у девки тоже не нашлось ничего подозрительного. Так, всякая ерунда... — про-

должал Ругге. Пан Викентий украдкой облегченно вздохнул.

— Но я не могу так работать! — неожиданно взорвался абверовец. — Не могу быть куклой в чужих руках! Противно, когда ты объект игры и своих, и чужих... Я не позволю водить себя, как сленого! — неожиданно он успокоился и, остановившись напротив Марчевского, сказал: — Нам надо помочь друг другу в этой ситуации, lieber альтергеноссе. Иначе я потом не смогу защитить вас.

— Что я могу, Генрих? — поднял на него глаза поляк.

— Контакттировать только со мной, — отрезал Ругге. — С сегодняшнего дня вас станут охранять, как особу королевской крови. За дверями кабинета ждут два моих специально подготовленных сотрудника. Сменяя друг друга, они будут постоянно находиться с вами, пока все не выяснится.

— Я арестован? — приподнялся Марчевский.

— Нет. Просто... кругом враги, а вы как человек, знающий принципы кодирования картотеки и обладающий большим опытом разведывательной работы на Востоке, представляете определенную ценность для абвера. Примите это как меру предосторожности, не более. Скоро все уладится. Ждем инспекцию из Берлина.

— Эти люди, ну, которых вы приставляете ко мне, они, что же, будут и спать в моей комнате? — раздраженно поинтересовался пан Викентий.

— Нет, в комнате можете находиться один. Но к пани Зосе ездить придется вместе. Что еще?

— Позвольте дать вам совет?

— О выявлении врага? Не нужно. — Ругго ненароком скользнул взглядом по книжным полкам. Марчевский это отметил. — Сегодня работать с картотекой не будем. До завтра...

Проводив Марчевского, подполковник открыл потайную дверь и впустил Шмидта.

— Докладная в Берлин готова?

Гауптман молча положил на стол тонкую папку.

Начальник абверкоманды раскрыл ее и углубился в чтение документа, время от времени делая пометки на полях синим карандашом. Закончив, откинулся на спинку кресла.

— Поставьте за Выхиным и девкой паружное наблюдение, у тайника устройте засаду. Немедленно подготовьте запросы на всех лиц, появившихся у нас с сентября 1939 года. Докладную перепечатайте сами, я там усилил

некоторые моменты. Думаю, адмирал согласится с тем, что картотека польской агентуры не предмет для игр. Хватит с нас истории с дезинформацией. И еще... Будем ждать гостей из СД. Наверняка они приготовили сюрприз: подсунут уже высчитанного, ненужного им человека. А нам надо искать другого. Он есть, этот человек с чужим прошлым.

— Доверяете поляку? — полуутвердительно спросил гауптман, кивнув на дверь.

— Доверяю? — изумился Ругге. — Нет, я хочу быть единственным хозяином картотеки и живого ключа к ней, поэтому Марчевского надо сохранить за нашим ведомством.

...Ермаков воткнул еще одну — последнюю — булавку с темным флажком и отступил на шаг от карты, чтобы лучше видеть, что получилось: почти вся линия границы через неравные промежутки была утыкана булавками с темными флажками, обозначающими опорные пункты абвера. В некоторых местах флажки сбегались кучкой, в других — растягивались жиденькой цепочкой, чтобы снова сбегаться в осиный рой против минского направления или нацеливаясь на Прибалтику.

— Старательно работают... — тихо сказал Алексей Емельянович, задернув шторы на карте. — Торопятся.

Темные флажки навеяли чувство близкой, непоправимой беды, страшной, огромной и неотвратимой. Да что флажки, только ли в них дело? Сами по себе они еще ничто — разве раньше не работала против нас вражеская разведка? Но за флажками на карту были нанесены условные значки, обозначающие места дислокации свежих немецких частей, расквартированных в Польше. Ведя войну на Западе, возможный противник постоянно увеличивал военный потенциал на Востоке, у границ СССР. Уже отчетливо начали вырисовываться ударные группировки, ближе к вероятному театру военных действий строились аэродромы истребительной и бомбардировочной авиации, подтягивались склады горюче-смазочных материалов, боепитания, интендантские магазины. Горько было видеть все это и не иметь возможности помешать, остановить жестокую и тупую машину уничтожения.

Сумеет ли удержать железную лавину, не позволив ей прорваться захлестывающим кровью потоком в глубь страны?

Как надо сейчас иметь все сведения о противнике, знать, на кого и как он рассчитывает опереться здесь, еще

не начав открыто действовать. Поэтому и работают вдали от Родины Волков, Гунн, их новый боевой товарищ — Викентий Марчевский. Он борется на родной земле, оккупированной врагом, и, наверное, ему от этого еще горше, во сто крат тяжелое.

Нет, промедление губительно — надо завершать первый этап операции. Волков должен добыть сведения о картотеке, попавшей в руки немцев, и вернуться, а Гром—Марчевский останется там, рядом с Рутге. Судя по поступающим сведениям, тот пока верит поляку, надеется и в дальнейшем на его помощь. Это хорошо, пусть надеется, пусть верит. Надо всячески упрочить эту веру, сделать Грома незаменимым помощником Рутге, его главным советчиком по всем вопросам работы на Востоке. Теперь ясно, что СД затеяло крупную провокацию, подготовив дезинформацию для чужих разведок, имея дальний прицел еще большего осложнения международной обстановки. Не стоит их разочаровывать, пусть думают, что все удалось. А мы, получив сведения, содержащиеся в картотеке, перекроем путь немецкой агентуре в наши тылы.

Генерал подошел к столу, сложил бумаги в папку. Присел на жесткий стул у стены — через полчаса он будет докладывать о положении дел в приграничных районах, и, как всегда, перед посещением совещаний, проходивших в Кремле, надо собраться с мыслями.

...Подойдя в сопровождении двух охранников к своей комнате, Марчевский увидел поставленный у дверей стул — Рутге не терял даром времени. Один из охранников сел на стул, второй распахнул дверь, заглянув в комнату, и сделал разрешающий жест:

— Отдыхайте...

Пан Викентий вошел, хотел было по привычке запереть за собой дверь, но ключа не обнаружил. Невесело усмехнувшись, он присел к столу. Потом, переодевшись в пижаму, взял с полки томик Гете на немецком. Он любил в часы вынужденного досуга насладиться мыслями великого старца.

Из книги неожиданно выпал узкий листок бумаги с напечатанными на машинке столбцами пятизначных цифр.

Быстро оглянувшись на дверь, Марчевский сел к столу и внимательно осмотрел записку: кроме цифр шифра — ничего.

Покусывая от нетерпения и торопливости губы, он

принялся за расшифровку, пользуясь как ключом все том же томиком Гете. Наконец записка была прочитана. Бывший полковник сжег ее, тщательно растер пепел в пальцах, вымыл руки и лег на кровать.

Что же, о нем не забыли — товарищ, присланный новыми друзьями, рядом, он действует, постоянно помня о безопасности его, Марчевского. Как же отрадно сознавать, что ты не один среди этой бешеной своры.

В шифровке был приказ: «Временно прекратить все контакты, ждать возобновления связи по запасному варианту».

«Сохраняют меня на будущее, — понял пан Викентий. — Видимо, они хорошо осведомлены о том, что творится сейчас в этом серпентарии, и предпринимают необходимые меры безопасности. Значит, человек, который связан со мной, возьмет всю тяжесть ноши на себя. Чем я могу помочь? Он ведь не стоит так близко к Ругге. Надо поразмыслить, для того и дана человеку голова с мозгами. А будущее... Каким-то оно еще будет для нас?»

..В казино «Турмклаузе» Выхин пришел довольно поздно. Старый матр, умело стерев с лица недовольную гримасу — скоро закрывать, а тут пляются всякие выпивохи, проводил его к столику. В ожидании, пока примут заказ, Вадим осматрелся. Все тот же плакат с немецкой кинозвездой у лестницы на второй этаж, размалеванные девицы, присевшие за столик к одиночному посетителю, с кухни слышны громкие голоса и звон посуды. Скоро полудейский час; ушли завсегдатаи, официантка у буфетной стойки подсчитывает чаевые, беззвучно шевеля пухлыми губами, в углу стоит ведро, а рядом швабра — собрались мыть полы.

— Что пан желает?

Выхин поднял глаза: официантка стояла перед ним с нетерпеливо-скужающим видом. Вадим решил.

— Чашку ликера «Кюрасао».

— Чашку? — удивленно подняла тонко подбритые брови девушка.

— Ну да, чашку. А что?

Та в ответ только передернула плечами и ушла. Через несколько минут перед Выхиним стояла кофейная чашка с ликером.

— Или пан желает большую чашку? — ядовито осведомилась официантка.

— Нет, спасибо...

«Все правильно, — подумал он, — скорее всего, тогда

была просто очередная абверовская проверка, которую я, надо признаться, видимо, не прошел. Умолчал о встреченном в развалинах человеке, его пароле... Но как было сказать, а вдруг все правда? Тогда этого никто не мог предугадать... А собственный опыт? — возразил он сам себе. — Может быть, все же подойдет кто-нибудь?»

Но никто не подошел. В одиночестве допив ликер и выкурив пару сигарет, Выхин расплатился и направился к выходу.

— Прошу у пана прощения, парадное уже заперли, — с легким поклоном остановил его старый мэтр. — Пан может выйти через черный ход. Это здесь... — он указал на маленький полутемный коридор, кончавшийся низкой дверью.

— Я не заблужусь? — улыбнулся Вадим.

— Ни в коем случае, пан. Через двор и под арку, там и улица. Еще раз извините. Всего вам доброго...

Выхин прошел по коридорчику, толкнул дверь и, сойдя по двум шербатым ступенькам, очутился в темном дворе, заставленном пустыми бочками и ящиками, пахнущими гнилыми овощами и тухлой селедкой. Никакой арки не было видно.

«Что за черт, — подумал он. — Вернуться?» Но дверь черного хода казино оказалась запертой изнутри. Прикрыв платком нос от отвратительного запаха, казалось окружившего его со всех сторон, Вадим постучал. Никто не откликнулся.

Тогда он, бросив бесплодные попытки вернуться в казино, пошел по двору, осторожно ступая между штабелями ящиков и бочек, боясь угодить в темноте в раскрытый люк канализации или выгребную яму.

— Подождите!

Выхин оглянулся. Из-за штабеля ящиков появилась темная фигура.

— Подождите... — подходя ближе, повторил незнакомец. — Я случайно слышал, как пан спросил чашку ликера «Кюрасао».

«Неужели работало?» — мелькнуло в голове у Вадима.

— Но ликер не пьют из чашек... — интонация пезнакомца была явно вопросительной. Видимо, следовало сказать в ответ нужные слова, но какие? Раненый, скрывавшийся в развалинах, не назвал их. Рискнуть?

— Я не знаю, что вам надо ответить, — честно сказал

Выхин. — Человек, который посоветовал мне спросить в этом заведении чашку ликера, уже мертв.

— Когда он вам это посоветовал? — незнакомец приблизился еще ближе.

«Как бы не прирезали в темноте?» — подумал Выхин и на всякий случай отступил на шаг.

— Еще в апреле... В день моего приезда. Мы ехали в одном поезде.

— Вот как... — протянул незнакомец. — И что потом?

— Мы знали друг друга только в лицо... — осторожно подбирая слова, начал Вадим. — Когда с ним случилось несчастье, я пытался помочь, не удалось. Он успел сказать названные слова, предупредив перед этим, что, воспользовавшись ими, могу попросить помощи.

— Ясно. Какую помощь вы хотели получить? Не зажигайте огня! — приказал незнакомец, заметив, что Выхин хочет закурить.

— Извините... Нужен слесарь, способный сделать ключ с оттиска.

— Вот как... — повторил незнакомец, раздумывая. — Пожалуй, вам можно помочь. Учтите, человек, к которому вы обратитесь, ничего не знает. Он хозяин мелкой мастерской, уголовный элемент. Но за деньги сделает все что угодно и для кого угодно. У вас есть деньги? Он возьмет много.

— Есть, — успокоил Выхин и быстро добавил: — Не при себе, конечно.

— Не волнуйтесь, грабить вас не собираются. Запомните адрес... Спросите Франека, скажете, от друзей. Сюда не ходите. Прощайте, выход слева...

И незнакомец словно растворился в лабиринтах бочек и ящиков. Немного помедлив, Выхин пошел налево и вскоре очутился на улице, освещаемой редкими фонарями.

...Франек оказался крепким мужчиной лет под сорок, с грубоватым, но хитрым лицом. Коренастый и кривоногий, он, казалось, выкатился навстречу Выхину, держа в руках прохудившийся бачок от примуса. Не говоря ни слова, вопросительно уставился на гостя нагловатыми глазами.

— Я от друзей, Франек.

Хозяин критически смерил взглядом Выхина и, презрительно сплюнув в кучу хлама, сваленного в углу халупы, служившей ему мастерской, иронически ухмыльнулся:

— Все так говорят,

— Есть дело, без всякого риска, — решил брать быка за рога Выхин.

— Короче, скоро полицейский час, а я хочу спать в собственной постели, — оборвал его Франек.

— Нужен ключ... — Вадим протянул хозяину раскрытые половинки обмылка. Тот взял, поднес ближе к свету, рассматривая. Губы его скривились.

— Пятьсот.

— Злотых? — уточнил Вадим.

— Марок! И не оккупационных. Иначе забирай свое мыло и катись!

— Хорошо, хорошо... — замахал на него руками Выхин. — Когда будет готово?

— Придешь послезавтра. Две сотни гони сейчас, в задаток.

Выхин, вздохнув, полез за бумажником. Франек нетерпеливо ждал, пока тот отсчитывает деньги. Его беспокойные глаза все время перебегали с рук Вадима на его лицо и обратно. Взяв пачку купюр, Франек невымытым пальцем помапил гостя ближе к себе.

— Я вижу, пан с деньгами... Могу предложить одну вещь.

— Мне не нужны примусы, — досадливо отмахнулся Вадим.

— С чего пан решил, что ему предложат примус? — искренне удивился хозяин, ударив себя по ляжкам. — Пан шутит? Если так, то я объясню: продаю секрет, касаемый до пана. Нести легко, а стоит дорого.

— Сколько? — Выхин был заинтригован.

— Еще две сотни. Взял бы больше, но пану это необходимо, а мне ни к чему. По и даром...

— Какой секрет? — прервал его гость.

— Сначала деньги... — интернациональным жестом потер пальцем правой руки Франек.

— Только половину, — предупредил Выхин, отсчитывая купюры. — Говорите.

— Что скажет пан, если узнает, что такой ключ уже делал другой мастер?

Выхин был поражен. Черт побери, кто еще затесался в эту грязную историю с ключами: Тараканов, Дымша, Марчевский? Или есть еще кто-то, держащийся в тени?

— Откуда это вам известно? — холодно спросил он хозяина мастерской.

— Вторую половину! — требовательно протянул тот грязную руку.

Выхин покорно отдал деньги.

— Второго пан найдет сам... — осклабился Франек, — если, придя за ключом, добавит еще сотню. Тогда я расскажу, кто консультировался у меня, как сделать такую болванку.

— Нет, скажи сейчас! — шагнул к нему Вадим.

— Пан торопится? — прищурился хозяин. — Я ведь могу и не делать ключа.

— Ладно, вымогатель... — отступил Выхин. — Послезавтра поговорим...

...Ругге нетерпеливо снял телефонную трубку. Голос Штубе, казалось, насквозь пропитался пивом и табаком.

— Мы провели его до казино... — Штубе натужно закашлялся. Потом он пошел в лавчонку, где чинят примусы... Но главное не это.

— Не верти, говори в чем дело! — подтолкнул его подполковник.

— Его выпасают люди СД... — словно решившись прыгнуть в ледяную воду, выпалил Штубе.

— Ты не мог ошибиться? — вкрадчивым голосом поинтересовался абверовец.

— Нет. Среди них есть один мой знакомый. Нашу сводку вам подвезут.

— Хорошо!

Ругге зло бросил трубку на рычаги, губы его сжались в нитку. Теперь каждый промах в игре грозил непредвиденными последствиями.

...Бергер был взбешен. На его всегда бледном лице даже выступил румянец гнева. Проклятые умзики — окольными путями, роя кротовые ходы, они подвели мину под его выношенный в раздумьях и выпестованный в тиши кабинета замысел серьезной игры с врагами рейха. Военные кичатся заслугами и не видят дальше собственного носа, даже в полевые бинокли и стереотрубы. Дальний политический прицел начатой операции их не заботит.

Ночью звонили из Берлина. Группенфюрер Этнер, как всегда любезный, подсластил горькую пилюлю, приготовленную для Бергера.

— Я в курсе всех дел... — предваряя доклад оберфюрера, начал Этнер. — Не надо лишних слов...

Группенфюрер ненадолго замолчал, и Бергеру показалось — он сможет наверняка угадать, что тот сейчас делает. Важнее другое, приказал ли шеф записать их разговор? «Будь осторожнее в выражениях!» — мысленно

приказал себе обер-фюрер, чувствуя, как вспотела ладонь, державшая телефонную трубку.

— Наши партнеры добились запрещения игры с польской картотекой, даже ложной, — продолжил Этнер. — Пришлось согласиться с тем, что сейчас крайне важно для усиления эффекта ушедшей к противнику дезинформации разгромить его группы в этом городке, чтобы не у кого было запросить о подтверждении или опровержении данных. Понимаете меня?

Бергер едва сдержался — хотелось напомнить группенфюреру, как много потрачено сил для подготовки ложной картотеки, разработки мер ее мнимой достоверности, и, когда англичане клонули, наконец, на эту приманку, надо выводить на них русских, показывая, что их потенциальный союзник плетет новую агентурную сеть на территории России. Вкупе с другими данными это вобьет серьезный клин между Черчиллем, который и без того не пользуется доверием у Сталина, и русским правительством. Если такой клин не расколется их совсем, то посеет еще большее недоверие, причем не только между британцами и русскими, но и между русскими и поляками, лишит последних надежд на помощь восточного соседа, заставит ориентироваться только на лондонское правительство, которое не очень-то опасно для Германии. Да мало ли возможностей открывалось при осуществлении операции — возможностей длинной политической интриги.

— Понимаю... — оставив при себе доводы, коротко ответил обер-фюрер. По возвращении в Берлин обязательно состоится беседа с группенфюрером. Надо будет провести ее не в его кабинете, напичканном микрофонами, а в другом месте, хотя бы пригласить начальство снова погостить в имении старого фон Бютцова — он не откажет. Вот тогда-то и поговорить о перспективах.

— Я не в восторге от позиции наших коллег, — продолжил Этнер. — Но следует выполнить приказ. На Островах должны верить!

— Могу ли я... — начал обер-фюрер.

— Свою часть работы вы можете закончить, — с полуслова поняв его, ответил группенфюрер. — Желаю успеха.

В наушнике коротко пискнуло — Этнер отключился от связи. Некоторое время Бергер сидел, машинально держа немую трубку около уха. Потом положил ее и, встав, заходил из угла в угол по кабинету, предоставлен-

ному в его распоряжение местным начальником СС и полиции.

Бог мой, какая глупость! Радоваться, сумев подсупутать англичанам ложные планы подготовки высадки на Острова! Ясно, что не Британия будет основным противником в новой войне, а русские. Важно не дать им успеть договориться. Ничего, свою часть работы он продолжит и постарается закончить. И если она будет закончена успешно, Этнер не преминет нащипать себе лавров из венка победителя.

Срочно вызванный Байер прибыл через сорок минут. Невыспавшийся, помятый, он устался на Бергера выпученными глазами, ожидая объяснений.

— Вот адрес... — положил перед ним записку обер-фюрер. — Этого человека надо тихо и незаметно взять. И пусть ваши парни вытрясут из него все! И даже больше. К утру иметь протоколы допросов. Когда прибудет комиссия абвера?

— Завтра, — начальник гестапо взглянул на часы и поправился: — Уже сегодня. Они сами хотят решить свои проблемы.

— Отлично! — прицелкнул сухими пальцами Бергер. — Пусть часть работы сделает сам абвер. Надо только навести их на нужные мысли и тщательно проследить, чтобы ни одна крыса не успела сбежать из замка.

...Комиссия из Берлина прибыла на двух автомобилях; молчаливые офицеры прошли в кабинет Рутге и заперлись с ним.

Дымша потел от страха и прикладывался к заветной фляжке; Марчевский, все так же охраняемый человеком в штатском, сидящим на стуле под дверью его комнаты, читал, лежа на кровати. Время от времени он ловил себя на том, что не понимает смысла строк, по которым пробегали его глаза. Выхин неприкаянно болтался из угла в угол узкой, как пенал, комнаты; Тараканов, пристроившись у окна, смотрел на велевые кроны деревьев парка. У всех отобрали оружие, ключи и печати от сейфов, личные номерные знаки.

Ближе к обеду в комнату Тараканова без стука вошел Шмидт. Прислонившись плечом к косяку, обвел бледно-голубыми глазами скудную обстановку жилья Владимира Ивановича и без лишних слов приказал

— Пошли!

Тараканов послушно вышел следом за ним в коридор, опустился на первый этаж. Он ожидал, что пригласит в

кабинет начальника, но гауптман подтолкнул его к лестнице, ведущей в подвал.

Со скрипом открылась тяжелая дверь, около которой стоял вооруженный охранник. Они вошли в подвальное помещение, гулкое, освещенное сильной лампой, стоявшей на небольшом столе, за которым расположились Рутге и два приехавших из Берлина офицера. За их спинами в отдалении развалился на стуле человек в белом халате с докторским саквояжем на коленях. Из-под халата виднелся воротник немецкого мундира. Это Владимиру Ивановичу очень не понравилось. Шмидт указал на табурет, поставленный шагах в пяти перед столом.

— Сядьте!

Тараканов уселся. Сильный свет лампы неприятно резал глаза. Он невольно прищурился. Подполковник и приехавшие из Берлина внимательно следили за каждым его движением.

— Скажите, Тараканов, вы здоровы? — небрежно поинтересовался один из приехавших. Знаков различия на его погонах Владимир Иванович рассмотреть не успел — мешал бьющий в лицо свет.

— Да. Вполне здоров. В роду не было ни сумасшедших, ни алкоголиков.

— Прекрасно. Вы трезвы?

— Да, господин офицер. Абсолютно трезв.

Краем глаза Тараканов заметил: Шмидт взял в руки гуменшляу — резиновую палку, излюбленное орудие эсэсовцев для расправ с заключенными. Поигрывая ею, он начал прохаживаться позади сидевших за столом, словно ожидая сигнала броситься на допрашиваемого.

— Вам надлежит полно и правдиво ответить на заданные вопросы. Если ответы нас не удовлетворят, то согласно приказу начальника полиции безопасности и СД от 01.07.1937 года вас подвергнут усиленному допросу. Доводить до таких крайних мер не советую. Готовы отвечать?

Глухо зарычала овчарка Рутге, видимо поудобнее устраиваясь у его ног. Слепящий свет бил по глазам, из ума не выходила резиновая палка в руках рослого Шмидта. Западня!

— Да, я готов, господин офицер. — Тараканов старался изо всех сил, чтобы голос не дрогнул.

— У вас есть связь с советской разведкой?

— Нет.

— С английской? Интеллидженс сервис?

— Нет.

— С французской, Сюртэ генераль?

— Нет.

— Лжете, Тараканов! — голос немца был бесстрастно спокойным, ровным, и от этого становилось еще более жутко. — Мы установили, кто вы такой. Больше нет смысла прятаться за чужим прошлым. Вы — Сомов! Несколько человек, в том числе во Франции, опознали вас по фотографиям и дали показания.

Шмидт, неслышно ступая, вышел из-за спиں сидевших за столом и, помахивая дубинкой, направился к Тараканову. Неожиданно из глаз Владимира Ивановича выкатились две крупные слезы, подбородок задрожал, губы скривились, он мешком сполз со стула, бухнувшись на колени перед столом.

— Простите за ради Христа! Простите... — размазывая по лицу сопли и слезы, запричитал он. — Не сам, видит бог, не сам придумал! Не виноват я, правда!

Подскочивший Шмидт схватил его за ворот пиджака и, рывком подняв, усадил на стул. Встряхнул, приводя в чувство.

— Дайте воды, — приказал второй из инспекторов.

Стуча зубами о край стакана, Тараканов, даваясь и икая, сделал несколько судорожных глотков.

— Ну! — отобрав стакан, ткнул его концом палки в спину Шмидт.

— В тридцать восьмом... — всхлиывая, сказал Владимир Иванович. — Партизаны тогда были... Приказали сменить фамилию... Дефензива новые документы дала... Как бог свят! — он истово перекрестился.

— Почему меняли фамилию? — так же бесстрастно продолжил допрос немец.

— Как же, красные убить хотели... — вытер нос тыльной стороной ладони немного успокоившийся Тараканов. — Я отказывался, говорил: нельзя мне, русскому дворянину...

— Вы дворянин? — прервал его второй инспектор.

— Да... При Дмитрие Донском был такой князь, победивший татар на Куликовом поле, из орды выехал на Москву Осман-Челеби-мурза. От него пошли Ртищевы, а от них Арсеньевы, Павловы, Кремницкие, Ждановы, Яковцевы и Сомовы...

— Не нужно родословной! Почему не указали о смене фамилии?

— Боялся... — некрасиво скривив лицо, снова восклицнул Владимир Иванович. — Честное слово, боялся!

— Чего боялись? Или кого?

— Красных. Вдруг узнают? Они меня к смерти приговорили...

Тараканов хотел привстать, но свалился на пол от сильного удара резиновой дубинки. Нагнувшись, Шмидт привстал его за пиджак, намереваясь приподнять, чтобы ударить еще сильнее обвисшее тело, но Рутге знаком остановил его.

В подвал вошел один из офицеров, приехавших с инспекторами. Даже не посмотрев в сторону валявшегося на полу Тараканова, он подошел к столу и что-то тихо прошептал на ухо главе инспекции. Тот встал, одернул мундир.

— Господа, прибыл начальник СС и полиции. Просит нас уделить ему несколько минут. Прошу прерваться. Этого, — он кивнул на Владимира Ивановича, — пока оставить здесь под охраной.

Шмидт помог Тараканову встать, грубо повернул лицом к стене. Рутге, проходя мимо, неожиданно спустил со сворки собаку и, указав на Владимира Ивановича, приказал:

— Охранять!

Пес, вздыбив на загривке шерсть, подскочил и, злобно ощерясь, уселся около стоящего у стены человека.

— Можем быть спокойны, господа, он теперь никуда не денется, — усмехнулся подполковник, предупредительно пропуская вперед гостей из Берлина.

Владимир Иванович почему-то вдруг вспомнил, как ему рассказывали о бытовавшей в немецких лагерях забаве охранников — хетцаде, когда насмерть травили собаками беззащитных людей, загнав их в котлованы или ямы с гладкими стенками.

...— Вообще-то я не сторонник применения усиленного допроса, — поддерживая под локоть главу берлинской инспекции, пояснил Генрих Рутге, поднимаясь по лестнице. — Хотя небольшое кровоускание никогда не вредит. Человек, который видит собственную кровь, сильно пугается. Его естество вопит, боясь смерти, воля слабеет... Поэтому не сильно, не досмерти, не калеча, а только до первой крови. По крайней мере, в начале допроса. Иногда дает поразительный результат.

— Вы неисправимый гуманист! — улыбнулся инспектор.

...Вилли Байер ждал их в кабинете начальника абверкоманды. Подполковник сумел оценить такт гостя, не усевшегося в кресло хозяина, — среди «черных» СС вежливые и тактичные люди встречались крайне редко. Поэтому он с неподдельным радушием предложил начальнику СС и полиции коньяк и сигары. Байер отказался.

— У меня не очень хорошие вести... — просто начал он после взаимных приветствий.

Рутге, ожидавший трескучих фраз о фюрере, долге перед партией и фатерландом в борьбе с врагами, даже несколько растерялся. Что же надо здесь этому соглядатаю?

— Наш долг — выявлять врагов рейха и оказывать посильную помощь победоносной армии фюрера, — все-таки не удержался от напыщенной тирады Байер. — Поэтому, получив по линии нашей службы некоторые данные, касающиеся ваших людей, подполковник, — он любезно улыбнулся Рутге, которому эта улыбка скорее напомнила оскал бульдога, — я счел своим долгом поставить вас об этом в известность. Тем более что здесь присутствуют представители вашего командования.

«Выбрал время, подлец! — мелькнуло у Рутге. — Подложил дерьма в карман, а выдает это за помощь, скотина!»

Он терялся в догадках — неужели Байер отдает ему человека, которого выпасала его наружка? Зачем ему это надо? Вырвать у эсесманов добычу еще никому не удавалось, а тут они отдают ее сами? Ловкий ход? Но какова цель широкого жеста Байера? Только ли подложить свинью ему, Рутге, в присутствии комиссии из Берлина или это следствие докладной адмиралу Канарису. Эсесманы выходят из игры?

По знаку Байера его адъютант подал пухлую темную папку. Но спеша раскрыв ее, начальник СС и полиции вынул несколько фотографий и листы протоколов допроса.

— К сожалению, мои парни несколько перестарались — допрашиваемый не выдержал... — углы губ гестаповца опустились, придав лицу скорбное выражение. — Но это не влияет на суть дела. Ознакомьтесь, господа. Я имею указание проинформировать вас и передать материалы в руки абвера.

Рутге прямо-таки впился глазами в строчки протокола допроса. Он был потрясен — кто мог подумать о таком?!

Черт знает что! Быстро придвинул к себе небрежно брошенные Бейером на стол фотографии. Сердце его замерло.

«Нет, эсэсманы из игры не выходят, — понял абверовец. — Они будут тщательно следить, как мы пережжем то, что они нам дали. И упаси нас господь выстрелить вхолостую...»

— Извините, у меня много дел, — поднялся Байер, надевая черную фуражку с серебряным черепом на околышке. — Советую внимательно смотреть за своим сейфом, господин Ругге. Ключ уже сделан, он у преступника. Хайль Гитлер!

Абверовцы, вскинув руки, молча ответили на приветствие и еще несколько секунд стояли после того, как за начальником СС и полиции закрылась тяжелая, высокая дверь кабинета.

..Поза была жутко неудобной — легко ли стоять на носках широко расставленных ног, упираясь в кирпичные стены только кончиками пальцев крестом раскинутых рук. Скоро начали затекать ноги, заломило в пояснице, хотелось плюнуть на все и тихо опуститься на серый бетонный пол. Но перед глазами, устало прикрытыми воспаленными веками, вставало видение злобно оскаленных, блестящих от слюны клыков овчарки.

Он умел расправляться с собаками — порвет, конечно, руку, но и ей не поздоровится: короткий взвизг — и сломан хребет. Но потом Ругге сломает хребет ему. Зачем это нужно? Нет уж, лучше потерпеть. Сколько? Это известно только господам из абвера, но только не бедному Тараканову-Сомову, враскорячку стоявшему у стены подвала.

Может быть, он зря стоит здесь, как послушный телок, приготовленный на заклание, ожидал палача. Шмидт — мужик здоровый, Владимир Иванович на занятиях убедился в тяжести его кулака и силе натренированных мышц — насмерть может забить. Как им объяснить всю силу страха, которую испытывает затравленный человек, не имеющий больше родины и вынужденный продавать себя чужим спецслужбам? И поймут ли его они — уже подмявшие под себя половину Европы, чувствующие себя везде хозяевами? Нет, могут не понять и не поверить.

Так что же, пока не поздно, прыгнуть на собаку, потом к двери, попытаться расправиться с охранником, взять его оружие и... подороже продать жизнь? Куда побежишь из замка с глухим двором, по углам которого

стоят вышки с охраной, вооруженной пулеметами? Ну, вырвешься — один шанс на тысячу, — а потом? Кинуться к любовнице Марчевского и попросить спрятать, или в костел святого Рафаила, или к Ксении и ее дяде? Ну же! он им всем...

Словно ставя точку под невеселыми мыслями, гулко стукнула дверь подвала. Голос Ругге отозвал собаку.

— Можете повернуться.

С трудом опустил затекшие руки и, боясь повредить болевшим от удара плечом, Тараканов обернулся. Сзади стояли Ругге и Шмидт. Инспекторов из Берлина не было.

— Мы проверили ваши слова... — подполковник показал в улыбке золотые коронки. — Это правда, Тараканов. Если не возражаете, мы будем продолжать называть вас по этой фамилии.

— Не возражаю... — Владимир Иванович устало опустился на пол.

— Пойдемте... — гауптман Шмидт помог ему подняться. — Отведу к врачу.

— Спасибо.

— Не обижайтесь, Тараканов, — вслед ему проговорил начальник абверкоманды. — Война! Вечером Шмидт поедет в город. Можете тоже встряхнуться...

...Желание встряхнуться высказали также Дымша и Выхин. Тараканов чувствовал, что им потерится расспросить его о «беседе» в подвале, как с ним говорили, о чем? Счастье этих дурачков, что сегодня до них не дошла очередь: у Ругге или, скорее всего, у инспекторов из Берлина изменились планы.

«Ничего, голубчики, — глядя на них, утешил себя Владимир Иванович. — Еще попотеете под палочкой Шмидта и постоите под охраной собачки Ругге. Наверняка у каждого из вас есть темные пятнышки в биографии, о которых вы предпочли не сообщать новым хозяевам. Не я один такой счастливый, вас тоже помотало по белому свету, а господа немцы горазды жимы тянуть и выкапывать забытые подробности давних событий».

Гауптман Шмидт был, как всегда, ровен в обращении, словно несколько часов назад не собирался сделать из Тараканова отбивную. Усадив команду в машину, он довез их почти до центра города, высадив недалеко от вокзальной площади.

— Ну что, двинем в кабак? — глядя вслед отъехавшему автомобилю, предложил Тараканов. — Я сегодня вроде именинника...

— По этому поводу стоит упиться, как сапожники, — засмеялся Выхин.

— Сначала поставим свечку пресвятой деве, — серьезно заметил Дымша. — Сегодня мы были избавлены от тяжелого испытания.

— Откуда вдруг такая набожность? — удивился Вадим. — Раньше, помните, пресвятой деве вы предпочитали отнюдь не святых?

— Не богохульствуйте, — насупился пан Алоиз. — Если хотите, пошли в костел вместе или скажите, где будете, я поставлю свечку и приду.

— Не рассчитываю на заступничество святых, — ухмыльнулся Вадим.

— У него уже есть один... — подмигнув, сообщил Тараканов. Самый главный командир над всеми покойниками.

— Езус Мария! Ничего святого! — патетически воскликнул Дымша. — Ждите меня в гражданском кафе...

«Сопляки, — думал он, шагая к ближайшему костелу, — придет время, попомните мои слова: будете рады кому угодно свечки ставить...»

...Штубе, сидевший в темном адлере рядом с молодым водителем в штатском, повернулся к человеку, курившему на заднем сиденье.

— Тех двоих оставьте первой группе, а за поляком поставьте наблюдение поплотнее, чтобы не вырвался. Докладывать каждые полчаса.

Мужчина кивнул и, потушив недокуренную сигарету, вышел из автомобиля...

...Костел был почти пуст — только на передних скамьях, ближе к алтарю, сидело несколько старух. Что-то тихо говорил ксендз, потом заиграл орган. Величественная и скорбная мелодия поплыла под высокими сводами, заставив набожных старух часто креститься.

Дымша пробрался к свободной скамье, сел посередине, положил руки на колени. Как же он устал, кто бы только знал, как он устал. И еще сегодня такое нервное напряжение. Обошлось? Кто знает, что на уме у Ругге и приехавших из Берлина? Хочется рассчитывать на лучшее, но готовиться всегда следует к худшему — золотое правило.

Сидеть бы и сидеть здесь, в костеле, слушать орган и никуда не спешить, оставив навсегда проклятые игры разведок, уносящие столько нервов и прибавляющие седых

волос. «Но и денег в банке», — добавил внутренний голос.

«Деньги, — мысленно фыркнул Дымша. — А вот кто мне прибавит жизни? За деньги даже лишней секунды бытия не купишь. Да и у кого купить — у людей? Они, пожалуй, деньги возьмут, чтобы поскорее отправить тебя к святым, а святым деньги не нужны. Потому они и святые...»

Рядом с ним на скамью опустилась неопрятная старуха в грязной вязаной шапке. Пан Алоиз неприязненно покосился на нее — не могла сесть в другом месте, не видит — человек с богом разговаривает? Хотя зачем роптать — костел для всех. И богатые и бедные, и красивые и уроды, и молодые и старые — все несут мольбы и заботы к пану Езусу. Все... Даже предатели.

Старуха, сидевшая рядом, чуть слышно прошептала: — Пан должен срочно пойти в казино...

Дымшу словно током ударило. И здесь ему нет покоя. Откуда старая ведьма знает о его самых тайных делах? Он открыл было рот, чтобы спросить об этом, но старуха медленно поднялась и почти беззвучно прошепелявила:

— Срочно, пан... — зашаркала к выходу.

Посидев немного для приличия, Алоиз поднялся, благочестиво осенил себя крестным знамением и вышел из храма. На двух богомолок средних лет, одна из которых отправилась следом за старухой, он, занятый мыслями, не обратил внимания — мало ли женщин ходит в это тяжелое время по костелам?

...Сегодня Дымше было не до конспиративных игр с пожилым мэтром. Едва кивнув, он прямо спросил:

— Где?

— О чем вы, пан? — сделал недоуменное лицо мэтр.

— Перестаньте... — скривился Дымша. — Прекрасно знаете о чем я! Или опять будем считать, сколько жетонов дают сегодня на десятку?

— Идите наверх. В пятом номере, — отвернулся старик.

Лестница на второй этаж показалась Дымше дорогой на голгофу или ступенями на эшафот. Проклятие, сколько ему еще мучиться? Он нацупал вшитые в подкладку пиджака узкие ножны с кинжалом — приколоть проклятую бабу в номере и нырнуть в тигру? Но кто будет потом иметь с ним дело? А у него и так не очень хорошая репутация.

Ожидавшая его женщина, как всегда, куталась в платок. Посмотрев в лицо Алоиза, она прямо спросила:

— Бойтесь?

— Чего? — вскинулся было Дымша, но сник под прощическим взглядом. Она медленно выпростала руку из-под платка и положила перед ним ключ от сейфа.

— Берите. И запомните: нужна вся картотека, включая данные на каждого агента, связного, содержателя явки, адреса мест, где расположены тайники и запасные убежища; пароли, длины волн радиц и их позывные, квартиры радистов и их прикрытие. В этом ваше спасение, пан Алоиз. Чем скорее все кончится, тем лучше для вас.

— Когда вы хотите это иметь? — рука Дымши потянулась к ключу: взять его, пообещать все сделать и исчезнуть. Пусть его потом ищут и немцы, и эти господа, получающие приказы из Лондона.

— Завтра!

— Безумие! — Алоиз резко отодвинул ключ. — Знаете о комиссии из Берлина? В замке сейчас все следят за всеми. А днем приезжал Байер.

— Вот и хорошо... — усмехнулась женщина. — Все заняты, и вам будет легче работать. Берите ключ! И сделайте это сегодня же ночью!

Дымша взял ключ и положил его в карман. Черт побери, если им так хочется, он исчезнет сегодня же. Ночью.

— Не вздумайте скрыться, — словно подслушав его мысли, сказала женщина. — Или донести. Мы сделаем так, что они повесят вас первым. Разумеется, после пыток. Ваш единственный шанс остаться в живых — сделать все как надо. Не забудьте о Марчевском — он ключ к картотеке. Нашли к нему подходы?

Час от часу не легче — пиявка сведет его с ума, заставит надеть бог знает каких глупостей. Так и хочется навалиться на нее, засунуть в рот платок и задушить. Тихо и быстро. Дымша умел это делать.

— Полагаете, я могу свободно с ним общаться? — усаживаясь поудобнее, чтобы ударить ее ребром ладони в переносицу, а потом ухватить за горло, спокойно спросил он. Зачем настораживать человека? Совсем ни к чему — пусть живет последние мгновения в безмятежной уверенности в длительности собственного бытия.

Но тут руки женщины, спрятанные под платком, при-

шли в движение, и Дымша услышал характерный негромкий щелчок — сняли с предохранителя пистолет.

Вот оно что — проклятая баба потому постоянно кутается в платок, что прячет под ним оружие. В такой ситуации вполне можно схлопотать пулю. Нет уж, лучше просто исчезнуть.

— Мы далеки от иллюзий, — ответила женщина. — Но без Марчевского будет трудно работать с картотекой.

— На Островах прекрасные дешифровщики. — Дымша отодвинулся от нее, его планы снова изменились, уже который раз за сегодняшний день.

— Хорошо... — устало сказала она. — Я вижу, вы не можете сделать так, чтобы Марчевский пошел на связь с нами. Тогда это сделают другие. Но картотека за вами. Пленку отдадите лично. После акции уходите, вас будут ждать на просеке. Знаете это место?

Дымша знал. Но также знал, что с пленкой, на которую переснята картотека, он желанный гость не только в лесу, а везде, где есть разведка. Не пойдет Дымша на просеку — есть еще некоторые старые контакты, можно ужом доплыти до моря, а там и попробовать убраться в нейтральную Швецию. Правда, такой путь весьма непрост, даже очень непрост и опасен, но уж лучше опасности, ведущие к богатству и счастью, чем такие беседы и понукания самому лезть в петлю. Где гарантии, что его потом не заставят снова выполнять какое-нибудь задание? Нет гарантий! Теперь Дымша не повторит ошибки молодости, не дождутся. Рисковать, так для себя. Или все-таки лучше исчезнуть?

— Идите... — вяло махнула рукой женщина. — Вас проводят до замка, чтобы вы не сделали ненужной глупости или не попробовали скрыться...

Алоиз как потерянный вышел из номера, спустился вниз и, даже не взглянув в сторону старого мэтра, выскочил на улицу. Злоба душила его. Ведьма! Давно надо было прибить ее! К черту компанию Выхина и Тараканова, к черту сегодняшнюю выпивку и раскрашенных, как пасхальные яйца, податливых девок. Всем нужна картотека, а больше всех — ему самому. Вот тогда он продиктует условия — кто может запретить спрятать пленку? И только находясь в безопасном месте, Дымша скажет, где она. А как доставать — ваше дело, господа!

...— Пан Алоиз не придет, поверьте, — разливая в тонкие стеклянные рюмки водку, подкрашенную «для благообразия» клюквенным соком, утвердительно сказал

Выхин. — Зачем ему наше общество? Мы ему нужны там, — он махнул рукой куда-то за спину, имея в виду замок Пилецкого, — где приходится вместе делать грязное дело. А тут... Тут он дома, в отличие от нас.

— Не помню случая, чтобы Дымша отказался от даровой выпивки, — засмеялся Владимир Иванович. — Никак на него не похоже. Ну, да и бог с ним. Давайте сами выпьем. Хочется, знаете ли, расслабиться.

— Жутко было? — поддев вилкой кусок рыбы, полюбопытствовал Выхин.

— Не то слово... Но, как правильно отметил господин Ругге, — война! Давно ли по радио передавали по всей Польше — сигнал точного времени, хейнал, исполняемый трубачом с башни Марианского костела в Кракове? А теперь? В Варшаве, на аллее Шуха, в здании бывшего министерства вероисповедания и общественного просвещения, разместились СД и окружная полиция, скоро вермахт войдет в Париж... Кажется, Готфрид Лейбниц писал, что вечный мир возможен только на кладбище? А Гоголь сказал: «Война вечна и нравственна, она — торжество того, кто лучше!» Какие умы, не нам чета... Вершится таинство истории народов, а я буду обижаться на справедливые проверки начальства.

— Все-таки справедливые? — подливая Тараканову водки, уточнил Выхин.

— Время недоверия... — Владимир Иванович лихо опрокинул в рот рюмку и снова налил себе. — Пейте, Выхин, вино развзывает языки.

— И затягивает петли на шее... — добавил Вадим. — После обработки высокой комиссией из Берлина вы неплохо выглядите.

— А почему я должен плохо выглядеть? — ухмыльнулся Тараканов. — Давайте-ка начистоту, Выхин. А то вы все крутите, вертите, ходите вокруг да около... Чего вы хотите? Здесь мы одни, разговор с глазу на глаз, никто не подслушивает. Выкладывайте, что у вас ко мне?

— Хотите потом отпереться от всего?

— Вы тоже это можете сделать! — парировал Владимир Иванович.

— Хорошо... Откажемся от взаимной настороженности, — аккуратно подбирая нейтральные слова, начал Вадим, — попробуем немного довериться друг другу. Видно, не зря между нами возникла некоторая симпатия? Иначе не выжить в нашем гадюшнике...

— Опять крутите... — погрозил ему пальцем Тараканов.

— Какой храм в Древнем Риме никогда не закрывался во время любых войн? — неожиданно спросил Выхин.

— Учили в кадетском корпусе... — наморщил лоб прихмелевший Тараканов. — Правда, я тогда больше интересовался скабрёзными стишками и всякими песенками. Помню одну, про фуражку...

— Я вам о храме, — вернул его к теме разговора Вадим.

— Ах да, о храме... По-моему, храм Януса?

— Bravo! А почему? Да потому, что Янус двулик! Не понимаете?

— Господи, и вы туда же! — засмеялся Владимир Иванович. — Знаете, в чем ваша беда? Скажу: повторяете ошибки начальства, Выхин! Занимаетесь раздуванием глухих подозрений. А все они — мыльный пузырь. Ткнуешь пальцем — и нет его... Начальство тоже подзревало, но все разрешилось.

— Думаете, на этом закончится? — снисходительно усмехаясь, посмотрел на него Выхин.

— Я верю в здравый смысл!

— Верьте... — пожал плечами Вадим. — Никто не запрещает. Но как быть с законом о наследовании, изданном немцами? По нему землю наследует только старший сын в семьё, а остальные получают наделы на Востоке. Читали «Майн кампф»? Фюрер пишет: «Когда мы говорим о новых землях в Европе, то можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба указывает нам этот путь».

— При чем здесь «Майн кампф» и закон о наследии? — непонимающе вылупил глаза Тараканов.

Действительно не понимает или прикидывается? Это весьма занимало Выхина. Тапер на маленькой сцене сыграл «Ночь была такой длинной...», и, чтобы лучше слышать друг друга, Вадиму пришлось почти лечь грудью на стол.

— Россия наша родина, — значительно сказал он. — Немцы могут двинуть туда. Какого вы мнения о советских разведчиках, пограничниках, НКВД?

— Не сталкивался. — Тараканов снова выпил. — Пограничников иногда вижу в бинокль, но от личной встречи предпочитаю уклониться... — Он пьяно захохотал.

— В марте русские прорвали линию Маннергейма, — заметил Выхин.

— Черт с ними, с финнами. Их раньше в Питере даже в дворники не брали... — Таракапов опять налил себе водки. — Дались они вам. Тоже мне, культурная нация.

— Здесь действует Запад, и очень активно, — глядя ему прямо в глаза, сказал Вадим. Не без удовольствия отметил, как дрогнули зрачки Владимира Ивановича.

— Ну... если Запад... — протянул тот. — Мне они представляются не столь фанатичными, как наши советские соплеменники.

— Давайте абстрагируемся, попытаемся представить, что здесь, среди разношерстной братии, собравшейся в замке, действует некий разведчик. И предположим, это вы!

Таракапов, смеясь, замахал руками.

— А почему не вы?

— Объясню. Я наблюдал за вами — имеете быстрые рефлексy, чувства подчинены разуму, сильная логика...

— Не льстите. Лучше вышем. Все ваши построения виждятся на песке.

— Вот видите... — тонко улыбнулся Выхин. — Опять вы, как травленный волк, подныриваете под фляжки. Но вдруг отталкиваете союзника? Вспомните нашу странную встречу на вокзале, столь неясные отношения между вами и Дымшей. Что-то в них есть такое, до чего я пока не докопался. Зачем вы ходили к Марчевскому ночью?

— Я? — неподдельно изумился Таракапов. — По моему, как раз вы шлялись по коридорам. А насчет союзничества вы правы: мы действительно союзники по службе рейху, — он выпил и затянул: — «Фуражка, милан, не рвися, с тобою бурно пронеслися мои кадетские года...» Тапер! Играй «Фураньку», я плачу!

Владимир Иванович вскочил и, пошатываясь, направился к эстраде. На него начали обращать внимание. Выхину едва удалось вернуть его обратно и посадить за стол.

— Как же вы надрызгались, голубчик... — брезгливо поглядывая то на полупустой графин, то на осоловелого Таракапова, сказал Вадим.

— Пшел вон... — уставившись на него мутными глазами, неожиданно заявил бывший кадет.

— Ну и черт с тобой! — обозленный Выхин бросил на стол несколько мелких купюр и пошел из зала.

Выходя на улицу, он услышал, как в зале пьяно ревел Таракапов:

— Тапер! Я плачу!..

— Экая все же скотина...— зло сплюнул Выхин и захлопнул за собой дверь.

Глава VI

Нацизм вырос не на пустом месте — дух милитаризма и шовинизма, дух мещанской реакционности широко распространился еще в Германии XIX века. Крупнейший из философов, ректор Берлинского университета Гегель объявляет современную ему абсолютистско-феодальную Пруссию идеальным государством; поэт и драматург Гейбель пишет стихотворения, в которых настойчиво призывает к войне и вторжению в соседние страны: «Война, война! Дайте нам войну, чтобы заменить ею споры, которые иссушают нас до мозга костей!»; поэт Гофман фон Фаллерслебен создает шовинистический гимн «Германия, Германия превыше всего, превыше всего на свете!», который полвека спустя стал официальным гимном германских империалистов.

Анонимный автор брошюры «Великая Германия и Среднийная Европа в 1950 году», изданной в 1895 году в Берлине, так рисовал пределы будущей Германской империи: «В Великой Германии будут жить 86 миллионов человек, а подчиненная ее непосредственному и исключительному торговому влиянию экономическая область будет заключать в себе 131 миллион потребителей... Одни только немцы будут пользоваться политическими правами, служить в армии и флоте, смогут приобретать земельную собственность. Они вновь обретут существовавшее в средние века сознание, что немцы являются народом господ. Они охотно представят живущим среди них чужеземцам выполнение физических работ...»

«Бросим беглый взгляд на карту! — призывал другой немецкий публицист Струпи. — И мы увидим, что путь Берлин — Одесса короче, чем путь Берлин — Константинополь. Мы увидим, что через Варшаву, Киев, Ростов-на-Дону, через Кавказские горы, Тифлис и Тавриз идет прямой железнодорожный путь к Персидскому заливу, в Индию»...

Все эти бредовые лозунги и жажду мирового господства взяли на вооружение нацисты. Но для удержания власти надо было иметь жесточайший аппарат подавления инакомыслящих как внутри Германии, так и в за-

воеванных странах. И этот чудовищный аппарат был рожден...

В 1925 году, после неудавшегося путча, тюремного заключения и временного запрещения нацистской партии, Адольф Гитлер снова собрал в мюнхенском пивном зале Хофброй волчью стаю. В ноябре того же года на улицах города появились люди в фуражках с эмблемой «Мертвая голова», коричневых рубашках и черных галстуках; на рукавах у них были широкие красные повязки с белым кругом, в середине которого уродливым пауком пласталась свастика — это были члены «новых охранных отрядов» — личной охраны Гитлера, сокращенно именовавшейся СС.

Перед «старым соратником» Генрихом Гиммлером, назначенным рейхсфюрером СС, Гитлер поставил задачу в кратчайшие сроки сделать из СС отборные отряды НСДАП. В то время в рядах СС было менее 30 человек.

В первый же год после прихода фашистов к власти Гиммлер становится полицей-президентом Мюнхена, а 20 апреля 1934 года Гитлер назначает его заместителем начальника «государственной тайной полиции» (гестапо) Пруссии. Тогда же СС взяли на себя контроль и охрану концлагерей, а в 1939 году «специальные отряды» были переименованы в войска СС и усилены за счет нескольких армейских дивизий.

В 1931 году в СС насчитывалось уже более десяти тысяч человек. Из них отбирают самых надежных и организуют «службу безопасности» — СД, которая личным распоряжением Гитлера от 9 июня 1934 года была объявлена единственной секретной разведывательной службой нацистской партии. Впоследствии, 17 февраля 1941 года, начальник СД Гейдрих с садистской гордостью писал в нацистской газете «Фелькише беобахтер»: «За границей со смешанным чувством страха и ужаса нашим людям охотно приписывают жестокость, граничащую с садизмом, бесчеловечность и бессердечие...»

...Бергер внимательно осмотрел квартиру, на которую привез его Байер. Брезгливо провел пальцем по крышке пианино, но пыли не обнаружил.

— Убирают? — повернулся он к начальнику СС и полиции. — Кто?

— Одна из моих сотрудниц.

— Проверена?

— О да, обер-фюрер. Вполне надежна.

Байеру было все время не по себе: как воспримет об-

становку и расположение квартиры придирчивый берлинский гость, будет ли удовлетворен принятыми мерами предосторожности, насколько высоко оценит работу аппарата гестапо — разве мало может найтись поводов для недовольства? Не проходило щемящее чувство беды: оно давило и угнетало постоянно, ежечасно и ежеминутно, не давая спокойно спать, есть, работать. Вилли даже не стал из-за этого вызывать сюда семью: пусть все уляжется, успокоится, пусть душа встанет на место.

Но душа на место никак не становилась. Поэтому столь нелепый для начальника СС и полиции города страх все чаще и глубже запуская твердые, как алмаз, и острые, как бритва, когти в становившееся податливым, словно вытасченный из раковины моллюск, нутро Байера.

Иногда он ловил себя на том, что с тоской вспоминает об интерьерах холлов и вестибюлей, бывших когда-то его специальностью. Однако в глубине души считавший себя честным немцем, Байер вынужден был признаться себе, что повой специальностью он тоже до конца не овладел — так и остался недоучкой и в той, и в другой области. Особенно остро он чувствовал это здесь, в Польше, уехав из милой его сердцу Германии, где все было привычно, просто, ясно — образ мыслей сограждан, их психология, привычки... Там даже враг был немцем, его легко было понять. А тут?

Ознакомившись с рядом материалов, Вилли Байер чуть не схватился за голову прямо на глазах у подчиненных — он увидел, что его сунули в мясорубку: микро-Шанхай или Танжер, да и только! Пусть нет порта, пестроты национальностей, но зато здесь сходились, как лучи в фокусе увеличительного стекла, интересы разведок нескольких стран. Поляки поднимают голову — постреливают по ночам на дорогах, в лесах появились банды партизан различной политической окраски. В лабиринтах города прятался пока неуловимый для службы пеленгации чужой передатчик, постукивавший в эфире торопливой морзянкой. И еще чувство надвигающейся беды.

— Собрали материалы по Марчевскому? — нарушил затянувшееся молчание Бергер. — Есть полезное?

— Давние контакты с военной разведкой... — уныло отвесив нижнюю губу, ответил Байер. — Его любовница, некая Зося Гураль, является агентом сотрудника абвера Шнайдера.

— Еврейка? — заинтересовался Бергер.

— Нет, галичанка, польско-украинская кровь... — почему-то вздохнул начальник СС и полиции. — Абвер подвел ее к Марчевскому еще до войны. Женщина интересная внешне и столь же пустая внутри. Именно она указала людям Рутге на место пребывания поляка: он прятался в ее квартире.

— Мотивы?

— Просты, господин обер-фюрер: искренне уверена, что делает благое дело по отношению к сожителю.

— Марчевскому известно о ее связях с абвером?

— Нет. Он никогда не доверял ей никаких тайн и не делился замыслами. Только ставил в известность: приду, тогда-то, завтра уезжаем и тому подобное.

— Он к ней сильно привязан?

— Кто может это знать? — пожал плечами Байер. — Только он сам. Но Марчевский не любит говорить на эти темы.

— Свяжитесь со старшим группы паружного наблюдения, — распорядился Бергер. — Пусть оттянут паружников абвера от Дымши, а его самого, под каким-либо благовидным предлогом, задержат в городе минут на сорок. Только ни в коем случае не доставлять в комендатуру! За это время ликвидируйте Гураль. По так, чтобы все подозрения абвера нали именно на Дымшу. Мой человек докладывал, что Дымша носит с собой нож... Пусть ее убьют именно ножом. И оставят на теле записку, вроде: «Смерть любовнице немецкого пособника». Желательно широкая известность убийства среди населения. — И еще. Срочно подберите неглупую и смазливую девушку, разработайте варианты ввода в разработку Марчевского. Убирая от него агента абвера, надо поставить на это место своего. Уж если подкладывать свинью Кикеру¹, так в лучших традициях.

Байер вышел в другую комнату к телефону. Слушая, как он негромко отдает распоряжения, Бергер решил завтра же направить людей в адресное бюро городской управы — пусть внимательнейшим образом проверят все адреса в районах, которые его очень интересовали — вокруг казино «Турмклаузе» и костела святого Рафаила. Там могли притаиться совсем иные люди, связанные отнюдь не с абвером. В дверь квартиры постучали условным стуком. Бергер пошел открывать. Через минуту он

---

¹ Кикер (зыркун — нем.) — прозвище начальника абвера адмирала Канариса.

ввел в комнату молодого человека приятной наружности и представил его начальнику СС и полиции города.

— Конрад фон Бютцов, он же русский эмигрант Вадим Выхин.

Байер, сопя, пожал протянутую ему руку. Вот он, таинственный человек обер-фюрера Бергера, внедренный им в абвер для проведения операции. Нет ли и среди его сотрудников в аппарате городского гестапо таких же Бютцовых-Выхиных, служивших чинам из Берлина?

— Абверовцы насторожены,— без предисловий начал Выхин, сев к столу.— Они получили человека и теперь хотят разработать его до конца. Но противник может специально отдать нам малозначительную фигуру.

— Конкретнее,— подобрался Бергер. Вилли Байер засмеял еще громче.

— Крайне подозрителен Тараканов. Не исключено, что именно он главное лицо среди английской агентуры в городе. Они отдадут Дымшу, чтобы отвлечь подозрения от Тараканова и обеспечить ему возможность выполнения задания.

— Мы лишим их всех опорных пунктов,— вмешался Байер.— Жертва будет напрасной.

— Они могут пожертвовать не только Дымшей,— усмехнулся Выхин.— Господа с Островов очень изобретательны, а метод жертв в тактической игре для выигрыша в стратегической инициативе, характерен для работы Интеллиджонс сервис. И все ли их явки нам уже известны?

— Есть прямые улики, указывающие на связь Тараканова с англичанами? — откинулся на спинку кресла Бергер.

— Нет... Только косвенные. Но это как раз усугубляет подозрения: Тараканов не зря появился рядом с Марчевским, имел весьма неясные отношения с Дымшей, ловко уходит от любых сомнительных бесед, втерся в доверие к Ругге.

— Считаете вероятной вербовку Марчевского англичанами? — беспокойно заерзал на стуле начальник СС и полиции.

— Надеюсь, что пока им это не удалось.

— А если это русская разведка? — предположил Бергер.

— Невероятно,— отрезал Выхин.— Здесь всегда работали англичане и французы. Русские не смогут столь быстро внедриться в польскую среду после сентября три-

дцать девятого. Французам не до Польши. Так что — англичане.

— Я не склонен недооценивать русских...— протянул Бергер.— Кстати, вы умолчали о племяннице ксендза. Почему? Офицер СС не может думать о женщине неполноценной расы, тем более строить какие-либо планы на будущее, связанные с ней. Если так уж захочется — она ваша: с момента ареста и до казни.

— Ее роль пока не ясна,— осторожно ответил Выхин.

— Вам не ясна,— сухо уточнил Бергер.— А мы стараемся внести полную ясность. Во все аспекты дела. Не так ли, г-нр Байер?

...Тапер с виноватой улыбкой разводил руками:

— То не можно, пан... Я не знаю той мелодии.

— Играй! — упрямо повторял, стоя перед ним, Тараканов.

— Пану пора расплатиться и проветриться,— сказал, взяв его под локоть, один из официантов.— Пойдемте.

Он потянул упирающегося Тараканова к выходу. Тот ухватился за косяк двери.

— Послунай... Ну не могу же я, пьяным, по улице... Проводи во двор, посижу где-нибудь,— и Владимир Иванович сунул в руку официанта мятую купюру.

Мельком глянув на нее, официант ласково полюбил перебравшего посетителя и повел его в другую сторону.

— Так есть, пан...— приговаривал он.— Никак не можно в таком виде. Может, пан желает отдохнуть у нас?

— Не-е-е...— замотал головой Тараканов.— На улицу!

Официант вывел его к дверям, через которые выгружали продукты для кухни, предупредительно открыл их и показал на лавочку под чахлыми деревьями.

Владимир Иванович, пошатываясь, направился к ней. Убедившись, что официант закрыл дверь и больше за ним не наблюдает, он вполне твердым шагом прошел мимо лавочки и быстро свернул в переулок. Достав носовой платок, вытер лицо. Теперь это был уже совсем другой человек — собранный, абсолютно трезвый.

Миновав несколько проходных дворов и оставшиеся от бомбежек развалины, Тараканов, притаившись в нише парадного, некоторое время внимательно наблюдал за улицей и прохожими. Потом догнал проходивший мимо трамвай, вспрыгнул на подножку, проехав две остановки, соскочил на повороте и снова затерялся в проходных

дворах. И там люди Ругге, следовавшие за ним чуть не по пятам, упустили его.

Бестолково покрутившись на одном месте, они разошлись в разные стороны, снова сошлись, не обнаружив объект среди халуп и развалин, — Тараканов словно сквозь землю провалился.

Старший группы принял решение продолжать поиск, направив часть людей на дорогу к замку — ее Тараканов никак не мог миновать, возвращаясь из герода, а в том, что он еще вернется, абверовцы были полностью уверены...

Тем временем Владимир Иванович появился совсем в другом месте. Осторожно раздвинув густые ветки кустов сирени, он вышел на двор разбитого бомбами заброшенного монастыря бернардитов. Скользя тенью вдоль стены, добрался до часовни и вошел внутрь. В глубине строения, скрытая полумраком, угадывалась женская фигура, закутанная в темный широкий платок.

— Тебя никто не видел? — подойдя к ней, шепнул Владимир Иванович.

— Нет, — тихо ответила женщина.

— У нас мало времени. Выхиц — человек немцев. Сегодня начал прощупывать почти открыто. Делает разные замки. Но пока у него нет ничего определенного, иначе заговорили бы по другому... Уходите на запасную явку. Предупреди кесидза и сторожа. Я найду вас.

— Радо уходить. Вам не справиться одному.

— Все равно вашей группе необходимо рассредоточиться. Спасибо пану Иерониму, он принял вас, выдал тебя за свою племянницу. Но это не может продолжаться вечно. Предупредите старика, чтобы скрылся, и уходите. Это приказ.

— Сторож передал: кто-то должен оттянуть на себя немцев, когда все произойдет. Иначе вам не уйти.

— Что он предлагает?

— Встречу со мной. Если все в порядке — в моих руках будет кантычка — маленький молитвенник. Передайте мне материалы, и я уйду на запасную явку. А вам к дренажной системе — так меньше риска потерять добытые сведения.

— Их еще надо добыть... — покусывая в раздумье губу, заметил Тараканов. — Но тянуть больше нельзя. Связь с Громом возьмет сторож, он знает как... В принципе идея верна, нужно только предусмотреть повторную передачу материалов, чтобы полностью вывести тебя из игры.

— Предусмотрим. С той стороны вас просили о встрече.

— Постараюсь, — улыбнулся он. — Иди...

Ксения быстро вышла из часовни и скрылась в проломе монастырской стены. Немного выждав, Тараканов отправился следом за ней — он решил проверить, действительно ли никто не увязался за девушкой.

Держась ближе к стенам домов, где вечерний сумрак был глубже, Владимир Иванович шел по улице, зорко поглядывая по сторонам. Ксения успела уйти далеко вперед. Ее фигурка, закутанная в платок, мелькнула под фонарем, перебежала дорогу...

Но что это? Неприметно одетый мужчина ускорил шаг, явно стремясь не выпустить девушку из виду.

«Все-таки выследили», — подумал Тараканов.

Однако отчаиваться рано — он знал о встрече Ксении с Рутге в замковом парке, о поступке Выхипа со слепком с ключа, поэтому и приказал ей уходить. Начальник абверкоманды не глуп, он захочет выудить членов группы, поэтому слежку устроит за всеми подозрительными. Главное — выиграть время. Сутки-двое, а потом господин Рутге может следить как угодно и за кем угодно. Если бы он решился на аресты, то давно произвел бы их, тем более под нажимом Байера, известного своей кровожадностью. Значит, начальник СС и полиции не в курсе происходящего? Тогда кто следит? Одно дело, если люди Рутге, и совсем другое, если подчиненные Байера. Центр передавал, что в игру активно включилось СД. Придется рисковать.

Владимир Иванович нырнул в подворотню, проскочил через проходной двор и быстро побежал по параллельной улице, чтобы выйти Ксении навстрочу и увести ее из-под наблюдения.

Подождав за углом появления девушки, он, ничего не говоря, схватил ее за руку и потащил за собой в развалины. Оставив Ксению у входа в подвал разбитого дома, Тараканов бесшумно пробрался назад и притаился в нише парадного пустующего дома.

Ждать преследователя пришлось недолго. Настороженно вертя головой по сторонам, тот шел по тропинке между кучами щебня и обломками кирпича, держа правую руку в кармане куртки. Зажав в кулаке увесистый камень, Владимир Иванович неожиданно появился сзади него и с размаху опустил булыжник на голову шпика. Не издав ни звука, мужчина в куртке упал как подко-

шепный. Быстро затащив его в подъезд, Тараканов забрал парабеллум, запасную обойму, закидал труп обломками кирпича и вернулся к ожидавшей его Ксении.

— Можешь идти... Осторожнее.

Она кивнула и почти побежала по едва видимой в темноте тропинке, петлявшей среди развалин, в сторону костела. Он проводил ее немного, остав на полсотни метров.

...Через два часа Ругге доложили: с поста исчез старший группы наружного наблюдения Штубе, работавший за племянницей ксендза из костела святого Рафаила. Меры, предпринятые к его розыску, результатов пока не дали. Девушка находится дома, контактов не отмечено.

...Сначала Дымша хотел идти в сапогах, но потом раздумал — лучше снять обувь и красться по длинным коридорам замка в толстых шерстяных носках: не слышно, не холодно ногам и чувствуешь пальцами и стопой каждую неровность пола. Правда, побаливала раненая нога — к погоде или от первого напряжения? Кто знает. Выскользнув из комнаты, он призрачной тенью скользнул вдоль коридора, затаившись, выглянул из-за угла.

Никого. Время позднее, надо полагать, герр Ругге уже отошел ко сну, уложив на подстилку перед диваном пса. Ничего, скоро все эти кошмары Алонз Дымша будет вспоминать с усмешкой. Может, еще и напишет потом за приличный гонорар в какую-нибудь газетенку об успешных разведоперациях в немецком тылу. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

Впрочем, зачем ему реклама? Жажда громкой известности больше подходит для дураков, а таковым себя Дымша не считал. Главное — деньги и жизнь, причем не просто жизнь, а обеспеченная, спокойная, в которой нет места ведьмам, прячущим под платками заряженные крупнокалиберные пистолеты; злобным псам, приученным кидаться на людей; гауптманам с глазами отпетых садистов и проклятым эмигрантам.

Вот, наконец, и двери приемной. Потихоньку, чтобы не скрипнули, потянуть их на себя — закрыто или нет? Закрыто: ни шороха за ними, ни лучика света, пробивающегося в щелки.

Сдерживая дыхание, он достал отмычку, вставил ее в замочную скважину и повернул, придерживая створку двери. Потянул ручку, вошел, аккуратно запер дверь за собой и включил потайной фонарь. Синий луч света быстро обжег приемную — ничего подозрительного. Теперь дверь кабинета. Снова раздался тонкий скрежет отмычки,

и через несколько секунд пап Алоиз очутился в кабинете начальника абверкоманды. Осмотревшись, он тщательно поправил шторы на окнах — зачем охранникам во дворе видеть вспышки магнисовой лампы его портативного фотоаппарата?

Подойдя вплотную к огромному сейфу, Дымша почему-то оробел. А вдруг Рутге изменил цифры кода и уже известное положение ручек на внешней дверце? К чему тогда ключ, полученный в номере второго этажа казино «Турмклаузе», что им открывать, если придется черт знает сколько возиться с подбором кода? Снова он этой адовой работы может не выдержать!

Посидев несколько минут на полу, Дымша встал и начал набирать знакомый код на диске. Наконец все цифры набраны, ручки поставлены в нужное положение. Поворот массивного кольца — и тяжелая стальная дверца сейфа распахнулась.

Дрожащими от волнения руками Дымша достал из кармана ключ и вставил его в замочную скважину второй, внутренней, дверцы. Повернул, почувствовав, как замерло, на секунду, сердце.

Обошлось благополучно — ключ подошел как нельзя лучше и замок открылся. В синем призрачном свете потайного фонаря перед паном Алоизом стояли ящички с картотекой бывшего второго отделения Генерального штаба. Рядом аккуратной стопкой были сложены сводные таблицы разделов картотеки. Вот оно, богатство, вот он, путь к сытой и спокойной жизни! Права проклятая ведьма, кутающаяся в платок. После первотренок с комиссией из Берлина всем просто не до чего, кроме самих себя: что же, такое положение ему только на руку.

Дымша быстро вынул таблицы. С чего пачать — с радистов или резидентов? Пожалуй, с последних. Так, простите, пановные паны, но придется вас класть на пол, хватило бы только пленки.

Затвор аппарата начал щелкать, как голодный пес зубами, — Дымша торопился, страхи и сомнения, терзавшие его после беседы на втором этаже казино, отступили в сторону.

...Генрих Рутге, вопреки надеждам Дымши, не думал отходить ко сну — полностью одетый, более того, даже с автоматом на коленях, он сидел у себя, сдерживая глухо рычащую собаку.

Открылась дверь, вошел Шмидт.

— Он там... — сообщил гауптман.

— Не будем торопиться, — усмехнулся Ругге. — Дадим ему время увязнуть по уши. Все-таки, следует отдать должное нашим «друзьям» из СД, они ловко все рассчитали, но мы тоже не останемся в долгу. Когда будет готова его пленка, сможем ею поторговать. Со временем, конечно.

— Новая операция? — Шмидт разминал пальцы.

— Посмотрим... Сейчас рано об этом говорить. Только замысел. Ну, пора!

Они вышли из комнаты. В коридоре их уже ждали несколько вооруженных солдат охраны.

...Дымша закапчивал переснимать последние таблицы, когда звук открывшейся двери приемной заставил его вскочить на ноги.

Протопали сапоги, не стесняясь шуметь, заскрежетал ключ в замке двери кабинета.

«Попался!» — похолодел Алоиз.

Он выхватил пистолет. Что-то темное метнулось к нему из распахнувшейся двери, и Дымша навскидку выстрелил несколько раз. Взвизгнула собака, в глаза ударил яркий свет, над головой выбила штукатурку автоматная очередь...

Все кончилось быстро. Дымшу скрутили, защелкнули наручники. Генрих Ругге стоял на коленях над умирающим псом, застреленным Дымшей. Гауптман Шмидт подошел к пану Алоизу и, словно ненароком, наступил на мизинец на раненой ноге. Дымша охнул и сполз по ступе на пол.

В кабинет сбежались встревоженные стрельбой Выхин, Марчевский, солдаты охраны. Шмидт приказал всем уйти, кроме бывшего полковника. Пан Викентий подошел ближе к Дымше.

— На что вы рассчитывали? — он кивнул на разбросанные по ковру таблицы и, пагнувшись, начал бережно собирать их.

— Оставьте! — неожиданно грубо оттолкнул его подскочивший Ругге. Марчевский успел поймать его быстрый взгляд, брошенный в сторону книжных полок.

— Обыскать и в карцер! — кивнув на Дымшу, приказал абверовец. — Пусть пока подумает, хочет ли его шея узнать, сколько весит задница, а потом нам расскажет... Вас, альтергеноссе, я просил задержаться по другому поводу. Видите... — он грустно посмотрел на лежавшую в луже крови собаку, — Потерял верного друга. По-

хорошо его в саду... Сядьте, я вынужден огорчить вас. Сегодня вечером убита пани Зося.

— Боже мой! — потрясенный пан Викентий провел рукой по лицу, словно стирая с него налившую паутину. — Но зачем, зачем?!

— На теле нашли записку: «Смерть любовнице пособника фашистов». Как видите, не зря вас охраняют. Насчет похорон уже распорядились, примите соболезнования. О картотеке не беспокойтесь, простите мою невольную резкость. Идите отдыхать...

И Рутге сел в кресло, устало прикрыв рукой глаза. ...Только трубы печей остались на месте сгоревшей деревни, словно безымянные памятники на могилах бывших ее жителей, да кое-где сохранились прогнившие, покосившиеся изгороди из потемневших жердей. Легкий ветерок раздувал подсохшую на солнце золу, играл мертвыми ветвями обугленных, но зазеленевших этой весной кленов. Но стоило ветерку притихнуть, как удушливый запах гари заполнял все вокруг, перебивая ароматы поднявшегося на педальном лугу трав. Рядом было непаханое поле с врытым на краю его в заросшую сорняками землей грубо вытесанным каменным крестом. Над ним вились стаи галдящих ворон.

На краю деревни возвышались сложенные из темно-красного кирпича башни полуразрушенного костела. Именно их и видел в бинокль человек в сером ватнике, наблюдавший за сопредельной стороной границы в сильный бинокль, поражаясь безлюдью и тишине.

Заслышав шаги человека, мыши, возившиеся в стогу перепрелой соломы, разбежались с тонким противным писком, испуганно прячась в норки.

Слугнувший их человек постоял на опушке рощи, прячась в тени кустов, — обычно немцы избегали приближаться к сожженным ими селениям, но лишняя предосторожность не мешала, — потом быстро пересек открытое пространство и толкнул успевшую поржаветь калитку ворот костела, сваренную из витых железных прутьев. Прежде чем скрыться в пустом проеме дверей, человек еще раз осмотрелся. Внутри сгоревшего храма запах гари казался еще сильнее, но одетый в темное мужчина не обращал на него внимания. Смело миновав зал с рухнувшими перекрытиями, он отыскал небольшую дверцу, ведущую в подвал, включил фонарик и, подсвечивая себе под ноги, стал спускаться по щербатым ступеням вниз, в холодную сырую темноту. Пройдя гулким подземель-

ем, остановился у разбитых каменных саркофагов, в беспорядке сваленных около сочившейся влагой стены. Приподнял крышку одного и почти до плеча запустил внутрь руку. Через несколько секунд он достал Т-образный металлический прут с загнутым концом.

Поставив на место крышку саркофага, мужчина пошел дальше, внимательно смотря себе под ноги. Пол подвала был выложен рифлеными чугунными плитами. Одна из них привлекла его внимание. Нагнувшись, он вставил свой прут в едва заметное отверстие в плите, напрягшись, приналег на перекладки и повернул прут, одновременно с силой потянув его на себя и вверх. Плита медленно поднялась, словно пехотя открыв темный зев квадратного колодца с шаткой металлической лестницей внутри, покрытой налетом грязи и ржавчины. Вынув из плиты свой импровизированный ключ, человек тщательно спрятал его, потом, посветив лучом фонаря в густую темень колодца, смело встал на первую ступеньку лестницы и начал спускаться вниз. Вот появилась его рука, потянула за скобу, опуская плиту, как крышку люка. Щелкнула, встав на свое место, чугунная плита, потом щелкнула задвижка закрываемого изнутри замка.

Дно квадратного колодца оказалось покрытым тонкой илистой грязью. Мужчина ступил в нее и, пригибаясь — своды узкого тоннеля были низковаты, не позволяя выпрямиться во весь рост, пошел направо, шаря впереди себя лучом фонаря.

Ноги вязли в грязи, пот заливал глаза — идти было трудно, временами не хватало воздуха в давно не чищенных подземных галереях. Но человек упрямо шел и шел вперед, пока не заметил впереди слабой вспышки света. Тогда он остановился и мигнул в ответ своим фонарем. Еще несколько шагов — и тоннель вывел его в небольшой коллекторный зал.

— Трубы илом зашело... — тихо сказал одетый в темное мужчина.

— Но вода все равно проходит, — ответили из темноты. — Здравствуй, Хопрев.

Тот, кого называли Хопровым, включил фонарь и шагнул к притулившемуся у стены человеку в сером ватнике. Пожал протянутую руку:

— Здравствуй, Павел Романович.

...Тараканов вошел в костел — это Выхин видел в бинокль, наблюдая за ним с опушки роци. Что ему делать

в разрушенном костеле сгоревшей деревни? Может быть, там его ждут? Кто?

Сегодня Конрад фон Бютцов, внедренный по заданию СД в абверкоманду подполковника Ругге, решил сам выследить, куда и зачем направится Владимир Иванович после ночного происшествия с Дымшей. Он был уверен, что Тараканов — хорошо подготовленный агент английской разведки и наверняка будет иметь контакт со связником или передаст сообщение о провале папа Амонза каким-либо другим способом. Бергер позволил временно снять наружное наблюдение с Тараканова, но отпустить Выхина-Бютцова на «вольную охоту» одного не согласился.

— Не в индейцев играем, — недовольно проскрипел он. — Забудьте романы Карла Мая. Возьмите шарфюрера Клюге и Эрнеста Канихена. Толковые парни. Ругге до сих пор не может найти Штубе — и не удивлюсь, если обнаружат его труп.

«Толковые парни», приданные Выхину Бергером, оказались рослыми молодцами, понимавшими друг друга с полувзгляда; двигались они удивительно легко и бесшумно, словно каждый не весил добрую сотню килограммов. Выхин знал, что этих эсэсманов, прошедших специальную подготовку в школе СД, Бергер повсюду таскал за собой как личную охрану.

Утром, заметив, что Тараканов вышел из замка, Выхин подал ожидавшему в парке Клюге условный знак и сам поспешил присоединиться к их небольшой, но опасной группе, поставившей себе целью обязательно узнать тайну человека, скрывавшегося под именем русского эмигранта. И вот слежка за Таракановым привела их к сожженной деревне с разбитым костелом на окраине. Что же понадобилось здесь Владимиру Ивановичу?

Прошло больше десяти минут. Если в разрушенном костеле оборудован тайник, то времени вполне хватит на вложение сообщения. А если там Тараканова ждет связной? Сколько будет продолжаться их встреча и кто этот связной, куда пойдет потом?

Клюге и Канихен, лежавшие в траве на опушке рощи, ожидали распоряжений. Сейчас он, Конрад фон Бютцов, временно взявший имя Вадима Выхина, должен принять решение — ограничиться ожиданием или активно действовать. Но пассивные методы пока не дали никакого проку — проклятый Тараканов то исчезает, то появляется вновь, не давая ни абверу, ни СД материалов о своих

контактах. Только Ксения... Но ведь Выхин-Бютцов сам предложил тогда зайти в костел — не дьявол же Тараканов и не ясновидящий, чтобы внушить ему, офицеру СС, нужные мысли, принудить поступать сообразно чужой воле?!

Пятнадцать минут прошло. Ждать еще? Но если вдруг там идет интересная беседа и ее можно услышать или увидеть нечто такое?.. Рискнуть? И Выхин-Бютцов решил.

— Капихен прикрывает, а мы с Клюге — к костелу. Без шума, предельная осторожность. Он может быть вооружен и очень метко стреляет. Клюге первым...

Капихен подтянул автомат ближе, направил его ствол в сторону деревни. Клюге, поудобнее пристроив на поясе кинжал, достал из кобуры вальтер и ужом пополз к начавшей зарастать травой проселочной дороге. Вот он перекатился через нее и поднырнул под остатки изгороди из неошкуренных жердей. Приподнявшись, призывно махнул рукой. Бютцов последовал за ним.

Вплотную приблизившись к шарфюреру, легонько ткнул его ладонью в бедро, приказывая двигаться дальше. Тот пополз.

Лежа на мягкой, молодой траве, Бютцов вдруг подумал, что на чердаке разбитого здания костела вполне мог притаиться снайпер. Тогда они все у него как на ладони — не успеешь ни скрыться, ни ответить выстрелом на выстрел, просто прилетит ниоткуда быстрая смерть...

Тем временем Клюге уже дополз до глухой стены костела, встал на четвереньки, держа в руке пистолет и внимательно осматриваясь по сторонам. Снова махнул рукой, подзывая Бютцова.

Добравшись до стены, Конрад тоже привстал и одними губами спросил:

— Что?

— Похоже, там никого...— едва прошелестел Клюге. Пригибаясь, добежал до угла, осторожно выглянул.

Клюге первым нырнул в дверной проем, настороженно поводя в разные стороны стволом вальтера, готовый в любую секунду открыть огонь. Следом, неслышно ступая, пробрался Конрад.

Закопченные стены, нагромождение балок от рухнувших перекрытий, скрученные огнем трубы органа, валявшиеся на полу, кучи обгорелого дерева на месте рядов скамей; задняя стена алтаря рухнула, и в образовавшийся проем было видно поле за деревней, луг и рощу.

Выхин-Бютцов осмотрелся — где здесь можно прятаться или устроить тайник. Может быть, Тараканов вышел через пролом в стене, но тогда его все равно было бы видно в бинокль с опухки.

Вместе с Клюге они методично начали осматривать костел. Вскоре шарфюрер подозвал Бютцова легким свистом — он обнаружил дверцу, ведущую в подвал. Прижимаясь спинами к грязной кирпичной стене, они спустились по щербатым ступеням, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

В подвале было темно и пусто. Луч фонаря пробежал по каменным саркофагам, чугунным плитам пола, низким сводам потолка. Спрятаться здесь негде. Куда же опять пропал Тараканов? Искать тайник или скрытый выход? Нельзя, можно его спугнуть, и Бютцов решил вернуться, а потом, когда представится возможность, прийти сюда вновь и спокойно, не торопясь, исследовать каждый сантиметр стен и пола.

Канихен, терпеливо ожидавший на опушке, встретил их вопросительным взглядом.

— Ушел, — ответил за него Выхин-Бютцов.

— Совсем? — равнодушно поинтересовался эсэсовец.

— Думаю, нет... Вернется.

Как и куда направился Тараканов из костела? Эта мысль не давала покоя, свербила внутри, толкнула на необдуманные действия — сейчас Бютцов уже жалел, что поддался искушению проникнуть в костел: спрятавшись там, Тараканов мог перестрелять их, как куропаток, а потом выйти в спину ничего не подозревавшему Канихену... Однако все обошлось, но появилась еще одна загадка: таинственное исчезновение объекта наблюдения из костела.

— Клюге, вам левый сектор обзора, мне правый, а Канихен будет просматривать местность за костелом, — распорядился Бютцов. — Рассредоточимся в пределах прямой видимости друг друга.

Себе Конрад избрал местом для наблюдательного пункта кучу кустов, росших на взгорке, откуда открывался вид на окрестности деревни. Устраиваясь поудобнее, он поднес бинокль к глазам, поводил им в разные стороны, определяя, насколько велик сектор обзора. — с пригорка была видна и часть территории русских. Некоторое время Бютцов с любопытством смотрел через сильную оптику туда, где жили коммунисты. Ничего особенного увидеть не удалось — край оврага, заросшего кустами бузины,

пригорок с зеленой травой, такие же, как и здесь, деревья, то же самое небо над ними — бледно-голубое, с редкими белыми облаками. Он снова повернул бинокль в сторону сгоревшей деревни. Вовремя — Ключе уже подал сигнал внимания. Вот он, Тараканов, мелькнул в проеме окна костела, снова скрылся и через несколько секунд появился снова, мягко спрыгнув на землю с подоконника. Отряхнув брюки пучком травы, тщательно вытер ботинки. Такое спокойное, по-домашнему мирное, поведение Владимира Ивановича почему-то разозлило Выхина-Бютцова.

Цейсовская оптика приблизила лицо Тараканова, уже тронутое первым загаром, как всегда, чисто выбритое и столь ненавистное Конраду.

Опустив бинокль, он дал немного отдохнуть усталым глазам. Теперь Тараканов никуда от них не денется. Да и куда ему деться — наверняка направится обратно к замку: все, что ему надо было сделать, этот человек скорее всего уже сделал. Но куда же он все-таки ходил через костел или где прятался внутри него?

Повинуясь какому-то наитию, немец вновь поднял к глазам бинокль и посмотрел в сторону русских. На краю оврага, заросшего кустами бузины, мелькнул серый ватник какого-то мужчины. Мелькнул и пропал в гуще молодой зелени. Не веря самому себе, Бютцов закрутил пальцами колесико настройки линз, до рези в глазах вглядываясь в кусты на краю оврага на той стороне границы — померещилось? Нет, он явственно видел, как там исчез человек. Странное совпадение — здесь, из пустого, разрушенного костела появляется Тараканов, а на той стороне границы из оврага вылезает человек в сером ватнике.

Положительно, руины костела заслуживают более пристального внимания, как и сам Владимир Иванович. Но выводы делать пока рано, и Бютцов решил промолчать до поры до времени о своих наблюдениях и порожденных ими подозрениях. Он сам, лично, все проверит и доложит обер-фюреру Бергеру, а может быть, и сразу группенфюреру Этнеру.

Но сейчас — молчание. Время еще есть...

...Старый пан Иероним, тяжело, со свистом дыша задавленными астмой легкими, поднялся на четвертый этаж небогатого, густонаселенного дома. Нетерпеливо постучал в дверь квартиры костяшками пальцев, моля про себя святую деву, чтобы ему поскорее открыли.

Дверь распахнулась, на пороге стояла немолодая женщина с руками в мыльной пене. Увидев неожиданного гостя, она оробела.

— Пан Иероним...

— Нет времени, пани Ганна...— сдерживая мучившую его одышку, проговорил старик.— Не спрашивайте откуда, но я знаю, что ваш муж в лесу.

Женщина побледнела, строгательно замотав головой.

— То так, пани Ганна, так...— не обращая на это внимания, продолжал старый священник.— Найдите возможность передать ему, что немцы поймали некого Дымшу, Алоиза Дымшу. Запомнили? Друзья вашего мужа просили всех, кто был с ним связан, немедленно уйти из города. Немедленно... Прощайте, пани Ганна.

И старик тяжело начал спускаться по лестнице.

...Минут через пятнадцать после визита ксендза пани Ганна бежала по улице к базару. Там, в торговых рядах, она отыскивала средних лет крестьянина и что-то прошептала ему на ухо. Тот быстро свернул немудреную торговлю и, закинув на тощее плечо котомку из домотканого сурового полотна, потерялся в старых переулках города.

...Мальчик прибежал к задним дверям казино «Турмклаузе» после полудня. Он нетерпеливо приплясывал на месте, дожидаясь деда. Наконец тот вышел, с улыбкой положил высохшую руку на теплую голову ребенка:

— Проголодался, Янек?

Внук знаком попросил его наклониться и жарко зашептал. Лицо старика потемнело, губы поджалось:

— Скажи маме, чтобы немедленно шла к Голяповским. И ты с ней!

— Мама уже там. Мы быстро собрались...— мальчик смотрел на деда взрослыми, полными слез глазами.— Пойдем с нами.

— Я приду, приду...— глядя поверх его головы, сказал старик.— А ты беги скорей к маме, Янек. Тебе здесь не место.

Быстро поцеловав внука и почти оттолкнув его от себя, он запер дверь и поднялся на второй этаж. Пройдя по коридору, без стука вошел в один из номеров.

— Дымшу взяли... С минуты на минуту они могут быть здесь.

Сидевшая у стола женщина в накинутом на плечи теплом платке резко встала.

— Уходим! Все сяечь!

— Поздно...— с горечью сказал старик. Под окнами остановились машины с немецкими солдатами.

— Задержите их, любой ценой...— женщина метнулась к деревянной кровати, сняла шарик, украшавший одну из ее пожек, и вытащила из тайника пачку тонких бумажных листов, свернутых трубкой. Поднесла к ним пламя зажигалки.— Что вы стоите, скорей! — прикрикнула она на мэтра.

Тот, достав из шкафа автомат и пару гранат, вышел в коридор. На первом этаже уже были слышны резкие немецкие команды. Старик вставил обойму, передернул затвор и, дождавшись, пока на верхней ступеньке лестницы появится фигура в серо-зеленой шинели, дал по ней очередь из глубины полутемного коридора.

Бергер приехал, когда все было уже кончено. Войдя в предупредительно открытую перед ним солдатом дверь казино, он увидел согнанных в угол официантов, поваров, посудомоек и бледных посетителей, охраняемых двумя автоматчиками. На лестнице, ведущей на второй этаж, лежали еще не убранные трупы двух солдат. В разбитые стекла влетал легкий ветерок, унося запах горелой бумаги и порохового дыма. Наверху слышался голос Рутге, отдававшего приказания.

Обер-фюрер присел в зале за столик и снял фуражку. К нему подошел Байер. Нижняя губа у начальника СС и полиции еще больше отвисла, обнажив желтоватые зубы нижней челюсти, в углах рта запеклась слюна.

— Как успехи? — приглаживая рукой редкие волосы, спросил Бергер.

— Живым никого не взяли...— Байер покачался на носках, словно раздумывая, добавить еще что-нибудь или лучше промолчать. Потом продолжил: — Капалья мэтрдотель успел убить двух солдат, а баба стреляла из пистолета через запертую дверь и жгла бумаги.

— Передатчик нашли? — Бергер побарабанил пальцами по крышке стола.

— Нет.

— Вот видите, как много ошибок наделал абвер... — задумчиво проговорил обер-фюрер. — Теперь им и поговорить не с кем, кроме Дымши, который и так выпотрошен. Канарис прав — надо учиться на ошибках других. У нас таких промахов быть не должно. Учтите: всех взять живыми. Кроме этой, как ее..?

— Ксении? — услужливо подсказал Байер.

— Да... — поморщился Бергер. — Кроме этой девки.

У Конрада хорошее будущее, а жены эсэсовцев должны иметь чистую арийскую родословную, подтвержденную документально с начала девятнадцатого столетия¹. Не стоит ему портить карьеру. И ей, думаю, лучше исчезнуть сразу, не мучаясь, — это по-рыцарски в отношении противника. Я не воюю с женщинами, но если они враги рейха, то их уничтожают... Прикажите подать кофе. И посмотрите, что делается наверху.

Бледный до синевы официант в белой куртке принес обер-фюреру кофе. Прибор, поставленный на поднос, тонко позванивал — у официанта сильно дрожали руки.

...Старый мэтр был еще жив. Он лежал в луже собственной и чужой крови около стены, почти рядом с лестницей. Когда его прошило автоматной очередью, он упал, потеряв сознание, и все решили, что старик мертв, но сейчас, придя в себя, он и сам не мог понять — жив он еще или уже приобщился к пребывающим на небесах? А может быть, он в аду — иначе отчего так колет и жжет в груди и боку, почему каждый вздох дается с таким трудом, словно тебя пронизывают мириады раскаленных игл, а в легкие после мучений и невероятных усилий проходит жалкий глоток воздуха. Или все же это рай — в ухах звон, словно на праздник бьют в колокола. Старику показалось, что он еще молод и колокола звонят в честь его свадьбы... Хотя нет, это же день конфирмации дочери Анели. Вот и она сама, с букетиком в руках, в белом длинном платье, выходит из костела среди таких же молодых и красивых девушек. И все они поют высокими прекрасными голосами, похожими на ангельские. Играет орган, звонят колокола... Это звенит кровь, уходя из тела, унося с собой жизнь, попял старик, с трудом приоткрывая заплывший глаз.

Сквозь кровавую пелену и предсмертную мусть он увидел, как рядом с его лицом остановились чьи-то ярко начищенные сапоги. Сделав невероятное усилие, старый мэтр чуть повернул голову и взглянул выше.

Черные бриджи, светлые канты, серебряное шитье на рукавах мундира, обтянувшего вислый живот, глаза навывкате, полуоткрытый мокрый рот с оттопыренной нижней губой. Эсэсовец?

Рука старика медленно поползла под грудь — там, он это совершенно точно знал, лежала граната, которую он

¹ По нацистским законам жены высших эсэсовских чинов представляли свидетельства о «чистоте расы» с 1750 года, а среднего и низшего состава — с 1800 года.

хотел бросить в немцев, только не успел. Вывернуть кольцо и откинуть руку с гранатой от себя, чтобы его уже почти мертвое тело не прикрыло этого эсэсовца от визжащих, острых кусков стали, со страшной силой разлетающихся при взрыве.

— Эй, кто там! Подойдите! Кажется, он шевелится! — крикнул Байер.

«Подойдут еще... Как хорошо... — успел подумать старик, напширивая непослушными пальцами кольцо гранаты. — Их будет больше...»

Генрих Рутге, осматривавший комнату, где около деревянной кровати лежало тело женщины, накрытое большим теплым платком, недовольно поморщился:

— Полицейские уже здесь? Без них ничего не обходится... Пусть кто-нибудь подойдет, раз он так этого хочет...

Наконец старику удалось выдернуть кольцо. Теперь оставалось только выпростать из-под себя руку с гранатой. И можно умереть. Сейчас май, а осенью будут справлять «задушки». Первого ноября — в день поминовения всех усопших — зажгут на могилах свечи, поставят букеты белых хризантем. И его впуск Янек придет, зажжет в память деда свечу, может быть, даже принесет цветок. Но куда? Кто знает, где будет его могила... Как же трудно вытащить из-под своего тела, ставшего тяжелым и неподвижным, как дубовая колода, руку с гранатой.

Байер сам помог ему. Он хотел видеть, искажил ли страх лицо умирающего. Почти всю жизнь проведя в страхе сам, он привык искать его приметы в других, особенно прощающихся с жизнью — это тем более интересно. Приятно сознавать, что кто-то может бояться больше тебя, и насладиться этим, пусть и недолго.

Начальник СС и полиции поднял ногу в начищенном сапоге и небрежно повернул старика на бок. Увидев, что держит тот в окровавленной руке, Вилли Байер успел отшатнуться и повернулся, чтобы бежать по лестнице вниз, подалее от этого проклятого поляка, который хочет утянуть его с собой... Но было поздно.

Ему показалось, что огромная доска, утыканная острыми гвоздями, с размаху ударила по спине, подняла в воздух и завертела, бросив в темно-багровую, резко сужающуюся воронку.

Старый мэтр почувствовал только тупой толчок в грудь и гулко, в последний раз, ударил колокол в его голове: прощальным, погребальным звоном.

...Бергер, сидя за столиком, пил кофе. Он как раз ставил чашечку на блюдце, когда шальной осколок разнес ее вдребезги, оставив в пальцах только ручку; густая жижа плюнула в лицо и на мундир; грохнул взрыв, заложил уши, казалось, совсем беззвучно посыпались на пол осколки оконного стекла. Обер-фюрер достал платок и старательно вытер лицо. Подскочил шарфюрер Клюге.

— У старика была граната... Убит начальник СС и полиции.

— Черт знает что... — бросив грязный платок на стол, поднялся Бергер. — Кто его будет замещать?

— Гауптштурмфюрер Франц Фельдхубер! — вытянулся Клюге.

— Через полчаса я жду его у себя. — Бергер взял фуражку и пошел к выходу. Приостановившись, полубернулся к следовавшему за ним шарфюреру. — Передайте ему: пусть не мешают здесь абверу. А этих, — он кивнул в сторону охраняемых автоматчиками задержанных, — расстрелять.

— Всех? — на всякий случай осведомился Клюге.

— Всех... — раздраженно ответил обер-фюрер. — И сто жителей города. Мужчин!

...Шмидт повернул ручку громкости, и марш, рвущийся из динамика радики, заполнил машину. Дымша, сидевший на заднем сиденье между двух дюжих охранников, еще больше съежился. Темнеющий впереди лес, безлюдная дорога наводили на мысли о последних часах брэнного бытия. Не поможет и то, что он все рассказал Ругге, абсолютно все. Если бы ему верили, разве повезли бы на место встречи в наручниках?

Машина свернула на проселок, переваливаясь на ухабах, поползла ближе к лесу. Дымша покрылся потом, чувствуя, как его капли щекочуще стекают по небритой щеке, ползут за воротник.

— Я всегда был против коммунистов... — ни к кому не обращаясь, пролепетал смертельно бледный Алоиз. Никто ему не ответил.

Автомобиль остановился. Ругге вышел, размял ноги. Охранники выволокли Дымшу, сняли с него наручники. Он с трудом растер багрово-синие полосы, оставшиеся на запястьях.

— Перестаньте трястись... — брезгливо бросил ему абверовец. — Сейчас мы даем вам бон шанс, как говорят французы. Пойдете на место встречи с людьми из лесной банды. Нам они нужны живыми. Место встречи

окружено, поэтому не вздумайте попытаться скрыться или подать какой-нибудь сигнал.

Дымша с трудом понимал, что говорит Рутге. Его лицо казалось Алоизу белым пятном с темными провалами глазниц — лицом смерти. Но вдруг и вправду удасться вывернуться, в который раз поменять хозяев и снова можно будет жить, пусть и не так, как мечталось еще недавно, но зато жить. Жить!

— Я сделаю все! — быстро сказал Дымша.

— Надеюсь увидеть вас еще, — усмехнулся абверовец и сел рядом с Шмидтом в автомобиль.

Через несколько секунд только тонкий запах бензиновой гари да оставшиеся на влажной лесной почве следы протекторов напоминали об автомобиле.

Дымша огляделся — впереди, насколько было видно, только деревья и заброшенная дорога между ними. По ней ему и предстоит идти. Подполковник сказал, что до места встречи далеко. Сколько — километр, два, пять? Вильнуть в сторону — кто отыщет его в этом дремучем лесу?

Сзади раздался шорох. Дымша быстро обернулся. Выйдя из-за куста, немец, одетый в маскировочный костюм и вооруженный автоматом, сделал ему жест, приказывающий двигаться вперед.

Вот оно что — абверовец и тут не оставил его без присмотра. Поведут к месту встречи, как бычка на веревочке — ни сорваться с этого крючка, ни вильнуть в сторону, ни оборвать веревку... Первый шаг дался с великим трудом. Потом стало легче. Конвоиров было не видно и не слышно, но Дымша знал — они здесь, рядом. Дожил пан Алоиз, превратился в живца, на которого ловят нужную абверу рыбу. Может быть, зря он начал говорить после задержания в кабинете начальника абверкоманды? Но что оставалось делать — ждать, пока начнут ломать тебе кости? И еще фактор внезапности, проклятая собака, прыгнувшая на него из открывшейся двери, автоматная очередь над головой, а от улик не отпереться. Вскрытый сейф, разбросанные таблицы, фотоаппарат. Надо было еще, на свою беду, пристрелить собаку Рутге...

Дорога незаметно вывела к поляне с кучей выбеленных солнцем и ветром жердей, сваленных на опушке. Ими на зиму огораживали сметанное в стога сено. Желтые пятна цветущих одуванчиков, ажурная темь листвы,

тишина и сонный покой — вот оно место встречи с людьми из леса.

Дымша немного постоял в тени деревьев, не рискуя выходить на открытое пространство и внимательно вглядываясь в сумрачный лес. Придут ли те, с кем он должен встретиться, и где засада немцев? Теперь они все — его враги, и те и другие. Если бы было оружие! «Бон шанс» — вспомнил он слова Рутге. Они показались просто неприкрытой издевкой — о каком шансе здесь можно говорить? Как немцы собираются захватить людей из леса? Сколько их придет и сколько человек поставил абверовец в засаду?

Осторожно пройдя краем опушки, Алоиз не заметил ничего подозрительного. Вот только не слышно пения птиц — улетели, боясь людей? Сколько он еще может протоптаться здесь? Ну почему он сразу не придушил тогда проклятую ведьму в компании на втором этаже казино; почему не скрылся, не забился в щель, откуда его не выковырять ни тем, ни другим? Запутался, пожадничал, испугался?

На другой стороне поляны неожиданно появился человек в поношенной одежде, с немецким автоматом в руках. Призывно помахал Дымше рукой. Подойти или подождать, пока тот сам решится приблизиться? Прыгнуть на него, вырвать автомат и попытаться убежать в лес. В никуда, просто убежать, и все, а потом будет видно, как быть. Человек с автоматом снова молча поманил Алоиза к себе. Тот в ответ сделал такой же жест и, словно намереваясь сойтись с неизвестным посредине поляны, сделал шаг из-под тени деревьев на освещенное солнцем пространство.

Короткая автоматная очередь — и Дымша, еще не успевший ничего понять, повалился в желтые одуванчики, пятная их кровью из прошитого пулями тела.

Он уже не видел и не слышал, как ожил вдруг лес, затрещали автоматы, ухнули взрывы гранат. Упал убитый мужчина в поношенной одежде, но его товарищи, отстреливаясь, отошли в глубь леса и затерялись в чащобе и болотах, оторвавшись от погони...

...«Недоеденный кусок всегда самый вкусный... — подумал Марчевский, укладывая в чемодан рубашки. — Абвер не получил всего желаемого от комбинации с Алоизом Дымшей, и люди СД этого не забудут».

Пан Викентий собирался в Краков. Рутге вызывало

начальство, и подполковник приказал Марчевскому ехать с ним.

— Представляю вас кое-кому из руководства. Это будет не лишним, — доверительно сообщил оп. — Может пригодиться в будущем.

С этим Марчевский был согласен, только не давала покоя мысль о связи с новыми друзьями. Получив приказ, он прервал все действия по сбору сведений из картотеки, находившейся в руках немцев, перестал проверять тайник за деревянной обшивкой стен коридора замка, а после гибели Зоси почти не бывал в городе. В то же время богатый опыт разведчика подсказывал ему — все это ненадолго, назревают новые, весьма важные события. Какие? Трудно сказать определенно, но интуиция редко обманывала пана Викентия. А что такое интуиция? Ее родители — опыт и информация, пусть даже отрывочная. Умный и опытный человек сумеет связать между собой отдельные разрозненные факты и сделает нужные выводы... Негромко стукнула входная дверь. Марчевский оглянулся. Прижавшись к косяку спиной, на него смотрел Тараканов, приложивший палец к губам. Неслышно пройдя в глубь комнаты, он тихо сказал:

— Ваш охранник отлучился. Надо торопиться.

— Рискуете... — шепотом ответил Марчевский. — Как тогда, в квартире. Если бы вовремя не показали распятие моей матери, я всадил бы в вас пулю!

— Дело прошлое. Мы оба не доверяли друг другу, — обезоруживающе улыбнулся Тараканов. — Но теперь нет иного выхода. Вы уедете, а я могу вас больше не увидеть.

— Уходите? — насторожился пан Викентий.

— Через неделю-другую навестите в костел святой Бригитты, — быстро зашептал Владимир Иванович. — Вас там будут ждать. Пароль — такое же распятие, только из серебра. Можете полностью довериться показавшему его человеку.

— Святой Бригитты? — переспросил Марчевский. Внезапно его осенила догадка. — Намерены взять картотеку?

— Только пленку.

— Послушайте... — вцепился в рукав уже собравшегося выскользнуть из комнаты Тараканова Марчевский. — В сейфе Ругге фальшивая картотека. Немцы вывели англичан на ложный ход с дезинформацией и фальшивой картотекой. Когда я помогал собирать табли-

цы, переснятые Дымшей, то заметил это. Ищите настоящую за книжными полками в кабинете Генриха. Переснимайте сводные таблицы... Мне будет не хватать вас и Зоси.

— Ее убили немцы. Она работала на Шнайдера, подчиненного Рутге.

Марчевский отшатнулся.

— Но зачем тогда?..

— СД, — коротко ответил Владимир Иванович. — Прощайте, Викентий! Берегите себя.

Тихо закрылась за ним дверь. Пан Викентий устало опустился в кресло, достал сигареты. Опять его настигла война. Скольких людей он уже потерял за последний год — жену, многих товарищей, Зосю. Ее он потерял дважды — один раз, когда она погибла, и второй — когда узнал, почему и от чьей руки. А теперь уходит человек, с которым он успел сродниться. Нет, вернее, не с ним самим, а с тем чувством, что он есть, находится рядом, что через него тянется живая ниточка к тем, кто должен принести желанную свободу его родине. А в том, что она может прийти только с востока, Марчевский не сомневался.

И все же надо встать, собраться и спокойно спуститься вниз, к машине. Улыбаться, шутить, щуриться, глядя на солище, делать вид уверенного в себе, довольного жизнью человека.

Через несколько дней он вернется и обязательно наведается в костел святой Бригитты. Кто там будет ждать его? Юная девушка, седой старик, богомольная старушка или?.. Впрочем, зачем гадать. Главное — не прервется связь с новыми друзьями и он сможет мстить врагу тем оружием, которым лучше всего владеет, а это уже немало. И если в грядущей победе будет его малая толика — значит, он все-таки прожил жизнь не зря, сумев понять в ней основное. Коль ему суждено дожить до светлого часа возрождения Речи Посполитой, он сможет смотреть в глаза людям, а если не доживет, то его потомки не испытают стыда за него, потому что он выбрал не самую простую дорогу в этой войне и сделал все от него зависящее для вечного мира на земле.

...В сарае было сумрачно и прохладно. Косые лучи света падали внутрь через полуоткрытую дверь, бросая причудливые блики на собранный за долгие годы хлам. Сторож взял прислоненный к стене сарая велосипед, прокрутил колеса, тщательно смазал втулки из неболь-

шой масленки. Проверил шины, спицы, крепление седла. Держа его руками за руль, немного покатал туда-сюда и, оставшись довольным, вывел велосипед из сарая.

Ксения ждала во дворе.

— Будь осторожна, — отдавая ей велосипед, сказал сторож.

— Хорошо, — улыбнулась она и выехала со двора.

Посмотрев немного ей вслед, сторож повернулся и вошел в дом ксендза.

...Новый начальник СС и полиции города гауптштурм-фюрер Франц Фельдхубер положил на рычаги телефонную трубку. Повернулся к вопросительно смотревшему на него Бергеру и коротко доложил:

— Она выехала.

Обер-фюрер удовлетворенно кивнул и погрузился в собственные мысли. Фельдхубер почтительно ждал.

— Пусть ее проводят, — нарушил молчание Бергер. — Потом она должна исчезнуть. На месте оставить группы наблюдения и захвата.

— Слушаюсь, господин обер-фюрер.

— В костеле взять ксендза и сторожа. С этими поговорим... А с девкой... Скажите своим людям, чтобы не вздумали с ней развлекаться. Она должна исчезнуть быстро, бесследно и навсегда. Поняли?

...Пан Иероним сидел в глубоком кресле у окна. Ласковое солнце пригревало, и старик задремал, склонив на грудь лысую, покрытую легким седым пухом истончившихся волос, голову.

Остановившись у дверей, сторож легонько кашлянул. Ксендз встрепнулся и, открыв глаза, посмотрел на него.

— Я не сплю... — заявил старик. — Что-то нужно?

— Надо уходить, пан Иероним. Скоро могут прийти земцы.

— А-а... — вяло отмахнулся рукой священник. — Они пришли уже год назад.

— Вы не поняли, — вежливо продолжал настаивать сторож, — они могут прийти, чтобы арестовать нас.

— Я всегда знал, что этим кончится... — поднимаясь с кресла, вздохнул старик. — С тех пор как дал вам приют по просьбе моих друзей.

Он подошел к старинному бюро, достав из кармана ключ, отпер ящик и вынул из него пачку денег.

— Возьмите, вам пригодится, а я остаюсь — не умею прятаться, ходить по лесам, стрелять из ружья... Да и долго ли я это выдержу, а? В мои-то годы? Молчите? То-

то же... Берите деньги, не милостыню даю, для святого дела.

Помедлив, сторож протянул руку и принял пачку денег.

— Я найду возможность передать их вашим борющимся соотечественникам... И все же оставаться неразумно, пан Иероним. Отправляйтесь к Гаппе.

— Нет... — старик опять уселся в кресло. — Вы не сможете меня понять. Здесь моя паства, а пастырь бежал?! Я пойду, но только в костел. Пусть они попробуют арестовать меня там. Не теряйте зря времени.

Сторож молча вышел, тихо притворил за собой дверь.

Вернувшись в халуцу, он тщательно побрился, а затем умылся с мылом. Лицо его сразу помолодело на добрый десяток лет. Сняв пегий парик, бросил его в растопленную печь, запахло паленым волосом. Не обращая на это внимания, сторож открыл дверцы покосившегося платяного шкафа, вынул щеголеватый костюм, свежую сорочку, галстук и небольшой саквояж. Быстро переоделся, засунув за пояс брюк парабеллум. Запасные обоймы он рассовал по карманам. Особо тщательно он спрятал на теле небольшое серебряное распятие с костяной фигуркой Христа. Посмотрел в зеркало — оно отразило молодого мужчину лет под тридцать, в модном костюме, с неброским, хорошо повязанным галстуком.

Взяв в руки саквояж, бывший сторож еще раз внимательно оглядел свое прежнее жилище — не забыто ли что-нибудь? Нет, вроде все. Протерты предметы, на которых могли остаться отпечатки его пальцев; сожжены бумаги до последнего клочка. Потрепанная книга священного писания, которой пользовался этот человек для расшифровки цифр на купюре, полученной от Тараканова, лежала в саквояже. Даже промасленная тряпка, в которую был завернут пистолет, стorerла в печи.

Выйдя из халупы, он, однако, направился не к калитке, ведущей на улицу, а свернул в глубь сада, примыкавшего к костелу. Там отыскал щель в прутьях ограды и протиснулся в нее. Через несколько минут он уже был на перекрестке трех улиц. Визг тормозов заставил его оглянуться — несколько темных машин остановились у костела.

Теперь ему нельзя задерживаться или тем более вмешиваться в происходящее. Человек, скрывавшийся под псевдонимом Гунн, уходил, чтобы через несколько дней встретиться с бывшим полковником Марчевским в косте-

ле святой Бригитты, принять его на связь и взять на себя командование новой разведгруппой. Она обеспечит надежную работу радиста, который будет передавать поступающие от Грома данные в Центр, в Москву, в разведуправление Генерального штаба РККА.

Глава VII

Стоя у окна, Тараканов видел, как садились в большой хорьх начальник абверкоманды и Викентий Марчевский. Шмидт провожал их. Опустив стекло, подполковник что-то втолковывал ему — гауптман в ответ согласно покивал головой и взял под козырек. Наконец машина отъехала. Солдат открыл ворота, поднялся полосатый шлагбаум.

«Непросто будет выбраться из этой западни», — мелькнуло у Владимира Ивановича.

Шмидт постоял с минуту во дворе, потом вошел в здание. Свободное время он обычно проводил либо в городе, в офицерском казино, либо в тире, спортивном зале или бильярдной замка. Сегодня Рутге наверняка не разрешил ему отлучаться, поэтому Шмидт пошел в излюбленное место. Тараканов никогда не видел его с бутылкой или с княгой, поэтому встретить в кабинете начальника, где была приличная библиотека, оставшаяся от прежнего хозяина, опасности почти не было.

Куда-то запрогал Выхин — сегодня его не видно целый день. Болтается в городе? Или уехал? Интересоваться чужими делами в хозяйстве Рутге не принято, поэтому приходилось полагаться больше на собственные наблюдения и случайно услышанные фразы. Сходить к Вадиму в комнату, под благовидным предлогом пригласить в город или просто посидеть у него, поболтать? Все-таки после гибели Дымши их осталось двое. С остальными обитателями замка близко познакомиться не удалось — начальник абверкоманды строго соблюдал заповеди адмирала Канариса. Всякое общение, не связанное со служебными интересами, тут же пресекалось. Впрочем, здесь никто и не тянулся к общению — каждый был сам за себя и сам по себе.

Владимир Иванович знал о группах украинских и белорусских националистов, профанпистски настроенных бывших польских офицерах, с которыми не разрешали общаться даже Марчевскому. Видел он и «специалистов»

по Прибалтике. Но каждый из них держался обособленно, питались все в разное время и жили в разных местах — благо замок изобиловал пристройками, запутанными коридорами, в некоторых из них стояли часовые немецкой охраны.

Ну что даст посещение комнаты Выхина? Если тот на месте — может привязаться с разговорами, полными намеков и прощупываний, когда приходится следить за каждым сказанным словом, а если его нет, то это ничего не изменит в планах Тараканова на сегодняшний день. Черт с ним, с Выхиным!

Выкурив сигарету, Владимир Иванович начал переодеваться. Снял костюм, надел темный джемпер и плотную куртку, обулся в мягкие, но крепкие ботинки. Из тайничка, устроенного рядом с умывальником, достал трофейный парабеллум, загнал в ствол патрон и поставил пистолет на предохранитель. К подкладке куртки загодя был пришит косой карман — туда он и сунул оружие. Под рубашками, на полке шкафа, лежали ключи от машины Шмидта — никакого мошенничества, только ловкость рук Тараканова и прекрасное владение слесарным инструментом сторожа костела — вот и копия ключей.

«Хорошо, что уехал Викентий, — подумал Тараканов. — Но все равно ему придется пережить неприятности после моего ухода. Правда, в связи с его отсутствием, да еще вместе с Ругге, будет меньше подозрений».

Ну вот, вроде бы все собрано, даже фотоаппарат-лейка с миниатюрной магниевой лампой-вспышкой, работающей от батареек, пристроен за пазухой. Присесть на дорожку на стул, еще раз мысленно проверить будущий путь... Пора!

Выйдя в коридор, он осмотрелся — никого. Множество раз он проделывал этот путь в ночной тишине, нарушаемой лишь перекличкой охраны да бликами от света прожектора, шарящего по стенам здания и прилегающему парку. Сколько же раз он неслышно выскальзывал из дверей комнаты, чтобы положить записку в тайник за деревянной обшивкой стен коридора и досконально изучить все закоулки замка, особенно тот, в подвале. Теперь туда!

О неудаче думать не хотелось — не имеет на нее права. Все подготовлено, выверено, многие люди рисковали собой для того, чтобы он смог сделать необходимое. Неумолимо бежит по кругу секундная стрелка. Ксения, на-

верное, уже выехала на велосипеде к месту встречи. Покинул халупу скрывавшийся под личиной сторожа костела Гунн. Он знал его недостаточно хорошо. В свое время им довелось вместе учиться на разведфакультете академии, на разных курсах. Кто мог предположить, что судьба сведет их через столько лет в оккупированной немцами Польше? Теперь он останется здесь, а Тараканову надо выполнить задание и вернуться. Обязательно вернуться. Его очень ждут дома.

Вот и ступени лестницы, ведущей в подвал. Три месяца назад он писал здесь показания, запертый в чисто выбеленной камере. Сейчас она пуста, а снова попадать туда просто нельзя.

Хорошо, что никто не встретился по дороге, а в полутемный коридорчик за лестницей мало кто заглядывает, кроме Шмидта.

Владимир Иванович быстро сбежал по ступенькам вниз, прислушался. Тихо, за ним никто не идет. Пройдя до конца коридорчика, он начал шарить пальцами по стене. Есть — под нажимом пальцев подалась в сторону потайная заслонка, теперь надо просунуть руку в образовавшееся отверстие и, нащупав побольше колесико, повернуть его против часовой стрелки.

Часть стены поползла в сторону, открывая проход. Владимир Иванович проскользнул в него, и стена встала на место.

Он очутился в помещении с нештукатуренными стенами. Прямо у его ног начинались ступени винтовой лестницы, ведущей наверх. Именно отсюда Шмидт тайком проникает в кабинет Ругге. Если бы Алоиз Дымша не торопился, а внимательно наблюдал, сопоставил результаты наблюдений и проанализировал факты, то ему не пришлось бы вскрывать одну за другой двери приемной и кабинета. Но Дымша об этой винтовой лестнице не знал.

Тараканов начал тихо подниматься по ступеням. Путь назад был теперь полностью отрезан. Не станешь же рассказывать басни абверовцам, если тебя тут обнаружат?

Винтовая лестница привела к маленькой площадке с обитой сталью дверью. Толкни ее — и открыт путь в святая святых начальника абверкоманды Генриха Ругге.

Переведя дух и вытерев испарину на лбу, Владимир Иванович протянул руку и нажал ладонью на сталь обшивки. Дверь не поддалась. Она была заперта изнутри.

...Ксения не торопилась — до встречи оставалось достаточно много времени, но девушка привыкла приходить заранее, чтобы осмотреться на месте, освоиться с обстановкой, «вписаться» в нее, стать неприметной для постороннего глаза. Сторож и Владимир Иванович относились к этому неодобрительно — они полагали, что на место встречи надо приходить не раньше и не позже назначенного — секунда в секунду и, если объекта контакта нет, немедленно уходить. Но разве можно предусмотреть все на свете, полагала девушка. Она надеялась на удачу и собственную наблюдательность — проедет на велосипеде мимо перекрестка, куда должен добраться Тараканов, свернет в переулок, а потом снова выедет туда же. Может быть, ненадолго остановится, будто бы проверить шину велосипеда. Что здесь подозрительного? Зато многое успеешь увидеть.

Солнышко ласково пригревало ей спину, встречный ветерок развеивал пушистые волосы, ноги легко крутили педали. Мелькали мимо дома, прохожие, редкие трамваи и автомашины.

Вот и нужный перекресток. Ксения замедлила ход велосипеда, незаметно поглядывая по сторонам. Вроде бы все как обычно: старый поляк сидит в будке, продавая газеты, молодой парень клеит на стену дома новые распоряжения городских властей, скучает за ящиком мальчишка — чистильщик обуви. Наверное, еще не заработал сегодня ни гроша.

Девушка остановилась, слезла с велосипеда, держа его за руль, подошла поближе к расклейщику афиш. Хороший предлог задержаться на несколько минут.

... — Долго она собирается там торчать? — недовольно буркнул мужчина, наблюдавший за Ксенией из машины.

— Не спешите... — хмыкнул второй. — Жизнь так коротка.

— Она приехала на место, — утвердительно сказал третий, сидевший за рулем.

— Придется ее отвлечь... — первый взял за ручку дверцы, намереваясь выйти.

— Внимание, она уезжает, — остановил его водитель.

— Appetитная бабенка... — хихикнул второй, доставая пистолет и передергивая затвор. — Поехали, чего ждем?

...Этого следовало ожидать. Уезжая, Рутге не мог оставить свободного доступа в кабинет. Но Рутге не мог и

держат эту дверь постоянно открытой для тайных посещений его Шмидтом. Значит, дверь должна каким-то образом открываться и с этой стороны? Спросить бы у гауптмана, но он вряд ли поделится своими знаниями. Придется поискать самому.

Владимир Иванович быстро и тщательно начал изучать поверхность стальной обшивки. Ага, один винтик светлее остальных, похоже, что его часто крутят. Попробовать?

Вскоре на его ладони лежал короткий винт, закрывавший отверстие замочной скважины. Достав тонкую стальную отмычку, Тараканов запустил ее в отверстие. Замок слабо щелкнул, дверь подалась. Так просто?

Аккуратно поставив на место винт, он захлопнул за собой обитую сталью дверь. В тамбуре было темно, но впереди, на расстоянии вытянутой руки, виднелась светлая щель — видимо, вторая дверь, скрытая книжными полками внутри кабинета подполковника, неплотно прикрыта. Сделав шаг вперед, он прищелкнул к щели глазом. Кабинет был пуст.

Владимир Иванович вошел в него со смешанным чувством нетерпения и настороженности. Первым делом проверил, заперта ли дверь, ведущая в приемную. Заперта, и из-за нее не доносится ни звука. Окна можно не завешивать: на улице день, светит солнце. Так, теперь сейф. В нем, как утверждает Марчевский, ложная картотека — он убедился в этом, собирая с пола таблицы в ту ночь, когда поймали Дымшу. Но где настоящая? Если абверовец доставал из сейфа настоящую картотеку для совместной работы с паном Викентием, то, значит, он прячет ее недалеко, но весьма надежно. Иначе тяжело все время ставить одни карточки утром, другие вечером, а немцы педанты, аккуратисты и рационалисты. Не доверяя сейфу настоящие тайны, Ругге должен доверить их другому хранилищу, с его точки зрения, более хитроумному и надежному. Но во время посещения подполковника на его квартире Марчевский не видел на связке второго сейфowego ключа — там был только ключ от внутренней двери выставленного напоказ огромного стального ящика на львиных лапах.

Книжные полки! О них говорил сегодня Марчевский. Сторож не зря нашел возможность поговорить с одним из старых прихожан, отец которого строил имение Пилецкого, вернее, перестраивал в конце прошлого века. Пан Пилецкий был человеком не бедным и с большой

выдумкой. Именно старый прихожанин за кружкой пива поведал сторожу о потайных лестницах, скрытых комнатах, приведениях и прочей дребедени, которую он еще мальчишкой слышал от отца. Привидения и призраки — это лирика, а вот потайная лестница действительно нашлась, спасибо за подсказку. Должны быть и скрытые комнаты или хитро устроенные сейфы. Скорее всего Рутге обнаружил такое место и использовал его, спрятав концы в воду — никаких документов по архитектуре, планировке замка в архивах городской управы не имелось: изъяли абверовцы. Об этом сообщил Тараканову сторож.

Но если нет ключа, должна быть весьма хитроумная механика, не дающая возможности постороннему проникнуть к секретам — иначе Рутге не доверил бы ей тайны картотеки.

Владимир Иванович начал одну за другой методично обследовать книжные полки. Стеллажи с книгами поднимались до самого потолка, украшенного затейливой лепниной. Нижние и верхние полки он решил пока не брать в расчет, а сосредоточить внимание на тех, что были на уровне человеческого роста — так удобнее открывать потайное хранилище, — трудно представить себе, что человек будет делать это стоя, на кодулях или сидя на кресле... Стоп! Сидя на стуле?! Вот она, первая хитрость! Бывший хозяин имения, затеявший его перестройку, — старый Пилецкий, как его называли в городе — был инвалидом-паралитиком и передвигался только сидя в кресле! Об этом многие уже забыли — сколько лет прошло, а последний хозяин имения, молодой Пилецкий, был мужчина хоть куда. Владимиру Ивановичу довелось как-то видеть его портрет — бравый польский помещик с седыми усами.

Искать надо ниже. Старый Пилецкий все делал для себя, а после него вряд ли стали переделывать.

На одной из полок Тараканов заметил край вылезшего шнура проводки, две медные жилки в изоляционной оплетке. Вторая хитрость? Сигнализация? Проводка была сделана на совесть, хорошо замаскирована, но старое дерево, видимо, не выдержало скрепки крепления провода, и его кусочек, свесившийся наружу, был виден. Достав нож, Владимир Иванович тщательно перерезал сначала одну медную жилку, отогнул в сторону отрезанную часть провода, потом перерезал вторую. Теперь сигнализация сработать не могла. Резать сразу весь провод было нельзя — лезвие ножа могло замкнуть цепь.

Следуя за проводом, как по нити Ариадны, можно отыскать тайное хранилище. Оно обнаружилось в третьей секции стеллажа — провод шел именно туда. Нащупав на боковой стенке полки медное колечко, Тараканов безуспешно пытался повернуть его, пока не догадался потянуть вниз. Полка бесшумно скользнула в сторону, открыв гладкую стальную дверцу. Замочной скважины на ней не было — только витая ручка.

...Ксения свернула в переулок. Теперь сделать круг — и можно снова вернуться на условное место. Скорее бы проехать — дома разбиты, прохожих почти нет, а сзади раздался шум приближающегося автомобиля. На машинах ездили преимущественно немцы. Такая встреча не может сулить ничего хорошего.

Она оглянулась. Черный опель шел на средней скорости — пожалуй, можно успеть проскочить до конца переулка и вырваться на оживленную улицу.

Что-то тупое сильно ударило ей в спину, и Ксения упала с велосипеда. Звук выстрела она не услышала.

Опель резко затормозил рядом с телом девушки. Колесо велосипеда еще бесшумно вращалось, взблескивая на солнце спицами.

— Закиньте таратайку в развалины, — приказал водитель. — Не копайтесь!

Двое мужчин, выскочивших из машины, ловко делали свое дело. Один схватил велосипед и быстро скрылся с ним за стеной разбитого дома, второй сноровисто завернул тело девушки в грубое солдатское одеяло и потащил к машине.

— Куда в салон! — раздраженно заорал на него водитель. — Открой багажник...

Когда вернулся мужчина, уносивший велосипед в развалины, уже почти ничто не напоминало о произошедшей здесь скоротечной трагедии. Только пятна крови на асфальте.

— Лопату взяли? — отряхивая брюки, буднично поинтересовался вышедший из развалин.

— Взяли, — ответил водитель. — Иди звони шефу, пусть ставят людей на перекресток...

И черный опель рванул с места.

...Новая загадка. Владимир Иванович осторожно потрогал ребристую поверхность ручки. Попробовать по-

вернуть? Или ее тоже надо тянуть вниз, как медное колечко па боковине полки?

Ручка повернулась. С ее поворотом пошел назад весь стеллаж, открывая доступ в небольшую комнату без окон, узкую и высокую. Тускло блеснули медные контакты сигнализации, укрепленные на косяке.

«Срабатывает при открытии потайной двери, и тут же прибегает охрана... — понял Тараканов. — Прибежала бы, если не отключить...»

В комнате стояли стальные шкафы с выдвижными ящичками. Вот она, настоящая картотека. Отсюда Ругге выносил нужный ящичек и работал с ним, а потом снова ставил на место. Замки на стальных шкафах были несложные, и Владимир Иванович быстро справился с первым. Открыв дверцу, он выдвинул ящичек и тихо присвистнул. Тесно уставленные карточки заполняли его плотной массой.

«Да тут работы на несколько суток... — ошарашенно подумал он. — Где же сводные таблицы?» Его внимание привлек плотный лист бумаги, стоявший первым в картотеке. Он вытащил его и развернул.

Да, немцы педанты и аккуратисты. Этот раздел картотеки сведен в таблицу с тщательно заполненными графами. В некоторых были уже вписаны расшифрованные сведения. Хорошо, это есть здесь, а в других ящичках?

Он начал выдвигать один за другим мягко скользящие на хорошо смазанных полозках стальные ящички хранилища. В каждом, с чисто немецким педантизмом, в начале стопки карточек были выставлены сводные таблицы.

Торопливо приготовив фотокамеру к работе, он начал переснимать одну сводную таблицу за другой. Через полчаса работа была закончена. Старательно приведя все в прежний вид, Владимир Иванович подошел к двери потайного хранилища, собираясь выйти из него в кабинет, а оттуда...

Но то, что он увидел, заставило его замереть на месте. В трех шагах от Тараканова, широко расставив крепкие ноги в ярко начищенных сапогах, стоял гаушман Шмидт, подняв автомат.

— Ну, что же вы, господин Тараканов? — издевательски ухмыляясь, гаушман повел стволом. — Выходите, прошу вас.

...Пан Иероним стоял в алтаре, безмолвно глядя на ожидавших его проповеди редких в это смутное время прихожан. Он слышал, как, взвизгнув тормозами, остано-

вились на улице прямо напротив дверей храма, его храма, где он служил богу много лет, машины немцев. Сторож не обманул: они приехали. Успел ли он сам уйти? Наверное, успел. Этот человек нравился пану Иерониму, и священник хотел, чтобы ему повезло. Что же, сейчас каждый борется как может. А что может он, старый немощный человек, который давно встречает новый день как дар божий. Природу никому не дано обмануть — годы берут свое. Он задержался на этом свете дольше сверстников, много дольше. Видно, пан бог дал ему долгие лета, чтобы он увидел то, что пытаются сделать люди в мышино-зеленых мундирах и черной униформе с его страной и народом. Горько уходить, оставляя родную землю в час тяжкого испытания. Но он готов. Готов сделать то, что в его силах. Он и так успел сделать пусть и немного, но полезное делу освобождения Польши. Помог людям, с оружием в руках борющимся за это. Мечталось справлять свадебные обряды, крестить розовых младенцев — все равно каких — завернутых в тонкое кружевное полотно или в простую ткань. Это были бы новые граждане его страны. Видно, больше не будет этого для старого ксендза костела святого Рафаила. Не будет...

Что же, он сделает так, как задумал. И если молва об этом пройдет среди людей, то он не зря прожил долгую жизнь. Не зря.

Пан Иероним начал проповедь. Краем глаза он заметил, как в костел вошли несколько немцев — часть из них остановилась около дверей, трое пошли по проходу между скамьями в его сторону. И голос старика окреп, словно к нему вернулась молодость.

— Не к смирению и милосердию должен призывать пастырь с амвона в сей тяжкий час для страны, но к оружию! Все, кто способен взять его в руки, обязаны сделать это, дабы уничтожить исчадия ада, пришедшие на землю наших отцов. Земля наша воинет об отмщении! И я призываю кары небесные и земные на головы этих людей... — он указал рукой на идущих по проходу немцев. Все прихожане невольно обернулись. — К оружию и борьбе зову я вас!

Грохнул выстрел, и старый ксендз неуклюже осел на пол, безжизненно раскинув старческие руки с набухшими венами.

...Обер-фюрер Бергер знаком подозвал Клюге к машине.

— Сторожа нашли?

— Пока нет, господин обер-фюрер. Ищут. Ксандза пришлось пристрелить за открытые призывы к вооруженному сопротивлению.

— Глупо... — пожевал сухими губами Бергер, но так и не уточнил, что именно он имел в виду. — Немедленно изолировать прихожан. Всех, кто был в костеле. Ищите сторожа!

Клюге убежал передавать распоряжения.

Обер-фюрер откинулся на спинку сиденья и жестом приказал шоферу трогать. Что-то происходило не так, как он рассчитал и спланировал. Незаметно для глаза произошел сбой, и теперь явственно вылезают последствия. Где и как это случилось — анализировать будем потом, не сейчас, когда надо завершить начатую операцию. Если бы абверовцы не сунулись с докладной! Но что толку теперь сетовать, расналяя себя пустым, не находящим выхода гневом? Захочет ли понять Этнер, как трудно, практически невозможно перекраивать уже начатую операцию, если твои действия буквально обрывают на середине, как школьный учитель, придирающийся к ученику, прерывает его ответ ядовитыми замечаниями, заранее готовясь поставить неудовлетворительный балл.

Бергер был больше чем уверен, что люди гауптштурм-фюрера нигде не найдут сторожа — тот ушел. Его теперь надо будет долго нащупывать, подводить нужных людей, строить хитроумные ловушки. Да, хитроумные, потому что имеешь дело с опытным противником, причем в чужой стране, с враждебно настроенным населением. Есть одна нитка — Марчевский! Но абверовцы сейчас вцепятся в него, как грешник в индульгенцию, отпускающую грехи, подписанную самим папой римским, и никого постараться даже близко не подпустить к поляку. Он их козырь — все для скорейшей победы вермахта! Ну ничего, Бергер постарается внушить группенфюреру Этнеру нужные мысли о политическом аспекте разработки, вернее, о необходимости ее продолжения. Если тот согласится с приведенными доводами, то господам военным придется в конце концов немного уступить. А для СД достаточно сунуть хотя бы один палец в щелку, а там...

Машина въехала в ворота, миновала двор и остановилась у крыльца. Обер-фюрер поднялся по лестнице, отдал фуражку и перчатки встретившему его Канихену.

— Из замка никаких новостей? — проходя в комнаты, поинтересовался он.

— Пока пот... — Канихен услужливо поднес зажженную спичку к сигаре усевшегося в кресло шефа.

Лениво покачиваясь в кресле-качалке, Бергер поймал себя на мысли о том, что, пожалуй, впервые не знает, каких новостей следует ждать из конюшни Рутге, особенно в свете последних событий.

... — Смелее! — свой призыв, обращенный к Тараканову, гауптман Шмидт подкрепил красноречивым движением автоматного ствола.

Владимир Иванович перепитительно переминался с ноги на ногу. Пока он стоит здесь, полускрытый дверью потайного хранилища, Шмидт не будет стрелять, но стоит выйти, как окажешься сплошной мишенью. Чего он хочет? Арестовать человека, пробравшегося в святая святых абверкоманды, или в голове гауптмана созрели иные замыслы? Если арест, то почему он один, почему не позвал солдат охраны? Зачем так рискует? На случай его появления не похоже. Иначе зачем, отправляясь в кабинет начальника, расположенный внутри охраняемого здания, брать с собой заряженный автомат?

— Гарантируете жизнь? — решил протянуть время Владимир Иванович, лихорадочно ища выхода. Хорошо, что он почти полностью скрыт массивной дверью с укрепленными на пей книжными полками. Шмидту не видно движений его рук. Правая рука Тараканова медленно поползла к косому карману на подкладке куртки, стянутому тяжестью парабеллума.

— Не стоит торговаться, выходите! Или будете дожидаться солдат охраны, сидя взаперти?

«Блефует, — понял Тараканов. — Не знает, что дверь открывается и изнутри. А может быть, это я не знаю, как ее запереть снаружи?»

Рука уже добралась до кармана, нащупала рубчатую рукоять пистолета и, скользнув по затвору, сняла его с предохранителя.

— Стреляю! — предупредил гауптман, поудобнее перехватывая автомат.

В этот момент, скрипнув, открылась дверь кабинета. На пороге стоял Выхин с оружием в руках.

— Кто? — не оборачиваясь, спросил Шмидт.

— Гауптштурмфюрер фон Бютцов. — Выхин, не скрывая злорадной улыбки, смотрел на открывшуюся ему сцену.

— Позвоните в караульное помещение, — не опуская автомата, попросил абверовец.

Выхин-Бютцов подошел к столу, переложил пистолет в левую руку, бросил беглый взгляд на сейф. Сомнений не было: Тараканов добрался до настоящей картотеки, а ложная осталась нетронутой. Помрачнев, он снял трубку телефонного аппарата.

— Этот городской... — чуть повернул к нем голову гауптман Шмидт. Мгновения оказалось вполне достаточно. Из-за двери потайной комнаты грохнули выстрелы.

Шмидт рухнул лицом вперед, словно намереваясь боднуть простреленной головой противника. Глухо стукнул выпавший из его рук автомат. Бютцов, опрокинув стул, съехал на ковер сзади стола, пятная его кровью. Снятая телефонная трубка закачалась на шнуре. Держа наготове парабеллум, Тараканов выскочил из укрытия. Кажется, не промахнулся. Оба противника мертвы. Быстро выбежав в приемную, он запер дверь, потом проделал то же самое с дверью кабинета. Теперь закрыть потайную комнату, чтобы встали на место книжные полки, не оставив видимых следов постороннего присутствия, восстановить сигнализацию, оборвать провода телефонов. Скорее, скорее! Если в замке слышали звуки выстрелов, то сейчас под дверями приемной будет дежурный наряд караульного взвода. И еще, нет гарантий, что Шмидт не предупредил о намерениях и не отдал приказа никого не выпускать из замка.

Владимир Иванович склонился над телом гауптмана. Пуля попала тому в левый висок, выйдя над правым ухом. Крови вытекло немного, она почти не зачлкала мундир. С лихорадочной торопливостью обшаривая карманы убитого, Тараканов искал пропуск на беспрепятственный выход из замка. Он должен быть у Шмидта: подполковник Ругге не мог не выдать его ближайшему помощнику.

Пропуск нашелся в боковом кармане — обычная картонка, желтоватого цвета с косой зеленой полосой, подписями и печатями. Не глядя сунув ее в карман, Владимир Иванович шагнул к сейфу. Увез с собой начальники абверкоманды пленки, отснятые Дымшей, или пет? От этого сейчас будет многое зависеть. Шифр замка ему сообщил Марчевский, а ключ от второй двери сделал сторож.

Сейф открылся, легко отперлась вторая стальная дверца. Вот и кассеты, за которые пан Луиз заплатил жезвью, — стоят в нижнем отделении. Если бы он знал,

что переснимает искусно изготовленную кемдами фальшивку.

Скорее, скорее убрать кассеты, запереть сейф. Первую, массивную, дверцу с диском набора цифр и руками дублирующего замка закрывать уже некогда. Надо героизиться, достаточно ее просто прикрыть. У абверовцев будет над чем поразмыслить.

Все, можно уходить. Бросив последний взгляд на кабинет, Тараканов прихватил автомат и, бесшумно открыв дверь, скрытую книжными полками, выскочил в темный тамбур. Нашарив рукой защелку замка, открыл ее, захлопнув за собой обитую сталью дверь, начал спускаться по винтовой лестнице. Вот и выход в темный закуток — отсюда рукой подать до дверей во двор. Но надо спрятать автомат! Не выскочишь же с ним на глазах у всех, особенно у охраны? Пока пристроим под курткой, ничего, что из-под полы торчит конец ствола.

Тихо повернувшись на шарнирах часть стены, он оказался в полутемном коридорчике первого этажа, откуда совсем недавно проник к винтовой лестнице. Было время обеда. В коридоре, ведущем к столовой, слышался гомон голосов. Кто-то, видимо торюясь к столу, оставил светлый пыльник на круглой вешалке около дверей.

Оглянувшись, Владимир Иванович взял его, прикрыв автомат. Теперь во двор, к машине Шмидта.

Обычно свой автомобиль гауптман не ставил в гараж, а держал под навесом во внутреннем дворе замка — всегда направленный бензином, вымытый солдатами опель был готов к любой поездке. С независимым видом пройдя через двор, Тараканов достал ключи, отпер дверцу и сел за руль. Автомат он положил рядом на пустое сиденье, небрежно бросив поверх светлый пыльник. Завел мотор и, дожидаясь, пока тот достаточно прогреется, тронул с места, вырывая к воротам.

...Боль почему-то пришла не от головы, а от ног — как будто по пяткам с размаху ударили сучковатой дубиной. Мир, казалось, качался. Подкатывала к горлу тошнота, радужно кружи в глазах сменялись темными провалами недолгого беспомыслия.

Конрад фон Бютцов открыл глаза. Лесные узоры на потолке качнулись из стороны в сторону. Он попытался их удержать на месте. Наконец это удалось. Осторожно, боясь вызвать новый приступ тошноты и адской боли, он покосился в сторону. Ничего особенного не видно — край большого письменного стола, повисшая на черном шнуре

телефонная трубка, а под ней его пистолет. Он хотел в кого-то стрелять?

Эсэсовец попытался повернуть голову. Застонал, стиснул зубы от мучительной боли, но успел увидеть чьи-то ноги в начищенных сапогах, неестественно вывернутые на залитом кровью ковре. Недавно произошедшие события восстанавливались в памяти, как под действием проявителя появляются на фотобумаге контуры снимка. Главное — не довести себя до темного провала бессмысленности. С трудом приподняв руку, он ощущал голову, потом поднес ладонь ближе к глазам. Она была в крови. Бог мой, неужели он умирает? Нет, не должен — шевелятся руки: ведь смог же он ощупать голову. Значит, ощущение, что волосы слиплись, не обманчиво — просто они пропитались кровью.

Слушаются ли его ноги? Он согнул одну и, упираясь ей в пол, помог себе сесть. Тут же протянул руку за оружием, сдержав готовый вырваться крик от боли в голове. Вдруг Тараканов еще здесь, рядом? Он не пощадит. В кабинете, кроме него и убитого Шмидта, валявшегося на ковре, никого не было. Почему никто не прибежал на выстрелы? Или толстые стены замка сыграли злую шутку — никто не услышал?

Дверца сейфа полуоткрыта. Тараканов? Что он мог искать? Пленки, отснятые Дымшей? Зачем, когда он проник к настоящей картотеке? Правда, об этом знают всего трое, а теперь двое — Шмидт убит. Значит, враг, а Тараканов враг, в этом нет никаких сомнений, не хочет, чтобы абвер догадался о том, что тайна настоящей картотеки известна противнику. Об этом стоит поразмыслить! Но, бог мой, какая же боль в голове!

Держась за край стола, Бютцов с трудом поднялся. Постоял, привыкая к головокружению и дрожи в коленях. Усмехнулся — хорошенький, наверное, у него вид: весь в крови, но с оружием в руках, как и подобает бесстрашному рыцарю СС!

Он поднял телефонную трубку, но привычного гудка в наушнике не было. Проследив за проводом взглядом, он увидел, что тот оборван. Пошатываясь, гауптштурмфюрер добрал до окна, оперся о широкий подоконник и посмотрел во двор.

Солдат охраны поднимал полосатый шлагбаум — из ворот выезжала машина, принадлежавшая убитому Шмидту. Тараканов! Только он мог ею воспользоваться. Конрад поднял было руку с парабеллумом, намереваясь

разбить оконное стекло, закричать. Потом понял, что его могут не услышать. Лучше выстрелить...

Но машина уже выехала за ворота. Он опоздал. Обернувшись, Бютцов увидел отражение в зеркале, укрепленном на стене, — слипшиеся волосы, потеки крови на щеке, бледное лицо с прыгающими губами. Почему не выстрелил? Почему? Но, может быть, так лучше, может, не все еще потеряно, если о том, что произошло, знают теперь только двое — он и Тараканов?!

Куда тот может направиться — туда, где он так неожиданно исчез? Нельзя ему дать уйти!

Эсэсовец подошел к шкафу, в котором стояли винтовки. Провел рукой по стеклу, потом грохнул по нему рукоятью пистолета. Со звоном посыпались осколки. Вытащив одну из винтовок, он торопливо отыскал на полочке оптический прицел. Где патроны, где?!

Патроны нашлись в нижнем отделении шкафа. Не глядя сунув в карман нераспечатанную пачку, Кошрад пошел к двери. Какое счастье, что Тараканов промахнулся. Выпущенная им пуля только скользнула по черепу, разорвав кожу и контузив гауптштурмфюрера. Кровь? Она его, видно, и спасла. Увидев его в крови, Тараканов не стал стрелять еще раз, посчитав мертвым. Ну это еще поглядим, кто сегодня доживет до вечера.

Фон Бютцов торопился. Он знал, что должен сделать. Теперь вступал в силу его собственный план действий.

...Держа руль одной рукой, Владимир Иванович выгтер выступивший на лбу пот. Удалось, удалось вырваться из чертовой западни с толстенными каменными стенами, клинащей солдатней. Будет ли теперь легче? Надо торопиться на место встречи с Ксепией. Она, наверное, уже приехала на перекресток, ждет, волнуется, строит догадки, почему его до сих пор нет.

Непроизвольно он сильнее нажал на педаль газа. Опель рванулся вперед.

Отдать ей кассеты, отогнать машину, добраться до запасной явки и ждать, пока переправят домой. И тогда долгой надоевшую личину человека с чужим прошлым — белогвардейского эмигранта Владимира Тараканова. Можно снова стать самим собой — капитаном Красной Армии Автоном Волковым. Приехать в Москву, прийти домой, в большую и шумную квартиру, где живут несколько поколений Волковых. Поставить в прихожей под висящим на стене велосипедом чемодан, сесть за стол, держать в ладонях мамыны усталые руки, Потом смотреть,

как колдует над кастрюлей с супом аккуратно причесанная седая тетя Даша — мамина сестра. А может быть, улечься на диван, и пусть ползают по тебе племянники-погодки Сережка и Павлушка.

Он улыбнулся, поправил зеркало заднего вида, внимательно посмотрев на дорогу сзади. Никого.

Вот и город. Улицы побежали стремительно, сразу сжав дорогу фасадами домов, замелькали вывески, редкие прохожие, разбитые кварталы. Подъезжая к условленному месту встречи на перекрестке, он сбросил скорость. Где Ксения? Она должна быть здесь. Но девушки не видно. Проехать мимо, а потом снова вывернуть на перекресток.

Воп, у стены с наклеенными объявлениями, кажется, стоит девушка с велосипедом. Ксения? Такое же платье, ее привычка чуть склонять на бок голову, когда читает. Она?

Уже почти поравнявшись с девушкой, он понял, что ошибся. И почему здесь вдруг оказалось так много мужчин — трое усиленно делают вид, что читают объявления, один чистит обувь у мальчишки, другой стоит у киоска продавца газет, еще двое появились из-за угла.

Засада! — обожгла внезапная догадка. Что же случилось с Ксенией? Хорошо, если она еще не успела приехать... А Гунн? Нет, тот точен, как швейцарские часы, — должен быть уже на запасной явке. Но к нему нельзя, ни в каком случае. Нельзя теперь и на ту явку, куда он должен был прийти после передачи материалов Ксении. Неизвестно, что случилось, почему здесь его ищут. Надо выбираться самому... Они, наверное, подождут, пока он выйдет из машины и подойдет к лике Ксении, стоящей к нему спиной. А по условиям встречи девушка должна была его ждать у края тротуара. Нет, газу — и вперед. Как только он переключил скорость, сзади треснул выстрел. Пуля прошила стекло рядом с его головой, оставив маленькую дырку и покрыв стекло сетью мелких трещин, словно узорами от сильного мороза.

Только бы не пробили скаты! Если спустит шина, далеко не уйти, а ему надо вырваться из города. Обязательно вырваться.

Опель понесся по улице, ловко увернувшись от выскочившего наперерез мотоцикла с коляской. Волков прибавил скорость и взглянул в зеркало. Сзади неслись мотоциклисты,

Резкий поворот, еще один, теперь выжать из машины гаутмана все, на что она только способна. Ну! Мотоциклисты не отставали. Один, правда, перевернулся на повороте, войдя юзом, и врезался в стену.

Только бы не пробили скаты, не выкатили поперек дороги тяжелый грузовик, который ни протаранить, ни объехать...

Один из мотоциклистов опасно приблизился. Не выпуская баранку, Волков одной рукой открыл боковые стекла. Если будут стрелять, то осколки не поранят лицо!

Нащупав автомат, он немного притормозил и дал пару очередей прямо через заднее стекло. Первый из мотоциклистов ткнулся головой в руль, сидевший в люльке автоматчик не успел выпрыгнуть. Развернувшись поперек улицы, они мешали проехать остальным. Он дал по скучившимся немцам еще одну очередь. В ответ по кузову спела зацелкали пули, в салоне засвистел ветер.

Вырваться из города — вот что сейчас пужно. Любой ценой вырваться! В сторону границы они его не пустят — там наверняка дороги перекрыты шлагбаумами, усиленными патрулями фельдьяндармерии и солдат комендатуры. Тогда к лесу. Пока он цел и жив, пока у него есть оружие, им не удастся его взять.

Поворот, еще поворот. Вот оно, чего он так опасался. Впереди, загораживая проезд, выноля из-за угла огромный бюссинг с поднятым над кузовом брезентовым тентом. Хотят размазать об него, давя сзади мотоциклистами?

Вывернув руль, он резко свернул в открытые ворота двора высокого дома. Лопнуло стекло фары, разбитое о столб.

Как в бешеном калейдоскопе, промелькнули мимо веревки с бельем, с визгом шарахнувшиеся в сторону обитатели двора... Выбив бампером и решеткой радиатора воротца из тонкого штакетника, опель выскочил на параллельную улицу.

Подтянув ближе автомат, Волков выставил его перед собой и дал очередь по пытавшимся загородить ему дорогу мотоциклистам. Не снижая скорости, проскочил мимо них, чудом избежав столкновения. Куда теперь? Налево? Машина послушно повернула. Он еще прибавил скорость. Сзади вновь, как привязанные, болтались мотоциклисты, наверное, уже другие.

Теперь направо и еще раз налево. Покрышки взвизгивают на поворотах, оставляя на мостовой резкие черные

следы, — только бы не лопнули! Ведь осталось совсем немного, чуть-чуть!

Сзади полоснула очередь, пробивая жесть кузова, вырывая клочья обшивки сидений. Он пригнулся. Пока не задело, надо и побережься. Хотя какая защита от пуль мягкие сиденья опеля и его кузова из тонкого железа?

Больше сворачивать некуда — дорога ведет через пригороды к лесу. Правда, не в сторону границы, но теперь не это важно. Лес его не выдаст, укроет, поможет оторваться от погони, в нем можно отсидеться некоторое время, а перейти границу для него, изучившего ее как свою ладонь, с этой, немецкой, стороны будет не так сложно. Только выбрать подходящий момент. О, если бы у него были гранаты!

Шлейф пыли, поднятый колесами опеля, скрыл из глаз преследующих мотоциклистов. Но тонкая, желтоватая пыль заскрипела на зубах мельчайшими песчинками, начала лезть в глаза, в нос, вызывая неудержимое желание чихать и мешая смотреть на дорогу впереди. Неожиданно сзади хлопнуло, баранка рванулась из рук, машину повело в сторону. Скорость упала.

«Пробили шину», — понял Волков.

Жуя и сминая спустивший скат, опель, словно из последних сил, рванулся к кустам на обочине.

На ходу сдвинувшись на сиденье рядом с местом водителя, Волков распахнул дверцу, вывалился из машины и, вскочив на ноги, кинулся в кусты, с треском ломая покрытые пылью ветки. Вслед хлестнули автоматные очереди.

Потерявший управление опель осел на бок и ткнулся бампером в кювет. Почти невидимые в ярком солнечном свете бледные язычки пламени побежали по кузову, потом ухнуло, и столб огня взметнулся высоко вверх.

Мотоциклисты широкой дугой обтекали горящую машину, выстраиваясь в линию перед деревьями. Затрещали автоматы.

Из тучи поднятой над дорогой пыли вынырнул грузовик. Из кузова посыпались солдаты, откинули задний борт, выпуская рвущихся с поводков овчарок.

— Лос, лос! Шнеллер! — кричал обер-лейтенант в фуражке с высокой тульей.

Быстро распустив длинные поводки, проводники пустили собак, кинувшись в гущу леса. Стуча сапогами, побежали солдаты. Несколько мотоциклистов, оставив ма-

шины, бросали саперными лопатками землю на догорающую ослепь.

...Бютцов решил ждать Тараканова у костела, стоящего на краю сгоревшей деревни: в разрушенном здании храма его враг сумел скрыться один раз. Значит, он придет туда снова.

Из головы у Конрада не выходил мужчина в сером ватнике, появившийся на краю оврага с чужой стороны границы. Определенно между ним и Таракановым есть какая-то связь. Довести эту мысль до логического конца мешала жуткая боль в раненой голове. Он даже не позволил себе перевязать, досадливо отмахнувшись от фельдшера, прибежавшего к караульному помещению. Так и поехал, выведя машину из гаража и бросив на сиденье винтовку с оптическим прицелом. Он убьет Тараканова, как только тот появится у костела. Всадит в него всю обойму, пулю за пулей, пока не перестанет дергаться его тело, а потом, для контроля, — из парабеллума пулю в затылок.

Враг должен умереть, потому что с ним уйдет и тайна поражения Конрада фон Бютцова, гауптштурмфюрера СС. Когда Тараканов умрет, только один Конрад будет знать о том, что чужой разведке удалось добраться до картотеки. До настоящей картотеки! Шмидт уже ничего никому не расскажет. Ему самому, Конраду, рассказывать тоже ни к чему. В противном случае прощай все: карьера, служба, черный мундир с серебряными позументами и одним витым погоном на плече, страх окружающих... Что его может ждать? Разжалование, концлагерь или просто неожиданный выстрел в затылок? Ничего из этого набора его не прельщало.

Правильно гласит народная мудрость — знают трое, знает и свинья! Теперь знающих тайпу только двое, и один из них должен обязательно умереть. И это будет только Тараканов!

«Он хочет остаться один на один с тайной, — скривил губы Конрад, сворачивая к проселку, ведущему в направлении сожженной деревни. — Но провидение рассудило иначе. То, что я жив, не перст ли божий, указывающий мне путь?!»

Машина, мягко переваливаясь на вылезших на дорогу толстых корнях и иногда пробуксовывая в рыхлом песчаном грунте, шла по проселку. Пришлось скинуть скорость, как не одолевало нетерпение.

«В городе Тараканова не возьмут, — продолжал размышлять фон Бютцов. — Он ловок, как обезьяна, и увертлив, как уж. Да и зачем ему в город? Если и поедет, то только, чтобы сбить со следа. Скорее всего так и будет. А потом он обязательно появится у костела. Или я окопательно проиграл! Даже Бергер не сможет помочь, если станет известна правда о картотеке».

Не доехав до знакомой опушки с полсотни метров, Конрад остановился, дав задний ход, загнал машину в кусты и, прихватив винтовку, пошел торопливым шагом к пригорку, с которого совсем еще недавно он смотрел в бинокль на сопредельную сторону.

Выбрав позицию, он нетерпеливо разорвал картон патронной пачки, зарядил винтовку и проверил сектор обстрела. Да, отсюда он достанет и до костела, и до оврага на той, русской стороне. Оптика прицела с тонкой черточкой крестика бросила видотную к глазам цербатый кирпич стен разрушенного храма.

Загнав патрон в ствол, он изготавился к стрельбе. Теперь ждать и надеяться на правильность расчетов. Только один точный выстрел, и все будет представлено совсем в другом свете. Враг получил ложную картотеку ценной жизни Шмидта и ранения его, фон Бютцова. Операция, спланированная СД, успешно завершится. Стоит немного отдохнуть, потому что после выстрела надо будет добежать до тела Тараканова и тщательно обыскать его, чтобы вовремя взять все то, чего не следует видеть посторонним глазам.

...Глухой и пока еще далекий собачий лай подстегнул его. Собаки — это очень плохо! Где-то здесь должен быть ручей — побескать по воде, а потом выбраться на берег? Нет, но имеет смысла — собаки пойдут верхним чутьем, а он только потеряет время и скорость. Осталось немного: километр или два, а там сожженная деревня, костел, ступеньки спуска в подвал, пол из чугунных плит, под одной из которых вход в дренажную систему. Там спасение...

Усыпанная прошлогодней хвоей земля заглушала звук его бега, мягко пружинила под ботинками, словно помогая ему бежать еще быстрее. Автомат Волков не бросил, хотя патронов осталось не так много. Хуже всего, если они высадили группы с собаками в нескольких местах и теперь затягивают горловину невидимого мешка, в центре которого бежит он.

Что же произошло с Ксенней? Неужели они все-таки

выследили ее, арестовали и пришли на место встречи, устроив засаду. Предать она не может, в этом Волков был убежден. Значит, выследили! Бедная девочка — первое задание оказалось для нее последним. Уцелел ли Гуин? Теперь все надежды на него...

Собачий лай раздался где-то справа. Надо поторопиться. Ноги заработали еще быстрее. На мгновение почувствовалось, что он бежит на тренировочном кроссе, по Измайловскому парку, по тропинке под лиственными деревьями, которые, как рассказывали, посажены еще Петром I.

Впезанию он понял, что к костелу ему не успеть, как ни торопиться. Если бы не выследили Ксению, если бы не подбили его машину... Но зачем теперь думать об этом. Да, да! Тогда было бы все по-другому, а теперь что — помешать в чужом, пусть даже славянском лесу, оставив последний патрон себе и попытавшись захватить с собой как можно больше врагов? Для этого ли он с таким трудом добирался сюда, выходил на связь с Марчевским, искал подходы к картотеке?! Сколько жизней он может сберечь, передав пленки, сколько людей не закончат свой путь пагами и залитыми кровью на чужих полях и в чужих лесах, окруженные гудящими роями жирных, зеленоватых мух, вливающих яд трунами, не упадут в талую воду, не примнут телами спелые колосья, не замерзнут в снегах?! Ради жизни этих людей, поднимающих плугом пласты земли или стоящих у станка, сидящих за партами или в аудиториях, растящих детей и хлеб, он бежит сейчас по лесу. И пусть они даже не подозревают о капитане Волкове, пусть никогда не узнают о нем, он делает это ради них...

Ревизка! — мелькнуло в мозгу. Сторож однажды показывал ему эту сделанную для проверок дренажных коллекторов дыру, в которую можно протиснуться. Но есть ли там проход под костел и еще дальше, в тот небольшой коллекторный зал, где ждет его Семенов?

Риск? Но что остается делать? Остановиться и принять бой или попытаться уйти через ревизионный колодец, так, кажется, он правильно называется. Колодец где-то здесь, неподалеку от ручья.

Резко повернувшись, Волков бросился в сторону. Скорее, скорее! Вот низина, заросшая лопухами и медуницей. Сыро, чавкает под ногами. А если в колодце стоит вода?!

Лай собак был уже явственно слышен, когда он наконец отыскал бетонную опалубку узкой трубы без крышки. На дне темнела стоялая вода, в лицо пахнуло зло-

вонием. Опустив ноги, он взглянул на солнце и, больше не раздумывая, соскользнул по трубе в темноту.

...Проводник оттащил упирающегося пса от узкой бетонной трубы, вросшей в землю среди зарослей болотных трав.

— Что там, ефрейтор? — офицеру не хотелось пачкать сапоги в грязи, он стоял на пригорке, наблюдая, как солдаты рыщут вокруг.

— Наверное, крысы! — воротя нос от идущего из трубы зловонного запаха, ответил солдат. — Ну! — прикрикнул он на собаку.

— Киньте туда гранату... — закуривая сигарету, приказал офицер. — На всякий случай. В эту трубу можно пролезть?

Ефрейтор заглянул в узкий колодец, с сомнением покачал головой. Отцепив от пояса противонехотную гранату на длинной ручке, он кипул ее в трубу и отбежал, потянув за собой собаку.

Глухо ухнуло. Вылетели наверх комья грязи.

...Бютцов устал ждать. Во рту было сухо, словно насыпали на язык наждачный порошок. Нестерпимо болела раненая голова, мелко подрагивали пальцы, сжимавшие цевье винтовки.

Зато он сделал для себя немаловажное открытие — в костеле была засада. Он сумел заметить, как раз-другой мелькнули в проемах окон тени, блеснул металл оружия.

Кто там мог быть? Только люди Бергера — Клюге и Канихел. Они наверняка во всех подробностях доложили ему о прогулке к сожженной деревне. Обер-фюрер стреляный волк, ничего не любит пускать на самотек — уж если затягивать силки, то смертельной петлей. Значит, Конраду надо не только успеть первым убить Тараканова, но еще и обшарить его тело? Почти нереально.

Пожалуй, впервые он страстно желает, чтобы его враг сумел обойти расставленные западни и убраться подобру-поздорову. Если даже будет так, то его хозяева не станут трубить в трубы, бить в барабаны и сообщать по радио об успехах. Разведки молчат, молчат даже тогда, когда проходят многие десятилетия. Молчат как о поражениях, так и об успехах. Все уйдет с Таракановым, если уйдет он сам.

Уйдет? Стоит присмотреть за краем оврага на русской стороне. Может быть, Владимир Иванович агент именно русской разведки, а не английской? Черт возьми, теперь-то какая разница? Мысли и так путаются, болит рана на

голове, а солнце словно хочет выжечь на ней узоры. Конрад прищипнул глазом к окуляру оптического прицела и повернул ствол винтовки в сторону границы. Вот кусты бузины, край оврага. Надо поправить прицельную рамку, прикинуть отклонение пули. Теперь готово.

Сколько он уже лежит здесь, на солнцепеке? Час, два? Время как бы потеряло свой смысл и сгустилось в липкую массу, тянущуюся, как осклизлый след за ползущей улиткой...

Но что это? Над краем оврага появилась чья-то голова, потом плечи. И вот уже виден по пояс человек в знакомом сером ватнике. Фон Бютцов подобрался, пошире раскинул ноги, словно лежал на учебном стрельбище, прищипнул щекой к прохладному дереву приклада винтовки, положив палец на спусковой крючок. Ему явственно представилось, как в желтой гильзе патрона дремлет зеленовато-серый порох, готовый всыхнуть от удара бойка по капсюлю, и сжатые газы вытолкнут из невообразимо длинного ствола с блестящими полями нарезки пулю. В ней, этой пуле, его будущее, его спасение.

Человек в сером ватнике встал на краю оврага, наклонился, подавая руку и помогая подняться другому мужчине, мокрому, грузному, с немецким автоматом в руке. Тараканов!

Конрад не видел его лица, но ему это было уже не нужно. Он узнал бы этого человека среди тысяч других хотя бы потому, что его, да, именно его, предпочла женщина, которая так правилась Бютцову, являясь к нему в свидениях.

Палец эсэсовца, лежавший на спусковом крючке, начал медленно двигаться, выбирая свободный ход.

Вот Тараканов встал во весь рост на краю оврага. Еще мгновение, он скроется следом за женщиной в сером ватнике среди разросшихся зеленых кустов бузины. Выстрел!

Тараканова словно стегнули стальным тросом по пояснице. Он неестественно переломился пополам и рухнул на спину.

Больше Конрад фон Бютцов ничего не успел увидеть. Приклад винтовки стукнул его при отдаче по щеке. Он потерял сознание от боли.

Летит, летит по яркому, голубому небу тонкая, серебристая паутинка; золотом отливают наряд дубков, а спину пригревает уходящее тепло бабьего лета. Наверное, еще держится в лесу ежевика — поздняя осенняя ягода,

почти черная, сладкая, висит она бусинками на колючих, клыкастых веточках. По опушкам есть и румяная, спелая брусника, мелькает красными пятнами в желтеющей траве, а над ней пурпуром пылает в сумраке леса шалфей... Почему-то тянутся косматые туманы, а из них выплывает встревоженное лицо Павла Романовича Семенова. Губы его шевелятся, а слов не разобрать: мешает ветер-листобой, сносит их в сторону.

— Антон! Что с тобой?

Зачем он так волнуется? Хорошо гулять в осеннем лесу, воздух вольный, лес чистый... Только царапаются клыкастые ветки ежевики, да сильно припекло солнцем спину.

— Скорей! Он ранен!

Кто это ранен? Он, Волков? Почему ранен, когда он гуляет в осеннем лесу. Вон тянется по небу журавлиный клип, слышно курлыканье: «Прощай, матушка Русь, я к весне возвращусь».

— Режьте куртку... Скорей! Подгоните ближе машину! Держись, Антон, сейчас мы тебя... — склонился над ним Павел Романович.

А Волков смотрел в высокое, синее небо, на загораживающие его резные листья кустов бузины, казавшиеся на фоне яркой синевы почти черными. Красиво — голубое и черное. И золотые нити. Или это радужные круги в глазах от выходящей из его тела с каждым толчком еще живого сердца крови? Может быть, ее капли почудились ему зрелой брусникой в траве?

Небо качнулось и поплыло, ушли куда-то в сторону резные листья, их сменила прозрачная, невесомая глубина, манящая, звонкая, как тонкий хрусталь.

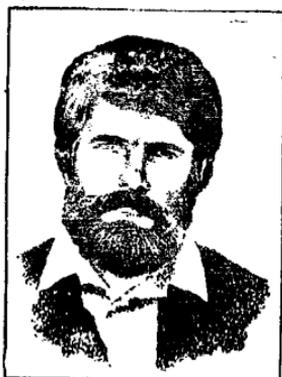
Забежав сбоку, чтобы не мешать пограничникам, которые несли Волкова на шинелях к машине с отрешенно-сосредоточенными лицами, которые бывают только у русских мужиков, когда они делают важнейшую работу на земле — пахут ее, Семенов всмотрелся в лицо раненого, уловив слабое движение его губ, склонился ближе, чтобы услышать:

— Я не умру...

— Конечно, конечно, — заторопился Павел Романович, бережно помогая уложить Волкова в машину. И, вскочив на подножку, скомандовал:

— Давай пулей! Да осторожно же смотри...

Водитель молча кивнул и плавно тронул с места, набирая скорость.

Родился в 1941 году в Щигровском районе Курской области. Работал судосборщиком на судостроительном заводе в г. Феодосии. Статьи Зарубина публиковались в «Учительской газете», журналах «Юность» и «Молодая гвардия».

Владимир ЗАРУБИН

УБИТЬ СКОРПИОНА

Приключенческая повесть

Никто не знал, что это случится сегодня.

Но два человека предполагали возможность явления чрезвычайного и, опасаясь друг друга, уже несколько дней находились в первом ожидании, стараясь скрыть свое напряжение и желая предвидеть и угадать тот кратчайший шаг, отделяющий время обычное от необычного, то критическое мгновение, когда им придется действовать, не раздумывая, потому что в миг тот позади каждого из них развернется пропасть с кратким названием смерть. Непонятная стихийная космическая сила вмешается в их намеренные действия и осложнит противодействие человека человеку, но эти двое, преодолевая себя и природу, сохраняют полярные заряды активности до конца.

Один из них был сержантом конвойно-караульных войск, старшим наряда по охране пятерых заключенных. Рослый, русоволосый, со светлым незапоминающимся солдатским лицом, двадцатидвухлетний сержант, несмотря на то что был на голову выше и двух солдат — подчиненных, — и пятерых заключенных, зрительно как-то терялся среди них и был почти незаметен, отличаясь меланхолической молчаливостью. Но так только казалось со стороны, а каждый из пятерых заключенных, наверное, не раз ощущал, что сержантская мощная фигура синте-

зировалась из воздуха именно в той точке пространства, которая перед этим казалась свободной от всякого присутствия в ней человека. Фигура эта как-будто вырастала из ничего и подавляла волю великоленной невозмутимостью. Происходило это оттого, что сержант никогда не торчал перед глазами у охраняемых, но стоило кому-либо из них оглянуться или посмотреть в сторону, чтобы там увидеть сержанта и ощутить на себе его спокойный взгляд, как холодный луч голубого лазера. Ничего грозного не было в его зрачках, но лучше уж не глядеть, а отвести глаза от этого взгляда. Но может случиться, что, проявив интерес и посмотрев почему-либо в другую сторону, вновь наткнешься на этот голубой взгляд. Сержант перемещался бесшумно и невидимо.

Это отметил во время наблюдений за ним лидер в конвоируемой пятерке заключенных по кличке Скорпион. Смуглое острое лицо его с первыми сухими мышцами было сдержанно спокойно, но чувствовалось, что он вслушивается и всматривается во все его окружающее, как дирижер и композитор перед премьерой концерта, но только играть он будет не с листа, а готовит себя к великой импровизации, последним аккордом в которой прозвучит либо свобода, либо смерть.

На площадке перед входом в штольню заброшенной рудной выработки все остановились, и сержант взглядом показал одному из своих товарищей, где тому занять место для охраны, пока третий солдат, засветивший фонарь, пошел обследовать штольню. Так было положено по Инструкции.

Добыча в этих шахтах была давно прекращена, и местность уже почти потеряла следы человеческого внедрения, заросла травой и кустарником, только перед самым входом в штольню широкая площадка еще не имела почвы для растительности, да в саму штольню была вправлена прочная бревенчатая рама, много лет предохранявшая ее от разрушения. Существовало мнение, что когда-то здесь добывали стратегическое сырье, но то ли иссякли его запасы, то ли были найдены другие, более богатые месторождения и добыча здесь стала невыгодна, — разработки прекратились. Но теперь что-то изменилось и кто-то вспомнил об этих шахтах, и с дальнего материка, из еще более далекого столичного мира науки и экономики послали сюда человека для повторной разведки и исследования чего-то, во что ни сержанта, ни тем более заключенных посвящать никто не собирався.

— Перекурим, начальник? — Щуплый по прозвищу и по комплекции заключенный заискивающе посмотрел на сержанта. Он был самым бойким и разговорчивым в группе, принадлежал к тому типу людей, для которых общительность и веселость компенсируют недостаток ума и физической силы. Эти люди, почти всегда присутствуя в центре или неподалеку от всего совершающегося в жизни, удачно избегают больших неприятностей, у них нет воли, но огромное любопытство и желание быть на виду приводит их иногда к таким ситуациям, в которые они, затащенные как мусор в воронку, погружаются и, не имея силы выплыть, возвращаются по наклонной поверхности в беззаботных мечтах на удачу и счастье.

Остальные трое не имели характерных примет, если не считать приметой окончательную деградацию личности, явно выраженную после многолетнего и неоднократного пребывания в заключении. Они привыкли к такому состоянию жизни и не заботились о ее перемене, да и сама перемена в перспективе виделась им как последующее заключение, только не в этой, а в какой-то другой колонии.

— Курите, — сказал сержант, прислонившись к каменной глыбе на краю площадки.

— Угостишь? Я на присланных мне сигарах кончики не обрезал — так и остались пераспечатанными в кабинете.

Заключенные всегда и у всех по возможности клячили сигареты: у солдат, у надзирателей и офицеров — чаще безнадежно и безрезультатно. Но сержант никогда не отказывал и делал это не из чувства жалости к заключенным или доброты, а потому что, поскупись в такой мелочи, он бы измучился от унижения в собственных глазах.

Вот и сейчас он вытащил из кармана пачку и бросил ее Щуплому.

— Не все забирайте, мне оставьте, — сказал только.

— Оп-па! — Щуплый поймал сигареты. — Мы по одной...

Осторожно, как взрывоопасные или очень хрупкие и нежные предметы, Щуплый достал и передал в потянувшиеся к нему руки по сигарете. Скорпион не курил и отрицательно дернул щекой, отказываясь от поднесенного ему курева. Щуплый не преминул сунуть скорпионову «долло» себе за ухо, не забыв достать еще одну — для себя.

— Спасибо, начальник! Лови!

Брать от заключенных или передавать им какие-либо предметы считалось нарушением Инструкции. Не полагалось также вести и посторонних разговоров. На языке юстиции в случаях каких-либо происшествий все это именовалось «недозволенной связью с заключенными». И опять же из чувства непопятной гордости сержант позволял себе подобную «связь», не считал, что нарушает закон, хотя понимал, что при чрезвычайном происшествии это зачтется не в его пользу.

Срок службы подходил к концу, оставалось не более двух месяцев, и сержант предполагал, что еще успеет сдать экзамены в университет — только не на юридический факультет! — и навсегда забудет о существовании тех немногих, кто осужден людьми и жизнью отбывать наказание за преступления перед ними, и тех немногих, кто, как и он, призван охранять закон: «Не преступайте — и не будете судимы!», — который он считал справедливым общеизвестным и забытым: «Не судите — и не будете судимы». Некоторое время спустя ему предоставится возможность убедиться в полной несправедливости обоих этих «законов», и сержант, не сделавший никому зла, будет подвергнут попытке осуждения и ему ничего не останется делать, как применить закон силы, диктуемый жаждой жизни. Что такое жизнь, сержант не понимал, это было само собой разумеющееся явление. Но два с лишним года службы на острове стали тяготить его, он начал задумываться об этом явлении: зачем оно? На острове и для солдат, и для заключенных жизнь была невыносима. Вероятно, в ней содержался какой-то смысл, оправдываемый какой-то общественной необходимостью, но никто не мог объяснить ему, в чем конкретно состояла эта необходимость. В лучшем случае в ответ на вопрос он слышал бы общие, ничего не значащие, обтекаемые слова. Но сержант никому не задавал вопросов, потому что в «худшем» случае на него бы странно посмотреть, как на человека не в своем уме. Солдат для службы подбирали по особым признакам: исполнительных, честных и не слишком вдававшихся в «философские» размышления. Домино, футбол, кино. Два раза в месяц, иногда реже — судя по погоде — приходил пароход с почтой, продуктами и другими необходимыми вещами. Солдатская казарма вроде маленькой крепости, здание управления колонией, барак для заключенных, огороженный основными и предупредительными заборами, водочка, котельная, пищеблок для заключенных внутри за-

бора, причал — вот и все сооружения, отнюдь не радовавшие глаз изяществом архитектурных форм. Остров — круг почти правильной формы с диаметром около десяти километров — издали напоминал мужскую велюровую шляпу, изрядно поношенную и помятую. Заключенные собирали на острове бурые камни, ценные для приготовления каких-то красителей, и складировали их у причала. За этими камнями в начале и в конце лета приплывала баржа и отвозила их в какую-то другую страну, на экспорт.

Неделю назад сержанта вызвал к себе в кабинет начальник конвойно-караульной команды и поставил задачу: взять двух солдат и конвоировать пятерых заключенных к старым штольням на северный берег острова. Там прибывший с материка научный сотрудник будет проводить изыскания, а заключенные, в случае необходимости, должны расчистить проходы и завалы, чтобы обеспечить ученому доступ в полуобвалившиеся шторки и шурфы. Капитан, морщившийся от возобновившихся язвешных коллик, не слишком вдавался в подробности, а отдал стереотипный приказ: обеспечить охрану «объекта» и не допустить побега заключенных. Сержант слово в слово повторил этот немудреный приказ и дополнительно расписался в Книге службы. В канцелярии колонии, куда сержант пришел за дополнительной информацией о выделенных на работу под его охраной заключенных, он забыл о цели своего первостепенного стремления — сведениях о склонностях и оперативной характеристике охраняемых, — а с удивлением узнал и увидел, что научным сотрудником — «объектом охраны» — является молодая и очень красивая женщина, и почему-то очень смутился. Он представлял себе седенького старичка или заджинсованного крепыша с ассирийской бородкой, а тут сидело существо хрупкое и эфемерное, похожее на экзотическую бабочку, непонятным образом залетевшую в их суровые края. Вчера ее не было, иначе бы эта необычайная весть о госте облетела бы всех островитян.

«Наверное, ночью... пограничный катер был...» — думал сержант, усиленно пытаясь не глядеть в сторону женщины и сосредоточить внимание на словах начальника колонии, который что-то говорил ему, но смотрел в другую сторону, куда боялся взглянуть сержант. Речь майора не вязалась с обстановкой, как и улыбка на его лице со следами одинокого ночного пьянства не укладывалась в похмельные мешки и морщины. Он пускался в испужливые и длинные наставления по организации охраны,

потом уверял, что отдаст какие-то распоряжения о повышении безопасности, и наконец устал мужественно бороться с утренней головной болью и условными рефлексами.

— Смотри, сержант! — это было сказано совсем нестати и так нелепо, что даже женщине стала понятна неофициальная строгость его намекающих на что-то личное слов. — Смотри, чтобы ни один волосок не упал... Чтобы ни одна пылинка не легла на голову нашей милой посетительницы.

Майор встал и сделал нелепейший поклон в ее сторону.

Женщина что-то сказала, но ее слова заглушил доклад молоденького вольнонаемного служащего — надзирателя о том, что заключенные готовы и ждут на контрольно-пропускном пункте.

— Отправляйтесь, сержант! В восемь тридцать вы должны быть на мосте. А вас, — майор еще раз столь же учтиво, сколь неуклюже, поклонился, подходя к женщине. — я доведу туда, если вы готовы.

Сержант поспешил выйти. Что она сказала? Имя свое? Или слова благодарности? Кажется, имя... Но сержант не расслышал его, коридорный сквозняк с гулом захлопнул дверь канцелярии.

Женщина была неутомима и упорна: за неделю она дотошно облазила все старые рудники. Оставались две штольни — и работа ее будет закончена. Она все время записывала что-то в блокнот, отбирала некоторые образцы и, кажется, была довольна результатами поисков.

Сержант не осмелился заговорить с ней о чем-нибудь таком, что не входило в круг его служебных обязанностей, с самого начала он не сделал этого, а теперь просто так невозможно ничего сказать! Все так внезапно. И врасплох застигнутый любовью, сержант с испугом затаялся перед необъятным чувством. Слова, как жалкие насекомые, мысленно тянулись, волоча за собой земные соринки, а любовь была, как небо и солнце — сияющая и высокая. Хмурая пелена молчания удручала его, и где-то в глубине души он даже был бы рад появлению грозового облачка подозрения, что может случиться нечто необычайное, что разразится буря и сержант примет на себя удар. Это была его первая любовь, романтическая и героическая, всегда готовая на самопожертвование. Но

жертва, если до того дойдет, должна совершиться в триумфе победы. Спокойно, сержант! Спокойно... Сначала победа, а жертва — потом. К этому надо быть готовым.

Заклученные вели себя прилично, с энтузиазмом, обычно им несвойственным, разбирали завалы, расчищали и раскапывали осыпи, если находились залегания каких-то примечательных для науки жил. Старались угождать молодой женщине. Ее присутствие придавало им ощущение сопричастности к чему-то великому, утраченному ими в неволе и теперь оказавшемуся так близко, что можно было уловить его могучее дуновение, словно льющиеся волны музыки и света торжественного и одухотворенного смыслом праздника человеческого творчества. Они вели себя настолько корректно и послушно, что сержант уже не сомневался: такое не к добру. Уже на второй день он подумал о том, что состав надо было бы менять, а не посылать одних и тех же. В целях безопасности это было бы разумнее. Но каждое утро из ворот КПП выходили почему-то одни и те же, а ему никак не удалось выбрать время, чтобы ознакомиться с оперативными и другими данными, характеризующими эту пятерку, и особенно «старшого», Скорпиона. Очень по правился сержанту этот Скорпион. Ему показалось, что он все время исподволь наблюдает за конвоем, изучает, следит. Но, кроме интуитивных импульсов, подозрения свои сержант ничем подтвердить не мог.

А Скорпион наблюдал. Вот и сейчас он отметил, как сержант при кажущейся малоподвижности и медлительности ловко поймал сигаретную пачку левой: четко работала кисть, пальцы. Вроде не левша. Но и это не исключено. Не исключено, что сержант в совершенстве владеет всеми приемами задержания как с оружием, так и без. Но исключено, что сержант сильнее и выносливее. Ничего не исключал Скорпион из наблюдений и заключений о достоинствах сержанта. Собственный перевес он видел в психологии, которая у Скорпиона не только допускала крайние меры жестокости, что не снилось этому мальчику в самых кошмарных снах, но полностью основывалась на этих крайних мерах. Что замышлял Скорпион — ему самому не было до конца ясно. Да и замышлял ли он? Может, на досуге тренировал мозг решением авантюрных задачек? Ведь он должен был понимать, что побег из этой колонии невозможен. Сам остров, на кото-

ром она располагалась, надежно изолировал ее от мира, и добраться на материк можно было, лишь захватив какое-либо судно, что само по себе создавало каскад трудностей. Но призрак свободы являлся ему по ночам в удушливой мерзости барачного пролета, где три сотни отверженных, душевно изломанных рецедивистов-уголовников патужно пытались забыться сном скотов. А время почти не двигалось, словно вся прошлая жизнь стремительно соскользнула в глубокую яму. Каждый день — ступенька, а таких ступенек еще более пяти тысяч надо выдолбить на крутом откосе этой ямы. Скорпион не смирился и не сдался, а затаился и мрачно мечтал. Он знал и другое: иногда самую безумную идею можно довести до исполнения, а самую, казалось бы элементарную, — провалить, споткнуться на пустяке. Такой «пустяк» и привел его сюда. Скорпион не раскался в своих преступлениях — слишком много надо было припости покаяний.

Добывать свободу для всех заключенных Скорпион не собирался, ни с кем не делился мыслями, потому что никому не доверял и всех презирал. По истечении срока на свободу он выйдет почти стариком, а так хотелось еще пожить. Ах, как ему хотелось! Уж теперь не сделал бы ни одной промашки. Свой извращенный ум он ставил намного выше не только окружавших его людей, но, может, всего человечества. Но выйти раньше можно было только на гребне кровавой волны, которую надо поднять, всплеснуть и, подмяв ее под себя, вынестись в жизнь обетованную.

Исходволь он наметил сообщников на время активных действий.

Очень кстати появилась эта женщина. Судьба. Случай. На другой такой случай надеяться невозможно, надо использовать этот. Неизвестным в его уравнении оставался сержант. И начинать надо именно с него, с сержанта. Он должен был стать первой струйкой в том кровавом потоке, который может вынести Скорпиона на свободу. Но сержант не раскрывался. Скорпион отмечал каждый его шаг, каждое движение и... не находил ошибок. За эту педанию Скорпион не раз уже чувствовал адское вдохновение, но вовремя останавливался и после убеждался, что правильно поступал. Преодолевая ненависть, Скорпион «зауважал» сержанта, попытался его «разговорить», но с ужасом почувствовал, что сержант ведет с ним непонятную игру, словно провоцирует его на последний шаг. Зачем? Подозревает? Ясно, все заключенные находятся под

подозреваем в склонности к побегу. Но тут было иное: психическая дуэль. Этот мальчик решил заработать медали! Вот в чем дело. Каждому свое.

Но женщина. Должна же она ему нравиться? Так оно и есть. Нравится. Скорпион ждал. А сержант молчал. Белая мумия. Поговорил бы хоть с обожаемой! Старшой уводил свою пятерку в глубь штолен, предоставляя возможность сержанту, но тот в таких случаях занимал «безобидную» позицию в тени. Под землей — хорошо: даже звук выстрела не дойдет на поверхность. Если он успеет выстрелить. Лучше, конечно, если выстрела не будет. Тех двоих у выхода Скорпион возьмет голыми руками. Но сержант не раскрывался. А если отвечал на вопросы, то, чувствовалось, «ваньку валял», деревеньку из себя строил.

Не переусердствовал ли сам Скорпион с добропорядочным поведением? Заключение должны вести себя естественно, они же слишком вежливы и трудолюбивы целую неделю. На сегодня Скорпион назначил «развлекательную» беседу. Они приходили на место всегда чуть раньше. Женщину привозил майор. Утром, в обед и вечером он курсировал с ней на личном автомобиле. Год назад, вернувшись из отпуска, майор непонятно зачем на барже, приходившей за грузом, доставил себе прихотливое удовольствие, привези сюда этот автомобиль. Неделю покатался, забавляя любопытных сусликов, издали следивших за его бессмысленными автопробегами и прятавшихся при его приближении. Потом майор оставил механизированные мотионы, запивая по ночам семейную драму. Теперь это средство передвижения было вновь введено в действие ради прекрасной особы.

— Хотя бы отец наш родной, — так зеки за глаза именовали начальника колонии, — задержался подольше. Неохота от такого сельвыника под землю заползать.

— Да. Скоро мы расширяемся с батей. Женится — переведется из этой дыры.

— Он женат. А ты: женится...

— Тю! Так та его бросила. Поэтому батя закладывать стал. Теперь, видишь, неделю трезвый!

— Молода она больно для него. Не пойдет...

— Чего не пойдет? Зарплата у него здесь — дай боже! Трат никаких. Мужик состоятельный.

— Что ты паликаешь! Она лет на двадцать, а то и

больше, моложе его. Ей, как нашему сержанту, почитай. Сколько тебе стукнуло, сержант?

Тот не ответил, хотя слышал вопрос.

Заключенные начали спектакль по сценарию Скорпиона. Жмурясь на солнышке как коты и бережно затягиваясь «стрельнутыми» сигаретами, четверо разглагольствовали, пропустив безответное молчание сержанта несколькими секундным промедлением, не глядя на него.

— Конечно, батя для такой девочки староват в наше время. Но если заглянуть в историю на десяток тысяч лет назад, то нет ничего нового или удивительного, — и Щуплый процитировал: «Когда царь Давид состарился, вошел в преклонные лета, то покрывали его одеждami, но не мог он согреться. И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтобы она предстала царю и ходила за ним и лежала с ним, — будет тепло господину нашему царю. И искали красивой девицы во всех пределах Израильских, и нашли Ливсагу Сунамитянку, и привели ее к царю. Девица была очень красива, и ходила она за царем и прислуживала ему, но царь не познал ее».

— А тут и познавать нечего. Тут дело, кажется, уже решено.

— Точно. Отец родной снова кольцо на пальце носит.

— Чего вы пиликаете? — вмешался угрюмый тип, гробокопатель; он получил высшую меру за осквернение могил. — Отпила она батю с первой попытки.

— Отпила? Откуда у тебя такие сведения? Уж не выкопал ли ты их там...

— Козел! — гробокопатель взъярился, почувяв намек, и стал приподниматься.

Заключенные сравнительно спокойно переносят любые клички и оскорбления, кроме безобидного слова «козел». Обычно при этом «имени» среди них возникает потасовка. Сержант знал, что стычки в таких случаях неминуемы. Но тут она не произошла. От сержанта не ускользнул взгляд Скорпиона, направленный в сторону гробокопателя.

— Слышал, как надзиратели на вахте трепались, когда я пол мыл, — сказал угрюмый, усаживаясь и уснокаиваясь.

— Чего же он ее возит три раза в день?

— Сержанта боится! — Щуплый улыбался. — Надеется хоть так поднять свои шансы. Зачем позавчера батя нас на беседу вызывал? Что его интересовало? Есть ли,

мол, претензии к конвою? Да когда это было, чтобы ему наши претензии знать надо? Я сразу и не врубился. Лаптем прикинулся: не понял, говорю, слово какое-то мудреное. А сам думаю: на кого же он «стук» от меня услышать хочет. Батя и выклялся: как, мол, сержант ведет себя на службе? Не нарушает законность? А кто его знает, говорю, молчит как сыч. Ну а с дамой — напрямую чепет! — заигрывает, спрашивает. Я его успокоил. Чокнутый, говорю, наш начальник. Ни бум-бум! Ни слова.

— И что любовь с человеком делает! Потерял батя голову.

— А ты бы не потерял, если бы...

— Я — нет! Ученые дамы — все мымыры! У них ученость все чувства вытравивала.

— Какая же она мымыра? Изящная дамочка. Эхма! Была бы денег тьма — купил бы баб деревеньку и жил помаленьку.

«Аплодисментов не будет. Для чего этот треп? — думал сержант. — Случаен он или не случаен? Почему опаздывает майор? Тоже случайность?» Он окинул местность взглядом, не меняя положения головы. Машины майора не видно.

— Сержант, а тебе нравится гражданка барышня? — Щуплый спрашивал, а остальные притихли, ожидая чего-то. — Молчишь, значит, нравится.

— Нет, — почему-то сказал сержант.

— Неправда. Чего покраснел тогда? — Щуплый наглед, надо было бы его одернуть, но сержант воздержался, он и вправду покраснел.

— Таких девочек мало, — продолжал Щуплый. — Видишь, даже мы за неделю ни одного бранного слова не произнесли. Облагораживает. И ведь что главное? Чистота. Без какой бы то ни было червоточки. Видать, из хорошей семьи: папа, мама, обстановка, воспитание, благородство. Музыка! Гармония! Ничего лишнего, и все в избытке. Голова кружится!

И «артисты» с искусной и дотошной достоверностью суперреализма стали, сменяя и дополняя друг друга, рисовать портрет девушки: лицо, фигура, походка, голос, мельчайшие неуловимые глазу детали — создавали фотографически точный словесный портрет. Зримо, наглядно, почти осязаемо выписывали они каждую черточку, иногда, не жалея красок, накладывали такие густые и сочные мазки на грани пошлости, сопровождая все правдоподобными комментариями Щуплого, неизвестно каким путем

почерпнутыми из ветхозаветных источников. Если словесное хамство можно было бы назвать искусством, то это было величайшее искусство, при помощи которого, словно препарируя живую плоть, они показывали затаенную и еще не расходовавшую чувственную пожатость изображаемой ими девушки.

Сержант хотел прекратить это изощренное сквернословие, где оскорбительным было уже то, что о ней говорили эти.

Но внезапно обрушившимся занавесом покрыл сцену хрипый всхлип Скорпиона:

— Заткнитесь, вы! Ублюдки... Не вашими языками... Сержант, заткни им глотки! Или тоже?.. Все подожди. И майор подонок, и ты, сержант, подонок! Слушаешь, слюни глотаешь, истекая животной мерзостью. Один меньше, другой больше, но все мы гады...

Скорпион не кричал. С болезненным островеением, медленно, словно глотая сухие перережеванные комья земли, выговаривал он слова, по искореженному судорогой лицу бежали нервные мышцы, а из перекошенных глаз падали крупные капли и, казалось, слышны были их удары о камень.

— Господи! Сука, если ты есть, Господи! Дай мне прожить эти годы и вернуться в чистый мир! Дай! Дай! Падла я, Господи! Падла пропащая! Дай подняться! Очиститься дай... От мерзости уведи, дай светлой смертью загнуться, а не в дерьме и блевотине душевной! Дай, милый Господи! Почему ты раньше не отнял у меня разум и позволил испакостить себя? Буду! Буду землю есть... Уничтожь меня, стерву! Зачем ты...

Захлебываясь, задыхаясь и давясь рыданиями, Скорпион упал вниз лицом, катаясь по земле и зажимая уши ладонями. Неразборчивые бормотания или прерывистый хрипый вой еще некоторое время глухо вырывались у него из раскрытого рта.

Все притихли. «Молитва» Скорпиона по «сценарию» не предполагалась, он о ней вчера и не заикался: условились завести сержанта «за бабу» и посмотреть, что у него за нервы. Если сержант психанет — прекратить и, может, попросить прощения — Скорпион походить должен был придумать концовку. Истерика Скорпиона была неожиданностью для сообщников. Они сами были неплохими мастерами психических сеансов, рассчитанных на прощачков: незаметно вскрыть капилляр и пустить кровавую пену, гулко биться головой о стену, сопровождая свои

действия истерическим смехом — это азы, этим в колонии никого не удивишь. Скорпион без дешевых эффектов достойно сыграл свою партию, похоже было, что человек испытывал самые настоящие душевные страдания от несуразно сложившейся жизни. Испытав нечто подобное очищению от скверны, Скорпион утих, привстал, ни на кого не глядя, взял из-за уха у Щуплого сигарету, прикурил и закашлялся то ли от непривычки, то ли от дорожной затыжки.

— Извини, начальник! — сказал он немного погодя. — Нервы сдали. Ослаб. А вы — это относилось к дружкам — в зоне не разводите базара о том, что я слюни пускал тут. Считайте, что не было этого. Мне еще до звонка долго ждать, выдержать надо, пакость с себя смыть. Попрошусь завтра параша чистить, а то эта идиллия до петли доведет...

Из штольни вернулся солдат, сказал, что она длинная: со множеством ответвлений, а в самом конце — завал.

— Щель узкая, я дальше не пошел, но осветил фонарем — кажется, все! — очень уж глубоко забрался.

— Едут! — сказал кто-то.

По кромке усохшей травы и песка, по верхней черте приливов пологого берега двигалась нестрая легковая машина, поблескивая стеклами и остатками никеля. Издалека и слегка сверху казалось, что это ползет божья коровка, натываясь на невидимые отсюда преграды, сворачивает то влево, то вправо, а иногда подаваясь назад и вновь устремляясь вперед. И ничего не было бы удивительного, если бы эта неторопливая букашка растопорщила жесткие крыльшки и взлетела бы. Но вот она подползла ближе и потеряла сходство с божьей коровкой, разъяренно урча, вползла на подъем и остановилась в сотне метров. Из нее вышло небесное создание. Что-то сказав майору, женщина поспешно пошла к штольне. Машина, описав дугу, на повышенной скорости покатила вниз, бросая из стороны в сторону заднюю часть на неровностях. Лихо скатившись вниз, майор прибавил газу и помчался вдоль берега, поднимая веер песчинок.

— Начальник! Мне бы... это... — один из заключенных встал, держась за живот, — антипоесть и антипопить. Баланда сегодня была малость того... жидковата...

«Неужели — сейчас? — сержант оценил обстановку. — Непохоже».

— У кого еще пищеварение нарушилось? — спросил он.

Назвался еще один.

— Проводи их вон туда, — показал сержант солдату.

— Я опоздала, — женщина остановилась около сержанта, продвинувшегося на несколько шагов ей навстречу, — мне радиометр чищли, отказал почему-то. Сегодня досмотрим последнюю штольню и на этом закончим. Она, оказывается, самая большая, но надо успеть, потому что я сегодня улетаю.

Она была возбуждена, возможно, обрадована чем-то. Но ее радость — только ее радость. И зачем она говорит, что майор обещал радировать в часть, в штаб части, а те позвонят в ее учреждение и за нею пришлют вертолет? Для нее это радость, но других это не касается. Она улетит. Все правильно. Иного быть не может. Так должно быть. И все равно мысль эта пришла, как неожиданность. Опомнись, сержант! Скоринин слышал, о чем говорила женщина. По лицу его скользнула судорога, скрыть которую Скоринин не сумел, и он отвернулся.

— А чего мы теперь ждем? Пойдемте?

— Сейчас...

Что ей сказать? Она стояла перед ним очень близко, ни разу так близко она не была. Он почувствовал страх и растерянность. Но собрался, как будто оторвал от себя что-то.

— Сейчас... — повторил он. — Вы пойдете за мной.

Ступил в сторону. Нельзя показывать другим слабость. Как обычно, расставив часовых у входа, объявил заключенным о порядке передвижения и поведения под землей. Как обычно... Все должно быть как обычно... Никакой тревоги. Спокойно, сержант, спокойно!

— Да знаем, начальник! Каждый день ты говоришь это, — перебил Щуцкий.

— Прекрасно, если вы знаете. Но служба есть служба. Я говорю не просто слова, а то, что сейчас является для вас законом. Если нарушаю этим общий закон — вы вправе это обжаловать, но не раньше, чем мы вернемся в зону. Итак, старшой впереди, остальные по два в ряд, дистанция — два шага. На всем пути следования строй без моего разрешения не менять. Пошли!

Он повернулся к женщине:

— Постарайтесь с заключенными сегодня не разговаривать... — И добавил: — Без необходимости, если они заводят разговор. О чем угодно. И еще: не стремитесь вне-

ред, то есть я хочу сказать, не становитесь между ними и мной.

— А что такое?

— Да ничего! — пугать ее он не хотел и соврал: — Начальство говорит, что я демократию развел. Разговоры всякие позволяю... Не положено.

— Понимаю. У вас могут быть неприятности. Я скажу вашему майору, что все было прекрасно...

— Нет, нет! Ничего не надо говорить.

— Но это правда! Я очень довольна вашей... — она помолчала, подыскивая слово, — очень благодарна вам за помощь. Вы так здорово все организовали. Такую уйму работы сделали!

В ответ сержант мог сказать лишь одно: огромную работу, которую проделали заключенные, организовывал другой, это старался Скорпион. Но сержант не сказал этого, а спросил лишь:

— Вы точно сегодня улетаете?

— Да. Разумеется, если из вашей части созвонятся с моим начальством. Результаты наших находок настолько ошеломляющи, что все придут в восторг.

— А что вы нашли? Если не секрет...

— Ой! Вероятно, это будет секретным.

— Ясно. Трансурановые элементы, стратегическое сырье, бомбы...

— Вы почти угадали. Правда, здесь не те актиниды, что идут для бомб, но очень важные.

— Ладно. Мне это ни к чему. Не забудьте: держитесь за моей спиной или хотя бы в стороне от них.

Штольня была широкой в проходе почти на всем протяжении, с высоким сводом. Дно полого уходило вниз, и работать было удобно, но продвигались все же медленно, потому что на каждой десятиметровой отметке женщина брала пробы радиоактивности и делала записи, кроме того, здесь было много боковых штреков, которые она тоже не пропускала. Сержант посмотрел на часы — около трех часов они находились под землей.

— Все! Дальше завал. Разбирать? — донесся из глубины голос Скорпиона.

Заключенные остановились перед осыпью. Яркая лампа от мощной батареи громоздила тени на неровные стены штошеля.

— Сейчас посмотрю, — женщина склонилась над схемой. — Сколько мы поворотов сделали: три или четыре?

— Пять, — сказал сержант.

— Разве? Ах, да! Я не отметила. Да, пожалуйста, разберите, чтобы можно было пройти. Мы почти у фишиша.

— Покурить бы, начальник... Как ты думаешь?

— После этого завала перекурите.

Скорпион распоряжался впереди, понукая нерасторопных. Тени прыгали, падали, переламывались.

«А если лампа погаснет? — подумал сержант. — Ничего страшного... управлюсь. Два шага в сторону. Фонарь в левой на отлете, подальше от себя...» Еще он подумал, что, может, напрасно не изменил схему охраны, надо бы один — у входа, двое — в штольне. Но такая перестановка была теперь невозможна. Не о том думаешь, сержант! Выступы, ниши, осыпи — возможные укрытия или помехи. Осталось не более часа...

— Готово, начальник! Перекурим теперь?

Он посмотрел на женщину: она ждала.

— Пошли вперед!

— У-у-у! Нехолосый патсяльник! — заключил кто-то. — Омманули дитисэк...

— Кончай! — окрик Скорпиона прервал шепелявый голос.

Он взял батарею с лампой и двинулся. За ним побрели остальные.

«Патроны в патроннике? Или нет? — задавал себе вопросы Скорпион. Когда он его дослал? Не заметил. Или не дослал? Ладно. Конечно, там, сидит там моя пуля».

Сто шагов. Они очутились в широком и высоком гроте. Штольня закончилась. Скорпион с фонарем обошел площадку.

— Все, дальше хода нет, это — конец. Куда лампу?

— Поставь на середине. Можете курить. Не рассыпайтесь по пещере. Садитесь справа.

— Я быстро, — словно извиняясь, сказала женщина и припаялась за работу.

Заключенные сидели в пяти метрах от сержанта, в линию, Скорпион перед ними, спиной к сержанту.

«Если б знать наверняка... — Скорпион перничал. — Что знать? Там, там сидит желтая такая пуля. Моя? Посмотрим, чья!.. Нейтральная. Следующие за ней — чьи? Твои, сержант, твои... Почему ты не закуришь? Неужели не хочется? Зажигалки у тебя нет... Нет

зажигалки... Чиркнешь спичкой, по привычке — пусть и одной левой зажжешь! — по привычке сощуришься на огонек... ловя его кончиком сигареты... Ну закури, сержант! Первичкаю. Так нельзя. Но и так нельзя! Времени нет! Время — свобода, а свобода — все!..»

— Сержант, — Скорпион обернулся, — дай сигарету...

«Хорошо сидит, — отметил положение противника. — Автомат на коленях, стволом ко мне, палец на месте... Я бы тоже так сел... сиди... сейчас ты бросишь... сигарету, я не поймаю, как бы точно ты ее не бросил, а я ее не поймаю... она упадет... где она должна упасть?.. вон там она должна... — мысли полетели вихрем: — Пачку бросишь? — Нет — одну — ты осторожен — с одной меньше волокниты — левой рукой — они в левом кармане — я встану — ты встанешь — если успеешь — успеешь — и твой затылок — есть! — красивый выступ — угодит — ты не спешись — и я — бросай — первый удар по стволу — и пуля мимо — должна мимо—мимо—мимо — мимо...»

Сержант бросил сигарету. Скорпион ее не поймал, он чертыхнулся и потянулся за ней, не достал. Взял у Щуплого спички, приподнялся, зачем-то зажег одну, наклонился, поднял сигарету и, выпрямляясь, прикурил, отворачиваясь, перенес тяжесть тела на одну ногу. Свободной ногой удар по стволу! Бросок! Но бросок, который должен был размозжить затылок сержанта о каменный выступ, не получился: сержант не встал на ноги. На лету Скорпион хотел скорректировать движение, и, возможно, коррекция удалась бы, сделай сержант малейшую попытку подняться. Но тот, сидя, прижался к стене и «помог» Скорпиону пролететь над собой. В следующее мгновение от сгруппированного толчка ногой в пах Скорпион шарахнулся к противоположной стене, потеряв сознание.

Четверо сидели, не шелохнувшись, не понимая, о чем их спрашивает сержант. А когда шок прошел, божились и клялись, что о нападении на копов им ничего не известно. Но был уговор «прокатить начальника за бабу», разозлить его и тем потешить себя, но психанул сам Скорпион. Они ничего не понимают.

— Ладно. Разберемся, — сержант бросил ремешок, прикрепленный к кольцу электрического фонарика. — Он приходит в себя. Длинный, свяжи Скорпиону руки за спиной. Остальным — сидеть и не шевелиться! Игра закончена. Перестреляю всех, можете не сомневаться, в данном случае у меня выбора нет.

А женщина, вероятно, не поняла, что произошло, но, увидев сидевшего с окровавленным лицом Скорпиона, о чем-то, конечно, догадалась и перепугалась.

— Выходим! — Сержант резко мотнул головой.

Из рассеченной брови по переносице в глаз его затекла кровь.

— Вы ранены...

— Чепуха. Это — царапина. Идите к выходу.

— Да, да! Я сейчас, только прибор возьму...

Она вернулась за оставленным в углу пещеры радиометрическим прибором.

Ему показалось, что он теряет сознание. Увидев серебристое мерцание в глубине под темными сводами грота и ощутив легкий крапивный зуд в теле, он крикнул: «Скорей!», — стараясь удержаться на ногах и направив автомат на заключенных. Он слышал неприятный гул. Землю качнуло раз, другой, со свода упало несколько камней, один, небольшой, звякнул по стволу автомата.

— Скорей! — еще раз крикнул сержант, срывая голос, и с облегчением отметил, что неприятный гул в ушах прекратился и исчезло выбокое ощущение дрожи и зуда в теле. — Идите вперед! Наверх! Сидеть! — рявкнул он на пошевелившихся заключенных.

— Что это? — женщина стояла перед ним, вызывая досаду промедлением.

— Землетрясение! Или — обвал... Да идите же! Идите вперед!

— Радиация. Слышите? Откуда такой поток?

В ее включенном радиометре что-то шинело и потрескивало, словно в нем жарилась нищница.

— Откуда я знаю, что это?! — он подтолкнул ее к выходу.

Может быть, при землетрясениях всегда так... Радиация! Какое ему дело до радиации? У сержанта сейчас забот и без радиации достаточно. Комментировать сейсмические события будем после, сейчас не время, надо думать, как выйти отсюда... Сержант дождался, пока женщина отошла на достаточное, по его мнению, расстояние, сделал указание заключенным следовать за ним, стал выходить, оставив их далеко позади: никуда не денутся!

Женщина вышла из штольни первой и тут же с криком, коротким и пронзительным, отпрянула назад. Сержант с автоматом на изготовку оттолкнул ее к стене.

— Погасите свой фонарь! — шепотом приказал он. —
Что там?

— Ме... Мертвый там. Солдат ваш!..

— Еще что?

Она трясла головой, ничего не говоря больше.

— Что еще видели? Да говорите же!

— Ничего больше...

— Отойдите подальше.

Сержант приблизился к выходу. Выглянул. В двух шагах грудью на каменной гряде лежал часовой, застывшее искаженное болью лицо с открытыми выпученными глазами, тело было вытянуто, словно он сиделся ползти, спрятаться в штольне, а смерть настигла его в этой позе. Он был мертв — у живых не бывает таких ужасных, беззвучных и продолжительных гримас. Второй часовой ничком лежал чуть подальше, тоже мертвый.

«Спокойно, — сказал себе сержант. — Спокойно...» Огляделся. Никого. Ничего. Было тихо. Безмятежно тихо. Неестественно тихо. Так тихо может быть только тогда... Когда?! Он недодумал эту мысль. Она была слишком немислима. Вышел на площадку, готовясь встретить любую возможную и непредвиденную опасность автоматной очередью — на поражение. Коротко так и подумал: «На поражение. Без предупреждения». Упасть, прыгнуть, отскочить и — стрелять! — на ходу, на лету, в падении, стрелять короткими, длинными, одиночными...

Немота. Тишина. Даже песчинки под ногами молчали. Странная тишина заполняла пространство. Смутно, как в нокдауне, хотя тело его было напряжено готовностью к бою, в сознание сержанта с толчками его сердца густеющей кровью продвигалась мысль-догадка, мысль-тромб: случилось нечто ужасное, и предотвратить ничего нельзя. Волю сковывало сжимающееся оцепенение беспомощности и страха перед какой-то непонятной катастрофой, непонятной — без имени, без надежды. Молчаливая гримаса смерти на лице погибшего товарища — сержант старался не смотреть туда! — висела сзади, и чья-то невидимая рука сняла ее и протягивала сержанту, предлагая примерить эту фантасмагорическую маску, примерить на себя и оставить навсегда, насовсем...

Нет. Нет! Нет!!!

— Спокойно, — повторял сержант, не замечая, что говорит вслух. — Спокойно...

Произошла какая-то ошибка. Местного значения ошибка. Она будет исправлена — и все встанет на свои места.

Он посмотрел в сторону колонии. Тихо. Слегка, как всегда, курилась стальная труба котельной и водокачки. Ни шума, ни выстрелов не слышно. Ни огня, ни дыма не видно. В слоистом мареве полуденного воздуха дрожали и колебались отдаленные линии рельефа. Дифракция, рефракция... От земли поднимались нагретые солнцем потоки... Все на месте. В белесой дымке, растворявшей черту горизонта, терялась бледно-голубая полоса воды, сливаясь с таким же по цвету небом.

Женщина остановилась рядом и пыталась в его лице найти ответы на безмолвные вопросы. Ей, перепуганной, казалось, что он должен знать нечто большее. Но сержант молчал. Он обычно молчал, и никогда в голову ей не приходила мысль узнать, что это за молодой человек, какой он — хороший или плохой, — ей это было не нужно и неинтересно. Неделю ежедневно она видела его, несколько раз она случайно взглядом встречалась с его взглядом — и только. Безукоризненные, внимательные глаза. Сейчас они были другие, какие, она не знала — в них появилось что-то неприятное. Но здесь он был единственным человеком, кто мог бы защитить ее от собственного страха.

— Пойдемте отсюда! Скорее... — теперь она заторопилась и потянула сержанта за рукав, вынудив его сделать несколько шагов.

— Начальник, а нам куда?

Сержант остановился. Как он мог забыть! Он солдат, прежде всего — солдат. Заключение стояли, с испугом озираясь на трупы часовых.

— Идите, — сержант освободил свой рукав от ее пальцев. — Мне надо с ними.

Оглядываясь, она медленно отошла, потом заспешила, почти побежала.

«Не спешите! — хотел он крикнуть ей вдогонку. — Далеко не уходите от нас». — Но она бы его уже не услышала. Он махнул автоматом — повел стволом, отойдя в сторону: пошли, мол! Четверо двинулись. Только Скорпион сидел. Ноги его тоже были связанными.

— Кончай со мной, сержант! Точно мне глядеть на твою рожу. Никто тебя не обвинит. Стреляй! И мне легче будет.

Скорпион отвернулся.

К сержанту вернулась уверенность.

— Эй! — крикнул он заключенным. — Вернись кто-нибудь сюда, развяжи ему ноги.

Оружие часовых брать не стал: «Может пригодиться при следствии...» — взял только патроны.

Ощущение грандиозного, непонятного и страшного события не покидало сознания, а возрастало и усиливалось, подавляя все остальные мысли. Колония была уже близко, только никакого движения и сопровождающих звуков оттуда не доносилось. Исчез и дым из трубы котельной. Тишина и молчание вокруг заставляли молчать идущих — все прислушивались, невольно осторожным делался шаг. Заключенные шли осторожно и неуверенно. Услышав раздавшийся в этой тишине крик, все поняли, что это кричит ушедшая вперед женщина. Без команды сержанта все замерли. Он метнулся вперед, желая, но пока не зная, как расчитать свои действия, чтобы блокировать и этих пятерых, и тех, кто нападет, и оказать помощь кричавшей. Она выбежала из-за угла ограждающего колонию забора.

«Ложись!» — крикнул сержант, но она продолжала бежать, а заключенные попадали.

Преследования не было, но женщина бежала мимо, никого не видя. Сержант бросился ей наперерез, остановил ее.

— Что там? Говорите спокойнее.

— Все мертвые... Все лежат мертвые... Все, все! — произнесла и осела на землю без сил и без сознания.

«Если она умрет, то... и мне незачем жить теперь...» Почему это подумал — неизвестно. Подумал — и все. Лихорадочно перебирал пальцами по ее тонкому запястью. Пульса не было. Но увидел на шее слабенькую голубоватую жилку — есть, стал ощущать едва уловимые ритмы жизненных токов. Обморок. Жива.

Но надо было не терять контроля и над окружающим.

— Щуплый! Да-да, ты! Сходи узнай, что там делается!

— Я не пойду, начальник! Я... боюсь.

— А ты? — посмотрел на гробокопателя.

— А я — что, рыжий?

Сержант плюнул с досадой. Оставлять женщину нельзя. Пропали оно все пропадом! Вспомнил, что во фляге должна остаться вода. Побрызгал осторожно на лицо и на шею, смочил ее лоб. Веки дрогнули, она вздохнула и открыла глаза.

— Выпейте воды. Правда, она уже теплая.

Какое это имеет значение? Тьфу! Не то он говорит.

«Теплая!» — как будто он мог предложить газировку со льдом.

Она пила, неловко захватив краешек горлышка фляги губами, хотел помочь — наклонил больше фляжку: вода потекла мимо. Надо было приподнять ей голову. Досадовал на себя за неловкость!

Женщина пришла в себя, но забыла, где она и что с ней, и не понимала, о чем ее спрашивает этот человек, но потом опомнилась, повторила, что видела мертвецов, живых не видно.

— Наверно, все умерли. Слышите: никаких звуков...

Она говорила очень тихо. Заключение встали и приблизились к ним на несколько шагов.

— Назад! — гаркнул сержант и машинально выпустил короткую очередь.

«Не то делаю! Не то... — растерянно соображал он. — Хорошо еще, что не задел никого. Первичкаю. Мог и убить с дуру...» Наверное, он был очень добрым человеком, если так подумал.

— Вы идти сможете? — сержант принял решение. — Или побудьте здесь, спрячьтесь вон в тех кустах и ждите.

— А вы?

— Я посмотрю. Мне надо проверить все...

— Я с вами!

— Встать! — скомандовал пятерым подопечным. — Вперед, марш!

— Куда, начальник?

— В зону. В барак по своим местам.

— Но если там...

— Прекратить разговоры! По два в ряд, Скорпион сзади, и не оглядываться. Шаг в сторону — стрелию.

Солдаты, офицеры, надзиратели лежали непринужденно и безропотно. Где попало. Как попало. Пичком, навзничь, боком... Жутко выглядела площадка у караульного помещения и контрольно-пропускного пункта — здесь было больше всего неподвижных тел.

— Война, наверно... — предположил кто-то из заключенных то, что было у каждого в мыслях.

— Но какому идиоту вздумалось бомбардировать этот вшивый остров?

— Ничего не разрушено... Только люди...

— Может, газом? Сержант, как ты думаешь?

— Никак! Проходите!

— Куда?

— Повторяю: по своим местам.

Он открыл засовы на дверях КПП, ждал.

— Ты рехнулся, начальник! Там мертвяки, отсюда видно: вон, лежат...

— Проходите, пока я вас здесь не уложил.

Сержант не шутил.

— Отойдите подальше и отвернитесь, — обратился он к женщине.

— Зачем? — не поняла она.

Сержант взял автомат на изготовку.

— Групповое неповиновение — я вынужден...

— Что вы хотите делать? Это бесчеловечно! Они же безоружны!

Ей показалось, что этот солдат сошел с ума. В данной обстановке — совсем не удивительно. Это была какая-то непонятная ей жестокость, необходимость которой она не видела. Обстановку разрядил Скорпион.

— Не стреляй, начальник. Мы повинуемся, — он первым шагнул в зону, за ним прошли остальные четверо.

Сержант запер засовы. Сделал это механически, формально: не мог он один обеспечить охрану пятерых заключенных круглосуточно. Сержант не знал, что произошло на острове и вообще в мире. Не знал, когда сюда придут люди. И придут ли они вообще? Может, сегодня, может, завтра. А может... Доставил заключенных в место их пребывания, не им, сержантом, определенное, но законное, и, сделав это, выполнил последний отданный ему приказ. Если поступит другой приказ — он выполнит и его, а теперь до нового приказа он вправе поступать, как подскажет его гражданская совесть. Но совесть ничего не подсказывала. Этот солдат был хорошим исполнителем приказов — и не потому, что любил их исполнять или боялся нарушить — нет, сержант не любил свою службу, но признал ее необходимость и неизбежность в своей жизни. Служил по поговорке: не напрашивался и не отказывался. К этому он привык с детства, которое без отца и матери было, возможно, немного жестким, но сержант не знал другого. Сравнивать ему было не с чем. Не понимал он хныкающих здоровых юношей, мучившихся в солдатской жизни от неудобств, и не жалел этих «маменькиных сынков». Сочувствовал им в душе, но не жалел, стараясь не быть к ним жестким. Сам он переносил эту жизнь легко, как ему казалось, и спокойно. Иногда было и тяжело. Ну и что? «Жизнь вообще — трудная штука, — думал он. — Все временно, и все неизбежно — и трудности тоже». То, что с ним случилось теперь, было

одной из несуразных трудностей жизни, через которую надо пройти.

Он подумал, что неплохо бы пайти сейчас кого-либо из живых офицеров, кто взял бы на себя ответственность отдавать приказы и распоряжения, а сержант согласен остаться исполнителем этих приказов. Коллективная воля, сконцентрированная в инструкциях и законах, все то, что касалось его службы на этом острове, было хорошо известно, но в данном случае потеряло свою неумолимую силу и правду, и сержант с тоской сознавал, что желал бы остаться в гармонии с законом и своей совестью будет нарушено не по его вине. Даже в этих необычных обстоятельствах те пятеро не могут быть его друзьями и товарищами. Уйти с этого острова не смогут, но, вероятно, попытаются. Почему же он растерялся и не знает, что делать? Надо все предусмотреть. Эх! Пайти бы какого завалящепького, живого лейтенантика... Но, видно, придется обходиться собственными силами и разумом.

Собрать оружие. По крайней мере — все патроны, пока Скорпион не одумался и не начал действовать.

Вахтенный на КПШ лежал в углу между столом и стеной, и сержант довольно долго провозился, пока расстегнул кобуру и вытащил пистолет: он хотел это сделать осторожно, чтобы не слишком беспокоить покойника.

На улице женщина настороженно ждала его появления. А после недавнего намерения сержанта расстрелять заключенных он ей стал казаться таким же страшным, как все, что она видела вокруг. Он, не понимая ее отчужденности, относил ее состоянию к общей растерянности перед ужасающим видом смерти, овладевшей остроном. Не зная, как ободрить ее — да и можно ли было этого достигнуть? — сказал только:

— Держитесь. Мне надо обойти все.

И пошел, осматривая все помещения штаба колонии, квартиры офицеров и вольнонаемных служащих. Трупы, трупы, трупы... Похоже было, что умерли все одновременно в результате какого-то сверхмощного излучения. При виде мертвых женщина вздрагивала, приближалась вплотную к сержанту и ни на шаг не отходила, кроме тех случаев, когда сержант приближался к лежащим. Преодолевая страх и напряженное отвращение к смерти, он иногда поворачивал тела, чтобы взять у мертвецов ненужное им оружие или убедиться, что оружия нет. В голове его цедились, обрывались и падали повторяющиеся капающие мысли: текли — падали — расплывались, соскальз-

вали — исчезали, появлялись вновь. Кап... кап... кап-кап!.. кап... Где-то висела ледяная мокрая и скользкая глыба страха, от нее струилось холодное проникающее скольжение. Он не видел эту глыбу, но ощущал змеиное присутствие, угрожающую затаенность бесплотного чудища — в обычной жизни оно называлось абстрактно: смерть. В своем апофеозе смерть превратилась из абстрактного понятия в реальное ощущение неотвратимости, она была слишком огромна и несоразмерна с коротеньким отрезком времени, который в сознании определяется словом жизнь, и поэтому терялся смысл и понятие последнего.

Огромная и несоразмерная с человеческим телом смерть умудрилась спрятаться в неподвижности его бывших товарищей, друзей, сослуживцев. Кого-то при жизни он уважал, к кому-то не проявлял большой приязни, но сейчас не смог бы определить своего к ним отношения. Все как-то отделилось, отделилось, отгородилось стеной молчания и неподвижности, заглядывать за которую было неприятно и бестактно. Ему было тягостно и неловко глядеть на мертвецов, потому что в смерти чувствовалось презрение и высокомерие к нему, живому. Иногда казалось, что мертвецы только притворяются мертвыми: они затихают, замирают в неподвижности при его приближении, а стоит удалиться — они оживают, двигаются и разговаривают, играют в игру неуклюжую и бессмысленную. Недоумевал: зачем и кому это нужно? Он гнал эту глупую мысль и в то же время хотел, чтобы так оно и было, чтобы это было только игрой, чтобы мысль его не обманывалась и оказалась истиной, и каким-то чудесным образом восторжествовала над жестокой ложью смерти. Он понимал, что желание его наивно: есть одна правда, это либо правда — жизнь, либо правда — смерть. Но дикарское любопытство к жизни хотело и в смерти видеть всего лишь игру в неподвижность. Хотелось тайком оглянуться и поймать притворщиков, разоблачить их неумные шутки, увидеть, как они, стряхнув с себя оковы неуклюжести, двигаются и улыбаются. Но сержант боялся оглянуться, боялся не их, а того, что реальность и воображение могут соприкоснуться, а раздвоенное сознание уже не отличит одного от другого.

Во дворе казармы за вырытым в землю столом на лавочках сидели четверо солдат в естественных позах играющих в домино людей, напряженно и молча ожидая очередного, вероятно, решающего хода. Неестественным

было только молчание: это же не шахматы, а домино. Облокотившись на доски стола, игроки держали в пальцах фишки домино, пряча их друг от друга. Увлеченные своим делом, они не замечают его, сержанта, или не хотят замечать. Он остановился и замер в ожидании, что-то соображая, только не в силах сообразить. Послышался косяной звук упавшей игральной таблички. Один из игроков шевельнулся, рука его соскользнула со стола, и тело стало клониться на бок, словно игрок хотел поднять оброненную фишку.

Женщина вскрикнула.

А сержант отшатнулся. Бежать! Бежать, лишь бы не видеть этой партии в домино, продолжавшейся уже не здесь, а где-то там, по ту сторону разумного. Бежать, пока тот, кто наклонился под стол, не выпрямился, подняв игральную кость, и не стукнул ею по столу, не сказал по-мертвецки леденяще и провительно: «Ры-ба...»

Бежать!

Но, уцепившись за плечо сержанта и залутовавшись рукавом в карабинчике ремня автомата, на нем безжизненно повисла женщина. Он рванулся, рукав затрещал, разрываясь, женщина упала. Сержант пришел в себя и остановился. Доминошники мертвые... Она живая... Он живой... Ей нужна его помощь. Бежать некуда. Главное, не сойти с ума. Не сойти с ума... Если он об этом подумал, значит, еще не... Это — хорошо. А почему: хо-ро-шо? Что хорошего? Может, лучше — сойти?! Может, он уже?! Нет! Это — ужасно, все это ужасно, но еще ужасней будет, если он сойдет. Это только кажется, что сумасшедшие ничего не сознают и не мучаются. Никто не знает, что они чувствуют. Может быть, это высшая и последняя ступень разума. Дураки с ума не сходят, им просто не с чего сходить. Но тогда зачем бояться за этот ум. Надо быть мудрым. Но... «Во mnogой мудрости много печали». Может, не прав тот, кто это сказал? Мертвым легче. Эти четверо сейчас ничего не знают, ничего не испытывают, ничего не боятся. Не боятся того, что случилось, и того, что может случиться. Но чего боится он, живой? Того, что уже случилось? Или того, что может случиться? Мертвые не знают, что они мертвы. Он знает, что когда-нибудь умрет. Только не теперь. Сейчас он еще жив.

Пусть они играют в безобидную игру домино. Один склонился под стол. Только бы он не встал и не сказал: «Ры-ба...» Если это произойдет, тогда — все! Тогда надо кончать. Нет, мертвец не встает и не шевелится. И осталь-

простыней, словно это имело какое-то значение, и вошел в казарму. Проверил все окна и решетки на них, запер входную дверь, поднялся наверх. За дверью, где находилась женщина, ничего не слышно.

— Я здесь, — сказал он, чуть приоткрыв дверь, — в соседней комнате.

И пошел туда.

«Надо или не надо? — подумал он. — Но лучше переспать, чем недоест!» Этим любимым солдатским каламбуром прогнал сомнения и стал читать инструкции на химпакетах для дезактивации при случаях радиоактивного поражения. На учениях по химической подготовке ему не раз приходилось имитировать эти действия, но сейчас он сделал все более последовательно и тщательнее, чем на учениях. Закончив «обработку», решил узнать, как обстоят дела у спутницы.

— Войдите! — услышал он поспешный возглас на стук в дверь.

Дела у нее обстояли плохо. По-видимому, она была в шоке.

— Вы ничего не делали? — спросил он, хотя можно было и не спрашивать — все лежало на столе нетронутым.

— Что?

Женщина не понимала, что надо делать. Он стал объяснять, хотя сам не был уверен в необходимости принимать какие-то меры.

— Я не знаю, что произошло, — сказал он, — отчего все погибли. Помните, в штольне вы первая сказали: «радиация»?

Женщина что-то сообразила, кивнула головой.

— Ну так вот, — продолжал сержант спокойно. — Нас она не убила, потому что над нами был надежный... экран. Но здесь могут быть остаточные явления того, от чего и погибли все. Поэтому не помешает, если вы протрогаете себя содержимым этих ампул. Поможет это или нет, не знаю. Но это все, что я нашел. Еще есть спирт. Понятно?

Она кивнула.

Сержант вышел. Через некоторое время, считая, что его прошло достаточно, он снова постучал в дверь.

— Войдите!

Сержант вошел и увидел, что все осталось нетронутым и поза у сидящей не изменилась. «А может, и не надо ничего делать...» — подумал он. Но все же спросил:

— Вы считаете, что ничего не нужно?

— Я почти ничего не вижу, — ответила она. — У меня в глазах дрожит. Я не знаю, что и как надо делать.

Сержант раздумывал: у него в глазах не дрожало. Может быть, это от того, что он успел вовремя себя дезактивировать?

— Вам очень плохо?

Она в ответ только кивнула головой.

И солдат решил: она же ничего не соображает и абсолютно беспомощна. Спокойно, сержант, спокойно. Было не было, была не была радиация, не радиация.

— Встаньте и раздевайтесь, — сказал он решительно. — Повернитесь и смотрите в окно. Или вообще не смотрите.

Он приготовил побольше марлевых тампонов, вскрыл ампулы с дезактиватором, смочил марлю и... Нет! Сержант, рано тебе умирать сегодня. Ты должен жить, пока есть это чудо на свете. Спокойно, сержант, спокойно. Ты сносно держался перед чудовищным ликом смерти, так имей же мужество устоять и не дрогнуть перед... перед ее антиподом, перед прекрасным обнаженным телом женщины. Хотя, может быть, это одно и то же... Ну, чего ты уставился? Для этого что ли заставил ее раздеться? Идиот!

Женщина поежилась от прикосновения холодных и мокрых салфеток. «Спокойно, сержант, спокойно! — повторял он про себя. — Она должна жить, а все остальное — чепуха».

— Все, — сказал он и отошел. — Одежду попытайтесь сами...

В соседней комнате он лег на койку, потер лицо, оно горело. «Глуности, — сказал он себе. — Так нужно». Что делать дальше, он не знал, и лежал в бездействии, а мысли путались, переплетались, словно мыслить разумно он разучился. Попробовал сосредоточиться и составить подобие схемы всего случившегося, но ничего путного с того момента, как он увидел мертвых часовых у входа в штольню, не получалось. Не было объяснения катастрофе. Из тупика сумбурных мыслей его вывел вопрос женщины, стоящей на пороге. Он почти забыл о ней. А она спросила:

— Можно, я буду с вами?

— Конечно. А что случилось?

Она вся дрожала.

— Мне холодно, — ответила, слегка заикаясь. — Я замерзла. И боюсь.

Сержант вспомнил о фляге со спиртом.

— Минутку! — выскочил, принес аква-вита. — Выпейте!

Почему ей было холодно, он мог только догадываться.

Женщина машинально сделала два глотка, закашлялась до слез и еле отдышалась. Но дрожать перестала. Ее бледное лицо порозовело, ожило. И скованность в ее движениях исчезла. Она села на кровать, посмотрела на сержанта и даже улыбнулась:

— Мне стало легче, лучше, — сказала она в ответ на его вопросительный и тревожный взгляд.

Алкоголь снял шокое состояние.

— Хотите еще? — сержант показал на флягу.

— А что это?

— Спирт.

— А-а... Я не поняла сразу. Нет, не хочу. Я уже пьяная. Я спать хочу.

— Ложитесь.

Он смотрел на нее, не понимая.

— Отвернитесь. Мне... раздеться надо. Не надо уходить! — видя, что сержант поднялся и направился к двери. — Не уходите, не оставьте меня одну! — чуть не плача, повторила она.

— Вы сильный и мудрый человек, — говорила она, укладываясь. — Вы мне нравитесь своим спокойствием и выдержкой. А я... я, наверное, мешаю вам. Мне страшно. Все так нелепо и ужасно.

Солнце село. Стало потихоньку смеркаться. Он хотел ответить, что никакой не мудрый он и не сильный, что ему тоже страшно. Хотел сказать, что она ему не мешает, и если бы не она, то... Но сержант не знал, что бы случилось, если бы не было здесь этой женщины. И еще он что-то хотел ей сказать, только ничего не сказал. А вскоре сделалось совсем темно, и голос ее доносится как бы издадека, хотя расстояние между ними было не более двух-трех шагов. Но как велико было это расстояние! Может быть, длиной в жизнь человеческую. А может, и больше...

— Вдруг завтра все-таки прилетит вертолет, — говорила она, засыпая. — Надо будет сходить за тетрадью... Она там осталась... Очень важно...

Он сидел и смотрел в окно, ничего не различая в сгущенном мраке. Мысли перепрыгивали одна через другую, теснились, разбегались. Невозможно было собрать

эти ускользающие мысли и додумать до конца — толчая, путаница, обрывки. Что-то звенело, кричало, не умолкая.

Женщина умолкла. Заснула.

Пусть спит. Неизвестно, что ждет их завтра, через час, через минуту. Сержант закурил и при свете спички посмотрел на женщину: чуть вздернутая верхняя губа придавала ей выражение детской серьезности. Он вышел, стараясь не шуметь. Тишина стояла необычайная. Постине на острове не осталось ничего живого, кроме них, да еще тех пятерых. Что же случилось? Может, ничего не случилось и все это — страшная галлюцинация? Сказка с фантастическим сюжетом? Кошмарная сказка. Чем она кончится? Что делается в мире? Может, везде такое? Надо бы поискать приемник — у кого-то из ребят был. Но заходить в темные комнаты казармы жутковато. Утро вечера мудренее. Но вдруг до утра у них уже нет времени. Тогда тем более бессмысленно что-то делать... И все же сержант вспомнил, что у кого-то есть маленький батарейный приемник, и принялся его разыскивать. Он нашел его, но ответа на вопрос, что же произошло в мире, не было. Сержант вернулся в комнату, сел на койку, привалившись к стене, и пытался услышать какое-либо сообщение. Эфир молчал, равномерное шипение и потрескивание доносилось из динамика — ни одного слова человеческой речи сержант не услышал. Может, на Земле людей уже нет? Странно, но эта мысль его не испугала. Если Земля пришла в такое состояние, значит, люди достойны того. С острова на материк им, пожалуй, не выбраться. И надо ли пытаться? Если человечество погибло, то на материке им делать нечего. Если живо, то их в конце концов найдут. Кого это — их? — позовольте спросить, товарищ сержант. Меня и ес... А пятеро заключенных? Да. Навязались на мою голову. Осудить их на смерть сержант не мог ни по законам человеческим, ни по законам души и совести. Но был почти уверен, что «мирного существования» ждать нечего. Если бы не было женщины... Но кто же осудит Елену за гибель Трои!

Как ее зовут? А не все ли равно. У нее должно быть какое-то очень удивительное имя. Имя, которое он, возможно, никогда не узнает. Сержант зажг спичку и посмотрел на спящую женщину. Ему вдруг захотелось поцеловать ее. Тут же прогнал эту мысль, стал принуждать себя решать деловые вопросы жизни: первое — выжить, второе — оградить ее от возможных посягательств. Таким образом, пребывание на острове в течение продолжи-

тельного времени у сержанта не вызывало сомнения. Рассчитывать надо на худшее.

Отдалилось и сгладилось видение множества мертвцов — оно напоминало теперь гравюру Доре к «Божественной комедии» Данте, иллюстрация и не более того: мертвые уплыли вдаль по спирали, то появляясь, как неприятное головокружение, то исчезая. И тогда он услышал сонное дыхание женщины, оно его успокоило окончательно.

Сказка — если это страшная сказка — должна закончиться хорошо. Он думал о себе как о некоем третьем лице, герое сказки, способном страшную историю, не им сочиненную, додумать, досказать, досочинить до счастливого конца. Что такое счастье? Человечество так и не смогло ответить на этот вопрос. По-разному отвечали, и все не то... Ему надо искать собственный ответ. И никто ничего не подскажет, а ответ будет зависеть от того, как он усвоил лучшие законы человечества.

Его счастье было рядом — усталое, испуганное, нежное и слабое существо, чье сонное дыхание он слышал в мертвой тишине ночи. Что надо сделать, чтобы это дыхание не остыло и не замерло в черном стекле темноты, надвинувшейся на Землю? В закупоренной, влажной во тьму комнате стало тесно, словно в маленьком воздушном пузырьке, вставившем в вязкой аморфной массе. Пространство остывало, затвердевало стеклом.

Сдавливаемая со всех сторон могучими силами комната стала уменьшаться, превратилась в ящик и все сжималась и сжималась. Уже невозможно выпрямиться и повернуться и, наконец, пошевелиться негде. Он сидел скорчившись, поджав ноги и опустив голову. Трудно дышать... Не выбраться. Поздно. Тело уменьшалось, и сержант стал похож на маленького согбенного грустного человека, сидящего внутри игрушечного кубика. Чья-то рука пыталась вытащить его оттуда. Поздно! Поздно... Оставьте меня. Здесь неудобно сидеть, но мне не больно и не страшно, только грустно. Я не хочу превращаться снова в живого. Не хочу. Здесь нет ни живых, ни мертвых, ни людей, ни скорпионов — все они остались там, снаружи. А я внутри, внутри себя, не хочу туда. Здесь мало места, но мне достаточно, мне хватит. Здесь я один, и — хорошо. А они там, там, там...

— Откройте глаза! Проснитесь, ради бога! Он здесь!

— Кто? Где?

Сержант услышал собственный голос и превратился из игрушечного человечка в настоящего. Женщина робко трясла его за плечо, плавно и осторожно, скорее, баюкала, чем будила. Тоскливый утренний свет, еще не окрашенный солнцем, стоял в комнате.

— Проснитесь! Там пришел этот тип... Он вас зовет.

— Что ему надо? — сержант понял, что за «тип» пришел: со двора доносился крик Скорпиона: «Начальник! Выйди же сюда. Хватит спать!»

— Не знаю, чего он хочет. Я бы вас не будила, но он кричит и кричит... Не ходите туда!

— Вас он видел?

Женщина пожала плечами.

— Вы окно открывали?

— Да...

— Значит, видел. Спокойно. Сидите здесь. Сейчас узнаем, чего он хочет.

Прихватив автомат, сержант вышел в коридор и отворил балконную дверь. Скорпион стоял внизу, против входа в казарму, поднимая голову.

«Быстро же он освоился в обстановке,— подумал сержант.— Это, конечно, разведка. Ну что ж... Постой! Значит, я напрасно «дезактивацией» занимался. Остаточной радиации, судя по виду Скорпиона, нет...»

— Доброе утро, сержант!

— Для кого как... — ответил сержант.

— Это верно. Прости. Не такое оно и доброе...

— Давай напрямик, Скорпион. Зачем пришел?

— О жизни надо потолковать...

— А чего о ней толковать? Вчера ты ее чуть не лишился. Думаю, что новая попытка решить подобные вопросы окончится для тебя печально.

Скорпион проглотил издевку.

— Ладно, сержант. Я знаю, что ты силен. Не об этом речь.

— А о чем?

— О том, что произошло. Ты можешь сказать, что случилось?

— Могу. А случилось вот что: ты покинул место, определенное тебе по закону, ты совершил побег. И я вправе применить оружие.

— Согласен. Но тебя же совесть замучит. Законов, о которых ты помянул, уже не существует.

— Ну, ну! Дальше! — сержант решил дослушать «версию» Скорпиона. — Куда делись законы? Кто их отменил?

— Война, сержант! Это война, сержант. И человечество, придумавшее всякие законы,— тью-тью! — перестаралось малость.

— Ты уверен, что это война?

— Так молчат же все! — Скорпион помахал отличным транзистором. Где он его успел раздобыть? — Молчат! Гробанулись гомосапиенсы. Мои, так называемые, преступления меркнут перед этим событием.

— Насколько я тебя понимаю, ты хочешь, чтобы я объявил амнистию?

— Я хочу, чтобы между нами больше не возникало недоразумений. Если можешь — возьми меня под стражу, охраняй. Я не окажу сопротивления. Можешь убить, если у тебя есть такое право, я опять же не буду сопротивляться. Ты прав был вчера, прав и сегодня. Вот и решай.

— Я уже решил.

Сержант помолчал. Молчал и Скорпион.

— Кроме вас в зоне есть живые?

— Нет. Все готовы,— ответил Скорпион.— Похоронить бы надо их.

— Вот и займись этим делом. Но до полудня из зоны не выходить.

— А тебе хватит этого времени?

— Хватит,— усмехнулся сержант.— Основное я сделал еще вчера.— И добавил: — Амнистия, временная амнистия, вступает в силу после полудня. И учти: увижу оружие — предупреждать не буду. Так что лучше не бери его в руки. И вообще приближаться ко мне и на пятьдесят шагов не стоит — я буду считать это нападением. Все ясно?

— Ясно.

— Радиоприемник оставь. Не твой оп.

— Пожалуйста.

Скорпион ушел.

Сержант на секунду заглянул в комнату, ровно на столько, чтобы сказать:

— Не выходите из казармы,— и исчез.

Вернулся он часа через полтора, принес что-то в мешке. Потом ходил по казарме, делал непонятное для женщины, но ее и не интересовали его дела. Она снова погружилась в состояние, близкое к шоковому. Апатия и равнодушие сковывали сознание. Она слышала, как сержант вошел в комнату. Только не повернулась, а лежала на кровати лицом к стене.

— Как вы думаете, что все-таки случилось?—сержант,

видно, закопчил хлопотливые дела и испытывал потребность в разговоре.

— Я бы сама хотела знать. Может, прав ваш утренний визитер: мир стоял у черты и переступил ее.

— Не похоже.

— А вы разве знаете, как все должно произойти?

— Не знаю. Но, мне кажется, не так. А не провалились мы в какую-нибудь черную дыру с антиизмерениями?

— Все может быть. Последние данные науки говорят, что так называемые измерения — условность, схема, весьма отдаленно напоминающая действительность. Но и подобная гипотеза может оказаться бредом или условностью. Мир бесконечен. А в бесконечности все возможно.

— Да, я знаю: в бесконечности и параллельные линии пересекаются. А вы верите в это?

— Во что? В то, что параллели пересекаются?

— В то, что в мире все возможно.

— Что значит верю? Наука это допускает.

— Прекрасно. Если наука допускает, то я, грешный, могу допустить, что из кладовой эзотерических знаний произошла утечка информации и кто-то по недоразумению или по злой воле воспользовался этим, в результате чего и произошло непопятное событие.

Она посмотрела на него с ужасом:

— Вы в своем уме?

— Пока да. Что будет дальше, не знаю. Чужого ума мне не падо, а свой постараюсь не потерять. Если он у меня есть, конечно.

«Господи, с чего это я рисуюсь, тумана папускаю? Чтобы она подумала: какой, мол, информированный мальчик. Дурак» — мысленно выругал себя сержант. А вслух спросил:

— Есть хотите? Прошло уже столько времени...

Она не расслышала. «Сколько прошло времени? Какого времени? Того или этого? Абсолютного или относительного? Имело ли время теперь прежнее значение? Этот страшный солдат задает странные вопросы. Понимает ли он, что, если допустить то, что он сказал, все теряет смысл? Жизнь теряет смысл. Куда жить? Вперед? Назад? Тянуло назад, в прошлое, вперед в будущее не хотелось — там неизвестность, а сейчас... Что такое сейчас? Это почти никогда, во всяком случае сей — вроде настоящее, а час — уже прошлое. По инерции можно думать, что живешь порциями времени, определяющимися про-

шлым и будущим, но, по сути, все это непрерывно и необратимо. Никто не может повторить того или иного состояния времени, лишь в бесконечности можно достичь любого желаемого результата». И ей показалось, что сходит с ума: только что заклинала эту самую бесконечность прекратить вот уже сутки длящийся кошмар — как ее желание стало исполняться.

— Летит! — она вскочила. — Вертолет!!! — и бросилась из комнаты.

И сержант был на грани веры в чудо — слышался характерный четкий клетот работающего двигателя. Они оба шарили глазами по небу, ожидая спасительной колесницы. Но чуда не произошло. Это Скорпион на авто майора совершал похоронные дела. Он успел оторвать глушитель, двигатель выстреливал выхлопные газы с грохотом и свистом.

Женщина погрузилась в сомнамбулическое состояние. Слишком велико было разочарование. Сержант, цепляясь за какие-то стебельки, пытался выкарабкать мысли из трясины бессмыслицы. Он крутил ручку настройки приемника, из которого лился равномерный шум и вспышки треска. Какие-то звуки, как метроном, отзывались в ушах. Он долго не мог определить источник. Это стучал маятник его часов. Он отсчитывал время, значит, оно куда-то двигалось. Надо что-то делать, надо действовать. Что он еще не сделал? На сегодня хватит: сигнализация, оружие убрал... Она... неудобно как-то — имени не знает.

— Как вас зовут?

Ответа не было.

— Скажите...

— Что вам от меня нужно? Ничего я не знаю! Ничего!! Оставьте меня в покое!

Он постоял, помолчал В покое так в покое. Запнулся усовершенствованием — это дело по его соображениям имело смысл.

«И чего на меня кричать? — досадливо думал сержант, протягивая капроновую лесу по всем стеклам окон казармы и соединяя ее с сигнальными хлопушками. — Что я вам сделал? Мне ведь тоже... Что — тоже? Нелегко. — Он горько усмехнулся. — Зачем я все это делаю? К черту все!» Но сержант заставлял себя «не обижаться на женщину», хотя это давалось ему с большим напряжением. Спокойно, сержант, спокойно...

Приемник шипел и трещал — ни слова. «Надо посмотреть потом рацию в штабе колонии», — подумал он,

продолжая устанавливать хлопунки, где только можно, — это отвлекало от безответной мысли: что же все-таки случилось?

Она лежала с закрытыми глазами, перед которыми, перетекая из одного в другое, проплывали гипертрофированные лица человекообразных чудовищ. Боясь открыть глаза и увидеть наяву это аморфное месиво гаснущего сознания, женщина плотнее зажмурилась и уткнулась лицом в подушку. Но в цветном мраке воображаемых картин продолжали возникать чуднща, в окружении которых она почти не ощущала собственное тело, словно в космической невесомости проплывая между ними в облаках черного душного пара и проваливаясь куда-то, слыша жалобный голос умирающей птицы...

...У нее были перебиты крылья и ноги, но она была еще жива и безнадежно, болезненно вытягивала долгую шею, лежа на примятых камышовых стеблях. Виден был один немигающий глаз, устремленный в неизвестность, молящий о чем-то птичий глаз...

...Яхта с зарифленными парусами мягко ткнулась килем в илистую мель. Неустойчивое головокружение. В летившей суете поздравляли владельца яхты и организатора пикника с удачным выстрелом...

...Шефу во всем везет! Ни гусь, ни утка — а именно лебедь...

...Да! Величавая птица, а была ведь, вспомните, гадким утенком. Но, в сущности, чем она отличается от своих собратьев? Мясо такое же, опереньем только!

...Это одна из завистниц и соперниц...

...Ей показалось, что все посмотрели на ее белое платье невесты и усмехнулись. Стало обидно, стыдно и больно, а ее вещноспособный жених был небрежен, удачлив и весел, он еще не устал от поздравлений по случаю окончания, опубликования и признания его последней, поистине гениальной работы, которая принесет ему мировую славу. Праздник своего гения, своего научного таланта он хотел украсить праздником любви, не скрывая нескромной радости взглядов, жестов и слов, обращенных на нее...

...В сущности, это она была лебедем, сбитым на лету его метким выстрелом, это она лежала на подмятых, подкрашенных кровью камышовых стеблях, поводя умирающей шеей и светясь непонимающим взглядом, измеряя

последнее расстояние от жизни до смерти. Это она добровольно согласилась стать трапезой, это ее подадут деликатесом на стол знаменитости...

...И она почувствовала тошноту и омерзение к деловому смеху и разговору талантливых ученых вокруг гениального учителя, руководителя, шефа...

...Почему? Почему ей казалось, что она любит этого самовлюбленного человека? Этого удачливого убийцу?..

...Белый лебедь лежал, распластав перебитые крылья, изгибая тяжелую шею, и никто не замечал, что он еще жив, а соринку на белом пиджаке шефа заметили, сняли чьи-то пальцы...

...Шефу везет! Помните, прошлый раз тоже...

...Прости меня, природа! Все-таки наша работа стоит того, чтобы заплатить за нее белой птицей!

...Господи, как он высокопарен и гнусен! Неужели он не понимает?..

...Это будет нашей традицией... Правда, шеф?

...Она ощутила на себе ядовитую слюну соперницы, что-то липкое просочилось сквозь белоснежное платье невесты...

...Рубиновый глаз на беспомощно поднятой голове умирающей птицы...

...Наконец чья-то милосердная рука скрутила птице голову...

...Время хрустнуло, как шейный позвонок...

...Кто-то сломал пружину времени...

Она закричала или застонала. Когда это было? Вчера или завтра? Бегство по лесу в белом платье. Она пряталась, слышала, что ее звали, искали, не нашли... Ее ищут! Спрятаться! Кто-то где-то разговаривал. Кровь рубинового заката растеклась по стеклу лебединого глаза...

Болезненные галлюцинации пошли по кругу, усиливая видения прошлого кошмарными вариациями безвременья настоящего...

— Вставайте, мы уже больше суток ничего не ели...

Кто это? Она не видела с тех пор своего «жениха». Не желала его видеть! Он принес ей жаркое из лебедя. Традиционный пир победителя. Пахло кровью убитой птицы. Окровавленное крыло скользило по лицу. Отражение заката в створке открытого окна.

— Сержант! Выйди на минуту!

Кто-то прокричал эти слова сильным, красивым, но почему-то очень неприятным баритоном. Бодрость этого голоса была так же тошнотворна, как запах жареного

птичьего мяса. Комната, каюта яхты, плавно проваливалась в пустоту.

Кто там разговаривает? Наваждение схлынуло. Это не яхта. Это совсем другие люди. О чем они хлопочут? Она не понимала, как они могут владеть собой, эти равно далекие люди, грубые и бесчувственные, не знающие ни страха, ни сострадания, ни боли умирающего лебедя. Какого лебедя? Им, вероятно, не понять ужаса гибели земной цивилизации, музыки, искусства, красоты, созданных тысячелетним гением человеческого ума. Женщина не видела противоречия в мыслях: в гибели цивилизации эти «грубые» и «бесчувственные» люди — белообрый сержант и тот, еще более непонятный ей человек, — были бы виноваты, наверное, меньше других. Кого других? Могут ли пальцы, ласкавшие белые клавиши рояля и извлекавшие божественные звуки, нажать на спусковой крючок коллекционного ружья и оборвать лебединый полет?

Эти вопросы задавать было некому. И, может, поздно. Она встала.

Тот, второй, во дворе умудрялся быть веселым:

— Упарился я, сержант! Прости, времени не было, сй-ей! — он неуклюже потоптался, неприлично прижимая руку ниже живота. — Я сейчас...

Его взгляд скользнул по женскому лицу, появившемуся в окне, не потеряв хищности даже на расстоянии. Женщина отошла и села на кровать.

— Этих пятерых мы тоже туда, — услышала она слова неприятный голос. — Все люди — братья, в братской и похорошим.

Потом послышался грохот автомобиля, скрежет металлического листа, волочащегося по земле, необычный катафалк совершил последний рейс. Она поняла, о чем говорили те люди, и представила себе, как грузили и возили трупы. Вдобавок на руке Скорпиона блеснул дутый золотой перстень майора, она почему-то вспомнила этот перстень. В роли добровольного таксиста майор был смелым, вынычывая палец, обремененный дорогой пошлостью. Душу обволокла муть, и женщина упала на койку, чтобы ничего не видеть и не слышать.

По вернувшийся в комнату сержант принес ей новые мухи. Он возился у стола, выкладывая на тарелки разогретую тушенку. Сейчас начнет насыщать утробу и, наверное, чавкать и сопеть от удовольствия. Стало совсем

невыносимо, когда он подошел к ней, остановился в нерешительности и, помедлив немного, взял ее за локоть.

— Вставайте ужинать.

Женщина не шевелилась. Он дотронулся до ее волос, решая какую-то замысловатую задачу. Решил. Погладил по голове и повернул ее лицо, заглянув в глаза.

— Не отчаивайтесь. Пока я жив, с вами ничего не случится. А жить я собираюсь долго,— он слабо улыбнулся.— Переждем, переживем, и все будет хорошо. Не плачьте. Не надо плакать...

И как-то так получилось, что его ласковую влюбленность, его робость перед ней ужас свершившегося пригнул, а великая чувственная сила отдалила этот ужас. Он потянулся к ней беспомощно, но неумолимо, и ласки жалости перестали быть жалостью в бессознательной силе стихии. Так срубленная весенняя ветвь, не желая знать смерти, раскрывает цветы, для которых вся жизнь— в миге цветения, и этот миг нельзя остановить.

— Оставьте меня!.. Животное...

...на озере жарили лебедя...

...желать лебединого тела...

Он увидел очень близко налитые болью зрачки. Ее неподвижное тело холодно и отчужденно застыло в его объятиях. Опомнись, сержант! Ты любишь ее, но кому нужна теперь любовь. Он резко вышел из комнаты, но вскоре вернулся.

— Вставайте, поешьте,— не глядя на женщину, проговорил он.

— Не хочу.

— А я хочу доказать, что я не животное. Не знаю, почему так получается.

Она встала. Съела приготовленную тушенку, наверное, не заметив, что это. Он хотел объяснить, но подумал, что все слова ни к чему, и, стараясь усмирить досаду за неуместность овладевшего им чувства, сказал только:

— Вы потерпите, но порознь находиться жутковато. Впрочем, я могу перейти в другую комнату.

— Мне все равно.

Она сказала неправду: ей было не все равно — остаться одной в темноте она бы не смогла.

Он расценил ее слова как абсолютное презрение к нему, ревниво кольнувшее, но дававшее право обходиться без объяснения. И что он мог объяснить?

Глядя в одну точку на потолке, он пытался поймать,

различить движение вечерней тени, подступавшей вкрадчиво и неуловимо. Концентрируя внимание на этом занятии, он хотел освободиться от смуты мыслей, которая владела им уже сутки, но сознание неохотно отвлекалось от реального бытия и необычности случившегося, объяснения которому не было. Сумерки становились плотнее, исчезли детали, которые раньше были различимы, но когда они исчезли, не мог ответить точно. Причина всем изменениям была сама жизнь, а как следствие возникали неожиданные повороты. Но почему неожиданные? Он ждал нападения Скорпиона в штольне и был готов к нему. Если бы сержант вмешался в ход тогда назревавшего нападения, то — как знать! — что бы с ним было сейчас.

Стало совсем темно. Но темнота тоже понятие относительное — в ней различались предметы в комнате, а может, угадывались с помощью памяти.

— Вы спите? — тихо, почти шепотом спросила жепцина.

Он хотел ответить, но почему-то промолчал, а потом стал досадовать на себя за то, что не отозвался сразу, а теперь — поздно.

Она больше не спрашивала. Он слышал, как она дышала и раздевалась, различал во тьме светлое пятно ее лица, закрыл глаза, чтобы не стать тайным свидетелем чего-нибудь недозволенного, потому что зрение его было достаточно острым. Он заставлял себя не думать о ней, только не было иных мыслей. С усилием перенес паваждеие нахлынувшего воображения, упрекая себя в бесстыдстве, и призывал на помощь размышление о тех пятерых заключенных, которые, он был уверен, никогда не станут его единомышленниками, а навсегда останутся врагами. В создавшейся обстановке казалось, что те пятеро по сравнению с ним ничего не потеряли, а оказались в несомненном выигрыше, потеряв всего-навсего тюрьму. Не было у сержанта праздника в жизни, и то большое чувство, которое пришло к нему, чувство благоговейного восхищения женской красотой, пришло на том пестуразном сдвиге времени, событие его любви совместились с коимарным событием смерти, словно поведомые силы специально ожидали этого момента или рок осудил его любовь на необычайное испытание. Любовь, о которой так много говорят в мире, казалась ему до этого поэтической выдумкой, игрой в безумие. В жизни подобного не встречалось, все низводилось до пошлости в бытовых отношениях между мужчиной и жепциной. Раньше каза-

лось, что он знал, зачем живет: так надо, жить и познавать жизнь. Он жил созерцательно, словно из любопытства, не стараясь творить и переделывать не только жизнь вообще, а даже собственную, отмечая только в окружающем то, к чему он расположен духовно. К чему-то он был непримирим, но эта непримиримость внешне ничем не выражалась, и мало любезного видели люди в его замкнутости и неторопливости. Сержант не был ни добрым, ни злым, потому что такие понятия, как зло и добро, очень часто сами себя поедали в окружающем мире и воспринимались каждым по-разному. Он считал себя добрым, потому что старался уберечься причинить боль другим. Но люди конкретны: не делая зла одним людям, невольно причиняют зло другим, близким или далеким, а, может быть, вообще неизвестным, а как это происходит, непонятно, но все дела человеческие по ниточке сложных и запутанных связей как-то действуют и влияют на жизнь всего человечества.

«Что бы там ни случилось — теперь у меня есть цель в жизни», — подумал он. Этой целью стала Любовь к Женщине. Даже не любовь, сержант еще и не знал любви, что это и как, а сама жизнь этой женщины стала для него явлением мира и мироздания, без которого собственное существование теряло смысл. Не сейчас, но после, когда представится случай, он скажет ей об этом, чтобы женщина не тревожилась, чтоб ее не тревожила сегодняшняя сцена.

Ему захотелось курить, и сержант вышел. С балкона ему показалось, что за угол казармы откатнулась тень. Наверное, показалось, подумал он, потому что, вглядываясь и прислушиваясь, ничего не услышал, но курил осторожно, чтобы огонек сигареты не послужил для кого-то точкой прицеливания.

«Значит, сержант не спал, — думала женщина, когда он вышел, — и не отозвался... Да что ж это творится на свете, и долго ли это будет продолжаться? Кто? Кто ответит на эти вопросы? Может быть, я сошла с ума и вижу все это в кошмаре?!» Ей сделалось страшно, она прижала руку к лицу, чтобы не закричать, закрыла ладонью рот. Если это конец, то конец всему, и не важно, кто сошел с ума, весь мир или она одна. Да нет же, она-то не сошла, она понимает... «Что? Что я понимаю?» — задавала себе вопрос. «И этот человек... он тоже сошел с ума?»

Почему-то ей вспомнилось, что сегодня утром, то есть когда-то очень-очень давно, не забыл вычистить ботинки — так резко и остро пахло тогда сапожным кремом в туалетной комнате. И еще она видела, как снял он нагрудные солдатские значки, вложил в коробку и сунул в зеленый мешок, сделав это очень аккуратно. Именно аккуратно, что было странно и непонятно — зачем? Она уже тогда подумала о несоответствии того, что с ними происходит, с действиями этого человека. А вот сейчас подумалось, что, может быть, как раз в его действиях и было нечто важное. Это были все-таки действия, а у нее были только галлюцинации и наваждения, которые так неожиданно и необычно прекратились, когда она вдруг ощутила запах шепота его губ и дыхание на своих губах. Лежа теперь в темной комнате, она опять ощутила запахи и этот шепот — в них была та сила, которой ей не хватало, но эта сила уже не казалась грубой. Это была добрая сила, потому что это была сила жизни. Желница подумала, что сила эта рано или поздно овладеет ею, но не было уже так неприятно, как вначале. Может, сейчас он войдет, и тогда она подчинится тому, что сильнее ее. В фантазмагории ее чувств, с момента ужасного события, впервые, за множество часов, появилось осознанное желание жить.

Сержант вошел. Еще слыша его шаги по коридору, она, словно облекаемая теплой волной, замерла и пыталась как бы вынудить из себя тревогу сдержанным дыханием. Он почти неслышно прошел мимо, она даже глаза закрыла, и так же неслышно лег, чуть царапнув чем-то металлическим, вероятно, положенным на изготовку автоматом.

— Простите меня,— проговорила она в темноту комнаты, где с его приходом ощущалась горькая табачная гарь.— Простите, я не должна была вас оскорблять. Но поймите, что я... что мне... неприятно...

Она замолкла, смешалась, сказав не то и не так. Что он должен понять? Ее целомудрие? Глупо... Отчего ей неприятно и что?

— Не надо об этом. Я все понимаю, все правильно,— ответил сержант как бы издалека. Его мысли продолжала записывать качнувшаяся за угол тень, если она не почувствовалась. Добавил: — Если услышите подозрительные звуки, вообще любые звуки в здании или снаружи, разбудите меня. Спокойной ночи!

Спать ей не хотелось, мешала тишина упруго, как проволока, натянутой ночи, и боязно было прикоснуться к этой тишине, словно она могла разорваться — и тогда свершится нечто совсем уж непоправимое и невыносимое. И заговорить с человеком, сказавшим «Спокойной ночи!», женщина не решилась, хотя была уверена, что и сержант не спит в этой напряженной тишине, и ей даже стало обидно, а потом стыдно и за обиду, и за мысли против него. Она вздохнула глубоко и произвольно, чтобы снять напряжение, заснуть и не думать ни о чем, но совершенно случайно подумала о том, что случилось с ее обонянием, которое всегда было острым и чутким, улавливающим на расстоянии даже запахи камней, но теперь усилившимся по непонятной причине. Она различала запахи стен и потолка, окна, двери, не говоря о запахе краски, еще исходившем от солдатских ботинок, одежды и тела сержанта. Все это было естественно и не тревожило ее восприятие. Но было нечто в комнате, некая вещь, которая пахла тяжело и угрюмо, густо и сладковато, словно пожар — потухая, но шевелясь еще волнами дыма, золы и пламени и не желая потухнуть. Всю ночь тревожил ее необыкновенный запах, и женщина силилась понять, что же это, но лишь на рассвете, очнувшись от забытья, увидела беснумно прошагавшего к двери солдата и поняла: оружие! Это его оружие мучило ее всю ночь особым запахом. Она успокоилась и уснула.

Новый день почти ничем не отличался от предыдущего, если не считать того, что сержант разнообразил его приготовлением и завтрака, и обеда, и ужина. Люди не разговаривали, да и не было причин для этого: сержант появлялся лишь затем, чтобы молча поставить перед ней еду и удалиться. Она опять слышала его передвижения по всей казарме то там, то тут, даже на чердаке он производил некие действия. И еще ночь, и еще день, и еще... По ночам он куда-то исчезал. И все это почти в полном молчании. Наконец женщина не выдержала, заговорила, прошла, может, неделя, а может, и больше.

— Вы все время что-то делаете. Может быть, я что-нибудь, чем-нибудь... помочь могу? Объясните.

Он посмотрел на нее как-то странно, но, как ей показалось, радостно:

— Объясню...

Из объяснений она поняла одно: сержант пытался из казармы соорудить «неприступную крепость», вырыл да-

же подземный ход. Объяснил, как и когда им можно будет пользоваться.

— Да зачем все это?

Он посмотрел на нее как на дурочку, потом улыбнулся, потом серьезно начал:

— Если все это не пригодится — и ладно. Но...

Появился Скорпион со свитой, и сержант, указав в их сторону, произнес:

— Вот за этим самым.

Разговаривал он с ними, как Цезарь с плебеем — с трибуны балкона. Разговор шел о продуктах, которых должно хватить на год.

— А дальше что? Друг друга жрать начнем? — Скорпион выругался, он нарочно применял иногда сальные словечки, чтобы создать видимость собственной «необразованности». — Слушай, сержант, мы теперь государство почти, надо подумать о перспективе. Остров не так велик, и мы в конце концов по закону эволюции перегрызем друг друга и подохнем. Надо нам на материк, а? Планчик есть. Мы тут с ребятами нашли рыбацкий баркас.

— Утопия, — бросил сержант.

— Почему обязательно утопнем? А если не утопнем, а выплывем? Если с умом взяться, а мы беремся движок на нем установить по всем правилам, то доберемся. Пока у нас есть запас продуктов... На плотях люди океаны пересекали, а тут каких-то сотня километров.

— Двоих Боливар не вывезет.

— Почему? Он полсотни вывезет, а нас всего семеро.

— Ты знаешь, о чем я говорю.

— И ты знаешь, что другого способа у нас нет. Ты — командор, мы — матросы. Доберемся до материка — и веди нас в любую тюрьму. Но я думаю, что их нет, тюрьм. Наконец-то человечество освободило себя от тюрем и войн. Ну, так как?

— Хорошо, — ответил сержант. — Я знаю, что вы от этой бредовой идеи не откажетесь. Делай свой корабль.

— Есть, адмирал! Только у нас ни карты, ни компаса нет. Позаботься об этом. У вас-то найдется?

— Зачем ты разбил рацию? — вместо ответа спросил вдруг сержант.

— По нечаянности, ей-богу, по нечаянности! Или ты думаешь, что я совсем идиот? Случайно получились.

— Не случайно, а на всякий случай, когда понял, что я лампы вытащил. И вообще ты мародерствуешь.

— Что ты, сержант! Перстень этот? Сдам. Одежду? Тоже сдам. Автомобиль, как видишь, я уже не трогаю, надо топливо экономить. Разве это мародерство. Ладно. Значит, готовимся к отплытию. А карта и компас за тобой. Так?

— Так. За мной.

— Ох, и хитер ты, сержант! — не удержался Скорпион от лесты. — Мы не успели опомниться, как ты уже все прибрал: и документы, и медикаменты, не говоря об оружии. Ну что ж, это говорит о том, что с таким капитаном смело можно в кругосветку идти.

Женщина слышала этот разговор, и ей стали понятнее настороженность и деятельность сержанта.

— Вы примете предложение этого человека? — спросила так, что он услышал в ее голосе надежду на возможность возвращения к старой жизни.

Сержант не хотел ее разочаровывать, но ответил почти безнадежно:

— Нет. Скорее всего, нет.

— Почему?! Если есть хоть один шанс, почему его не использовать?

— Как бы это... Как бы это понять самому... почему? Вы уверены, что произошла катастрофа на всей Земле?

— Н-нет. Не уверена.

— Я — тоже. И Скорпион сомневается, хотя старается убедить меня в том, что произошел глобальный катаклизм, например, всеокрушающая ядерная война. Если это так, то есть если катастрофа везде, то чем лучше там? Помочь я ничему и никому не смогу. Это во-первых. Во-вторых, шанса, мне лично, остаться в живых, даже если мы доплывем, Скорпион не оставит. Смогу ли я угадать его ход — не знаю. Всегда, до конца он будет стремиться только к одному — уничтожить меня. Может, это эгоизм с моей стороны, пусть! Допустим, я эгоист. Но такой же эгоист и Скорпион. Наш эгоизм полярный. Я знал, что он упадет на меня в шторм. Не знал только когда. Ваши слова «сегодня я улетаю» были ответом: сегодня. Я был готов. Свернуть конвой и расстроить ваши работы я не мог — не было доказательств. Менять схему, то есть изменить расстановку, не хотел, потому что Скорпион сразу бы догадался и, кто его знает, что бы он выкинул? То есть я мог помешать только себе. Ну и... — сержант усмехнулся, — мы совершенно случайно могли быть на поверхности, когда тут все произошло. Последнее. Если

это произошло только на острове, то разумнее ждать: скорее к нам придут, чем мы доплывем до материка. Скорпион рвется, ему надо спешить. Мы будем ждать. Скоро все должно решиться.

— Но если беда только здесь, то почему не прилетел вертолет?..

— Я не хотел вам говорить. Не было радиogramмы отсюда на материк об этом, или забыли, или не успели... Правда, одно очень удручает: если там ничего не случилось, почему радиоприемник молчит? Ни одна радиостанция не работает, что ли...

— А мы так и будем сидеть в казарме все время?

— Если хотите, прогуляемся.

Если бы можно было, сержант отказался бы от прогулки и предпочел сидеть в казарме, но в женских глазах увидел бы затеплившуюся радость жизни, которая тут же могла погаснуть, и поэтому согласился. Они пошли к берегу, продолжая начатый в казарме разговор.

— Вы заметили, что ни птиц, ни насекомых не видно?

— Заметил.

— Здесь зона какого-то излучения, оно, может, и создает помехи радиоприема.

Он тоже так считал. Не ощущая физических неприятностей — боли или каких-либо отклонений и видимых проявлений излучения, промолчал, подумав: «Чему быть, того не миновать». Не зная, что в данном случае надо бы предпринять, благоразумно решил не предпринимать ничего.

Она сама спохватилась и выразила тревогу:

— Мы ушли из казармы, а те... вдруг они...

— Что?

— Человеку надо... Он должен знать, что у него есть место, куда можно вернуться.

— Не бойтесь, — ответил он туманно, но уверенно, — в казарму они не пойдут. Ничего хорошего там для них нет, Скорпион об этом знает. Кстати, стрелять вы хоть умеете?

— Нет. Никогда не стреляла.

— Хотите научиться?

— Зачем? Я никого не смогу убить.

— Что ж, может, и верно, может, вам и не надо.

— А вы их отпустите, если они соберутся плыть?

— А что я могу сделать? — он помолчал. — Пусть плывут. Мне кажется, не доплывут они...

Он подумал еще о том, что Скорпион не удержится и,

даже получив все необходимое для плавания, попытается разделаться с сержантом здесь, на острове, чтобы скрыть концы в воду. Они стояли друг друга, эти два человека. И можно сказать, что, не зная друг друга, очень хорошо друг друга понимали. Жизнь разломилась, как магнит, а эти двое, как два полюса, испытывая острую непримиримость и отвращение, были вынуждены находиться на забытом богом клочке земли, сталкиваясь магнитными силами неприязни. Скорпион в первый момент растерялся, не понимал, почему сержант не разделался с ним сразу после выхода из штольни или в первую же ночь. Скорпион думал, что так и случится. Так бы и было, сержанту нужен был повод, а Скорпион не дал этого повода, ничего не предпринял и тем самым избежал смерти от сержантской пули. И, несомненно, воля Скорпиона была надломлена еще там, при неудачном нападении в штольне. Механизм зла не смог одолеть механизм добра, потому что добро сержанта было не просто добро непротivления, а четко осмысленное человеческое добро, уложенное в строгий футляр физического здоровья и силы. Разум, душа этого невзрачного на вид солдата были по-детски чисты, нетронуты и столь же энергичны, как и его тело. Нужны были исключительные обстоятельства, чтобы они проявились во всей гармонии: разум, как доброе начало, плюс сила, способная осуществить разумные указания. Это и почувствовала женщина. Его слова, движения, взгляд окружали ее, проникали в сердце и успокаивали.

— А вы не боитесь? В смысле, вы никогда не испытываете страха? Вы всегда так уверены?..

Вот и сейчас он сидел спиной к морю, хотя естественнее было бы наоборот, но женщина предположила, что так ему удобнее: те, пятеро, могли появиться только с одной стороны, эту сторону он и взял под наблюдение. Автомат, к запаху которого женщина уже привыкла, лежал на камне за его спиной.

— Таких людей, наверное, нет, кто не испытывал страха.

Простой ответ показался женщине особенным, словно об этом говорилось впервые. Но, может, так и было, потому что сержант говорил сейчас не по долгу службы, а свободно, от души, иногда останавливаясь, подбирая слова, не для эффекта, а для точности. Чувствовалось, что человек «соскучился» по словам, и женщина с удивлением слушала, совсем забыв о собственной «учености». А

сержант говорил, и мысли его были не новы, и отнюдь не оригинальны, но привлекательны уже тем, что звучали из уст незаметной единицы человечества — солдата с автоматом. Он закурил и продолжил:

— Страх ко всем приходит. Наверное, к разным людям по разным причинам. До этого, скажем, случая у меня не было причин для страха, для растерянности, раскола оболочки разума, его воли, когда душа, а может, и не душа, а что-то другое начинает вытекать через трещину. Надо суметь собраться и залепить эту трещину. Ведь страх в основном возникает перед смертью, перед тем известным явлением, когда мы понимаем, что привычное явление, жизнь, может прекратиться. Может быть, все и не так, ведь есть же люди, добровольно обрывающие собственную жизнь, но и это, наверно, не значит, будто самоубийцы очень храбрые люди. Я почему говорю о смерти? Потому что страх смерти для большинства, наверно и для меня тоже, самый значительный страх, если можно так выразиться. Мы все боимся умереть. Но мы ведь все точно знаем, что когда-то умрем. И этого мы не боимся. Значит, мы боимся умереть в следующую секунду! Мы боимся именно того, что в следующую и до самой последней секунды живем, вернее, до предпоследней. Страх, который полностью развалит здание разума в последнюю секунду, это уже не жизнь, это фактически смерть. Риск, который обычно приписывают храбрым людям, это вовсе не риск, то есть это неприпятое: «Эх, была не была!», а совсем другое. Человек, идущий на риск, твердо уверен, что случится именно так, как ему хочется. Он уверен, хотя, может быть, и не сподобся к действию, на которое решается. И вот тут получается непонятное: случится или не случится? То есть что такое везение — случай или закономерность? Мне кажется, все-таки случай. Ведь если в жизни весь прежний выигрыш делать ставкой и повторять так еще и еще — неминуемо придешь к нулевому результату. Везучие так не делают, оставляют впрок нечто или прекращают игру сразу же после выигрыша. Их останавливает страх, они попросту не уверены. В штольне я выиграл, но продолжаю игру. Обстоятельства заставили. Прекратить в моем случае игру — это не выйти из игры, нет, мне не дадут... Прекратить игру — значит уничтожить Скорниона. Это меня заставит сделать страх, только страх, когда появится прямая угроза моей жизни. Или вапшей, — добавил сержант, не глядя на женщину. — Напугал я вас?

Нет? Это я все говорю к тому, чтобы вы не имели иллюзий в отношении тех людей, которые сейчас сооружают ковчег. Помощничков себе Скорпион подобрал не отпетых. Если допустить, что он доберется до материка, то знаете, что он в первую очередь сделает? Придушит своих сообщников — дальше они ему будут мешать, а мертвые не разговаривают.

— Но если вы уверены, то...

— Что ж вы не договорили? — сержант усмехнулся. — Могу за вас договорить: то почему не закончу игру?

— Нет. Не совсем так, — смутилась женщина, — но... А в самом деле, как тут поступить?

— Захватить их ковчег и отправиться вдвоем! — засмеялся сержант. — Хотите? Не надо. Это все равно, что их отпустить с богом, пусть плывут! Надо убедить Скорпиона, что я так и намереваюсь сделать. Вот только как быть с вами, я не знаю...

— Я вам мешаю?

— Н-нет... Не то. Наоборот, вы мне не мешаете. Но, признаться, по будь вас, дилемму: отпускать или не отпускать Скорпиона, если, конечно, он сам намерен покинуть остров, мне было бы намного проще решить. Впрочем, что я говорю? Не будь вас — мне бы и решать было нечего... Все было бы уже решено.

— И как? — словно бы не понимая, спросила женщина. Ей почему-то нестерпимо захотелось узнать больше об этом молодом человеке, на которого она смотрела теперь совсем по-иному. Он как-то приблизился и стал ей интересен. Видя, что сержант медлит, не понимая вопроса, пояснила: — Каково было бы решение, если бы меня не было?

— Не было бы вас, не было бы штольни и не было бы меня, — сержант словно бы уклонился от ответа, который готов был высказать, и повторил очевидное, но ответ прозвучал так, словно он робко произнес признание. — И я буду, пока есть вы.

Голубое небо, голубая вода, голубые глаза. Пусть безумие! Пусть сумасшествие! Пусть! Она потянулась навстречу заливавшей голубизне, вызвав в памяти ощущение запаха шепота его губ, желая воображение обменять на действительность, и закрыла глаза, погружаясь в эту неумолимую голубизну, выдыхая на его губы совсем уж бессвязные слова:

— Пусть будет... Я верю вам... Пусть будет, как вы хотите.

И прошло некоторое время, прежде чем она почувствовала, что сержант словно бы сопротивляется ее внезапному чувству и как-то беспомощно обнимает, целуя ее. И женщине вдруг сделалось обидно и стыдно за собственные слова, которые и впрямь были, наверное, на грани бесстыдства, и, охладев от жары и забывтья, она прислушалась к тому, что было вне ее, открыла глаза и увидела его зрачки, странно сужавшиеся и расширявшиеся, словно подбиравшиеся к ней. Она готова была уже сказать или сделать неприятное и обидное, даже оскорбительное, для чего и отвернула лицо в сторону, как вдруг опять густой, сладковатый, тяжелый, удушающий запах возник, и угрожающей аллегорией перед глазами выросла его рука, сжимающая автомат. Она все поняла и засмеялась освобожденно и весело. Она все поняла! По смех был слишком неожиданным для сержанта, словно от удара, он вздрогнул, и зрачки его стали маленькими и острыми. Не давая ему встать, она обняла его за шею и, целуя часто и много, тихо улыбалась, а потом вдруг проговорила, став серьезной и спокойной:

— Я вас буду любить... — и добавила еще серьезней: — Всегда. А теперь давайте уйдем отсюда, я знаю, что вам здесь неспокойно, но прежде хотела бы выкупаться, я редко бывала на море. Или... — она посмотрела на него выжидающе. — Может, пользя?

— Почему же пользя. Можно.

Купание ее не заняло много времени. Она вышла из воды, подошла к нему спиной и погладила мокрой рукой по щеке.

— А вы не хотите? Давайте, я поостерегу вашу автоматiku. Скажите только, на что надо надавить, в случае чего.

— Давить ни на что не надо. А в случае чего — взять и бросить его подальше в воду.

— И все?

— И все.

Он начал раздеваться. Все ли ты предусмотрел, сержант? Все! Как будто все. Даже отвернулся, увидев, что один густой полынный куст пошевелился и переместился. Пошел в воду, нырнул, вынырнул и, не оглядываясь, поплыл к камню, до которого от берега было метров семьдесят. Женщина присела на платье, обсыхая, и увидела Скорпиона только тогда, когда чья-то рука уже взяла

автомат сержанта. Она закричала и пыталась вскочить, но сади кто-то надавил на плечи и заставил сесть.

— Как дела, курортнички? — ухмыльнулся Скорпион. — Тихо! Заткните ей флейту, ушам больно.

Сержант был возле камня. Он наконец оглянулся и оценил обстановку. Спокойно, сержант! Пока все идет по боевому расписанию. «Прости меня... Господи! Я даже не знаю, как ее зовут! Потерпи немного, сейчас все кончится. Мерзость-то какая! — подумал он. — Всех пятерых надо...»

— Как вода, сержант? — поинтересовался Скорпион.

— Отличная. А чего это ты пожаловал?

— Да вот тоже искупаться решили, — Скорпион отвел затвор и заглянул в казенную часть, потом отсоединил магазин и вновь присоединил. — Сколько тут патронов?

— Пять, — ответил сержант. — Еще вопросы есть?

— Выходи, потолковать надо.

— Я, понимаешь, не при галстукке сейчас. Не удобно с таким, как ты, джентльменом беседовать в таком виде. Говори, зачем пришел?

— Ты знаешь, что мне надо.

— Не знаю.

— Карту и компас.

— Почему ты такой нетерпеливый? Я же тебе сказал, что отдам. Я бы тебе даже боекомплект подарил на дорогу, чтобы ты своих дружков не заставлял мучительно умирать, а покончил бы с ними по-человечески. Разве вы сегодня отплываете?

— Завтра.

— Завтра и приходи.

— Мне нужны гарантии, сержант, а их я хочу получить сегодня.

— Мне тоже нужны гарантии. Всем нужны гарантии.

— Не упрямясь, сержант. Ты умный человек и должен сообразить, что сегодня ты проиграл. Давай решать дело миром.

— Как это миром, Скорпион?

— Сообща значит. Всем жить хочется, не одному тебе, — не удержался и Щуплый, делая прозрачный жест в сторону женщины.

Сержант подумал немного: не слишком ли он спокоен? Не вызывает ли это подозрение? Чтобы их успокоить, сержант вылез из воды и уселся на камень, выбрав место, чтобы в нужный момент плюхнуться в воду: неизвестно

сиде, какие они стрелки. Но убивать сразу они его не будут, Скорпиону нужны карта и компас. В одну из ночных вылазок сержант слышал это своими ушами. Вряд ли они переменили прежнее решение. Ему пужно, чтобы был израсходован первый патрон, остальные пустые. Как вынудить его на один-единственный выстрел?

— Я согласен решить дело миром. До завтра, Скорпион! Оставь все как было и уходи.

— Шалишь, сержант! Я не хочу иметь лишнюю дырку в голове.

— Да? А я сомневался и не проветрил тебе мозги, все думал, ошибаюсь.

— Ты не ошибался.

— Ну, спасибо! Вот пример, когда совесть — плохой советчик.

— Выходишь или нет? — Скорпион подождал и стал прицеливаться.

«Еще убьет, сволочь, с дуру!» — подумал сержант, готовясь нырнуть. Но тут произошло неожиданное. Женщина после первого испуга и вскрика сидела в оцепенении. Потом до ее сознания вдруг дошло необычное. И необычное было в поведении сержанта, какая-то загадка. Не то чтобы ей передалось что-то, но неосознанно она решила по-своему. «Пять!» — крикнул сержант в ответ на вопрос Скорпиона. Она подумала, что наступил решающий момент, когда ей тоже надо действовать, и ударила по правой руке Скорпиона, толкнув ее в сторону. Прогредел выстрел, неожиданный и для сержанта, но увидев на берегу возню, он уже плыл к берегу.

— Подержите эту сучку, — прохрипел Скорпион, сшибая вцепившуюся в ногу руку. — Я с ним сейчас поговорю!

Его приспешники уже оттащили женщину за руки и ноги, прижав к земле.

— Стойте! — кричала она сержанту, силясь подняться. — Не выходите! Он убьет вас!

Скорпион еще раз заглянул в казенник автомата, удостоверившись, что патрон на месте, сказал:

— Выходи, не бойся, убивать я тебя не буду, по мозол раздроблю, чтоб ты не дрыгался. Если хорошо себя вести будешь, то клянусь своими пятнадцатью годами — век воли не видать! — только чуть-чуть пораню. До свадьбы заживет!

Сержант стоял по пояс в воде, отстегивая очень мешавшее ему сегодня некоторое устройство.

— Может, решим дело без убийств, а? Скорпион! — видно было, что сержанту плохо стал даваться спокойный тон в разговоре, голос был резок, подрагивал, срывался. Он стоял метрах в пятнадцати. — Один там был патрон. Один, Скорпион! Ты снова проиграл.

Скорпион спустил курок. Выстрела не было, передернул затвор еще и еще...

— Бросьте ее, ублюдки! — Скорпион испугался. — Сюда! Да говорю же вам, скоты!

Его сообщники наконец сообразили, что хочет их вожак, оставив женщину, они струдились возле него.

— Давай, давай! — подбадривал сержант. — Вас же питеро, чего боитесь. Сидите на месте! — крикнул он женщине, поднявшейся и тоже направившейся к воде. — Вот и прилив начинается. Это хорошо — могилы для вас копать не придется.

Сержант разорвал зубами полиэтиленовый пакет. Питеро бандитов ошалело остановились, сделав несколько шагов, прямо на них смотрел ствол пистолета. Скорпион все же успел прыгнуть, словно ныряя навстречу выстрелу. Потом прозвучали еще четыре...

Уронив пистолет, сержант вышел из воды и побрел в казарму. Он шел как слепой, спотыкаясь и едва не падая, так что женщине пришлось идти рядом и поддерживать его, иначе бы он унал наворачья.

Уже закончился этот день, и наступил вечер, а сержант все лежал, уткнувшись лицом в подушку. Она первая оправилась от потрясения, но что-то мешало подойти к лежащему. Всевозраставшая тревога за его душевное состояние подталкивала ее, и только приблизившись и склонившись над ним, она поняла, что ей мешало сделать это ранее: одежда осталась там, на берегу, а после схватки со Скорпионом на ней почти ничего не было. «Ах, какие же это пустыки, — подумала она, — по сравнению с переживаниями этого человека!» Сержант зябко вздрогнул от ее прикосновения.

— Что ж вы мучаете себя, милый? Не надо. Ведь все хорошо... — шептала она.

— Да как же я жить теперь буду? — спросил он тихо и отрешенно, даже испуганно.

— Не думай об этом сейчас, милый! Спи. Так и будем жить вместе. Ты и я. Так и будем...

Над островом стояла тишина,

Родился в 1940 году в станице Петропавловская, окончил юридический факультет МГУ. Печатался в журнале «Искатель», «Вокруг света», «Советский воин» и др. Живет и работает в Москве,

Андрей СЕРБА

ЗАГОВОР ПРОТИВ ОЛЬГИ

Повесть

1

Воликая княгиня видела сон.

Спокойно и медленно катила прозрачные воды широкая лесная река. Ее пологие песчаные берега густо поросли кустарником. На краю небольшой, усыпанной яркими цветами поляны, с лукошком в руках стояла она. Та, какой была много лет назад: молодая, красивая, беззаботная. Вокруг, куда ни глянь, расстился огромный, радостный, так много таивший для нее в ту пору непознанного мир.

Громкое ржание за спиной заставило ее вскинуть голову и повернуться. Рядом сдерживали коней несколько всадников: в дорогих шлемах и доспехах, со щитами за спиной и копьями в руках. Ближе всех был он: в серебряной кольчуге, золоченом шлеме, с красным корзном на плечах, большой золотой гривной на груди. Веселый открытый взгляд, длинные усы, в уголках губ дрожала усмешка.

— Кто ты, красавица? — наклонился к ней с седла всадник с гривной.

— Вольга, — певуче ответила она.

— Далече ли брод, Вольга? — спросил всадник, окидывая ее восхищенным взглядом.

— Рядом, подле того дуба, — указала она.

— Откуда будешь сама?

— Пожелаешь — сыщешь, — смело ответила она.

— Обязательно сыщу, — без тени улыбки пообещал всадник, выпрямляясь в седле.

Он дал коню шпоры, и тот понес его к указанному Вольгой броду. За всадником с красным корзном последовали остальные воины. Одного из них Вольга придержала за стремя.

— Гриденъ, кто это? — кивнула на всадника с гривной.

— Великий киевский князь Игорь, — отвечивал тот...

Искрился под солнцем снег, легко бежала четверка рослых коней. В устланных медвежьими шкурами саних сидела она, уже не простая русская девушка из далекой северной земли, а великая киевская княгиня. Из затерянной в лесах и топях деревушки кони несли ее в неведомый ей и оттого манящий, словно сказка, град Киев, столицу огромной Русской земли. Скакавший рядом с саними Игорь наклонился, протянул к ней руки. Но что это? Лицо князя вдруг расплылось, потускнело, отдалилось от Ольги. Его фигура, словно пребывая в выском мареве, задрожала, заколебалась. На крупе статного, белоснежного Игорева жеребца-балана появилось кровавое пятно. Оно росло, расплывалось, капли крови покатались из-под седла на снег, а Игорь, выпустив из рук поводья, стал медленно заваливаться назад. Объятая страхом Ольга замерла в саних, крик ужаса застрял в горле...

С тревожно бьющимся сердцем она проснулась, открыла глаза, вытерла мокрый от холодного пота лоб. И не поверила собственным ушам: по лестнице великокняжеского терема, ведущей в ее спальню, гремели тяжелые шаги и раздавался звон оружия. Неужто вернулся с полюдья Игорь? Однако он всегда приходил к ней один и без шума. К тому же в подобных случаях он всегда присылал к ней гонца, дабы предупредить о скором прибытии. Дверь распахнулась, и в свете факелов, которые держали в руках двое дружинников, Ольга увидела группу воевод. Они остановились у порога, лишь Свенельд, один из воевод великокняжеской дружины, выступил вперед.

— Прости, великая княгиня, что тревожим почью. И еще раз прости за весть, с которой явились.

Он сделал шаг в сторону, и тут же на его месте вырос другой воин. Едва взглянув на него, Ольга почувствова-

ла, как в груди что-то оборвалось, от волнения пересохло во рту. Перед ней стоял Микула, любимейший тысяцкий Игоря, с которым тот отправился на полюдь к древлянам. Почему Микула здесь? Отчего один, что у него за вид? Одежда порвана и в пыли, сапоги доверху в грязи, кольчуга прибита и забрызгана кровью. Лицо тысяцкого чернело от усталости, грудь шумно, словно кузнечные меха, вздымается, взгляд под нахмуренными бровями страшен.

— Недобрую весть принес и, великая княгиня, — глухо проговорил Микула, опуская глаза. — Осиротела Русская земля, не стало у нас хозяина-владыки. Осталась без мужа и ты.

Качнулся в глазах у Ольги свет факелов, гулками молоточками застучала в висках кровь.

— Где Игорь? — еле слышно спросила она.

— Великий князь и его дружина легли под древлянскими мечами. Теперь ты хозяйка земли Русской, ибо так велел перед смертью твой муж.

Какое-то время, приходя в себя от услышанного, Ольга молчала, затем с недобрим прищуром глянула на Микулу.

— Великий князь мертв, полегла его дружина. Отчего жив ты, которому надлежало блюсти жизнь Игоря?

Даже в полутьме спальни было видно, как вслыхнуло от обиды лицо тысяцкого.

— Такова была последняя воля великого князя. Древляне обещали сохранить одному из нас жизнь, чтобы тот принес в Киев весть о случившемся. И твой муж оставил меня жить... Однако не для скорби о нем, а чтобы как можно скорее восторжествовала святая месть. Я, побратим Игоря, дал ему в том клятву-роту.

Ольга устало махнула рукой.

— Идите, все идите. Оставьте меня одну. А ты, Свельд, покличь ко мне отца Григория.

Отец Григорий появился сразу, едва затихли шаги воевод. Можно было подумать, что он все время стоял рядом, в углу спальни. Высокий, слегка грузноватый, в скромном монашеском одеянии, с большим серебряным крестом-распятием на груди. Бледное, с тонкими чертами лицо красиво, глаза скромно опущены долу, в аккуратно подстриженной черной бороде видны нити седины. Это был духовный пастырь великой киевской княгини, ближайший ее друг и наставник. Только ему, своему духовному отцу, могла она поведать все, что лежало на ду-

ше, что вынуждена была таить от остальных людей. Сколько бессонных ночей за молитвами и беседами провела она с ним в те длинные месяцы и годы, когда Игорь с дружинами отправлялся в нескончаемые походы.

— Ты звала меня, дочь. Я пришел, — тихо и вкрадчиво прозвучал голос Григория.

— Горе у меня, святой отец.

— Ведаю о том. Потому и стою рядом, дабы утешить.

— Нет у меня больше мужа, одна я осталась, — сдерживая слезы, сказала Ольга.

— Безропотно прими испытание, посланное тебе небом. А я помогу успокоить душу, — ласково проговорил священник. — Помолимся...

Возвратившись от великой княгини под утро, отец Григорий преобразился. Не скромный христианский священник мерял сейчас шагами свою тосную келью, а бывший центурион гвардейской сходы императоров Нового Рима. Тот, кто по приказу самого патриарха сменил меч на крест, золоченные доспехи на грубую сутану и явился через Болгарию сюда, в далекий край язычников, откуда уже не раз двигалась на империю страшная угроза. Именно отсюда приплыли под стены града святого Константина непобедимые дружины Аскольда и Дира, и лишь чудо и золото спасли тогда столицу. С этих берегов пришли могучие полки князя Олега, вырвавшего у империи для языческой Руси то, о чем не смели даже мечтать христианские монархи. Отсюда дважды ходил с мечом на Царьград и погибший сейчас князь Игорь. Чтобы подобные нашествия с севера никогда больше не повторились, живет теперь в Киеве бывший центурион. Не гордый и сильный сосед пужен империи на северо, а слабый и покорный вассал, всецело послушный ее воле. И то, чего не добились императоры и мечи, должны сделать Христос и крест. Главное, отнять у русичей душу, а потом с ними можно делать все, что пожелаешь.

Наконец сбылось. Не стало язычника Игоря, заняла его место Ольга, христианка и духовная дочь Григория. Не дар ли это небес, услышавших и внявших молитвам бывшего центуриона? Поэтому необходимо действовать немедленно, не теряя ни минуты.

Священник уселся за стол, быстро покрыл тайнописью лист пергамента. Свернул его в свиток, палочкой печать. Вышел в соседнюю келью, где спало несколько слуг, разбудил одного, поманил к себе пальцем.

— Найдемъ на Днѣпрѣ ладью купца Прокопія. Скажешь, что отъ меня, и тогда онъ возьметъ тебя съ собой. В Константинополѣ отдашь это посланіе патриарху и какъ можно быстрее вернешься съ отвѣтомъ. Ступай...

Императоры и патриархи Восточно-Римской имперіи пользовались услугами тысячъ секретныхъ осведомителей и агентовъ какъ въ самой имперіи, такъ и за ея пределами въ Европѣ, Азій, Африкѣ, вездѣ, куда только могли дотянуться ихъ длинныя руки. Уже при императорѣ Константинѣ Первомъ лишь въ столицѣ насчитывалось десять тысячъ тайныхъ соглядатаевъ. Агенты, действующіе за пределами имперіи, были умны и решительны, преданы порученному имъ делу. Отдаленность и медлительность связи съ начальствомъ выработали въ нихъ широкій кругозоръ, инициативу, смелость принятія собственныхъ решений. Всеми этими качествами въ полной мѣрѣ обладалъ бывший центурионъ, а теперь духовный пастырь великой киевской княгини. Поэтому, еще не получивъ отвѣта патриарха на посланіе, онъ уже зналъ, что необходимо дѣлать.

Его духовная дочь стала императрицей этой страны восточныхъ язычников, ей суждено владычествовать надъ ними. Что ж, пусть правитъ... Но рядомъ съ ней неотступно должны находиться они — Христосъ и ея духовный пастырь Григорій. Русская княгиня Ольга обязана думать и решать, какъ считаетъ нужнымъ онъ, отецъ Григорій. Отныне она должна рассуждать и поступать, какъ то угодно Восточно-Римской имперіи и Христу. Да будетъ такъ...

2

Легкій ветерокъ приятно освежалъ лицо, шевелилъ полы шелкового халата одного изъ ближайшихъ вельможъ хазарскаго кагана. Лениво развалившись въ креслѣ, онъ смотрѣлъ на стоявшаго противъ него человека.

— Хазрой, ты уже не разъ бывалъ у русовъ. Посылаю тебя туда снова.

Смуглое, горбоносое, съ седой бородой лицо собесѣдника ничего не выразило.

— Русский князь Игорь убитъ собственными данниками. Его престолъ заняла жена, княгиня Ольга. Пока не вырастетъ сынъ Игоря, Русью будетъ править она. Однако что можетъ женщина, существо, лишенное разума и воли? Поэтому между русами неминуемы междоусобицы и смуты, реки крови ждутъ ихъ.

— Такова воля бога, носителя истины. Онъ ослабляетъ

и уничтожает язычников, врагов единственно избранного им народа.

— Ты прав, Хозрой. Только мы, сыны истинной веры, имеем право владеть миром. Все остальные народы существуют для того, чтобы жили мы. Таков удел и славяно-русов, этого многочисленного и сильного племени. Победить их в открытом бою невозможно, это не удавалось еще никому. Но сейчас, пока на Руси нет князя, они слабы и легко могут стать нашей добычей. Для этого я и посылаю тебя к русам.

— Твои слова святы для меня, великий и мудрый.

— Русы никогда и никому не прощают своей пролитой крови. Поэтому княгиня Ольга станет мстить за мужа, и рус пойдет с мечом на руса. Так пусть дерутся до последнего воина, а когда ослабнут, ты посадишь великим киевским князем нашего человека. Ты найдешь такого, купишь его разум, вдохнешь в него нашу душу. С каждым днем все больше и больше нужных нам людей будет окружать его, укрепляя и расширяя нашу власть. Мы, сыны истинной веры, станем головой русов, мы будем их хозяевами. Пусть работают славянские руки и ноги, пускай гнутся и трещат славянские спины — они будут трудиться для процветания богом избранного народа. Как бы ни было огромно и сильно тело, оно всегда послушно голове. И этой головой, повелевающей славянским телом, должны стать мы, носители и распространители истинной веры. Такова воля кагана.

— Я понял тебя, великий и мудрый.

— Ты пошлешь надежного человека в Киев, а сам отправишься в Полоцк. Там сейчас двадцать сотен викингов, тех, что вместе с покойным Игорем ходили последний раз на Византию. Игорь щедро одарил их, однако в-ряжский ярл Эрик продажен и жаден, таково и его наемное разноплеменное воинство. Викингов слишком мало, чтобы угрожать Руси, но усугубить междоусобицу им под силу. Ты хорошо знаешь Эрика, не раз имел с ним дело, а потому легко найдешь общий язык и теперь. Ты купишь ярла, и тогда он поведет воинов на того, кого ему укажешь. И пусть вся Русь исчезнет в крови раздоров и междоусобиц, чтобы возродиться вновь уже в свете иудейской веры. Такова воля кагана.

— Я сделаю это, великий и мудрый.

— Выступишь с торговым караваном завтра. Купцы останутся в Киеве, а ты с частью товара отправишься в Полоцк. Посылаю тебя туда одного, но даю очень много

золота. Власть этого металла всеильна, с его помощью ты сметешь все преграды, которые только могут возникнуть на пути к осуществлению нашей цели.

— Слушаю и повинуюсь, великий и мудрый.

— Я сказал все. Оставь меня...

3

По глади Днепра скользило несколько славянских лодок. На передней, богато изукрашенной резьбой, на скамье, устланной коврами, полулежал древлянский князь Мал. Невысокий, тучный, он пежился, прикрыв глаза, под ласковыми лучами солнца. Пуще всего на свете Мал любил тишину и покой, раз и навсегда заведенный порядок. Он давно позабыл о мече и битвах, его дружину в великокняжеские походы водили сыновья. И сейчас он плыл не на тяжелой боевой русской лодии, одного вида которой страшились недруги, а на легкой речной, на которой любила плавать на киевское торжище его покойная жена.

Напротив Мала среди разложенного на дне лодки товара стоял на коленях хазарский купец, прибывший на Русь вместе с Ховроем. Выкрашенная хной и завитая в молкие колечки борода купца благоухала, узкие глазки раболопно смотрели на князя.

— Только для тебя, господин, — ворковал хазарин. — Знаю, что станешь скоро великим киевским князем. Тебе и твоей будущей жене привез и приберег все это.

Мал пехотя посмотрел на товары, усмехнулся.

— Рано приехал, купец. Приходи в Киеве, когда я стану князем всей Руси. Тогда получишь за свои камни и узорочье любую цену. У моей жены Ольги хватит золота на все твои товары.

Громкий смех гребцов заглушил его слова.

Утром следующего дня хазарский купец раскладывал товары уже перед великой киевской княгиней. Та с женским любопытством осматривала ткани, перебирала в пальцах украшения.

— Купец, ты часто бываешь в Киеве и знаешь, что русичи щедры. Отчего так скуден твой выбор на сей раз? — недовольно спросила Ольга, отрывая взгляд от ожерелья.

— Это так, великая княгиня, — согласился хазарин. — Прежде моей первой покупательницей всегда бы-

ла ты, однако на этот раз тебя опередили. Не гневись, но я не мог отказаться тому человеку.

— Кто же был первым? — сдвинув брови, поинтересовалась Ольга.

— Твой будущий муж, древлянский князь Мал. Он отобрал лучшие товары и обещал мне вскоре щедро заплатить за них.

Ольга не смогла скрыть удивления.

— Обещал? Неужто вы, хазары, послушные слуги своего лукавого бога, стали верить кому-то на слово?

— Князь Мал — завтрашний властитель всей Руси, он обещал заплатить за отобранный товар киевским золотом. Зная, как ты, великая княгиня, богата, я не мог не поверить твоему будущему мужу, — еле слышно произнес купец.

По лицу Ольги ползли красные пятна, глаза вспыхнули гневом.

— Заплатить киевским золотом? — переспросила она. — Не рановато ли Мал стал считать себя моим мужем и великим князем?

— Древлянский князь сказал, что, если корова сама не идет в стойло, ее гонят туда плетью, — с дрожью в голосе проговорил хазарин, сгибаясь перед Ольгой в низком поклоне.

Сузив глаза, великая княгиня швырнула к ногам купца ожерелье, которое держала в руках.

— Ты мне больше не пужай. Покажешь ключнице все, что я отобрала, и назначишь цену. Она заплатит тебе. Ступай...

Едва хазарин покинул горницу, Ольга повернулась к священнику Григорию, стоявшему рядом с ней.

— Все слышал, святой отец?

— Да.

— Смог бы ты стерпеть подобное унижение?

— Христос учит смирять гордыню.

— Князь древлян оскорбил не просто женщину, а великую княгиню. Я русская, святой отец, а русские не прощают обид. Даже если бы я уже не решила, что этот древлянин, убийца моего мужа, умрет, я без колебаний вынесла бы сей приговор ему сейчас.

— Христос учит прощать своих врагов.

— Разве ты, святой отец, не отпустишь мне подобный грех? — прищурила глаза Ольга.

— Я еще не видел греха, дочь моя.

— Ты его и не увидишь, — загадочно улыбнулась ве-

лика княгиня. — Святой отец, ты не единожды рассказывал мне о жизни императоров Нового Рима. О том, как они избавляли себя от врагов, не пролив ни капли их крови. Прошу, расскажи мне об этом сейчас еще раз.

4

Подбоченясь и гордо выпятив грудь, князь Мал рассматривал открывшийся перед ним город. Стольный град всей Руси располагался на высоких днепровских холмах, окруженный широким земляным валом и толстой крепостной стеной. Высились по углам стен сторожевые башни, торчали заборала, разверзлись темные провалы крепостных ворот. Блестели шлемы и наконечники копий охранявшей их стражи. Лепились по склонам зеленых холмов посадки, у впадения в Днепр Почайны раскинулась пристань. К самой воде спускались хижины рыбаков и подворья ремесленников.

Только не на крепостные стены или жилища горожан и рыбаков смотрел князь Мал. Его взор был прикован к стоявшему на вершине одного из холмов великокняжескому терему. Матово отсвечивали под лучами солнца его белые гладкие стены, выложенные из каменных плит. Всеми цветами радуги сверкали узорчатые оконные стекла, словно жарким огнем пылала многоскатная медная крыша. Над теремом вонзалась в небо высокая изящная башня-смотрильня, подарок покойного Игоря жене, дабы она могла первой узреть возвращающегося из походов мужа-воителя.

Такого терема и башни не было на Русской земле больше ни у кого, лишь великие киевские князья могли позволить себе иметь такое диво. Но прошло их время! Теперь хозяином стольного града всей Руси и красавца-терема будет он, древлянский князь Мал.

Лодка уткнулась носом в прибрежный песок, остановилась. Князь Мал выпрямился на лавке, довольно прищурил глаза, разгладил пятаерпей пушистые усы. Воистину ему приготовили княжескую встречу! На берегу в полном воинском облачении замерли несколько длинных рядов киевских воинов, дорога, ведущая от реки, была устлана коврами. Что ж, так и должно быть. Древляне взяли жизнь киевского князя, взамен она дает Киеву нового князя, а княжьей вдове — нового мужа. Все, как гласят и требуют древние обычаи русичей.

Поднявшись с лавки, Мал собрался было шагнуть на песок, однако был вынужден отказаться от этого намерения. Часть киевских дружинников вошла в воду, выстроилась вдоль бортов древлянских лодок. Были они без витов и копий, в их руках виднелись толстые веревки. По команде воеводы, взмахнувшего на берегу мечом, дружинники продели веревки под днища лодок, одновременно рванули их вверх. Легкие суденышки поднялись из воды, повисли в воздухе. По новому взмаху воеводского меча дружинники сделали первый шаг к берегу, второй, и лодки поплыли между их плечами на сушу. Мал вновь спустился на лавку, важно надул щеки. Он еще никогда не слышал, чтобы кому-либо на Руси оказывались такие почести.

Медленно плыли над дорогой к великокняжескому терему древлянские лодки, без единого звука шагали вдоль их бортов ряды киевских дружинников. Идущий впереди воевода остановился, развернулся к древлянам, поднял меч. И Малу показалось, что под усами киевлянина мелькнула зловещая усмешка. Наверное, почудилось. Ведь так ласково светит в лицо солнце, так мирно плещет за спиной речная волна, так спокойно и радостно на душе.

Воевода опустил меч, и воины, несущие лодки, выпустили веревки из рук. Раздался треск ломаемых жердей, в глазах у Мала померк свет. Лодки упали в темноту, ударились и заскрежетали днищами о землю, повалились набок. Князь вскочил на ноги, быстро заворачивая головой во все стороны. Древлянские лодки валялись на дне глубокой, с отвесными стенами ямы, вырытой посреди дороги и прикрытой до поры до времени слоем жердей и положенными поверх них коврами. Вырвав из пожег меч и подбодрив себя и спутников воинственным кличем, Мал задрал голову. И замер с раскрытым от ужаса ртом: затмевая дневной свет, сплошным потоком с десятков заступов летела сверху на древлян земля...

Скрестив на груди руки, стояла возле узкого окна башни-смотрильни Ольга. Наблюдала, как дружинники заравнивали землю и укладывали дерн на месте, где только что плыли по воздуху к ее терему древлянские лодки.

— Ночью, Свенельд, поведешь дружину на древлян, — сказала она находящемуся рядом воеводе. — Прямо к их главному граду Искоростеню. Покуда древлянам неведома судьба князя Мала, ты должен скрытно и без помех пройти через болота-трясины и напасть на город. Внезапность удара утроит число твоих воинов и сбережет не-

мало крови. Даже если не удастся захватить Искоростень, твой отряд откроет дорогу всему нашему войску в землю древлян...

Оставшись одна, Ольга снова подошла к продолговатому окну стрельницы. Сколько раз стояла она точно так, всматриваясь до рези в глазах, не показались ли за излучиной Днепра ветрила лодий Игоря, возвращающегося из похода, не клубится ли пыль в заднепровских даях под копытами коней его дружины?

Отсюда Киев виден как на ладони. Прямо перед Ольгой раскинулась Старокиевская гора, застроенная ниже великокняжеского терема хоромами и усадьбами боярской и дружинной знати. Еще ниже по склонам жались друг к дружке тесные, приземистые домики горожан с их двориками и огородами. За крепостной стеной, ближе к Днепру, виднелись торговые и ремесленные посады: Киселевка, Щекавица, Подол. Черные и желтовато-серые дымы, поднимающиеся в той стороне над кузнями, пятнали чистоту неба и застилали нежную голубизну Днепра. Гавань у Почайны была сплошь уставлена купеческими лодьями и заморскими кораблями, а торжище, раскинувшееся недалеко от берега, черпало, как всегда, от разлившегося по нему людского моря. Но больше всего Ольга любила смотреть на бескрайние зареческие просторы и длинные золотистые отмели, протянувшиеся по ту сторону Днепра, на зеленые стенные курганы, дрожащие в знойном мареве.

О славный красавец Киев, мать городов русских! Как не гордиться и не восхищаться тобой!

5

Не только великая княгиня наблюдала за событиями, происходящими на дороге перед ее теремом. Спрятавшись за деревом на склоне днепровской кручи, все это видел и хазарский купец, подручный Хозроя в Киеве. Убедившись, что все древляне с их лодками бесследно исчезли в земле, он покинул убежище. Пугливо озираясь по сторонам, спустился к берегу и быстро направился к торжищу.

Нигде не задерживаясь, он прошел мимо рядов, где торговали цветной парчой и шелком, привезенным из далеких Индии и Китая, Ирана и Египта. Не заинтересовали его быстроногие кошки-гепарды и обученные охот-

ничьи соколы. Остался он равнодушен к дразнящим обилие острым пряностям и диковинным заморским раковинам, не привлекли его взор голубоватые клинки из знаменитой русской харалужной стали и серебряные заздравиные чары, украшенные толким, замысловатым узорочьем. Пройдя торговые ряды несколько раз из конца в конец, он остановился возле приглянувшегося ему бородача, торговавшего пушниной и медом.

— Здрав будь, добрый человек.

Торговец глянул на хазарина, степенно разглядел бороду.

— Того и тебе, заморский гость.

— Удачен ли торг?

— Не жалуюсь.

— Когда собираешься домой, в древляпскую землю?

Торговец еще раз взглянул на хазарина, в его глазах мелькнула неприязнь.

— Кто ты таков, чтобы смек мне устраивать? Явился по делу — смотри товар, а язык попусту трещать нечего.

Хазарин быстро осмотрелся по сторонам, шагнул вплотную к древлянину, наклонился к нему.

— Только что княгиня Ольга велела заживо закопать в землю вашего князя Мала и всех, кто был с ним. А не сегодня завтра киевское войско двинется на вашу землю, неся ей меч и огонь в отместку за смерть князя Игоря. Если тебе дороги соплеменники, скажи в Искоротень и предупреди их об опасности.

Торговец недоверчиво посмотрел на хазарина.

— Откуда знаешь это?

— Одно видел собственными глазами, другое слышал из надежных уст.

— Не верю, уж больно лживое и своекорыстное вы племя. Да и какое тебе, иноземцу, дело до распрей Киева и древлянской земли?

Хазарин склонился к уху бородача, его голос перешел в свистящий полусшепот.

— Какое? А то, что я ненавижу полян и киевских князей. В битвах с ними погибли два моих сына, а жена, не перенеся сей утраты, ушла на тот свет вслед за ними. Но если у меня поляне уже отняли семью, тебе подобная участь уготована в ближайшие дни. Коли не желаснь остаться одинокой былинкой посреди вытоптанного поля — спешь. Не медли, ибо завтра будет поздно.

Древлянин усмехнулся.

— Ты говорил напрасно, хазарин, я все равно не верю

тебе. Откуда знаешь, что твоих сыновей срубил полянин, а не иной воин-славянин: древлянин, северянин, вятич? Я сам, когда был моложе, дважды ходил в ответные набеги на ваши вежи, и не одна хазарская голова слетела с плеч под моим мечом.

Хазарин опустил голову, пожал плечами.

— Я сказал правду, ты можешь это проверить. Весь Киев видел, как приставали к берегу лодки князя Мала и как встречала их дружина великой княгини. Однако сыщи хоть единого человека, который встретил бы позже вашего князя в городе или на великокняжеском подворье. Не сыщешь, приходи вечером к Днепру. Буду ждать тебя у той тропы...

Вечером древлянин был на указанном хазарином месте. От спокойствия, которым он был преисполнен днем на торжище, не осталось и следа.

— Ты оказался прав, хазарин. Многим было дано узреть и лодки князя Мала, и встречу его дружиной княгини Ольги. Но после этого никто не видел ни одного древлянина, ни единой нашей лодки. Они словно сгнули неведомо куда.

— Твоего князя и его спутников уже нет среди живых, древлянин. Если хочешь, чтобы твои близкие и соплеменники не разделили их участь, спешу.

Хазарин хлопнул в ладоши, из кустов появился его слуга с конем в поводу.

— Бери, — указал на коня хазарин. — И покуда киевляне еще не выступили в поход, скачи.

— У меня нет денег на такого коня. Весь мой товар не стоит такого красавца.

— Дарю его тебе. Торопись, не теряй напрасно время.

— Ты щедр, хазарин. Да наградят тебя за это твои боги. Прощай...

Древлянин вскочил в седло, скакун вихрем сорвался с места. Когда конский топот затих вдали среди деревьев, хазарин зажал в кулак остроконечную бороду и громко рассмеялся.

— Теперь, воевода Свенельд, можешь выступать в поход и ты.

6

Они разговаривали вдвоем, без свидетелей, киевский тысяцкий Микула и полоцкий князь Лют.

— Князь, я к тебе от великой княгини Ольги, — звучал голос Микулы. — Древляне убили князя Игоря, ее

мужа, и великая княгиня кличет тебя под свои стяги, дабы отомстить за это злодеяние.

Взгляд Люта был направлен в угол светлицы, пальцы правой руки замерли на густой бороде.

— Я слышал об этом. Князь Игорь пожелал дважды взять дань с древлян и заплатил за это жизнью.

— Князя Игоря убили смерды, его данщики. Сегодня они взяли жизнь киевского князя, завтра захотят твоей. Ты этого ждешь, полоцкий князь?

— Напротив, будь моя воля, уже завтра выступил бы в помощь великой княгине. Но поверь, я не могу этого сделать.

Лют встал со скамьи, шагнул к настезь открытому окну. Невысокий, кряжистый, с грубоватым лицом воин, левая ладонь положена на крыж меча. Хотя Микула давно знал полоцкого князя, он с интересом за ним наблюдал. Тысяцкий понимал, какие страсти бушевали сейчас в душе Люта, чувствовал, как тому нелегко, и потому молчал тоже.

Варяги, предки Люта, пришли на русскую землю вместе с западнославянским князем Рюриком, вытесненным из родных мест многолетним совместным нашествием германцев и норманнов. Рюрик с братьями Трувором и Синеусом был принят у себя новгородцами и обосновался на Ладоге. Дед Люта, Регволд, осел со своей дружиной на полоцкой земле, породнился с ее жителями и остался у них. Вскоре он стал полоцким князем, его воины-варяги смешались с русами, обзавелись женами-славянками. Защищая эту исконно русскую землю от воинственных соседей: летгалов, земгалов, куршей, а позже от захватчиков-тевтонов императоров Генриха и Оттола, они стояли в одном боевом строю — уходившие корнями в эту землю славяне и некогда чуждые им варяги. Как и все русские князья, полочане признавали над собой власть великих киевских князей, ходили со своими дружинами под общерусским стягом в походы, в тяжкую годину просили у Киева помощи. И Микула знал, что вовсе не какие-то личные счеты с киевскими князьями заставили сейчас Люта ответить ему отказом.

— Тысяцкий, — раздался от окна голос полоцкого князя, — мой дед был варягом, а моя бабка — славянкой. Мой отец — уже наполовицу варяг, а мать вновь славянка. (Ответь, кто я?)

— А как считаешь сам?

— Я — славянский князь, однако в моей душе живет

память о родине предков деда. Все, что творю,— для Руси, но мне трудно обнажить меч против варягов. Мой разум еще не победил до конца голос крови.

— Не против варягов, а против древлян кличет тебя киевская княгиня.

Лют отвернулся от окна, шагнул к тысяцкому. Остановился в шаге от него.

— Микула, мы давно знаем друг друга. Уверен, именно поэтому прислала тебя ко мне киевская княгиня. И ты понимаешь, что я имею в виду. Мы вместе ходили в последний поход на Царьград, с нами были и наемные дружины варягов. Двумя тысячами викингов командовал мой двоюродный брат Эрик. После окончания похода Эрик не вернулся домой, а остался у меня в гостях. Каждую неделю он обещает отправиться на родину или на службу к императору Нового Рима, однако до сих пор сидит в Полоцке. Он мой брат, и я не могу прогнать его.

— Киевской княгине сейчас нужны храбрые воины. Пригласи ярла Эрика с собой.

— Эрик сам мечтает стать русским князем и не пойдет под киевское знамя. После смерти князя Игоря он уже несколько раз предлагал мне отделиться от Киева и признать над собой власть Свионии. Каждый раз я отвечал ему — нет.

— Выходит, он уже не твой гость, а враг Руси. Разве ты, князь, не знаешь, как поступают с врагами?

— Знаю,— твердо ответил Лют.— Но если я уничтожу ярла с его войсками, за них придут мстить другие викинги. Их лодии каждый год идут по Двине из Варяжского моря. А у полоцкой земли много врагов и без варягов, ей не нужна лишняя кровь. Если я уйду с дружиной на древлян, Эрик захватит Полоцк и провозгласит его частью Свионии. Чтобы снова вернуть полоцкую землю, Руси придется пролить немало крови. Вот почему я не могу в ближайшие дни покинуть город. Подожди немного.

— Твоя подмога нужна Киеву сейчас. Как говорится, ложка дорога к обеду.

— Подожди несколько дней,— упрямо повторил Лют.— Раньше разговор со мной начинал Эрик, сегодня с ним буду говорить я. И не как брат, а как русский князь.

7

Главный город древлян Искоростень был окружен непроходимыми топями, приблизиться к нему можно было

лишь со стороны большой лесной поляны. Но доступ оттуда преграждал глубокий, заполненный водой ров, за которым был насыпан широкий земляной вал. По верху вала шла высокая бревенчатая стена с заборолами и бойницами для лучников. По углам она была увенчана двумя сторожевыми башнями. Со стороны болот рва и вала не было, и стена из толстых, заостренных кверху дубовых бревен шла прямо по кромке трясины, словно вырастая из нее вместе с камышом. Поляну делила на две части гладко наезженная дорога. Выбегая из крепостных ворот, она исчезала в густом лесу, который начинался за поляной.

Под стенами города, упираясь флангами в болото, замерли плотные ряды древлянских воинов. Алели под лучами солнца их червленые щиты, сверкали наконечники копий, застыли впереди дружинников сотники с обнаженными мечами в руках. На крепостной стене за заборолами виднелись две линии лучников с положенными на тетивы стрелами.

Воевода Свенельд, первым выехавший из леса на поляну, придержал коня. Прикрыл глаза от солнца ладонью и некоторое время смотрел на открывшуюся перед ним картину. Он сразу понял главное — его отряд ждали и были готовы к встрече, поэтому о внезапном нападении на город не могло быть и речи. Воевода приказал разбить на поляне лагерь и ждать прибытия великой княгини с основными силами киевского войска. Убедившись, что поляне пока не собираются начинать военных действий, древляне с наступлением темноты отступили в город и больше не показывались.

Главные силы киевлян появились перед стенами Искоростеня через трое суток. Едва на поляне вырос шатер, рядом с которым в землю было воткнуто копьё со стягом великих киевских князей, на башнях города громко затрубили рога. Ворота распахнулись, через ров с водой лег подъемный мост, и на него ступили трое древлян. Впереди — сотник с двумя скрещенными над головой копьями, на одном из которых вился по ветру кусок белой ткани. За ним — старший сын князя Мала Крук и главный воевода древлянского войска Бразд.

Княгиня Ольга встретила послов в своем шатре.

— Челом тебе, великая княгиня, — проговорил Крук, отвешивая поклон Ольге.

Но та, плотно сжав губы и глядя поверх головы древлянского князя, продолжала неподвижно сидеть в кресле.

— Великая киевская княгиня, что привело тебя с войском на нашу землю? — спросил Крук, так и не дождавшись ответа. — Где мой отец, князь Мал, которого твои люди встретили в Киеве?

Только теперь Ольга посмотрела на Крука.

— Твой отец ушел держать ответ перед князем Игорем, — громко произнесла она. — А вы, древляне, будете держать ответ передо мной, его женой. Надеюсь, ты не забыл закон русичей: кровь за кровь, око за око, зуб за зуб.

— Великая княгиня, твой муж Игорь пришел к древлянам не как мудрый властитель, а как жадный хищник. Получив сполна положенную ему и граду Киеву дань, он вернулся к нам, дабы собрать ее снова. Тогда мы сказали: волк до тех пор ходит к стаду, покуда не зарежет последнею ягненка. И боги нашими руками наказали твоего мужа за алчность. Ибо всяк жнет то, что сеет.

На лице Ольги появилась недобрая усмешка.

— Ты прав, древлянин, каждый жнет то, что сеет. И я, великая киевская княгиня, пришла собирать жатву. — Ольга вцепилась пальцами в подлокотники кресла, наклонилась в сторону послов. — В Киеве я лишь взяла кровь вашего князя Мала за смерть моего мужа, а сюда, под Искоростень, я прибыла справить по нему тризну. Как видите, древляне, я тоже чту заветы русских богов.

В шатре повисла гнетущая тишина, и в ней отчетливо прозвучал голос главного древлянского воеводы Бразда:

— Великая киевская княгиня, ты хочешь крови. Что ж, ты ее получишь. И даже больше, нежели ожидаешь.

8

Дверь широко распахнулась, и на пороге возник валяжский дружинник.

— Ярл, на подворье князь Лют. Он хочет видеть тебя.

— Пусть войдет, я жду его.

Дружинник вышел, а Эрик глянул на стоявшего против него Хозроя, с которым до того беседовал.

— Я все понял, хазарин, пусть будет по-твоему. Чем больше русы перебьют русов, тем лучше, и я с удовольствием помогу им в этом деле. Теперь оставь меня. Я не хочу, чтобы полоцкий князь видел нас вместе.

Хозрой низко поклонился Эрику и быстро исчез в маленькой, едва заметной боковой двери...

Ярл встретил Люта с радостной улыбкой, дружески

хлопнул по плечу. Подвинул к нему кресло, сам, скрестив на груди руки, прислонился к стене напротив гостя.

— Садись, брат. Я рад видеть тебя.

Лют уселся в предложенное кресло, положил на колени меч. Лицо полоцкого князя было бесстрастно, глаза смотрели холодно.

— Ярл, у меня гонец моего копунга, великой киевской княгини Ольги. В древлянской земле большая смута, и я должен выступить со своей дружиной княгине на подмогу. Поэтому хочу знать, когда ты собираешься оставить полоцкую землю?

Эрик широко открыл глаза, в его голосе появились обиженные нотки.

— Князь, ты гонишь меня? Своего брата?

— Твои викинги устали от безделья и хмельного зелья. Одни из них хотят домой, другие рвутся под знамена ромейского императора. Ты и сам не раз говорил, что спова желаешь попытать счастья в битвах. К тому же я знаю, что ты всегда мечтал о чужом золоте.

— Особенно, когда оно рядом, — ухмыльнулся Эрик. — Хочешь, мы возьмем его вместе?

— За чужое золото часто платят своей кровью.

— Или кровью своих викингов, — тихо рассмеялся Эрик. — Но что они для меня? Настоящих, чистокровных свионов среди них можно пересчитать по пальцам, остальные — наемные войны из всех северных земель, Поморья, островов Варяжского моря. Погибнут эти — придут другие, ничем не хуже прежних. — Замолчав, он пристально глянул на Люта. — Брат, я не раз убеждался, что ты смел и отважен. Не понимаю, как ты можешь терпеть над собой женщину, великую киевскую княгиню? Разве тебе самому не хочется стать копунгом всей Руси?

— У Руси уже есть копунг, это сын Игоря — Святослав. Пока не станет воином, за него будет править мать. И горе тому, кто захочет нарушить этот порядок и самочинно захватить власть.

Эрик громко расхохотался.

— Брат, ты рассуждаешь как рус. Однако в тебе течет и варяжская кровь, поэтому оцени происходящее по-иному. На Руси смута, киевская княгиня сражается со своими данниками, древлянами. Покуда рус убивает руса, мы, варяги, можем сделать то, что нам не удавалось до сих пор. Ты — князь Полоцкой земли, у тебя многие сотни воинов. У меня тоже две тысячи викингов. Ты объявишь Полоцк частью Свионии, к нам придет на помощь много-

численные дружины варягов и сенов. Когда княгиня Ольга ослабнет в борьбе с древлянами, мы всеми силами ударим на Киев. Ты станешь конунгом всей Руси, я — ярлом Полоцкой земли. Что скажешь на это?

— Чтобы стать конунгом Руси помимо воли русов, надо уничтожить их всех. А это еще не удавалось никому. Ты, ярл, или во власти несбыточных снов, или плохо знаешь русов.

Эрик хищно оскалил зубы.

— Ты стал настоящим русом, брат. Ты совсем забыл о силе и могуществе викингов, — высокомерно произнес он. — Нас боится Европа и Африка, одно слово «викинги» бросает всех в дрожь.

Впервые за время разговора Лют усмехнулся.

— Нет, Эрик, я ничего не забываю. Скажи, какие города твои викинги брали на копье?

— Я забыл их число. Помню, что я был в Ломбардии и Неаполе, Герачи и Сицилии, мои викинги брали штурмом Салерно и Росано, Торенто и Канито. Перед именем варягов трепещут Париж и Рим, короли Англии ежегодно покупают у нас мир.

— А сколько взял ты русских городов?

Эрик отвел взгляд в сторону, промолчал. Лют улыбнулся снова, тронул бороду.

— Ты прав, Эрик, вас, варягов, страшатся все. Но только не Русь. На ней остались кости многих пришельцев, мечтавших покорить ее. Смотри, не сделай ошибки и ты.

— Мы попросим помощи у германского императора, тевтоны давно мечтают о русской земле. Мы пообещаем черпенские города полякам, они тоже помогут нам. Русь велика и богата, ее хватит на всех.

— Русь не только велика и обильна, но и сильна. Русь всегда побеждает своих врагов, кем бы они ни были и откуда ни шли. Если недруги снова поползут на Русь, Полоцк и его дружина будут вместе с Киевом. Запомни это, ярл, и очнись от сладких снов.

Лют поднялся с кресла, в упор глянул на Эрика.

— По велению моего конунга, великой киевской княгини, я выступаю в поход. Но прежде я хочу проводить тебя, ибо так гласят законы гостеприимства русов. Скажи, когда твои викинги поднимут паруса и покинут Полоцкую землю?

Эрик опустил глаза, нервно забарабанил костяшками пальцев по ножнам меча,

— Мы еще не знаем, куда идти. Одни хотят домой, другие — на службу к византийскому императору. Третьи, помня щедрость покойного князя Игоря, не прочь встать под знамя его жены. Дабы не ошибиться, мы должны узнать волю богов.

— Через три дня ты скажешь мне о своем решении. Прощай, ярл.

9

Трижды ходили киевляне на приступ и столько же раз откатывались от стен Искоростеня. Окруженный обширными тонкими болотами, прикрытый с единственного опасного места высокой стеной и глубоким, широким рвом, наполненным водой, город был неприступен. Попытаться отвести изо рва воду было бессмысленно — она выступала из самой земли, стоило ее кончить хоть на ладонь глубины. Поджечь стены или башни не удавалось — древляне постоянно поливали их водой. Горящие стрелы, посылаемые в город, чтобы вызвать там пожары, не приносили успеха: крыши домов осажденных были покрыты толстым слоем глины, регулярно смачиваемой водой. От подкопа, который киевляне начали было рыть под стену, отделявшую город от поляны, пришлось вскоре отказаться: напитанная влагой земля каждую минуту грозила обвалом или оползнем, и подземный ход следовало укреплять подпорками и деревянными щитами, что требовало огромной работы и массы времени.

Однако главной преградой являлись конечно же сами древляне. Такие же славяне, как и поляне, они были отважны и смелы, умны и расчетливы, а их воюводы, участники многих походов и битв, прекрасно знали военское дело. К тому же, помня о цели, с которой киевляне пришли на их землю, осажденные в Искоростене были готовы сражаться до последнего.

В один из вечеров в шатре главного воеводы киевского войска Ратибора собралась воеводская рада. Здесь были не только воеводы и тысяцкие киевской дружины, но и военачальники других русских княжеств и земель: черниговский воевода и родненский тысяцкий, брат смоленского князя и сын любечского наместника. Присутствовали даже лучшие мужи — воины из далеких новгородской и червенской земель. Потому что вопрос, который им предстояло решить, касался не только Киева, но и всей огромной Руси.

Все участники рады стояли плотной молчаливой стеной, глядя на воеводу Ратибора и верховного жреца Перуна.

— Други-братья, — медленно начал Ратибор, обводя глазами собравшихся, — мы, лучшие люди земли русской, должны решить, кто будет владеть столом великих князей киевских, кто станет управлять Русью. Слово, сказанное сегодня нами, явится законом для всех: для нас, стоящих здесь, и любого другого русича, кем бы он ни был. Поэтому думайте, други, в ваших руках судьба Руси.

Называя находящихся в шатре братьями, воевода Ратибор несколько не грешил против истины. Они, присутствующие сейчас на воеводской раде, были больше чем братья. И не только тем, что десятки раз смотрели в глаза смерти и вместе рубились во множестве битв, что не единожды проливали свою кровь и перевязывали друг другу раны. Их объединяла общность судьбы и стремлений, одинаково понимаемое чувство родины и своего служения ей, беззаветная преданность всему, что было свято для них со словом «Русь».

Чтобы попасть в их число, было мало обычной храбрости и отваги, смелости и находчивости: таких воинов в русских дружинах было тысячи. Требовалось стать первым и заслужить уважение даже у них, этих суровых и мужественных воинов, ничего не боящихся на свете. Только тогда случилось то, о чем мечтал каждый воин-русич.

За ним приходили темной грозовой ночью, когда Перун, недовольный скудостью людских даров и сам явившийся за кровавой данью, грозно бушевал в небесах и метал на землю огненные стрелы. Новичку завязывали глаза и, обнаженного по пояс, вели на вершину высокого утеса, нависающего над Днепром. В эту страшную ночь, когда все живое трепетало от грохота сталкивающихся туч и пряталось от бьющих в землю перуновых стрел, он давал у священного костра клятву-роту новым братьям.

Бушевал и ревел внизу безбрежный Днепр, неслись над головой косматые, черные тучи. Сверкало и грохотало разгневанное небо, свистел и завывал ветер. А избранник, стоя перед деревянной фигурой Перуна, окруженный рядами будущих братьев, безмолвно замерших с факелами и обнаженными мечами в руках, клялся на верность Руси, обещая беспрекословно выполнять все, что решит рада братьев-друзей. И среди ярко блещущих

молний, содрогающихся от грома днепровских круч, над ревушими речными валами-волнами каждый из присутствующих делал надрез на пальце и сцезивал несколько капель крови в братскую чашу, чтобы затем всем омочить в ней губы. После этого на теле нового брата выжигали железом тайный знак — свидетельство его принадлежности к воинскому братству.

Тишина в шатре затягивалась, и Ратибор, обведя всех взглядом еще раз, заговорил снова.

— Ваше слово, братья. Жду его.

Стоявший рядом с ним плечом к плечу верховный жрец Перуна ударил о землю концом посоха, нахмурил брови.

— Никогда еще на столе великих князей не было женщин,— громко произнес он.

— Знаем это, старче, потому и собрались здесь,— спокойно ответил Ратибор.— Что желаешь молвить еще?

— Стол великих князей киевских должен занимать только мужчина-воин. Лишь он будет угоден Перуну и сможет надежно защищать Русь,— твердо проговорил старый седой жрец.

— Великий князь-мужчина это княжич Святослав,— сказал Ратибор.— Но пока Святослав не вырос, покойный Игорь завещал власть его матери, княгине Ольге. И мы должны решить, признать его волю или нет. Молви первым, мудрый старче,— склонил он голову в сторону верховного жреца.

— Княгиня Ольга — христианка, в ее душе свил гнездо чужой русичам Христос, а не бог воинов Перун. Наши боги отвернутся от нее, а значит, и от нас. Слезы и горе ждут Русь при княгине-вероотступнице,— зловоце изрек жрец.

Лицо Ратибора осталось невозмутимым.

— Старче, небесную власть пусть делят Перун и Христос, а мы говорим о земной. Нам надлежит решить, кем будет для Руси княгиня Ольга: только матерью княжича Святослава или нашей великой княгиней. Рада ждет твоего слова, старче...

— Матерью. Лишь ей и подобает быть жепщине.

— Что молвишь ты, воевода Асмус? — обратился Ратибор к высокому, худощавому воину с обезображенным шрамом лицом.

След от удара меча тянулся через щеку и лоб, пересекая вытекший глаз, прикрытый наискось через лоб черной повязкой. Неподвижно лицо старого воина, суров

взгляд его единственного глаза, до самых плеч опускаются концы седых усов.

Асмус и старый жрец — самые старшие из присутствующих на вече, они были воеводами еще при князе Олеге, вместе с ним водили непобедимые дружины русичей на хазар и греков. Это Асмус во время знаменитого похода Олега на Царьград вогнал в обитые железом крепостные ворота свой меч, а верховный жрец, в ту пору тоже воевода, подал князю свой щит. И этот славянский червленый щит, повешенный Олегом на рукояти Асмусова меча, стал для ромсеев напоминанием и грозным предостережением о могуществе Руси. Слово старого воина значило очень много, и потому в шатре сразу воцарилась мертвая тишина. Но Асмус не спешил. Прищуриль око, воин некоторое время смотрел вдаль и лишь затем направил взгляд на Ратибора.

— Воевода, я знал только князя Игоря. Ты же, будучи его правой рукой, сталкивался и с княгиней Ольгой, — неторопливо произнес он. — Поведай, что думаешь о ней сам.

Ратибор в раздумье провел рукой по усам.

— Да, я лучше всех вас знаю княгиню, ведаю и то, что она христианка. Но это не было тайной и для князя Игоря. И хоть раз, отправляясь в поход, он передавал власть кому-либо иному, кроме Ольги? И разве она хоть единожды чем-то не оправдала его надежд, принесла ущерб Руси? Она мудра, расчетлива, тверда, лишь такой должна быть русская княгиня. И если покойный Игорь завещал великокняжескую власть именно ей, он знал, что делал.

Среди присутствующих возникло оживление, послышались возбужденные голоса. Вперед выступил воевода Ярополк, начальник киевской конницы, поднял руку. В шатре снова повисла тишина.

— Други, — начал он, — все мы — воипы, и потому знали только великого князя, а не его жену. А раз так, не нам судить о ней. Наше дело — исполнить волю погибшего Игоря. Признаем на киевском столе Ольгу, а сами, будучи рядом и не спуская с нее глаз, увидим, по силам ли ей быть княгиней. И если она окажется просто женщиной, каких на Руси множество, пусть станет, как и они, любящей сына матерью и скорбящей по мертвому мужу вдовой. Пускай не мы, а всеильное время и ее дела будут ей судьей.

Ярополк смолк, сделал шаг назад и слился с остальными воеводами. И снова зазвучал голос Ратибора.

— Кто молвит еще, братья?

Ответом ему было молчание. Выждав некоторое время, Ратибор резким взмахом руки рассек воздух.

— Тогда, други, слушайте последнее слово нашей рады. Воля князя Игоря свята для Руси, для каждого из нас. И мы, лучшие люди земли русской, признаем над собой власть Ольги, его жены. Покуда Ольга не нарушит наших древних законов и не станет блюсти и защищать честь и славу Руси, она будет нашей великой княгиней...

10

С первыми лучами солнца в шатре княгини Ольги появился отец Григорий. Он, как всегда, спокоен, его движения размеренны и неторопливы. Но Ольга сразу заметила в глазах священника тревожный блеск.

— Что случилось, святой отец? — спросила она.

— Крепись, дочь моя, твои несчастья только начинаются, — опустив глаза, тихо сказал Григорий. — Проклятые язычники, враги Христа и нашей святой веры, жаждут твоей гибели.

Он ожидал увидеть в глазах княгини страх, смятение, надеялся услышать стенания и мольбы о помощи, только ничего этого не произошло. Ольга лишь прищурила глаза, плотно сжала губы и пристально глянула на священника.

— Что известно тебе, святой отец? — некоторое время помолчав, спросила она.

— Сегодня ночью у воеводы Ратибора была рада. И твои военачальники замыслили против тебя заговор, воеводы не хотят признавать тебя своей княгиней. Страхись их, дочь моя.

Вскинув бровь, Ольга с интересом посмотрела на священника.

— Заговор, святой отец? Откуда знаешь об этом?

— Мой сан позволяет мне видеть и знать то, что не дано другим, — многозначительно ответил Григорий.

Ольга усмехнулась.

— О воеводской раде ты не можешь знать ничего, святой отец. На ней присутствовали лишь язычники, причем самые закостенелые из них. Так что на раде не могло быть ни одного твоего соглядатая, и решение воевод навсегда похоронено в их душах.

Легкий румянец залил щеки священника.

— Твои воеводы никогда не смирятся с тем, что над ними стоит женщина,— убежденно произнес он.— Не сегодня, так завтра, не завтра, так через год кто-то из них захочет стать великим князем. И тогда горе тебе, дочь моя. Так начинай рубить головы змеям раньше, чем они примутся жалить тебя.

Священник в упор глядел на Ольгу, его голос звучал страстно и проникал в душу. Княгиня отвела взгляд в сторону, поправила на коленях складки платья.

— Никто из смертных не ведает собственной судьбы,— ответила она.— Неизвестна она ни мне, ни даже тебе, святой отец. Но я твердо знаю одно: воеводы исполняют предсмертную волю моего мужа и признают меня великой княгиней. А надолго ли, покажут время и мои дела. Наши дела, святой отец,— с улыбкой добавила она.

В ответ Григорий распахнул полог княжеского шатра. Ольге стали видны стены Искоростеня, раскинувшиеся вокруг древлянского града леса и болота, тень фигуры часового, стоявшего рядом с входом в шатер.

— Взгляни на этого война, дочь моя,— сказал Григорий.— Скажи, кто он? Верный страж, оберегающий твой покой, или надежный тюремщик, не спускающий с тебя глаз? Откуда знаешь, что прикажут ему твои воеводы вечером или через день? И что бы они ему ни велели, он послушает их, а не тебя. Поэтому повторяю тебе еще раз: бойся своих воевод, никогда не забывай, что самый лучший враг — мертвый, особенно если он язычник.

Ольга не спеша повернула голову, и на ее лице Григорий увидел непонятную для него усмешку.

— Святой отец, ты возбужден и дрожишь. Вижу, что ты волнуешься. Напрасно. Наверное, ты просто устал или плохо спал, и поэтому советую тебе отдохнуть. А для будущего запомни следующее — я никогда не выступлю против своих воевод. Ибо я и они одно целое — Русь. А теперь ступай, тебе надобно отдохнуть и успокоиться.

Перекрестив Ольгу, Григорий опустил голову и, шепча под нос молитву, с достоинством покинул княжеский шатер. Откинувшись на спинку кресла, Ольга с иронической улыбкой проводила его глазами. И хотя уста бывшего центуриона шептали святую молитву, его мысли в эту минуту были заняты совсем другим. Неужто он ошибся в характере духовной дочери? Куда девались ее покорность, послушание, кротость? Откуда эта жестокость,

уверенность в себе, дух противоречия? Где та глина и тесто, из которых он собирался лепить послушную его собственной воле куклу? Может, за многие годы, проведенные им на Руси, он так и не постиг до конца таинственную русскую душу? Хорошо, пусть будет так, но зато он отлично знает душу женщины-матери, которая везде одинакова. И какой бы ты ни была для него загадочной, великая русская княгиня Ольга, ты всего-навсего обыкновенная мать.

11

Растянувшись неровной цепочкой, за Эриком следовали варяжские жрецы-дротты, старейшие и наиболее чтимые викинги его дружины. Впереди шли князь Лют с сыном, которые и вели гостей на старое варяжское капище, в священную дубраву. Там первый полоцкий князь из рода варягов Регволд молился Одину, туда и сейчас еще ходили те, кто верил в силу и могущество старых заморских богов.

Тропинка вилась среди густых камышей, ее можно было рассмотреть лишь с помощью зажженных факелов, которые несли сопровождающие князя Люта дружинники. Тропа привела на небольшой островок среди болот, часто заросший вековыми деревьями. На краю священной дубравы виднелось четыре деревянных столба, поддерживающих высокую крышу. Под ней стояло вбитое в землю кресло для князя Люта, длинные деревянные скамьи для остальных участников торжества. Перед навесом огромными камнями-валунами была огорожена небольшая круглая площадка, посреди которой уже ярко пылал жертвенный костер. Вокруг него располагались большие, грубо вытесанные из камня и дерева фигуры варяжских богов-идолов, языки пламени играли на их угрюмых, жестоких лицах. Возле костра сновала вещунья Рогнеда, вдова недавно умершего последнего полоцкого дротта. Прибывшие варяжские жрецы сразу подошли к ней, принялись расставлять у огня принесенные с собой чаши и кубки, корчаги и бочонки с медом и вином. За оградой из камней слышался визг свиней и блеяние баранов, которых слуги притащили на спинах для жертвоприношения.

Вещунья Рогнеда ударила в било, и все дротты собрались вокруг костра. Князь Лют уселся в кресло, остальные пришедшие расположились на скамьях. Все

смогло, лишь гудело пламя жертвенного костра. Старший из дроттов стал лицом к огню, повернулся лицом в сторону своей далекой родины, воздел к небу руки.

— О боги,— громко раздался в тишине его голос,— услышьте меня! Услышь меня, повелитель бурь и ветров Один! Услышь меня ты, мудрая и добрая Фригга, его жена! Взываю и к тебе, вечно живущий в пещере и мечущий огненные стрелы Тор, их сын! Боги, услышьте меня, дайте совет своим детям!

Прищурившись на огонь, Эрик рассеянно вслушивался в голос дротта. Происходящее вокруг будто перенесло его на холодную скалистую родину: бывший ярл Регволд знал, где выбрать место для священной дубравы и капища. На этом островке все было так, словно ты не в славянских болотах, а на берегу моря в окрестностях Упсалы: те же вековые деревья, мшистые глыбы-валуны, запах воды и мерный шепот волн, набегающих на берег. О милая, далекая родина, способная рождать только отважных воинов-викингов и рассылающая их потом в погоне за счастьем по всему свету...

Умолкнувший на полуслове голос дротта, пробежавший по скамьям громкий шепот заставили Эрика открыть глаза и забыть обо всем на свете. В нескольких десятках шагов от островка посреди небольшой заводи, свободной от камыша, виднелись очертания стоявшей прямо на воде человеческой фигуры. Ярко светившая луна позволяла рассмотреть на ней серебристую чешуйчатую кольчугу, варяжский шлем, длинное копье в руках. Но дым от костра, сносимый ветром в направлении заводи, временами обволакивал фигуру так, что становились видны лишь ее смутные контуры. Подавшись корпусом вперед, Эрик до предела напряг зрение. Кто-из богов, услышав заклинания старого дротта, принес им знаменце? Тор, Ниорд, Глер? Словно отвечая на его вопрос, стоявшая на воде фигура медленно развернулась, подняла над головой руку с копьем. И Эрик с замирающим сердцем увидел на шлеме бога длинные, острые рога. Неужели сам Один прилетел к ним на крыльях ветров?

А фигура, искрящаяся в заливающем ее лучшем свете, колеблющаяся в обволакивающих заводи клубах дыма, бросила копье. Эрик быстро поднял голову. По расположению луны и звезд он сразу определил, что копье полетело острием в сторону древлянской земли. Что ж, боги ясно выразили свою волю. Будто желая исключить всякие сомнения, блестящая фигура снова подняла руку,

в которой уже сверкала боевая варяжская секира. И ее лезвие снова смотрело по направлению древлянской земли. В таком положении фигура простояла несколько мгновений, пока набежавшее на луну облако не погрузило все в темноту. Когда же лунный свет опять залил болото и остров, фигура исчезла. Камыши и заводь были пусты, мертвая тишина висела над священной дубравой. А может, все это Эрику только почудилось? Возможно, это совместная обманчивая игра света и воображения?

В то же мгновение тишина вокруг него словно изорвалась. Все повскакали со скамей, громко крича, стали тянуть к луне и жертвенному костру руки. И, покрывая шум и гам, прозвучал торжествующий голос старого дротта:

— Боги, вы услышали нас! Один, ты явил волю! И мы, твои дети, выполним ее! Ты снова увидишь храбрость и отвагу своих сынов-викингов, они досыта напоят тебя вражеской кровью! Не забывай и помни о нас, Один! Будь всегда с нами, Один!

Старый дrott закончил речь-обращение к богам, поднял с земли узкогорлый кувшин. Двое жрецов протянули к нему через огонь по большому кубку. Очищая вино от земных пороков и соблазнов, дrott налил его над всеочищающим пламенем жертвенного костра, подал кубки Люту и Эрику.

— Князь и ярл, вы видели и слышали волю Одина. Теперь вам предстоит выполнять ее. Будьте послушны ей, и наши боги всегда будут с вами.

А жрецы уже закололи на алтаре у костра жертвенных животных, нацедили их крови в братскую чашу и обильно кропили ею викингов. Покончив с этим занятием, они разлили вино по остальным кубкам и чашам, стали обносить ими сидевших на скамьях.

12

Утром Хозрой был в лачуге у вещуньи.

— Рассказывай, — нетерпеливо сказал он, даже не поинтересовавшись, по обычаю, ее здоровьем.

Рогнеда зевнула, прикрыла беззубый рот ладонью.

— Нечего рассказывать. Боги дали свой знак раньше, чем я успела сделать по-твоему. Сам Один указал дорогу ярлу Эрику и его викингам на древлян.

Хозрой презрительно скривил губы.

— Сам Один? Рассказывай, как все было. Главное, ничего не придумывай.

Он внимательно выслушал сбивчивый рассказ вещуньи, какое-то время помолчал, задумавшись. Затем пристально глянул на Рогнеду.

— Ты сама видела Одина? Или повторяешь чужие слова?

— Видела собственными глазами, как сейчас тебя. Это был он, могучий и грозный бог варягов.

— Хорошо, пусть будет так. Ты не сделала того, что было велено, но я не отбираю у тебя деньги, которые дал. За это отведешь меня на ваше требище и укажешь место, где видела Одина.

— Я не могу этого сделать. Ты иноперец, и боги накажут меня за подобное кощунство.

— Тогда тебе придется вернуть деньги. Где они?

Рогнеда нехотя полезла в свои лохмотья, достала туго набитый кошель, протянула его Хозрою. Но на полпути ее рука замерла, затем дернулась назад, и вещунья снова спрятала кошель.

— Пошли, хазарин...

На островке Хозрой заставил Рогнеду еще раз повторить рассказ, попросил как можно точнее указать место, где появился и исчез Один.

— Туда, — коротко приказал он своим двум слугам, указывая на заводь среди болота.

Хозрой был не первый раз на Руси и прекрасно знал полоцкую землю, где ему предстояло на этот раз действовать. Поэтому он лично и с большой тщательностью отбирал слуг для предстоящего путешествия. Это были два раба-германца, купленные им несколько лет назад на невольничьем рынке в Константинополе. Их родина, верховья Рейна, покрытая смердящими непроходимыми болотами, была как две капли воды похожа на полоцкую землю, а поэтому рабы должны были стать его незаменимыми помощниками. Тем более что за послушание и старание он обещал им вместе с семьями даровать по возвращении в Хазарию волю. Сейчас Хозрой смотрел, как слуги быстро и умело плели себе на ноги широкие решетки, чтобы не провалиться в трясину, как подбирали длинные палки для промера дна. Как осторожно, один за другим, они скрылись в камышах.

Рабы отсутствовали довольно долго, но их возвращение вознаградило Хозроя за ожидание. В руках одного

из слуг было копьё, которое он с довольным видом протянул хазарину.

— Возьми, хозяин. Нашли рядом с заводью, которую ты указал.

— Это все?

— Видели еще одну свежую трону. Три или четыре человека подходили по ней этой ночью к заводу.

На губах Хозроя появилась усмешка, он махнул слугам рукой.

— Идите в город. Скоро приду и я.

Отослав слуг с острова, Хозрой подошел к сидевшей на скамье под навесом Рогнеде, с усмешкой протянул ей принесенное рабами копьё.

— Вот то, чем твой Один указал викингам путь на древляп. Это русское копьё, я видел их в жизни сотни. Скажи, зачем варяжскому богу славянское копьё? И разве вообще нужны богам земные вещи? Теперь понимаешь, что то был не Один, а рус? И пришел рус не с неба, а по тропе среди камышей, которую обнаружили мои рабы. Русы перехитрили тебя, старую и мудрую вещунью.

Рогнеда хрипло рассмеялась, с оттенком жалости посмотрела на Хозроя.

— Нет, они перехитрили только тебя. Потому что я должна была сделать и сказать то, что велел мне ты. Вы, хазары, считаете себя умнее всех, но судьба всегда ставит вас на место. Так случилось и на сей раз.

— Русы перехитрили нас обоих, Рогнеда, — миролюбиво произнес Хозрой. — И потому мы оба должны отомстить им за это. Разве русы не пасмеялись над богами варягов, выдав себя за самого Одина?

Вещунья фыркнула.

— Мне нет дела ни до русов, ни до тебя, а потому некому и не за что мстить. Даже если русы оскорбили наших богов, боги сами отомстят им за это.

Хозрой полез за пояс, достал оттуда кожаный мешочек, протянул его вещунье.

— Пусть будет по-твоему, я стану мстить только за себя. Но ты поможешь мне. Возьми это золото, оно твоё.

Рогнеда моментально выхватила из рук собеседника мешочек, подбросила его на ладони. Услышав звон золота, улыбнулась и тотчас спрятала мешочек за пазухой.

— Приказывай, хазарин.

— Завтра ты придешь к ярлу Эрику и скажешь, что видела во сне Одина. Что он опять звал варягов в поход

на славян, но теперь уже против киевлян. Как в таком случае должен поступить Эрик?

— Снова узнать волю богов. Но старый дротт повторит то, что уже сказал минувшей ночью.

— Старого дротта не будет, — отрывисто бросил Хозрой.

Вещунья с интересом взглянула на собеседника, понимающе усмехнулась.

— Что ж, все люди смертны. Только если не станет этого дротта, появится другой. А поскольку он видел на третице то же, что и его предшественник, он попросту повторит его слова.

— Дротты тоже люди и любят золото, — заметил Хозрой. — Уверен, что ты, Рогнеда, знаешь всех жрецов и их тайные помыслы. Неужто среди них нет того, кто нам нужен?

Вещунья на мгновение задумалась.

— Знаю одного, который мог бы тебе помочь. Говорить с ним буду я, а платить ты. Тебя это устраивает?

— Вполне. Только делай это скорее...

Утром среди варягов поползла молва, что старая колдунья Рогнеда видела вещей сон. Что сам Один, явившийся к ней, снова звал ярла Эрика и его викингов в поход на русов, но вовсе не против древлян, а против киевской княгини Ольги. Когда же Эрик, услышавший об этом, велел доставить к нему старшего дротта, чтобы тот истолковал этот знак богов, посланцы явились ни с чем. Старик еще вечером отправился в лес собирать целебные травы и до сих пор не вернулся. Распорядившись доставить его немедленно после возвращения, ярл послал за Рогнедой.

13

Откинувшись на спинку кресла, княгиня Ольга хмуро смотрела на Ратибора.

— Воевода, я прибыла под Искоростень явить силу Киева, матери городов русских, а пока являю лишь его слабость. Отчего твои дружины до сей поры не могут взять града?

— Великая княгиня, дабы взять Искоростень приступом, надо заплатить за это лучшей частью дружины. А я привел ее не для того, чтобы положить мертвой под стенами. В городе много окрестных смердов и иных беглецов, на каждого древлянского воина приходится три-четыре едока. Мы обложили город со всех сторон, перекры-

ли к нему все дороги и тайные тропы через болота. Уверен, что не выпадет еще снег, а в Искоростене уже начнется голод. Тогда он сам падет к нашим ногам.

— Я не могу столько ждать, воевода, — решительно произнесла Ольга. — У меня много дел и без древлян. И потому готовь дружину для последнего приступа.

На лице Ратибора появилось подовольное выражение.

— Русская земля щедра, по главное ее богатство — сами русичи. Так неужто ты, великая княгиня, хочешь лишиться лучших из них — своей верной дружины?

— Согласна, воевода, и потому не меньше твоего хочу сберечь жизнь каждого воина. Но, как ты понимаешь, я не могу ждать до зимы, судьба не дала мне лишнего времени. Искоростень надобно взять как можно скорее, дабы погасить костер смуты в самом начале, не дав ему разгореться. И заплатить за это нам с тобой нужно самой малой кровью. Я знаю, как достичь этого.

Ратибор недоверчиво посмотрел на Ольгу.

— Как мыслишь сделать это, великая княгиня?

В глазах Ольги мелькнул лукавый огонек.

— Скоро увидишь, воевода. А сейчас вели отправить в град гонца с вестью, что завтра утром жду в своем шатре князя Крука. И не о брани, а о мире хочу говорить с ним. — Ольга посмотрела на изумленное лицо Ратибора, устало опустила на грудь голову. — Посылай гонца, воевода. И сразу же, не мешкая, готовь на приступ дружину...

14

— Здесь.

Рогнеда остановилась на небольшой поляне, отбросила со лба космы седых волос, повернулась к Эрику.

— Ты рядом со священным источником, где каждую ночь собираются валькирии, чтобы решать судьбы храбрых викингов. Тут они кружатся в своем неслышном хороводе, отсюда по повелению самого Одина отправляются за душами павших викингов, дабы отнести их на небо. Ни один смертный не может видеть их, лишь мне даровано богами слышать и разуметь райских дев.

Вещунья внезапно замерла, подняла руку, к чему-то стала прислушиваться.

— Ты видишь их, яри? Слышишь ли постунь небесных дев? — шепотом спросила она.

Эрик невольно вздрогнул, положил руку на перекрестие меча, огляделся по сторонам. Сплошной стеной стоял

вокруг него темный лес, сквозь густо переплетенные ветви деревьев слабо мерцал лунный свет. Со стороны ближайшего болота ветер приносил сладковатый запах гнили и однообразный шелест камыша.

— Я ничего не слышу, Рогнеда.

— Смотри и слушай, ярл. Райские девы приближаются к нам, сейчас они будут здесь. Ты чувствуешь, как изменилось все вокруг?

Эрик до предела напряг слух и зрение. Лес и болото жили обычной ночной жизнью. Где-то вдалеке рыдали и стонали души не вознесшихся на небо воинов, рядом с поляной металась среди деревьев тень вурдалака и упырей, жаждущих свежей и теплой человеческой крови. Вверху среди полос лунного света мелькали светлячки душ сгинувших в утробах матерей младенцев. Где-то в камышах ухал и хохотал леший, над гладью воды изредка разносился золотистый смех русалок, зазывающий к себе одинокого путника. Из глубины болота слышался громкий плеск воды — это водяной поднимал над ней рогатую плешивую голову. Кое-где среди зарослей обступивших поляну кустов мерцали слабые желтые огоньки — то светились зрачки глаз хитрых и злых оборотней, прыгающих через головы над старыми трухлявыми пнями.

— Я не вижу и не слышу валькирий, — произнес Эрик.

Но вещунья уже не обращала на него внимания. Присев на корточки и склонив голову над бьющим из земли ключом, она напряженно всматривалась в темную гладь воды. Эрик последовал ее примеру. Вначале поверхность воды была непроницаемой для глаз, но вот на ней появился розоватый зайчик, и вода посветлела. Зайчик медленно опустился на дно, и дно начало светиться слабым мертвенным блеском. Вскочив на ноги, Рогнеда выхватила из рук одного из дровцов жертвенную чашу — братафулу, налила в нее жидкость из принесенного с собой сосуда. Высыпала туда некие порошки, размешала все это высушенной вороньей лапой. Снова опустившись на колени, она закрыла глаза и выпила зелье мелкими глотками. Не открывая глаз, сыпанула себе на ладонь горсть еще одного порошка. Эрик узнал его: это были высушенные и истертые в пыль грибы-мухоморы, вернее, та их разновидность, отвар или порошок которой не были смертельными для человека, а только возбуждали его и увеличивали силы. Воинам этот порошок давал отвагу и презрение к смерти, у рожениц снимал боль, дровтам и

вещуньям позволял видеть и слышать то, что было недоступно для глаз и ушей простых смертных.

А Рогнеда, частью проглотив порошок, а частью вдохнув его в ноздри, распустила по плечам волосы, вытянула над водой ладони и принялась медленно водить ими над ее поверхностью. И Эрик не поверил своим глазам. Между водой и ладонями вещуньи появился голубоватый свет, вокруг пальцев запрыгали яркие искры, и под зеркалом воды возникло тусклое сияние. Глаза Рогнеды тотчас широко открылись, и колдунья рывком приблизила голову к источнику. Ее тело дрожало, лицо напоминало застывшую белую маску, на которой жили лишь неестественно огромные глаза. И вдруг словно порыв ветра пронесся над Рогнедой, на миг подняв ее волосы дыбом. Но вот они снова упали на плечи, соскользнули с них концами в воду, и лицо вещуньи полностью скрылось от взглядов окружающих.

Поверхность родника оставалась неподвижной, но вода внутри него словно забурлила, а со дна стали появляться какие-то темные полосы, радужные пятна, светящиеся точки. Все это перемещалось по кругу, сталкивалось и снова разбегалось. Внезапно вода потемнела, и ее прорезала, будто молния, ослепительная вспышка. В ярком свете Эрик увидел бьющую точками из недр земли струю источника, пляшущие вокруг поднятые со дна песчинки, несколько камешков, покоящихся на подводном ложе.

Неожиданно все исчезло. Слабо вскрикнув, Рогнеда сложила на груди руки и лицом вниз повалилась на землю. Отведя глаза от родника, Эрик почувствовал, как гудко колотится в груди сердце и пылают огнем щеки. Голова была как чужая, в пей с невероятной быстротой проносились обрывки несвязных мыслей. Вскоре вещунья зашевелилась, невнятно зашептала, с видимым усилием поднялась на колени. Отбросила с лица косматую гриву волос и протянула к луне костлявые руки.

— Могучие боги, я здесь! Всевидящие валькирии, я рядом с вами! Откройте своим детям судьбу, укажите верный путь! Куда идти им, что делать? О боги, мы ждем вашей воли!

Она смолкла, с поднятыми руками застыла у родника как изваяние. И тотчас две огненные стрелы пронзили небо. Появившись из-за деревьев, они светящимися полосами пронесли над поляной и исчезли в камышах среди болот. словно завороченный, Эрик проводил их глазами,

и лишь голос вновь заговорившей Рогнеды вывел его из оцепенения.

— О боги, вы откликнулись на мой зов! Один, ты указал путь своим детям! Твои огненные стрелы зовут викингов в поход на Киев! И славные воины, твои послушные сыновья, исполняют твою волю!

Она говорила что-то еще, но Эрик не слушал. Будто притянутый неведомой силой, викинг не мог отвести глаз от лесного родника. Ему казалось, что внутри струящейся у ног воды пробегают огненные всполохи, а ее поверхность клубится. Порой чудилось, что он слышит неведомо откуда звучащие ласковые и мелодичные женские голоса, обращенные только к нему.

— Ярл, что с тобой? — раздался у него над ухом встревоженный голос.

На этот раз голос был резким и грубым и принадлежал одному из пришедших с Эриком варяжских сотников. Ярл от неожиданности вздрогнул, хотел повернуться к товарищу и не смог: тело было словно налито свинцом, а ноги будто приросли к земле и ему не повиновались.

— Ярл, мы возвращаемся в город, — продолжал сотник. — Идешь с нами или останешься?

— Мы догоним вас, — ответила за Эрика подошедшая к нему Рогнеда.

Опершись на клюку, она дождалась, когда покинут поляну все пришедшие с Эриком дротты и викинги. И едва стихли на тропе шаги, обратилась к погруженному в свои мысли ярлу.

— Все видел и слышал?

— Да. Я видел огненные стрелы Одина, указавшие дорогу войны на полянскую землю. Помню молнию, насквозь пронзившую родник и упавшую в песок. Я до сих пор слышу исходящие из воды неведомые мне женские голоса. Не знаю, что со мной, но мое тело словно чужое, голова пуста, я сам не свой. Отчего это, Рогнеда?

— Только что ты был рядом с богами и собственными глазами видел уготованную тебе судьбу. Может, твой разум не смог еще постичь это знамение, но его поняла твоя душа и уже трепещет и стонет, заставляя содрогаться и цепенеть послушное ей тело. Потому что недолго осталось ходить тебе под небом, отважный викинг. Знай, что дни твои уже сочтены богами...

— Да, я видел игру родниковых струй и слышал голос воды. Но я не знаю и не понимаю языка богов... Я

лишь видел и слышал, только ничего не понял. Что пожелали открыть мне боги?

Вещунья отвела взгляд от Эрика.

— Скоро ты сам узнаешь собственную судьбу и поймешь, отчего сейчас так тревожно и странно твоей душе.

Шагнув к вещунье, Эрик схватил ее за плечи и сильным рывком оторвал от земли. Согнул руки и поднес Рогнеду к своему лицу.

— Старуха, боги открыли тебе мою судьбу, а ты поведаешь ее мне. Какой бы она ни была... Слышишь? Говори или я вытрясу из тебя душу.

И Эрик встряхнул вещунью с такой силой, что у той затрещали кости. Охнув, Рогнеда побелевшими от ужаса глазами уставилась на варяга.

— Ярл, оставь меня. Я скажу все.

Эрик опустил старуху на землю, и колдунья, подобрав выпавшую из рук клюку, снова сложила на ней ладони.

— Помнишь огненную молнию, пронзившую воду и песчаное ложе источника?

— Конечно. После этого у меня будто что-то оборвалось в груди.

— Ты видел не молнию, ярл, а свою смерть. И огонь богов указал место твоей скорой гибели.

Эрик недоверчиво глянул на вещунью.

— Врешь, старуха.

— Я говорю правду. Ты и хазарин Хозрой — гости Руси, но оба желаете ей зла и крови. И русская земля не хочет больше носить вас на себе. Поэтому вы оба не вернетесь на родину, а навсегда останетесь здесь. Тебя, ярл, поглотит земля, а хазарина — водная бедня. Но воле неба вы уже мертвы, и вам нет места среди живых.

Некоторое время Эрик молчал, затем распрямил плечи и, гордо вскинув голову, сказал:

— Я воин, и смерть не страшна мне. Я уже не раз встречался с ней и готов расстаться с жизнью без сожаления... будь то на земле или воде. Но я хотел бы умереть как викинг: в бою и с обнаженным мечом. Скажи, какую смерть уготовили мне боги?

— Ты умрешь как истинный воин — лицом к врагу и с оружием в руках. Но твое тело не увидит погребального костра, а душа не вознесется на небо к предкам.

— Ты лжешь! Если викинг погибает в бою, он умирает как герой. И потому его тело навсегда исчезнет в погребальном огне; это священный долг уцелевших това-

рищей либо победивших врагов, отдающих дань памяти погибшему храбrecу. Таковы законы всех настоящих воинов, каким бы богам они ни поклонялись. Я не верю твоему гаданию, жалкая старуха! Не желаю больше слушать твое вранье! Прощай...

Круто развернувшись и даже не взглянув на Рогнеду, Эрик быстро зашагал по тропе прочь от родника. Не успели замереть звуки его шагов, как из кустов, обступивших поляну, появились Хозрой и двое слуг с луками в руках. Рабы остановились поодаль, хазарин приблизился к вещунье.

— Видели варяги наши стрелы?

— Они пронеслись над самыми их головами. Я истолковала это как знамение Одина, зовущее викингов в поход на Киев. Сегодня я все сделала так, как ты велел.

— Хорошо. Я позаботился, чтобы ни князь Лют, ни киевский тысяцкий не узнали о гадании, а потому русы не смогли помешать нам, — весело произнес Хозрой. — Надеюсь, ты не вздумала посвятить в нашу тайну Эрика? — подозрительно покосился он на вещунью.

— Зачем? — пожала плечами Рогнеда. — Ярл силен как бык и так же глуп. Хотя он жадеи и готов продать за золото собственную душу кому угодно, однако слепо верит в богов и боится их. Так пусть считает, что не только твое золото, но и воля Одина зовут его на полян.

15

Князь Крук и воевода Бразд были так же спокойны и полны достоинства, как и во время первого разговора с Ольгой. Не сняв шлемов и даже не склонив в знак приветствия голов, они остановились в трех-четырех шагах от кресла, в котором сидела перед шатром великая княгиня.

— Киевская княгиня, ты звала нас, дабы говорить о мире. Мы слушаем, — произнес Крук.

— Под стенами Искоростеня уже пролилось слишком много русской крови, чтобы продолжать ее лить. Свара между полянами и древлянами на руку лишь недругам Руси, которые только и мечтают, как бы ее ослабить. Так неужто станем помогать им в этом? Если древляне готовы вновь признать над собой главенство Киева, стольного града всей Руси, и платить ему дань, как повелось издревле, я согласна забыть о смерти мужа и верну тишину и покой вашей земле.

— Какую дань хочет Киев? — спросил Крук.

— Ту, что была до последнего прихода Игоря на полях. Но теперь, князь Крук, собирать и доставлять ее в Киев будешь ты.

— Ты справедлива, киевская княгиня. Это все, что желаешь от древлян?

— Нет. Каждую зиму ваши города и веси станут брать на постой и кормление моих воинов. Так будет пять лет, покуда вражда к Киеву не исчезнет из ваших душ.

— Мы примем твоих воинов, великая княгиня. Древянская земля щедра и не оскудеет от этого.

— И последнее. Каждому искоростеньскому подворью надлежит сегодня до заката солнца прислать мне живую дань: трех голубей и столько же воробьев. Пусть каждый раз потом, глядя на птиц, древяне вспоминают об уплаченной им полянам пернатой дани. А заодно не забывают, что стол великих киевских князей — глава всей Руси, и древянская земля должна быть послушна Киеву.

— Живая дань будет в срок. А теперь, великая княгиня, скажи, когда и где моя дружина и лучшие люди древянской земли принесут священную клятву-роту на верность Киеву и тебе?

— Завтра утром посреди этой поляны. Пусть души наших погибших воинов станут свидетелями свершившегося примирения.

— Ты мудра, великая княгиня. Позволь вернуться в град и сообщить древлянам о мире и приступить к сбору пернатой дани?

— Ступай, князь. И да свершится то, из-за чего я позвала тебя, — громко произнесла Ольга.

Всю обратную дорогу Крук и Бразд хранили молчание, и лишь в воротах крепости князь не выдержал.

— Что молчишь, воевода?

— Мне нечего сказать. Кроме одного: я не верю в невесть откуда появившиеся доброту и великодушие княгини Ольги. Слишком много русских воинов осталось навсегда на этой поляне, чтобы киевские воеводы согласились покончить дело миром. А княгиня умна и хорошо понимает, что ей нельзя ссориться с ними, со своей первой оцорой. Уверен, что вовсе не забота о мире заставила Ольгу встретиться с нами. Здесь кроется нечто иное, княже...

— Но что?

— Не знаю, а потому сжимает душу тревога. За все время разговора Ольга ни разу не посмотрела нам в глаза.

за. Значит, не с чистой совестью звала нас. Не для того пришла киевская княгиня в древлянскую землю, чтобы уйти ни с чем.

— Смутно и мне, воевода, но только недолго пребывать нам в неведении. Если завтра у священного костра Ольга повторит собственные слова о мире, брани конец. Нам осталась всего одна ночь, дабы узнать судьбу.

Бразд невесело усмехнулся.

— Нам осталась целая ночь, княже, — поправил он Крука. — И предчувствие шепчет мне, что это паша последняя ночь.

— Пусто, воевода. Паша дружина всю ночь не сомнет глаз и будет готова к любой неожиданности. И если киевляне решатся еще на один приступ, они лишь умножат собственные потери...

Едва древляне скрылись в городских воротах, из группы воевод, окружавших кресло Ольги, выступил Свенельд.

— Великая княгиня, ты только что посулила древлянам мир. Я не знаю законов Христа, но Перун не простит нам неотмщенной крови... Ни твоего мужа Игоря, ни сложивших головы при штурме Искоростеня воинов. Никто из русских князей еще не нарушал закона святой земли, негоже и тебе идти наперекор ему.

Ольга понимала, что сейчас прозвучали слова не только Свенельда, его устами говорили все воеводы. Оставив Ольгу, они сгрудились вокруг Свенельда и выжидающе смотрели на княгиню. Лишь Ратибор, посвященный Ольгой во все планы, остался на прежнем месте у кресла и невозмутимо паблюдал за происходящим.

— Да, я вела с древлянами речь о мире, — прозвучал в гнетущей тишине спокойный голос княгини. — Потому что он нужен мне, дабы получить из града птиц. И знайте, что я не забыла ни своего мужа, ни погибших на древлянской земле киевских воинов. Не думайте, что это лишь слова. В память и в отпущение за всех полян, принявших смерть от древлянской руки, обещаю вам этой ночью большой погребальный костер и кровавую тризну...

Князь Крук сдержал слово. Солнце только начало садиться, а перед шатром Ольги уже высилась целая гора сплетенных из ивовых прутьев коробок и клеток, в которых сидели принесенные из Искоростеня голуби и во-

робьи. Движением руки княгиня подозвала к себе древлянского сотника, руководившего доставкой пернатой дани.

— Сегодня я обещала твоему князю принять его клятву-роту на верность Киеву. Скажи, что я передумала. Ибо не мир принесла я на землю убийц моего мужа, а брань и мщение...

Проговорив это, Ольга облегченно вздохнула. С минуты, когда утром она рассталась с князем Круком, на душе у нее скребли кошки. С детства привыкшая к честности и чувству ответственности за каждое свое слово и поступок, она сегодня впервые обманула людей родного языка и крови. И даже уверенность в том, что отец Григорий отпустит ей сей грех, не приносила облегчения. И теперь она сняла тяжесть обмана со своей совести: древляне снова ее враги, она сама сказала им об этом, отказавшись от утренних слов и обещаний...

Едва на поляну опустились сумерки, как от шатра великой княгини начали взмывать в небо сотни птиц и светящимися во тьме точками уноситься в направлении древлянского града. Это были голуби и воробьи, которых Ольга получила как живую дань из Искоростеня. По ее приказу к птичьим лапкам на кожаных ремешках привязывались пучки просмоленной пакли и высушенного на жарком солнце древесного гриба-трутника. Поджигая этот горючий состав, дружинники выпускали птиц на волю, и те, неся огонь, спешили в город.

В течение многих поколений привыкшие жить и кормиться возле человека, гнездиться и искать защиты от пернатых хищников у его жилища, городские голуби и воробьи в преддверии наступающей ночи спешили на почлег в привычные, обжитые места. Конечно, осторожная птица никогда не опустится с огнем в родное гнездовье. Но другое, не менее сильное чувство — забота о сохранении рода — обязательно погонит птицу к собственным птенцам или своей стае, чтобы с безопасного для сородичей расстояния предупредить их голосом об опасности, которую она несла с собой. И не так уж для осаждающих было важно, какое строение подожжет в Искоростене пущенная с огнем птица: то, где располагалось ее гнездовье или ночевала стая или соседнее. Главное — в построенном целиком из дерева городе сразу во многих местах должны были возникнуть очаги пожаров...

И пожары вскоре начались. Вначале столб пламени возник слева, и над угловой сторожевой башней появи-

лось багровое зарево. Затем отсветы огня принялись метаться сразу в нескольких местах, и кровавые блики заслонили полнеба. Искоростень был освещен как днем, его стены из темно-серых стали алыми, и казалось, что некто подсвечивает их изнутри. До великокняжеского шатра доносились частые удары в била, даже здесь был слышен треск рушившихся городских строений и рев пожара.

Ольга поднялась с кресла, повернулась к застывшим возле нее воеводам.

— Утром я обещала вам месть за убитого мужа и тризну по загубленным в этом походе нашим воинам, — торжественно прозвучал ее голос. — И я, вдова и великая княгиня, сдержала слово. — Она вытянула руку, указала на охваченный пламенем Искоростень. — Вот погребальный костер в память моего мужа и ваших воинов, а тризну в их честь передаю в ваши руки. Мой сын первым начнет ее.

Из рядов великокняжеской дружины выехали на красавцах-жеребцах юный княжич Святослав и личный дядька воевода Асмус. В руках у княжича было длинное боевое копье, непомерно большое для его детской фигуры.

— Приступай к ратной справе, сын, — промолвила Ольга.

Юный княжич, привстав на стременах, изо всех сил метнул копье в направлении горящего древлянского града. Но тяжесть оружия была еще не для слабых детских рук, и копье, пролетев между конскими ушами, упало в траву у ног скакуна. И тотчас воевода Асмус рванул из ножен меч.

— Братья-друзи! Ты, верная дружина! — разнесся над рядами готовых к бою воинов его зычный голос. — Свершим же святую месть! Великий князь уже начал, так продолжим его дело! Вперед, други!

Он спрыгнул с коня, с мечом в руке занял место в первой шеренге дружинников. Сделал широкий шаг в сторону Искоростеня...

Великая княгиня смотрела, как длинными ровными рядами двигались к крепостным стенам ее воины, как через ров с водой легли широкие бревенчатые мостки, к стенам приставлены лестницы, и вереницы киевлян споровисто полезли вверх.

Воевода Ратибор оторвал взгляд от затихающего на городских стенах боя, от распахнутых настежь крепост-

ных ворот, в которые вливались лавиной полянские дружинники. Глянул на Ольгу.

— Великая княгиня, Искоростень досыта вкусит угодованную ему небом долю. Скажи, какой древлянский град будет следующим? Когда и куда готовить мне дружину?

— Никуда, воевода. Потому что не воевать и разорять древлянскую землю прибыла я, а вернуть ее снова в лоно матери-Руси. Не всему древлянскому племени принесла я мечь, а лишь князю Круку и искоростенцам, прямым виновникам смерти моего мужа. Завтра ты отправишь гонцов в древлянские города с вестью, что великая киевская княгиня ждет их лучших людей. Я вмешаю всем их кривдам и пожеланиям, и мы сообща решим, как жить дальше. Я хочу, чтобы полянин стал старшим братом древлянина, а Киев—заступником и матерью всех городов и весей. Не брани и крови, а мира и покоя на русской земле желаю я....

17

Поглаживая бороду, князь Лют с интересом окинул взглядом стоявшую перед ним девушку. Молодая, стройная, с миловидным свежим лицом и распущенными по плечам длинными золотистыми волосами, она смело смотрела на князя.

— Кто ты, дева?

— Любава, дочь сотника Брячеслава. Вместе с тобой и киевским Игорем он ходил в последний поход на Царьград и не вернулся оттуда.

— Помню его. Он был храбрым воином и умер со славой, как и подобает русичу. Но что тебя привело ко мне?

— Три дня назад я собирала в лесу грибы и наткнулась на раненого пса. Кто-то ударил его ножом в грудь, он потерял много крови и был едва жив. Я взяла его с собой, выходила целебными травами и кореньями. Пес, едва встав на ноги, начал рваться в лес, и мы с матерью с трудом удерживали его дома. Сегодня мы отпустили пса, и он привел нас в глухой овраг, где принялся разрывать лапами землю. Мы с матерью помогли ему и обнаружили мертвеца. Этот человек умер не своей смертью, а был убит. С этой татьбой я и пришла к тебе, княже.

— Ты знаешь убитого?

— Да. Оттого и явилась сразу к тебе, а не к тиуну. Это чужеземец-варяг, и не простой викинг или купец, а

главный их дротт. Еще раньше на торжище я слышала, что он пошел в лес за травами и до сих пор не вернулся.

Лют опустил голову, нахмурился. Он тоже знал, что в лесу исчез верховный жрец Одина, поиски которого ни к чему не привели. И теперь, если девушка говорит правду, обнаружен его труп. Это сулит ему, князю земли, на которой убили ее гостя, мало приятного. Русские законы делили убийства на два вида: в сваде, то есть в ссоре, неумышленно, по неосторожности, и в разбое, то есть заранее обдуманно, с умыслом. Сейчас был случай явного разбоя, причем чужестранца и к тому же дротта. Было над чем призадуматься полоцкому князю.

— В день, когда нашла собаку, видела в лесу еще кого? — спросил Лют.

— Да. Встретила двух челядников одного хазарского купца. Заметив меня, они спрятались за деревом. Но за день до этого я покупала у их хозяина бусы и хорошо запомнила его прислужников.

— Кто тот купец?

— Хозрой. Он уже несколько дней сидит на торжище.

— Хозрой, Хозрой, — повторил Лют. — Слышал о таком, вертится он подле пришлых варягов. Но это дело понятное: у него — товар, у викингов — деньги. Но что делать его челядникам в лесу, зачем прятаться? Ты не ошибаешься, Любава?

— Нет, княже. Я сама удивилась, что им понадобилось в лесу. Зачем бояться меня и укрываются, будто тати.

— Хорошо, Любава, подожди меня на подворье. Ты должна указать место, где нашла тело дротта, и уже оттуда я начну гнать след. И знай, что с этой минуты ты главный видок в деле о разбое варяжского дротта.

Лют громко хлопнул в ладони, и на пороге горницы вырос слуга-дружинник.

— Пошли за ярлом Эриком и хазарским купцом Хозроем, — приказал князь. — Достань их хоть из-под земли, но чтобы в полдень оба были у меня...

Хозрой был доставлен на княжеское подворье уже через час прямо с торжища. Ярл Эрик прибыл в назначенный срок самостоятельно, окруженный десятком вооруженных викингов и в сопровождении нового верховного жреца. Князь Лют коротко сообщил собравшимся обо всем случившемся и велел Любаве отвести всех в лес на место, где был обнаружен труп.

Девушка не ошиблась: убитый действительно оказался пропавшим без вести дроттом. Его сразу узнал и сам Лют, это подтвердили Эрик и прибывшие с ним викинги. Признали они и любимую собаку жреца—крупного серого волкодава, постоянного спутника покойного. Дротт был убит двумя ударами пожа в спину, а затем паспех зарыл в мелко выкопанную яму.

Обнаружив труп, требовалось немедленно приступить к «гонению следа», то есть розыску преступника по обнаруженным следам. Для этого в первую очередь необходимы были показания свидетелей послухов, слышавших что-либо о данном случае, и видоков, видевших нечто из имеющего отношение к убийству. Обычно этим занимался назначенный князем судья-тиун, но в случаях, если убитым оказывался знатный человек или чужестрапец, его обязанности мог взять на себя лично князь. Именно так и решил поступить Лют.

— Любава, — обратился он к девушке, — ты одиптвенный видок. Поведай, что видела и знаешь. Но помпи, что за каждое ложное слово падет на тебя гнев наших богов и тяжесть княжеской кары.

Любава рассказала собравшимся все, что уже говорила раньше князю. Показала и затянувшуюся рану на груди сидевшего у ее ног пса убитого дротта.

— Хазарин, что делали тем днем в лесу твои челядники? — спросил Лют у Хозроя, когда девушка замолчала.

Конечно, проще было бы задать подобный вопрос самим слугам, но в отношении рабов этого обычно не делалось. Варяги вообще не признавали их за людей, а русичи считали, что человек, но пожелавший умереть свободным и выбравший вместо честной смерти воина позорное ярмо раба, не имеет своей воли и права на самостоятельные действия, а потому за него полностью несет ответственность хозяин. Хозрой, мгновенно прикинув обстановку уже после первых слов Любавы, не медлил с ответом ни секунды.

— Светлый князь, мои люди в тот день не были в лесу. Равно как и в любой другой, — твердо сказал он. — У меня здесь всего два раба, и оба все время помогают мне на торжище. Да и зачем мне посылать их в лес? Тем более без присмотра...

— Что молвишь на это, дева? — посмотрел на Любаву князь. — Настаиваешь ли, что видела в лесу слуг купца Хозроя?

— Это были они, княже, — уверенно ответила Любава. — Я готова принести в том священную роту богам.

Лют глянул на стоявшего в окружении викингов Эрика.

— Все слышал, ярл? Кому у тебя больше веры: деве или хазарину? Дротт был твоим братом по крови и вере, а потому прошу и тебя стать судьей в этом деле.

Эрик тронул свою густую рыжую бороду, пожал плечами.

— Кто-то из двоих врет, и потому надобно гнать след дальше. Лишь так мы узнаем правду. А заодно кто — дева или купец — окажется лжецом и лишится за это языка.

Лют в знак согласия кивнул головой, поднял руку.

— Дева и купец, слушайте мое слово. Каждый из вас должен доказать собственную правоту или уличить другого во лжи. А если через три дня и три ночи никто из вас не очистит себя от подозрений, вашу судьбу решит божий суд.

— Княже, у меня есть один видок, — произнесла Любава. — Он, правда, не может сказать в мою защиту ни одного слова, только наверняка обличит хазарина во лжи.

— Кто он?

Девушка указала на пса.

— Эта собака. Она защищала хозяина и знает его убийц. Пес сам получил от них удар ножом и хорошо запомнил их. Вели доставить сюда челядников хазарина, и собака укажет нам убийцу дротта.

Лют вопросительно глянул на Эрика, тот, в свою очередь, на нового верховного жреца Одина.

— Что скажешь, дротт? Может ли пес быть видоком?

Жрец задумчиво посмотрел куда-то вдаль, беззвучно пошевелил губами и лишь после этого разжал рот.

— Боги не всех наделили даром слова, но во все живое вдохнули душу. Собака — разумная тварь и долго помнит хорошее и плохое. К тому же она лишена человеческого своекорыстия и лукавства. Поэтому боги не запрещают псу помочь найти убийц хозяина. Один разрешает ему приблизить час мести за своего верного слугу-дротта.

— Хазарин, ты слышал, что молвил старик? Считай, что это и мое слово, — сказал Лют. — Сейчас мои грядки доставят сюда челядников, и мы проверим правду твоих слов.

У Хозроя от страха перехватило дыхание, но внешне он ничем не выдал своего состояния.

— Светлый князь, я послушен любой твоей воле, но моих рабов нет в городе. Я не знал, что ты захочешь их видеть, и еще утром отправил вниз по реке скупать мед и воск. Прости за это...

По губам Люта скользнула недоверчивая усмешка, но тут на помощь Хозрою пришел Эрик.

— Пусть будет так, хазарин. Когда рабы вернуться?

— Завтра вечером.

— Сразу приходи с ними на княжье подворье. И горе тебе, если сейчас солгал.

18

Микула не первый год знал стоявшего перед ним дружинника, по все-таки еще раз внимательно осмотрел его. Высокий, широкоплечий, весь налитый здоровьем и силой, он был лучшим сотником из числа прибывших с Микулой воинов, его правой рукой в том непростом деле, из-за которого тысяцкий появился в Полоцке.

— Ярослав, — сказал Микула, — мы смогли перехитрить наших врагов в священной роще, но вот не усмотрели за ними у родника. Они убили старого варяжского дротта, и теперь воля и голос бога викингов Одина в руках вещуньи Рогнеды и хазарина Хозроя. Они хотят бросить двадцать сотен варяжских мечей на помощь Искростеню, а наша цель — не допустить этого. Вот почему я велел кликнуть тебя ночью. Если не дремлют наши воюги, не время спать и нам.

— Слушаю тебя, воевода.

— Сегодня в лесу найдено тело убитого дротта... — и Микула подробно рассказал сотнику все, что случилось в овраге у тела варяжского жреца. — Я уверен, что его смерть — дело рук Хозроя и Рогнеды, но это надобно доказать князю Люту и ярлу Эрику. Такое по силам только Любаве и уцелевшему псу покойного дротта. Это понимаем не одни мы, но и убийцы, а поэтому они постараются избавиться от видоков любым способом. Мы должны сберечь девушку и собаку до судного дня. Возьми десяток лучших воинов и не отходи от Любавы ни на шаг.

— Воевода, с этой минуты ее жизнь на моей совести, — склонил голову сотник.

— Выслушай и запомни напоследок один мой совет: пуще всего опасайся Хозроя. Он хитер и вероломен, подл

и коварен, для него нет ничего святого. Еще никогда ни один хазарин никогда не желал добра русскому человеку, а потому страшись его как ползучей гадины...

19

Прикрыв в полудреме глаза, не в силах бороться с полуденным зноем, священник Григорий лениво ворочал ложкой кипящее в горшке варево. За его спиной раздались легкие шаги, и на костер упала тень. Григорий открыл глаза, медленно повернулся. В шаге за ним застыла фигура в монашеском плаще, с капюшоном на голове и четками в руках. Григорий еще не видел лица стоявшего, не слышал его голоса, но лишь по одному ему известным приметам сразу узнал подошедшего.

— С возвращением, сын мой, — тихо произнес он, слова поворачиваясь к костру. — Садись к огню, обед скоро поспеет.

Монах присел на бревно рядом с Григорием, сбросил с головы капюшон. Это был тот молодой служка, которого священник отправил с тайной грамотой о событиях на Руси к константинопольскому патриарху. И вот, вернувшись обратно, он снова перед Григорием. Священник быстро огляделся по сторонам. Он всегда предпочитал одиночество, а поэтому вокруг, насколько хватал глаз, не было видно ни души. И все-таки, повинуясь вьезшейся в плоть и кровь подозрительности, Григорий начал разговор на греческом языке.

— Ты был у патриарха, сын мой?

— Да, святой отец, — так же, по-гречески, ответил служка.

— Вручил ему грамоту?

— Конечно. Он при мне прочел ее.

— Что изволил передать святейший?

— Патриарх по доверил своих мыслей ни шелку, ни пергаменту, а велел изложить тебе все на словах. Русь отныне должна стать послушна империи, а дабы держать в повиновении русскую княгиню, надобно устроить так, чтобы она крестила собственного сына и отправила его в Константинополь. Как это сделать — решать тебе самому. Я передал все, святой отец.

Григорий опустил голову, задумался. Патриарх хочет крестить будущего русского великого князя и держать его заложником в Константинополе? Отличный ход! Нечто подобное приходило в голову и Григорию. Больше

того, он даже предусмотрел кое-какие подробности намерения, как это лучше сделать.

И священник снова обратился к службе.

— До того как принять сан, ты служил в гвардейской школе. Скажи, хорошо стреляешь?

— Сказать по правде, я не славился в бою на мечах или секирах, но как стрелку мне не было равных во всей когорте.

— Попадешь в ствол дерева за пятьдесят шагов, не опустив стрелу ниже черты, которую я проведу?

Бывший гвардеец мгновение раздумывал.

— Сделаю, святой отец. Но мне нужно время, чтобы руки налились утраченной силой, а глаза приобрели быструю остроту и зоркость.

— У тебя будет необходимое для этого время. К упражнениям с луком следует приступить немедленно. И да поможет нам бог...

20

Лодка зашуршала днищем о прибрежный песок, замедлила ход. Сотник Ярослав поднялся со скамьи, легко прыгнул на берег. Глянул на двух гребцов-дружинников, вытаскивавших из уключин весла.

— Захватите рыбу и сразу к Любаве. Буду ждать вас у нее...

Он поправил на голове шапку, постучал сапогом о сапог, стряхивая с них прилипшую рыбу чешую. Забежал вверх по речному обрыву и быстро зашагал к виднеющимся на взгорье стенам города. Тропинка, причудливо петляя между кустами и деревьями, гела его через лес, спускаясь в овраги и ложбины. Солнце уже спряталось за верхушки деревьев, в лесу начало темнеть, от близкой реки веяло прохладой. Сотник вяло передернул плечами и с сожалением подумал, что зря не взял с собой на рыбалку плащ, оставив его утром в избе у Любавы.

Вдруг он замедлил шаг, остановился. Прямо на тропе лежал узорчатый воинский пояс, к которому был пристегнут широкий кривой кинжал в богато украшенных серебряной насечкой ножнах. Сотник осторожно приблизился к поясу, склонился над ним, и в то же мгновение из-за кустов, обступивших тропу, выскочили двое в темных плащах и низко надвинутых на глаза шапках. Прежде чем Ярослав успел что-либо понять или предпринять, сильный удар дубиной обрушился ему на голову и свалил с ног.

Он пришел в сознание на дне глубокого лесного оврага возле небольшого костра. Его руки и ноги были связаны, ножны меча и кинжала пусты, во рту торчал кляп. Не показывая, что пришел в себя, Ярослав сквозь едва приоткрытые веки бросил внимательный взгляд по сторонам. Возле огня сидело пятеро, троих сотник узнал сразу: это были хазарин Хозрой и два его раба-челядника. Недалеко от огнища лежало на земле еще несколько воинов-варягов. Они пили из кубков хмельной ол, заедая его вяленой рыбой с хлебом. Ярослав напряг слух, прислушался к разговору у костра.

— Что ответил рыцарь Шварц, сотник? — спросил Хозрой у сидевшего рядом с ним викинга в дорогах, с позолотой, византийских доспехах.

— Тевтон прочитал послание Эрика и сказал, что не признает грамот, а потому хочет говорить с ярлом с глазу на глаз.

Хозрой улыбнулся.

— С глазу на глаз? Что ж, пускай говорят. Если бы рыцарь хотел отказаться от предложения ярла, им незачем было встречаться. Тевтон просто желает поторговаться и сорвать как можно больше золота за свой набег на полоцкую землю.

— Шварц предложил встретиться на поляне у Черного болота. Он будет в условленном месте завтра ночью, а утром идет там и ярла.

— Хорошо, сотник. Скажи к ярлу и передай ему ответ тевтона. А это награда за то, что не забыл о нашем уговоре.

Хозрой бросил сотнику кошель с деньгами, тот на лету подхватил его и спрятал за поясом. Подняв с земли щит, на котором сидел, варяг направился в кусты, и вскоре оттуда донесся конский храп и стук копыт.

— А теперь слушай ты, — повернулся Хозрой к неизвестному Ярославу человеку. — Проклятая русская девка с недобрым исом спутала всю мою игру. Мало того что я остался без помощников, которым сейчас нельзя показываться в городе, еще не известно, что принесет мне самому судный день. К тому же варяги не знают, чему верить: предсказаниям убитого дротта или ворожбе Рогнеды. Они решили снова спросить совета у богов, и это будет делать новый верховный жрец. Не думаю, что он осмелится пойти против воли предшественника, поскольку тоже видел мнимого Одина на болоте у священной рощи. Но вряд ли захочет он лишиться золота, получен-

ного от меня через Рогнеду. А потому варяжские боги, скорее всего, дадут викингам новый совет: двинуться под знамена ромейского императора. Пускай идут...

Хозрой полез за пауху, достал оттуда пергаментный свиток, передал неизвестному. Тот проверил печать и спрятал его под полой плаща. Снова вытянул шею в сторону хазарина.

— Завтра утром поскачешь в Киев и будешь там раньше варягов. Найдешь хозяина и скажешь, что, хотя викинги ярла Эрика плывут на службу к ромеям, по пути они нападут на Киев. Пусть решит, как помочь им завладеть городом, и с этим планом пришлет тебя к ярлу. Ступай и готовься в путь.

Неизвестный поднялся с земли, закутался в плащ и, не проронив ни слова, исчез в темноте. А Хозрой уже смотрел на одного из челядников.

— Сделал ли то, что я велел?

— Узнал все, что было поручено. Киевский тысяцкий поставил на постой к Любаве пять воинов. Их старший спал в избе, остальные — на сеновале. По твоему приказу мы выкрали старшего, и сегодня ночью он проведет нас прямо в избу к Любаве.

— Окуните этого руса в ручей. Пускай очнется. Я хочу говорить с ним.

Сотника грубо схватили за руки и ноги, но когда он слабо застонал и открыл глаза, его снова положили на землю. Хозрой присел сбоку, вытащил у Ярослава из рта кляп.

— Рус, ты полностью в моей власти, твоя жизнь и смерть в моих руках. Выбирай: проведешь нас в избу к Любаве или примешь смерть в этом овраге.

Вместо ответа Ярослав опять закрыл глаза и молча отвернулся от хозяина. Тот поднялся на ноги, со злостью ткнул сотника носком сапога в бок.

— Проклятый рус! Я так и знал, что он откажется. Ничего, одним на подворье меньше будет.

Хозрой отошел к костру, посмотрел на челядников.

— Тушите костер и идем к Любаве. А ты, — задержал он взгляд на одном из подручных, — останешься здесь и перережешь русу горло. И смотри, спрячь тело так, чтобы не повторилась история с дроттом.

Когда костер был погашен, а Хозрой со своими спутниками исчез в лесу, оставшийся в овраге челядник подошел к Ярославу. Выхватив из-за пояса нож, он занес

его над головой сотника, но затем опустил. Разве он забыл, что душа убитого руса, видевшая и запомнившая убийцу, будет преследовать его днем и ночью, во сне и наяву, пока не отомстит? И потому раб не отберет жизнь у связанного пленника, а предоставит возможность сделать это другим. Схватив Ярослава за ноги, челядник протаскил его по дну оврага к месту, где тот, заканчиваясь, всего на несколько шагов не доходил до обширного, зловонного болота. Еще раз проверив надежность пут на руках и ногах пленника, подручный Хозроя привязал сотника спиной к дереву, довольно потер руки. Пускай комары-кровососы отнимут жизнь у руса, пускай им мстит его душа, лишенная тела и не вознесшаяся в пламени священного костра к предкам, а потому обреченная неприкаянной вечно скитаться между небом и землей, томимая одной мечтой — отомстить виновнику ее мук...

Недалеко от избы Любавы Хозроя встретил один из его тайных соглядатаев.

— Все в порядке, — сообщил он, — русы спят. Все четверо ночуют на сеновале, так что Любава с матерью в избе одни.

Хозрой не терял ни минуты, все было продумано и рассчитано заранее. Десяток варягов, которым он хорошо заплатил и потому готовы на все, осторожно перелезли через плетень подворья Любавы. Четверо из них с мечами наголо замерли возле дверей сеновала, остальные подкрались к избе. Подперев колом дверь, чтобы ее нельзя было открыть изнутри, они обложили одну из стен сухим мхом и полили дегтем. После этого четверо с луками в руках спрятались в кустах напротив окон, а двое остались возле стены. Вот один наклонился над мхом, и в темноте вспыхнул едва заметный огонек. Он стал быстро разрастаться, и вскоре в воздухе запахло дымом. И тотчас внутри избы раздался громкий собачий лай, на фоне маленького окошка мелькнул контур женской фигуры. Варяги, спрятавшиеся в кустах, натянули тетивы луков, но спустить их не успели. В воздухе просвистели чьи-то стрелы, пущенные неведомо откуда, и все четверо повалились мертвыми на землю. Двое поджигателей испуганно метнулись от избы к плетню, но стрелы невидимых стрелков настигли их на полпути. Четверо викингов, стоявших возле дверей сеновала, бросили мечи и поспешно схватились за луки. Но уже было поздно: они тоже разделили участь товарищей, пережив их лишь на несколько мгновений.

Хитер и изворотлив был старый хазарин Хозрой, только не учел, что умом обладали и другие. Сотник Ярослав, поселившись с четырьмя дружинниками у Любавы, шести остальным велел днем отсыпаться в воеводской избе, а с наступлением темноты тайно и бесшумно пробираться через зады подворья к избе девушки и не спускать до утра с нее глаз. И все в эту ночь случилось именно так, как предполагал русский сотник.

Когда Хозрой увидел появившихся на подворье шестерых русичей с луками в руках, а с сеновала выскочило еще четверо с обнаженными мечами, он понял все.

— Скорей отсюда... — прошипел он притаившемуся рядом в тени изгороди челяднику. — Проклятые русы опять перехитрили нас... — и первым бросился в темноту.

21

По ночному лесу медленно двигалась сотня копных викингов. Ехали плотным строем, стремя в стремя, занимая проезжую часть дороги. Их копыта и секиры были взяты на изготовку, у многих в руках виднелись луки с положенными на тетивы стрелами. Варяги редко бились в конном строю, их стихия — бой в лодиях на воде или в тесно сомкнутых пеших шеренгах на земле. Лошади служили им обычно для сохранения сил в длительных переходах. Сейчас, будучи насторожке, викинги чутко прислушивались к малейшему лесному шороху, к каждому крику ночной птицы.

В голове колонны ехал сотник, беседовавший с Хозроем в овраге у костра. Передав ярлу свой разговор с рыцарем Шварцем и его пожелание, сотник получил приказ отправиться к Черному болоту, чтобы обезопасить место предстоящей встречи от ненужных глаз и ушей, а также служить надежной защитой самим ее участникам. Эрик особо предупредил сотника, что с появлением в Полоцке киевского тысяцкого Микулы отношение к варягам со стороны князя Люта заметно ухудшилось. К тому же минувшей ночью на одном из городских подворий было побито стрелами несколько викингов, в чем ярл опять-таки усматривал козни киевского посланца. Поэтому Эрик советовал сотнику быть в пути как можно осторожней, и тот, будучи на Руси не первый раз и хорошо зная как Микулу, так и храбрость воинов-русов, крепко запомнил предостережение ярла. Вот почему так нетороплив ход

маленькой колонны викингов, а сами они в любую минуту готовы принять бой.

К Черному болоту варяги добрались уже под утро, когда ночная тьма начала редеть. От трясины, вдоль которой они двигались, еще наплывали волны густого тумана, но в них стали образовываться просветы. Лесная дорога, вьющаяся вдоль берега болота, прижалась к нему вплотную. Неожиданно она сузилась до нескольких шагов, и топь подступила к копытам лошадей не только слева, но и справа. Так викинги ехали несколько минут. Но вот дорога снова расширилась, и перед ними открылась широкая, поросшая высокой травой поляна. Точнее, это был небольшой, почти правильной круглой формы полуостров, глубоко вдавшийся в глубь болот и соединенный с лесом тем узким перешейком, который всадники только что миновали.

Поляна была пуста. Ее часть, граничившую с трясинной, еще обволакивал туман, но быстро наступающее утро и лучи солнца съедали его прямо на глазах. Оставшиеся в некоторых местах вдоль берега небольшие белые островки быстро таяли, и предрасветная мгла все дальше уползала в глубь болот.

Вдруг конь сотника, находившийся почти на середине поляны, тревожно заржал и остановился. Сразу схватившись за меч, викинг поднялся на стременах, внимательно огляделся по сторонам. И вздрогнул. Туман уже полностью рассеялся, его отдельные хлопья еще держались лишь по краю болота. И в одном из небольших облачков уцелевшего тумана, прямо на границе суши и воды, виднелась неясная человеческая фигура. Ее очертания были расплывчивы, в клубах движущегося тумана она то исчезала, то появлялась вновь. Но вот туманное облачко исчезло в камышах, и фигура стала видна с поразительной четкостью.

Это была молодая женщина. Болое, перехваченное в талии поясом платье, рассыпанные по плечам золотистые волосы... Лицо наклонено к поверхности воды, руки безвольно опущены вдоль туловища. Кто это? Русалка, не успевшая исчезнуть с поляны до первых лучей солнца и желающая сейчас заманить неосторожного викинга в лono болотных вод, чтобы защекотать там до смерти и увлечь с собой на дно? А может, валькирия, сказочная райская дева, которая в этот миг по повелению самого Одина всматривается в лица воинов, дабы решить, кому из них даровать длинную беззаботную жизнь, а кого погубить в

первой же битве и унести его освобожденную от тела душу в небесные палаты Валгаллы?

Женщина шевельнулась, медленно подняла голову, осторожно двинулась вдоль берега. И вдруг, взмахнув руками словно крыльями, сделала плавный прыжок и перенеслась на крохотную болотную кочку, всю залитую солнцем. Его лучи насквозь просветили легкое белое платье и до мельчайших подробностей обрисовали фигуру незнакомки, как будто обнажив и выставив ее напоказ. И женщина, повернув к викингам лицо, улыбнулась. Если бы сотник присутствовал в овраге у тела убитого дротта, он легко узнал бы Любаву. Замерев на кочке, славянка улыбалась, а варяжский отряд, сгрудившись посреди поляны, во все глаза смотрел на нее.

Но вот Любава, опять взмахнув руками, перепрыгнула на соседнюю кочку, с нее на следующую. Прыжок, еще прыжок — и она стала удаляться от викингов в направлении перешейка. И тут не выдержал первый из них. Соскочив с коня, он бросился вслед за беглянкой, стремясь зайти ей наперерез и отрезать путь с поляны. Но та, увидев преследователя, ускорила легкий бег.

Сотник почувствовал, как тяжелая волна ударила в голову, как частым ознобом задрожало тело: он уже давно не ощущал женской ласки. У русов не было продажных женщин, а взять славянку силой не мог позволить себе ни один из викингов: такого ждала смерть если не от руки самих русов, то по приговору ярла. Но сейчас обстоятельства складывались благополучно для сотника. Поскольку ярл предупредил, что никто не должен знать о его встрече с рыцарем Шварцом, эта молодая и красивая славянка была обречена на гибель. Но прежде чем она расстанется с жизнью, ей суждено доставить немало приятных минут и сотнику, и его воинам.

Сотник повернулся к спутникам, вытянул в сторону девы руку.

— Догнать и взять живой.

Строй викингов сразу рассыпался, часть всадников во весь опор помчалась к перешейку, чтобы перехватить беглянку. Каждый из них знал: следующим после сотника обладателем славянки будет тот, кто ее захватит.

Сотник не расслышал ни звука спущенных тетив, ни шелеста летящих стрел. Он оторвал жадный взгляд от девы уже после того, как вокруг раздались крики боли, крипы умирающих, ржание потерявших седоков коней. Сразу забыв о славянке, он завертел головой по сторонам.

По всей поляне виднелись тела убитых викингов, несколько раненых, ища спасения от стрел, ползали в траве, стараясь забраться в нее поглубже. Оставшиеся в живых варяги, побросав лошадей и подбадривая себя громкими боевыми криками, сбегались к противоположной перешейку стороне поляны.

А на перешейке, только что безлюдном, готовились к бою появившиеся из камышей и болотного кустарника враги. Перекрывая всю ширину перешейка, строились в несколько шеренг русские копьеносцы, растягивались за ними в линию лучники. И прежде чем стрела вонзилась сотнику в горло, он узнал командовавшего русами военачальника — это был киевский тысяцкий Микула.

22

Рыцарь Шварц, как и обещал ярлу Эрику, прибыл к Черному болоту ночью. Его отряд был невелик: сам рыцарь, десяток верных слуг-телохранителей и проводник из местных куршей. Перед въездом на перешеек, за которым начиналась облюбованная для встречи поляна, курш придержал коня.

— Нужное место там, — указал он в темноту. — Но я не вижу трех костров, которые должны были зажечь ожидающие нас варяги. Неужто они задержались в пути?

— Возможно, мы просто не видим огней, — сказал рыцарь. — Скачи на поляну и все узнай.

Проводник исчез на перешейке, а маленький отряд съехал с дороги в лес и укрылся в тени деревьев. Некоторое время в лесу и над болотом стояла тишина. Внезапно в уши Швардца ворвались громкое ржание и дробный стук копыт бешено скачущей лошади, и на дорогу вынесся проводник. На всем скаку он осадил коня и в поисках спутников начал озираться по сторонам.

— Сюда, — негромко скомандовал рыцарь, предпочитая не выезжать на освещенную луной дорогу.

Подъехавший проводник удивил его. Дрожащий, с испуганным лицом, он непроизвольно косился в сторону, откуда прискакал.

— Ты видел варягов? — прозвучал вопрос Шварца.

— Они там, где и должны быть, — торопливо ответил курш. — Но...

Рыцарь уже не слушал его. Пришпорив коня, он снова выбрался на дорогу и поскакал к поляне. Засвистел в

ушах ветер, слева и справа быстро замелькали камыши, стиснувшие с боков перешеек. Еще немного, и вскоре он увидит варяжские сигнальные костры, у которых его ждут отдох и сытная еда.

Вдруг конь остановился как вкопанный, и всадник с трудом удержался в седле. Рука Шварца, готовая обрушиться на круп скакуна удар ремешком плети, замерла в воздухе. До поляны оставалось всего несколько шагов, она лежала перед рыцарем как на ладони. И в месте, где дорога выбегала на поляну, Шварц увидел в мертвенном сиянии луны два ряда застывших на земле викингов. Они лежали ровными плотными шеренгами, голова к голове, плечо к плечу, как обычно располагались в бою. Все в полном воинском облачении, левая часть груди прикрыта щитом, возле правой руки покоится оружие: меч, секира или копьё. Могло показаться, что они лишь прилегли отдохнуть.

Могло... Но уж слишком вольно играл ветер выбивавшимися из-под шлемов волосами, и никто из викингов не поправлял их. И лунный свет не отражался, а потухал в их застывших, уставившихся в одну точку зрачках. Лица лежавших были искажены предсмертной судорогой, а кожа на них утратила матовый живой блеск. Варяги были мертвы. Одни пронзены стрелами, другие изрублены мечами или проткнуты копьями. Измятые вражескими ударами доспехи, иссеченные шлемы, залитая кровью одежда... Перед рядами мертвоцов было глубоко воткнуто в землю копьё. Прислонившись к нему спиной, впереди шеренг неживого воинства сидел убитый варяжский сотник. На его коленях лежал щит, ладонь правой руки касалась рукояти обнаженного меча, а в левой, сжатой в кулак, виднелся пергаментный свиток.

Осенив себя крестным знамением и наскоро прочитав молитву, рыцарь соскочил с коня. Быстро подошел к сотнику, рванул из его пальцев пергамент. Развернул свиток, поднес к глазам. «Тевтон, — прочитал он в лупном свете, — мы пришли на русскую землю гостями, но стали ее врагами. И ты собственными глазами видишь нашу печальную участь. Прежде чем самому стать подругом Руси, еще раз взгляни на нас. И если тебе дорога жизнь, будь благоразумен».

Рыцарь, словно повинувшись воле начертанного эти строки, оторвал глаза от пергамента и снова бросил взгляд на сидевшего перед ним мертвого сотника, на ряды безмолвно лежавших за ним викингов. И почувствовал, как в

душу вползает страх. Вдруг это не ветер свистит на болоте среди метелок камыша, а неизвестные лучники натягивают тетивы тугих луков? А как огромна его спина, и как незащитна она от копья, которое в любой миг может вылететь из густой травы, которой так заросла поляна! И если это вовсе не порывы ветра шевелят ветви ближайших к нему деревьев, а руки врагов, что готовятся прыгнуть сверху с мечами в руках? Выругавшись, Шварц отшвырнул в сторону свиток, подбежал к коню. Долго ловил непослушной ногой стремя, вскочил в седло.

— Домой! — крикнул он спутникам. — И да будут прокляты яри и эта встреча с ним!

23

Тихо переговариваясь, великая княгиня и священник Григорий прогуливались по лесу. Рядом, то обгоняя, то поджидая слугу-дружинника, бежал сын Ольги — княжич Святослав. Вот он подскочил к высокому дубу, что рос на пересечении двух тропинок, остановился в раздумье, по какой двигаться. И тотчас из кустов, видневшихся в полусотню шагов слова, со свистом вылетела стрела, впилаясь в ствол дерева на расстоянии ладони от головы ребенка. Двумя стремительными прыжками слуга Святослава достиг дуба, закрыл собой княжича и выхватил из ножжен меч. Еще трое дружинников, шедших позади Ольги и священника, укрылись за щитами и с копьями в руках бросились к кустам, откуда вылетела стрела. Там уже никого не было. На дне глубокого, извилистого оврага, который начинался сразу за ними, валялись брошенный кем-то лук и колчан со стрелами.

Побледневшая Ольга подбежала к Святославу, схватила его на руки и поспешила к своему шатру...

— Что скажешь теперь, дочь моя? — спросил Григорий, когда они остались с Ольгой в шатре наедине.

— Ты был прав, святой отец, кто-то действительно желает мне зла. Но чего добиваются эти люди?

— Они мечтают занять твоё место, великая княгиня. Вот почему ты и Святослав должны исчезнуть. Эти люди всеми силами и способами стремятся к собственной цели, а ты медлишь защитить себя и сына от их козней. Смотри, ты можешь опоздать в борьбе с недругами.

— Святой отец, раньше я опасалась лишь за себя, теперь страшусь и за сына. Ты должен понимать, что такое для матери её единственный ребенок. Как могу бороться

с врагами, если они в любую минуту могут отнять у меня самое дорогое — жизнь сына? Скажи, что на моем месте сделал бы ты? Дай совет.

Глаза священника радостно блеснули. Наконец-то он дождался своего! Пришло время, когда Ольга, охваченная страхом и снедаемая подозрительностью к окружающим, сама обратилась к нему за помощью. Вот тот долгожданный миг, когда он вложит в ее смятенную душу свою волю.

— Да, дочь моя, смерть грозит не только тебе, но и сыну. И дабы успешно бороться с врагами, следует быть спокойной за его судьбу. Я знаю лишь один способ спасти княжича, но этот способ потребует от тебя истинно материнской мудрости и мужской твердости характера.

Григорий смолк, выжидающе уставился на Ольгу.

— Продолжай, святой отец, — проговорила та.

— Твоему сыну надобно находиться там, куда не дотянутся кровожадные лапы язычников, твоих и его врагов. Константинопольский патриарх — твой брат по вере, император Нового Рима — твой друг и союзник. Разве по договорам, заключенным с Византией князем Олегом и твоим мужем, Русь и империя не должны помогать друг другу, приходить один другому в тяжелую годину на помощь? Те договора действуют и поныне, ни ты, ни император не отказались от них.

Ольга грустно усмехнулась.

— Мне известны эти договора. По ним Русь и Византия считают себя друзьями и обязуются оказывать друг другу помощь. Но Русь еще никогда не просила подмоги у империи! Зато сколько раз молила об этом Византии! И сколько раз посылала Русь ей на помощь дружины, проливая свою кровь за ее интересы. Я не нуждаюсь в защите империи, святой отец, — гордо закончила Ольга.

— Ты не так поняла меня. Не Русь обратится к Византии, а ты, мать и христианка, попросишь убежища для сына у патриарха. Этим ты спасешь для себя единственного ребенка, а для русской земли — ее законного великого князя. Я, скромный слуга божий, не знаком с императором Нового Рима, но знаю патриарха, нашего первосвященника. Я сам поведаю ему о твоей беде и присовокуплю собственный голос к твоей просьбе. Патриарх — отец всех христиан, своих детей, он поможет и нам.

Григорий сделал паузу, облизал кончиком языка губы. Его глаза, как два острых буравчика, впились в лицо Ольги.

— Думай, дочь моя, но помни, что жизнь и дальнейшая судьба княжича в твоих руках. То, что сейчас решишь, может навсегда погубить или спасти Святослава.

— Согласна с тобой, святой отец, — решительно произнесла Ольга. — Но что я должна сделать, дабы патриарх внял моей просьбе?

— Не тревожься об этом, я все беру на себя, — ответил Григорий. — Тебе надобно сделать лишь одно — крестить сына. Первый среди христиан не может приютить у себя язычника.

От изумления Ольга даже привстала с сиденья кресла.

— Крестить? Вселить Христа в душу будущего великого князя Руси? Кто позволит мне это, святой отец?

— Мы свершим обряд тайно, и о крещении будет известно только двоим: тебе и мне.

Ольга задумалась. Ее пальцы, лежавшие на подлокотниках кресла, заметно дрожали.

— Да будет по-твоему, святой отец. Для спасения жизни сына я готова на все! Пускай не только я, но и сам Христос станет ему защитой.

Григорий почувствовал, как вначале от волнения, а теперь от радости у него вспотели ладони. Но и не предполагал, что ему удастся так быстро и легко сломить сопротивление Ольги и навязать ей свою волю. Значит, не напрасно велел он служке вогнать стрелу над головой княжича Святослава — это принесло желанные плоды. Побужденная страхом, киевская княгиня теперь целиком в его власти. И главное сейчас — не дать ей времени прийти в себя, избавиться от ощущения притаившейся рядом опасности, изменить принятое только что решение.

— Дочь моя, надобно торопиться. Мы не знаем замыслов врагов, и чем скорее княжич очутится в безопасности, тем быстрее ты обретешь покой души.

— Ты прав, святой отец, — с непривычной для Григория покорностью сказала Ольга. Назови время свершения обряда.

— Мы крестим княжича сегодня ночью. Жди меня...

Григорий пришел в шатер Ольги незадолго до полуночи. Молчаливый служка в монашеском одеянии принес под полой и расставил по местам все необходимое для крещения, после чего бесшумно исчез за пологом шатра. Григорий собственноручно налил в купель воды, глянул на Ольгу.

— Приступим, дочь моя?

Ольга не успела ответить. У входа в шатер раздалась тяжелые шаги, и на пороге появились воеводы Ратибор, Асмус, Свенельд.

— Прости, великая княгиня, что беспокоим, — сказал Ратибор. — Но проверяли стражу и увидели, как из твоего шатра скользнула тень. Потому и решили узнать, все ли у тебя спокойно.

Глаза воеводы скользнули по шатру и наткнулись на купель. Затем он увидел на столе крошило, большой крест, каравай хлеба, стоявшую возле них корчагу с водой. Ратибор перевел взгляд на дремлющего в кресле княжича Святослава в ослепительно белой рубахе, на застывшего подле него священника с Евангелием в руках. Лицо воеводы нахмурилось.

— Что замыслил, ромей? — грозно спросил он, шагая к Григорию. — Что делаешь у великой княгини ночью? Зачем тебе княжич и все это? — кивнул воевода на стол с христианскими регалиями.

Священник выпрямился перед Ратибором во весь рост, взяв со стола крест-распятие и выставил его перед собой словно щит.

— Прочь, язычник! Не мешай творить святой обряд!

— Святой обряд? — воевода сделал шаг назад и выхватил из ножен меч. — Ты хочешь, ромей, вынуть из княжича душу воина-русича? Задумал превратить его в раба слабого телом и духом Христа, бога женщин? Умри за это!

Ратибор занес над Григорием клинок, но Асмус успел перехватить его руку. Сильным рывком Ратибор освободил ее, но между ним и священником уже стояла великая княгиня. И меч русича опустился.

— Великая княгиня, не гневишься, что едва было не пролил кровь в твоём шатре. Но Русь не позволит отнять у нее великого князя! Твоя верная дружина не допустит глума над верой наших пращуров! Княжич Святослав принадлежит Руси и ее людям, а русичи не верят и не признают Христа, чужого, неведомого им ромейского бога.

— Довольно, воевода, — устало произнесла Ольга. — Священник должен был крестить княжича по моей воле, и я теперь жалею об этом решении. — Она подошла к креслу, опустилась в него, махнула рукой Григорию. — Иди отдыхать, святой отец. Асмус и Свенельд, проводите его.

Когда в шатре остался один Ратибор, Ольга, откинувшись на спинку кресла, весело рассмеялась. Это было так неожиданно, что воевода вадрогнул.

— Я сделал что-то не так? — спросил он.

— Нет, ты поступил так, как я велела. И смеюсь я над ушедшим сейчас ромеем. Как часто иноземцы считают себя выше нас, русичей! Как смешны и жалки они в самолюбовании и кичливости. Мало кто из них может по достоинству оценить широту русской души, силу и мощь нашего народа. Ничего, всеслышное время откроет им глаза, а великое дело Руси повергнет их в трепет. Так и этот ромей. Считая себя умнее меня, славянки, он хочет править моими руками Русью. Но я давно познала его лукавую душу, проникла в самые сокровенные ее тайники. И сейчас не поц, а я играю им.

— Он опасен, великая княгиня, — заметил Ратибор. — Сегодня при тебе кто-то стрелял в княжича. Клянусь, что это злодейство дело рук сподручных пригретого тобой ромея.

— Не сомневаюсь в этом. И хотя уверена, что ромею пужна не смерть княжича, а принятие им христианства, я не хочу рисковать жизнью сына. Поэтому, Ратибор, сегодня утром возьмешь Свитослава к себе в дружинну. Мудрейший из русичей — Асмус — его дидька, так пусть еще и храбрейший из воинов станет ему учителем. Пускай уже сейчас различает княжич друзей и врагов Руси, пускай отроком познает жизнь и думы русичей, пускай с детства растет заступником земли русской.

— Ты верно решила, великая княгиня, — дрогнувшим голосом произнес Ратибор. — Сама Русь станет учителем и воспитателем юного княжича, а в тысяцком Микеле он найдет умелого наставника и верного друга. Но что делать с ромеем?

— Забудь о нем. Ромей вероломен, льстив и двурушен, но таковы все, кто правит Новым Римом, нашим извечным недругом. А чтобы побеждать врагов, их надобно знать. Причем не только то, что они говорят о себе и пишут, выставляя напоказ, но и что таят, чувствуя в этом собственную слабость. Я многое уже выпытала у ромея, но сколько еще надобно узнать и понять... Хочу познать, как живет империя и управляют базилиевсы двенадцатью народами, которые покорила Византия, как собирают они налоги и борются со смутами. Так пусть мой святой отец, сам того не ведая, послужит не только Новому Риму, но и Руси.

Заложив руки за спину, князь Лют ходил из угла в угол перед стоявшим в дверях горницы тысяцким Микулой.

— Я не звал тебя. Разве мои гридни не сказали, что после обеда я всегда почиваю?

— Сказали, князь. Но что значит слова гридией, коли брат нужен брату?

— Я не брат тебе, тысяцкий. Но раз ты пришел, готовься держать ответ за свои дела. О них я хотел говорить с тобой вечером, но ты сам ускорил этот разговор.

— Слушаю тебя.

— Вчера утром на подворье Любавы, дочери покойного сотника Брячеслава, найден десяток побитых из луков варягов. В сей татъбе ярл Эрик винит тебя, киевлянин. А сегодня днем на поляне у Черного болота обнаружена еще сотня убитых викингов. И в этом злодейство ярл опять-таки видит твою руку. Он требует у меня управы на тебя.

Микула пристально глянул на Люта.

— Управы требует только варяжский ярл или ты тоже, полоцкий князь?

— Пока лишь ярл. Но если в смерти его викингов на самом деле повинен ты, готовься к ответу и предо мной, князем этой земли.

— Я всегда привык отвечать за собственные дела, и ничьи угрозы меня не устроят. Но ты собирался говорить со мной о варягах вечером, давай так и поступим. А сейчас у нас есть более важные и неотложные дела.

Микула отошел от двери и приблизился к настожь открытому окну горницы. Расстегнул свой широкий пояс и положил его вместе с мочом на лавку. Принялся снимать кольчугу. Не понимая смысла действий тысяцкого, Лют с удивлением смотрел, как тот стянул с себя кольчугу, затем рубаху и, обнаженный по пояс, стал в поток солнечных лучей, льющихся через окно в горницу.

— Смотри, князь, — промолвил он, поднимая руку.

И в лучах солнца под мышкой у тысяцкого Лют увидел выжженное каленым железом тавро: длинный русский щит и скрещенные под ним два копыта. Это был тайный знак, что накладывался на тело каждого друга-брата, посвятившего в грозную ночь на днепровской круче свою жизнь служению Руси и Перуну. Точно такой знак уже двадцать лет носил на своем теле и полоцкий князь.

— Здрав будь, брат, — тихо сказал Лют. — Прости за обидные речи, что слышал от меня. Но так говорил не с тобой, своим другом-братом, а с гонцом киевской княгини, на верность которой еще не клялся на своем мече. Отчего ты сразу не открылся мне?

— Потому что до сегодняшнего дня я и был лишь посланцем великой княгини Ольги. Это она отправила меня к тебе, требуя помощи полоцких дружин против древлян. И только сегодня утром прискакал ко мне гонец от главного воеводы Ратибора с вестью о раде наших другов-братьев и взятии Искоростеня. Теперь, княже, я буду говорить с тобой уже от имени рады и воеводы Ратибора, который после смерти князя Игоря стал нашим первым и старшим братом.

— Готов слушать тебя.

— Рада признала волю покойного князя Игоря, и теперь Ольга — великая киевская княгиня и хозяйка всей Земли Русской. Ее слово — закон для нас. Но еще больший закон — приговор рады наших другов-братьев, и прискакавший гонец передал его мне. Узнав о смуте в древлянской земле, подруги Руси решили воспользоваться этим и доживиться за ее счет. И не стали воронов, а тучи наших врагов слетелись сейчас со всех сторон к русским жордонам. Рада велела нам, княже, не допустить, чтобы викинги ярла Эрика обнажили меч против Руси или какой иной сушестат топтал русскую землю. Вот чего требует от нас рада, вот о чем по ее велению пришел я говорить с тобой.

— Значит, враги решили слететься к русским жордонам... — медленно проговорил Лют. — Что ж, пускай слезаются. Посмотрим, кто из них назад улетит.

Он шагнул к двери, ударом ноги распахнул ее во всю ширь.

— Гридень! Вели принести нам с тысяцким заморского вина и старого меда! Наилучшего, что храню для самых дорогих гостей! И живо, нам некогда ждать!

25

Подворье перед княжеским теремом было полно народа. В бурлящей от нетерпения толпе можно было увидеть всех: полоцких горожан и ремесленников, смердов из окрестных весей, русских и варяжских дружинников, славянских и иноземных купцов с торжища. Вездесущая детвора облепила даже крыши соседних домов и ветви близ-

растущих деревьев. На высоком крыльце терема сидел в кресле князь Лют, рядом с ним — ярл Эрик и тысяцкий Микула. За ними теснилась группа знатных полочан и викингов. Перед крыльцом лицом к князю стояли хазарин Хозрой и Любава, слева от них восседали на резной деревянной скамье русские и варяжские жрецы. Толпа шумела, в ней все чаще и чаще раздавались нетерпеливые, возбужденные голоса. Князь Лют поднял руку, и на подворье сразу воцарилась тишина.

— Заморский гость и ты, русская дева, — обратился князь к Хозрою и Любаве, — я дал три дня, дабы вы смогли доказать правоту своих слов. Кто сделал это?

Ответом ему было молчание, и Лют глянул на Хозроя.

— Что молвишь, купец?

— Мои люди не были в лесу, светлый князь. Они могли бы подтвердить это даже при испытании огнем и железом. Но рабы до сих пор не вернулись ко мне. Я не знаю, где они и что с ними.

— Кто еще, кроме исчезнувших челядников, может очистить тебя от навета девы?

— Никто, светлый князь. Я стар, одинок и немощен, а потому брошен даже собственными рабами. Кто еще встанет на мою защиту? — голос хазарина дрожал от волнения, на глазах появились слезы. — Вся моя надежда — только на твою великодушную и доброту, храбрый и справедливый полоцкий князь.

— А что скажешь ты, дева? — перевел взгляд Лют на Любаву.

— Челядники купца были в лесу, — громко ответила девушка. — Их видела я и может узнать пса, который защищал хозяина. Поэтому кто-то и хотел сжечь нас обоих, оттого и нет сейчас на судилище челядников купца.

— Кто еще, помимо бессловесного пса, подтверждает твой навет на купца? — спросил Лют.

— Сам купец, — смело произнесла Любава. — Разве мнимое исчезновение его рабов не говорит о том, что он страшится показать их псу убитого дротта?

В толпе на подворье возник топот. Но князь вповоль поднял руку, и шум стих.

— Купец и дева, никто из вас не убедил меня в своей правоте. И потому тяжбу между вами репит божий суд. Я обещал его, и он свершится!

При этих словах сидевшие на скамье верховный жрец Перуна и главный дrott Одина встали. Варяг воздел ру-

ки к солнцу, славянин с силой ударил концом посоха в землю.

— Божий суд! — одновременно воскликнули они.

Русичи знали несколько видов божьего суда: испытание огнем, железом, водой, а также судебный поединок между сторонами или свидетелями. Божьи суды применялись в случаях, когда показаний послухов или видоков, а также иных доказательств было явно недостаточно. И тогда правоту одной из сторон должны были указать боги, всегда встающие на защиту невинного. Но поскольку славянка и хазарин поклонялись разным богам, покровительство неба в данном случае было обеспечено им обоим. Поэтому железо, огонь, вода должны были стать сейчас игрушкой в руках столкнувшихся интересов небесных сил и не могли с достоверностью указать истинного виновника. А раз так, оставался самый надежный и проверенный способ узнать волю владыки самих богов и всего сущего — поединок с оружием в руках. Но как могли сражаться старик и женщина? Русские законы знали выход и из такого положения.

Князь Лют встал с кресла, шагнул к видневшейся за спинами Любавы и Хозроя толпе. Остановился у самого края крыльца.

— Купец и дева, вашу судьбу решат боги! Но негоже бороться старости и материнству, а потому волю неба пускай узнают те, кто встанет на вашу защиту! Так гласят законы русичей, и так будет!

Князь не спеша обвел глазами замершую перед ним толпу, указал пальцем на съжившегося под его взглядом Хозроя.

— Люди! Русичи и иноземцы! Кто желает встать на защиту гостя из Хазарии и вместе с небом доказать его невинность?

Какое-то время над подворьем висела тишина, толпа словно оцепенела. Затем из большой группы варяжских воинов, стоявших недалеко от скамьи жрецов, вперед выступил один.

— Я сделаю это!

Лют сразу узнал викинга. Это был Индульф, сотник из дружины ярла Эрика, один из лучших ее бойцов. Исполинского роста, с могучими плечами, длинными руками, обладающий необузданным нравом, он был сильным и опытным воином. В бою Индульф всегда стоял в передней шеренге викингов и первым бросался на чужую стену щитов, прорубая ее. В случае неудачи Индульф

последним покидал поле боя, прикрывая отход товарищей. Его слово в дружине было законом, никто не решался ему противоречить, его боялись, как самого ярла.

Именно к Индульфу еще за сутки до судного дня по совету Эрика обратился за помощью Хоарой, не пожалев для подкупа сотника нарядной части своего золота.

Посреди подворья Индульф остановился и сбросил с плеч на землю шкуру барса. Со свистом вырвал из ножон длинный тяжелый меч и облокотился на огромной, величиной с амбарную дверь, щит. Его шлем, украшенный перьями, сверкал, кульчуга, усиленная на груди квадратными стальными пластинами, тускло блестела. Викинг, уверенный в собственной силе и непобедимости, горделиво озирался по сторонам. Дикой и несокрушимой мощью веяло от его огромной фигуры, страх и ужас вызывали его чуть искривленный широкий меч и заросшее густой бородой и испещренное багровыми шрамами лицо. Да, хазарин знал, в чьи руки можно безбоязненно вручить свою судьбу.

А перст князя был уже направлен в грудь Любавы.

— Кто встанет на защиту славянской девы? Кто примет вызов отважного викинга Индульфа?

Едва стих звук его голоса, тысяцкий Микула вышел из-за кресла и шагнул к Люту.

— Я!

По подворью прокатился восторженный гул толпы. Микула спустился с крыльца и направился сквозь растущий перед ним людской водоворот к Индульфу. По пути он протянул руку к группе русских дружинников, и кто-то отдал ему щит. Не доходя до викинга нескольких шагов, тысяцкий остановился, спокойно обнажил меч. Варяг был на голову выше русича, его клинок на поллоктя длиннее, рядом со стройным и подтянутым славянином он казался каменной глыбой.

Князь Лют на крыльце резко опустил руку.

— Да свершится воля неба!

И в то же мгновение, даже не размахнувшись, викинг прямо с земли устремил собственный меч в грудь русича. Но Микула был начеку. Не двигаясь с места, он лишь подставил под чужое лезвие край щита и легко отвел его в сторону. Рванув меч назад, Индульф занес его над головой и обрушил на противника новый удар. Отскочив в сторону, Микула избежал его и с быстротой молнии нанес свой. Но русская сталь лишь высекла искры из умело подставленного щита варяга. Проревев словно ране-

ный тур, викинг выставил вперед громадный щит и, вращая над головой мечом, стал сыпать на русича удар за ударом. Они падали без передышки, один за другим, и Микула с трудом увертывался, принимая на щит лишь самые опасные. А Индульф, будто в его руках был не тяжелый меч, а легкая соломинка, не ведал усталости.

— Индульф, Индульф! — бесновались находившиеся на подворье викинги, подбадривая товарища.

Они знали толк в подобного рода зрелищах. Наемные воины, сражавшиеся почти во всех концах известного тогда мира, варяги видели бои специально обученных для этого рабов-гладиаторов, схватки на ипподромах людей с дикими зверями, не в диковинку были им и судебные поединки. И схватка между такими опытными и знаменитыми воинами, как Индульф и Микула, доставляла им истинное наслаждение.

— Индульф, Индульф! — скандировали они хором.— Варяг — победа! Рус — смерть!

Викинг, подбадриваемый криками друзей, наседали на Микулу с новыми силами. От его частых и сильных ударов уже не было возможности уклоняться. Они сыпались градом, все чаще и чаще обрушиваясь на русский щит. И вот под очередным ударом щит затрепал, на нем появилась трещина, а Индульф, громко расхохотавшись, привалялся бить раз за разом уже прямо по ней. Казалось, что еще один удар — и щит разлетится вдребезги. И тогда Микула, отпрыгнув назад, отшвырнул расколотый щит в сторону и обхватил рукоять меча обеими руками. Вмиг стихли крики беснующихся викингов, сразу остановился и замер на месте Индульф. Не только он, все, находившиеся на подворье, поняли, что настоящий бой начнется только сейчас, а то, что они наблюдали до этого, являлось лишь пробой сил.

Глаза Микулы недобро вспыхнули. Пригнувшись и обеими руками занося над головой меч, он первым прыгнул на врага. Быстр и точен был удар его меча, загремел и заискрился под ним варяжский щит. А славянский меч уже сверкнул перед самыми глазами викинга, заставив его горопливо отшатнуться в сторону. Теперь наступал Микула. Сильными, короткими ударами он заставлял Индульфа все время прятаться за щитом, не давая ему возможности нанести ни одного удара, перехватывая его мечь еще в воздухе и отводя клинок от себя. Варяг чувствовал, как все тяжелее увертываться ему от русских ударов, как труднее следить за постоянно сверкаю-

шим вокруг него славянским мечом. И, собрав оставшиеся силы для последнего страшного удара, он, выбрав момент, прыгнул вперед и занес меч над головой Микулы. Но тот, быстро шагнув ему навстречу, перехватил чужой клинок возле самого перекрестия варяжского меча. И так они замерли в шаге друг от друга: Индульф — стараясь опустить меч на голову Микулы, а тот — удерживая его над собой. От невероятных усилий на шее варяга вздулись вены, округлились глаза, побагровело лицо. Когда казалось, что славянин сейчас не выдержит и меч викинга, обрушившись ему на голову, разрубит его пополам, Микула отпрянул в сторону и присел, держа меч впереди себя. Клинок Индульфа сверкнул рядом с ним, и в этот миг русич, словно распрямившаяся пружина, прыгнул вперед, с силой выбросив меч под открывшийся левый край щита варяга.

Многоопытен и расчетлив был киевский тысяцкий, ворон и верен его глаз, а потому точен и неотразим нанесенный им удар. Меч безошибочно вошел до середины лезвия туда, куда и метил Микула — в узкую полоску между двумя стальными пластинами на кольчуге викинга, самом уязвимом месте в его доспехах. Оставив меч в груди запатававшегося варяга, Микула отскочил назад и выхватил из ножен кинжал. Но оружие ему больше не понадобилось. Захрипев, Индульф выронил из рук щит, выпустил меч и схватился ладонями за грудь. Сделав из последних сил шаг в сторону русича и, будто подрубленное дерево, тяжело рухнул на землю.

Какое-то время на подворье стояла мертвая тишина, затем она раскололась от громких криков полонитих горожан и русских дружинников. Только викинги, опустив глаза и угрюмо насулившись, хранили молчание.

— Люди, русичи и иноземцы! — прозвучал над подворьем голос князя Люта. — На ваших глазах свершился суд божий, само небо указало нам правого и виновного! Русская дева, волей богов ты очищена от подозрений и все твои слова признаны правдой! А ты, хазарин, будешь держать ответ за свои злодеяния!

Князь повернулся в сторону Хозроя, но место, где купец только что находился, было пусто. Презрительно усмехнувшись, Лют поднял руку.

— Люди, слушайте все! Хазарский купец Хозрой отныне не гость Руси, а тать и головник! Всяк, кто изловит и доставит его ко мне, получит награду!

Подворье постепенно пустело, вскоре осталась лишь

группа викингов, окруживших мертвого Индульфа. Опустившись в кресло, Лют обратился к Эрику:

— Ярл, вечером у меня застолье. Жду и тебя с викингами.

26

Веселье в княжеском тереме было в полном разгаре, когда Лют поставил на стол кубок и тронул за локоть Эрика.

— Погоди пить. Хочу спросить тебя.

Ярл с неудовольствием отнял от губ чашу с вином, вытер рукой лишнюю от хмельного зелья бороду.

— Спрашивай.

— Ты обещал узнать волю своих богов и сказать, куда двинешься из Полоцка с викингами. С тех пор прошло много времени, а я так и не слышал твоего решения. Скажи мне его сейчас.

— Боги не дали нам ответа. Один указал старому дротту дорогу на древлян, а райские девы валькирии, говорившие с лецуньей Рогнедой, и огненные стрелы, посланные Тором, позвали нас в поход на полян. Когда новый главный дротт снова пожелал узнать волю неба, боги предсказали нам удачу в Теплых морях. Я до сих пор не знаю, что делать.

— Жаль, — жестко сказал Лют, — потому что завтра вечером тебе с викингами придется покинуть полоцкую землю.

Эрик удивленно вскинул брови.

— Завтра вечером? Ты торопишь нас. Мне надобно еще раз узнать волю богов и держать перед походом совет с лучшими воинами-гирдманами.

— У тебя остается сегодняшняя ночь и целый день завтра. За это время можно сделать все. Главное, запомни одно: чтобы завтра вечером ни одного твоего викинга в Полоцке не было.

Ярл с грохотом поставил чашу на стол.

— Ты гонишь меня, брат? Забыл о святом законе гостеприимства?

Глаза Люта сузились, на скулах вздулись желваки.

— Закон гостеприимства, ярл? Как смеешь ты говорить о нем? Мы, русичи, добры и приветливы к друзьям и гостям, но мы суровы к врагам. А ты не гость на полоцкой земле, а ее враг. Вступив в злодейский сговор с хазарином Хозроем, ты собираешься разжечь смуту на

русской земле, а также зовешь в ее пределы тевтонов, этих убийц и грабителей. Возноси хвалу небу, что я разговариваю с тобой, а не велел прибить гвоздями к воротам града, которому ты мечтаешь принести столько зла и горя.

Эрик с такой силой ударил кулаком по столу, что подпрыгнули и жалобно заввенели кубки. Повдри ярла раздулись, глаза сверкали. Еще бы, ведь никто и никогда так с ним не разговаривал!

— Угрожаешь мне, полоцкий князь? Смотри, покалещь...

— Мне незачем угрожать, ты и сам знаешь, что слабее меня. Я просто не хочу лишней крови, а потому вызываю к твоему благоразумию. Перестав быть гостем полоцкой земли, покинь ее подобиру-поздорову.

Эрик расхохотался.

— Ошибаешься, князь. Да, как властелин полоцкой земли, ты намного сильнее меня. Но в самом городе хозяин — я. При тебе лишь старшая дружина, вместе с киевлянами Микулы это всего триста мечей. А у меня в городе — пятьсот. Одно мое слово — и конунгом Полоцка вместо Люта станет Эрик.

Не ответив, Лют схватил ярла за локоть, с силой сжал и рванул вверх. Заставив этим Эрика вскочить на ноги, князь подтолкнул его к распахнутому окну горницы.

— Взгляни на подворье. Ты привел с собой на застолье сто лучших викингов, исключи их из числа тех пятисот, о которых сейчас говорил.

Эрик провел рукой по глазам, стоял с них хмельную пелену, и выглянул во двор терема. На подворье стояло несколько длинных столов, на лавках вдоль них сидели вперемежку русские и варяжские дружинники. Столы ломились от яств, трещали от множества сосудов с душистым италийским и греческим вином, от громадных корчаг с пенящимся пряным медом. Прямо на земле между столами высились дубовые бочки с игристым и пьянящим пивом-олом.

И Эрик с ужасом заметил, насколько пьяны его викинги по сравнению с русами. Многие из них едва держались на ногах и не были уже в состоянии подняться со скамей, некоторые свалились на землю и снали под столами. Те же, что еще могли передвигаться, сгрудились вокруг седого певца-скальда и подпевали ему хриплыми нетрезвыми голосами. Эрик обратил внимание и на то, как много сновало сегодня между столами княжских при-

служников-гридней в шлемах и боевых кольчугах, с мечами на поясах. От взгляда ярла не ускользнули и несколько групп русских дружинников, стоявших в тени деревьев невдалеке от пирующих со щитами и копьями в руках.

Подошедший к Люту киевлянин Микула протянул ему горящий факел, и князь заговорил снова.

— Ярл, стоит мне появиться с этим факелом в окне, и через минуту на подворье не останется ни одного живого викинга. А через час будут подняты на копья или изрублены все остальные варяги, находящиеся в городе. Я отправил им от твоего имени три десятка бочек самого крепкого пива и несколько сулей вина, и потому они сейчас так же пьяны и беспомощны, как эти, — кивнул Лют на подворье. — А теперь суди, кто в городе хозяин.

— Вокруг Полоцка еще четырнадцать сотен викингов, — глухо произнес Эрик. — Они завтра же отомстят за нас.

Князь усмехнулся.

— Эти викинги тоже не доживут до завтра. Вокруг города стоят по весам па кормлении у смердов двадцать пять сотен моих дружинников. И если твои варяги сейчас спят, то мои русичи готовы к бою и лишь ждут сигнала, чтобы обрушиться на них. Взгляни на ту стрельницу, — указал князь в сторону ближайшей к окну части городской степы.

Эрик посмотрел в нужном направлении и увидел на крепостной башне трех русских дружинников с зажженными факелами в руках. В отсветах пламени у ног воинов темнела куча валежника.

— Костер на башне — это смертный приговор варягам, что находятся за городом, — пояснил Лют. — А теперь, ярл, взвесь все, что слышал и видел, — закончил он.

Эрик отвернулся от окна, сложил на груди руки и бесстрастно взглянул на Люта.

— Я проиграл. Но я викинг и не боюсь смерти. У меня нет вины перед небом, и встреча с Одним меня не страшит.

— Ты не просто викинг, но еще и мой брат. Вот поэтому я дарю тебе жизнь и предоставляю право выбора: киевское знамя или путь на родину.

— Нас зовет на службу и ромейский император, — заметил Эрик. — Многие викинги хотели бы служить ему.

И тогда в разговор вступил Микула.

— Мы не вмешиваемся в чужие дела, ярл. Но если ты и викинги решите следовать в Царьград, наши дороги совпадают. Я тоже тороплюсь в Киев и провожу вас до него.

Эрик поочередно глянул на князя и тысяцкого, опустил в пол глаза.

— Я вас понял, русы. Не знаю, куда двинусь с дружиной из Полоцка, но даю вам слово ярла и викинга, что завтра вечером в городе не останется ни одного варяга.

27

Не успел Индульф, пронзенный русским мечом, рухнуть на землю, как Хозрой юркнул в толпу и, работая локтями, начал выбираться с княжеского подворья. Почти все горожано присутствовали на княжьем судилище, улицы города были пусты, и ему удалось незаметно проскользнуть в избу, занимаемую ярлом. Там, забившись в самый дальний и темный угол, он дождался Эрика, вернувшегося в самом мрачном расположении духа с княжеского застолья.

— Челом тебе, великий ярл, — заискивающим тоном встретил его Хозрой, отвешивая низкий поклон.

— Это ты, проклятый искуситель? — зло процедил сквозь зубы Эрик, шагая к хазарину. — Благодаря тебе меня, непобедимого ярла, гонят из Полоцка, как последнюю собаку. Погоди, сейчас ты у меня получишь за все.

Хозрой испуганно замахал руками, попытался к противоположной стене комнаты.

— Погоди, славный ярл, не торопись. Все идет, как и должно идти. Выслушай меня внимательно.

Остановившись, Эрик мрачно глянул на Хозроя.

— Говори. Но смотри, как бы эти слова не стали последними в твоей жизни.

Хазарин согнал с лица подобострастную улыбку, его глазки колюче и настороженно уставились на варяга.

— Русы сказали тебе: либо под киевское знамя, либо домой в Свионию. Так, ярл?

— Да. Меня, перед которым не мог устоять в бою ни один враг, вышвыривают из города как паршивую овцу из стада, — вскипел Эрик. — И мне пришлось стерпеть, не загнав унижительные слова обратно русам в глотку!

— Потерни, могучий ярл, час мести не так далек, как тебе кажется. Все зависит лишь от тебя. Но куда ты надумал уйти из Полоцка?

— Еще не знаю. Мне нечего делать на нищей родине, но у меня нет желания и проливать кровь викингов за киевскую Ольгу. Я не верю в долговечность ее пребывания великой княгиней, и потому мне вдвойне ненавистна мысль о подчинении женщине.

— Я тоже сомневаюсь в способности женщины править столь обширной и могучей страной, как Русь. И, поскольку власть женщины-княгини слаба, надо не упустить этого случая. Посланец Ольги тысяцкий Микула разрешил тебе следовать по Днепру в Русское море — воспользуйся данной возможностью. А когда будешь проплывать мимо Киева — захвати его и провозгласи себя великим князем. Разве не достоин ты этого?

Эрик пренебрежительно фыркнул.

— Это не так просто. Русы умны и осторожны, не дадут они обвести себя вокруг пальца. Чтобы решиться напасть на Киев, надо быть полностью уверенным в успехе. А у меня подобной веры нет.

— Зато она есть у меня. Полянские дружины, в том числе и киевская, под водительством княгини Ольги еще в древлянской земле. Мне известно, что в городе почти не осталось воинов. Зато в нем находятся мои верные люди, которые помогут твоим викингам захватить Киев. Тогда конунгом всей необъятной Руси станешь ты, славный ярл, и полоцкий князь Лют сам приползет к тебе на коленях, моля о пощаде.

Зажав бороду в кулак, Эрик некоторое время раздумывал.

— Хорошо, хазарин, я поступлю так, как ты советуешь. Захватчу Киев, а если Русь не признает меня конунгом, призову на помощь тевтонов и ляхов, посулю Полоцкую и Новгородскую землю Свионии, и под мое знамя встанут новые тысячи викингов. Я залью Русь кровью, но не выпущу из своих рук стол великих киевских конунгов.

— Великий хазарский каган тоже поможет тебе, славный ярл, — заметил Хозрой.

Глубокие морщины на лбу Эрика разгладились, взгляд потеплел. Он начал возбужденно шагать из угла в угол.

— Не вечером, а уже в полдень я покину город. И горе полочанам, изгоняющим сейчас меня со своей зем-

ли. Когда стану конунгом всей Руси, они заплатят мне за все.

Осторожно приблизившись к Эрику, Хозрой тронул его за плечо.

— Великий ярл, у меня к тебе просьба. Поскольку небо даровало победу киевлянину, а не викингу, князь Лют признал меня виновным в смерти дротта и объявил на меня охоту, как на дикого зверя. Помоги мне незаметным выбраться из города.

Эрик, уже позабывший о своем недавнем дурном настроении, весело рассмеялся.

— Страшишься кары полоцкого князя? Напрасно. Вещунья Рогнеда нагадала, что тебя поглотит водная бездна. А раз так, костер русских волхвов или княжеская яма с голодными волками тебе не опасны. Бойся воды, а от людей тебя спасут боги.

— Я не верю бредням этой полоумной старухи, славный ярл, — ответил Хозрой. — Я еще пригожусь тебе, а потому помоги мне. Сегодня вечером я должен встретиться со своими рабами и отправиться в Киев, дабы содействовать успеху задуманного нами дела.

— Утром мои викинги выведут тебя из города.

28

С первыми лучами солнца слуги ярла спрятали Хозроя в телеге среди мешков с провизией, накрыли мешковиной и вывезли через крепостные ворота за город. Остановившись у реки, где викинги снаряжали в путь лодии-драккары, старший из слуг незаметно выпустил хазарина в лес.

К трем дубам на берегу Двины, где его должны были поджидать рабы, Хозрой вышел в темноте. Затаился в кустах и трижды ухнул филином. Услышав в ответ протяжный волчий вой, направился на звук. Из высокой травы поднялась фигура в плаще, склонила в низком поклоне голову и быстро двинулась к реке. Хозрой последовал за ней. В густом тальнике под высоким глинистым берегом был укрыт челн, на веслах которого сидела еще одна фигура в темном плаще с наброшенным на голову капюшоном. Встретивший Хозроя челядник протянул руку, помогая шагнуть в качающийся на волнах челн. Рабы дружно ударили веслами по воде, лодка отошла от берега, выплыла на быстрину.

Приятная истома разлилась по телу хазарина. Все,

что надлежало свершить в Полоцке, сделано, все тревоги остались позади. Теперь быстрее в Киев, где он нанесет Руси свой последний и самый страшный удар. Скорее, как можно скорее! Но почему так медленно гребут рабы?

Челядник, встречавший Хозроя на берегу, отложил в сторону весло, сбросил с головы капюшон плаща.

— Хазарин, узнаешь ли меня? — прозвучал над водой его голос.

Хозрой, словно ужаленный, вздрогнул. Не веря своим ушам, во все глаза уставился на гребца. Что это — сон, чары колдуньи? Прямо перед ним на скамье сидел тот самый русский сотник, что был на постое у Любавы и которого по его приказу рабы-германцы обманом захватили на лесной тропе после рыбалки. Но ведь он велел его убить, и кости этого руса сейчас должны гнить в земле. Так отчего он жив, почему сидит в одном челне с ним?

Воскресший из мертвых сотник раздвинул губы в усмешке.

— Вижу, ты узнал меня, хазарин. А потому должен знать, что ждет тебя.

Он кивнул второму гребцу, и тот, оставив весла, наклонился над днищем челна. С трудом вытащил из-под скамьи большой просмоленный рогожный куль, в которых углежогои доставляли из лесу к кузням древесный уголь. Раздвинул широкую горловину, и Хозрой с содроганием увидел внутри куля трупы обоих челядников. Выхватив из ножен кинжал, сотник приставил его к груди Хозроя.

— Там и твое место! В куль!

Хозрой в ужасе соскользнул со скамьи на днище, встал на колени, с мольбой протянул к русу руки. Неужто сбывается злое предсказание вещуньи Рогнеды и его смерть уже рядом? В том черном клубящемся водовороте, что извивается и вихрится у самого борта, обволакивая сидевших в челне туманом из мелкой водяной пыли.

— Попадай! Говори, чего желашь, я сделаю все! Хочешь, дам тебе золота столько, сколько сможешь поднять? Только попадай!

В лице сотника ничего не изменилось.

— Молишь о прощении, хазарин? Зря... Ты не только мой враг, а недруг всей Русской земли, и потому тебе не может быть пощады. Так получи, что заслужил!

По знаку Ярослава второй русич схватил Хозроя за

ворот, с силой отодрал от днища челна, швырнул в распахнутую горловину куля к мертвым рабам. Хозрой в последний раз увидел круглый диск луны, заливающей неживым светом гладь реки, затем горловина запахла, и хазарин услышал скрип, с которым ее затягивали кожаным пинуром. Мгновение — и куль с плеском исчез в омуте.

— Подождем, — сказал Ярослав, кладя на колени лук. — Я не допущу ошибки, которую хазарин совершил со мной в овраге...

В появлении сотника не было ничего загадочного. Его хватились у Любовы сразу же, как только пришли с уловом два другим дружинника, рыбачивших с ним. Решив, что Ярослав попросту где-то задержался и прибудет позже, все спокойно поужинали и легли спать, и лишь ночное нападение варягов заставило по-новому воспринять исчезновение сотника. Взяв пса убитого дротта, дружинники вернулись на берег реки, откуда Ярослав один ушел к Любаве, дали попохвать собаке плащ сотника, оставленный им утром у девушки, и пустили по следу. Так был найден и спасен Ярослав. Это после его рассказа тысяцкому Микуле о всем виденном и слышанном у костра был встречен и уничтожен на поляне у Черного болота отряд викингов, это он с помощью пса дротта выследил и обезвредил у Двины челядников Хозроя и встретил вместо них хазарина...

Поверхность реки оставалась неподвижной. Как и прежде, слабо шумел и клубился водяным туманом бездонный омут, ничто не напоминало о принятом им даре. Сотник отложил в сторону лук, взял в руки весла.

— В путь, друже. Мы должны быть в Киеве раньше варягов.

Хазарская конница шла на рысях. Старый хан Узбой, не первый раз совершающий набег на Русь, вел ее только по ночам, сверяя маршрут по звездам и по ему одному известным степным приметам. Приказ, полученный им от самого кагана, был короток и ясен: внезапно напасть на Киев, уничтожить и сжечь его, и так же внезапно уйти в степь. Кагану на сей раз не нужны русское золото и драгоценные меха, не прельщают его даже светлотелые и голубоглазые красавицы-славянки и толпы сильных и трудолюбивых смердов-полоняников. Кагану требуется

просто стереть с лица земли Киев, вызвав этим недовольство русов княгиней, ушедшей против древлян и оставившей стольный град всей Руси на произвол судьбы. А всякие смуты на русской земле лишь на руку кагану, мечтающему сейчас о подчинении славян великой и могучей Хазарии.

На третий день пути хан велел позвать к себе сотника Савла.

— Ты знаешь степь не хуже меня, — сказал Узбой, — знаком и с русами. Не сегодня завтра мы должны встретить их заставы и дозоры, стерегущие Русь от набегов. Скачи со своей сотней вперед, и пусть ни одна русская застава не даст сигнала об опасности.

Сотник согнул спину в низком поклоне.

— Твое решение мудро, славный хан. Я понял тебя, а потому не тревожся: все будет сделано, как ты сказал...

Первый русский сторожевой пост хазары обнаружили уже на следующий день. На вершине степного кургана стояла высокая дозорная вышка. На ней под навесом была сложена готовая каждую минуту вспыхнуть куча сухого валежника, рядом с которой виднелась большая охапка сырой травы. К коновязи сбоку от вышки были привязаны две оседланные лошади. На смотровой площадке вышки маячила пара русских дозорных с копытами в руках. Остальные русы должны быть группами рассыпаны по степи, именно они обязаны сообщить на вышку о замеченной опасности. Тогда на смотровой площадке вспыхнет огонь, на него сверху будет брошена влажная трава, и в безоблачное небо поползет густой столб дыма, сообщая следующему посту о надвигающейся на Русь угрозе. И так, от поста к посту, тревожная весть примчится в Киев. Но чтобы этого не случилось, и выбросил опытный хан впереди орды быстрые незаметные шупальца — подняторовших в набеге конников своего лучшего сотника.

Спешившись, хазары осторожно подползли в высокой траве как можно ближе к вышке. Еще немного, и тогда они окажутся у подножия кургана, там, где из предосторожности трава была выкошена. И тут тревожно заржали русские кони. Дозорные тотчас насторожились, один из них склонился над сложенным валежником. И хотя до русов оставалось еще не меньше трехсот шагов, хазары вскочили на ноги и выпустили по ним стаю стрел. После чего изо всех сил бросились к вышке, над которой уже

тошкой, едва заметной стружкой вился дым. Дозорные, оставив копы, прямо со смотровой площадки прыгнули на лошадей, забросили за спину щигы, на скаку стали рвать из сагайдаков луки.

Хазары не преследовали их. Зачем? Предполагаемые дороги к следующему посту были ими предусмотрительно перекрыты, так что русы, лишённые возможности предупредить товарищей, не представляли никакой опасности. Ну а что можно взять в качестве добычи с этих дозорных, хотя и смелых, но простых воинов? Изрубленную в бою кольчугу, залитую кровью рубаху, стоптанные и потертые стремянами сапоги? Зато можно было легко получить в горло метко пущенную стрелу, удар в грудь острым прямым мечом или дробящей кости тяжелой палицей-булавой. Нет уж, пусть русы скачут куда угодно, хазарам не до них. Главное сейчас — не дать разгореться огню... Несколько степняков, взобравшись на смотровую площадку вышки, руками и ногами разбросали костер, тщательно затоптали тлеющие ветви.

Сотник Савл довольно прищурил узкие глаза, потер руки. Первый сторожевой пост — самый опасный. Другие дозорные, надеясь на товарищей с расположенных впереди вышек, будут менее осторожны и бдительны. И взмахом короткой ременной нагайки он послал конников вперед, где, по его расчетам, должен находиться следующий русский дозор...

В одном переходе от Днепра хан велел остановиться. Сотник Савл сделал свое дело: ни один сигнальный русский костер не загорелся. Русь не знала о приближении к ее границам степных воинов. Завтра утром, проведи ночь на берегу безвестной речушки, притоке Днестра, отдохнувшая хазарская конница подлым наметом, уже несколько не таясь, понесется на Киев. И ничто не спасет славянский град, не отведет занесенной над ним кривой вражеской сабли.

В небольшой укромной бухточке Днепра расположились у берега несколько десятков варяжских лодий. Их паруса бессильно обвисли, весла были вытасованы из воды. Яркая луна заливала желтым светом речную гладь, подступающий к самой воде лес. Вокруг догорающих костров, на скамьях лодий, прямо на брошенных на песок плащах спали викинги. За их плечами был долгий, уто-

мительный путь из далекого Полоцка почти до самого Киева. Ведь до стольного града всей Руси им оставалось всего полдня плавания.

Кроме не смыкающей глаза стражи не спал в патре и ярл Эрик с двумя ближайшими сотниками-единомышленниками. Напротив варягов стоял высокий, сутулящийся человек. Он до подбородка был закутан в старый дырявый плащ, верхнюю часть лица скрывала надвинутая на самые глаза облезлая шапка.

— Говори, трел, — произнес Эрик. — Что велел передать мне твой хозяин?

— Он ждет тебя, славный ярл, и готов сделать все, что ты прикажешь. Но прежде он хотел бы знать, что ты задумал.

— Мне нужен стол великих киевских конунгов. И твой хозяин должен помочь мне занять его.

— Ты, как никто другой, достоин этого, светлый ярл. Но прежде чем стать великим князем Руси, надобно взять Киев. А русы никогда не отдадут его без боя. Какковы же они в битвах, ты должен знать без чужих подсказок... Ты репился на трудное дело.

— Я хорошо знаю русов, трел, — высокомерно ответил Эрик. — Но мне известно и то, что в Киеве сейчас всего три сотни воинов. Остальные ушли с княгиней Ольгой под Искоростень и до сих пор не вернулись оттуда. Это сообщил мне вчера варяжский купец, плывущий по Днепру из Царьграда на родину. Еще он сказал, что русы в Киеве ниоткуда не ждут беды и потому беспечны.

— Варяжский купец поведал тебе только половину правды, славный ярл, — спокойно прозвучал голос человека в плаще. — Да, в самом городе лишь три сотни дружинников, и вчера к ним присоединилась сотня тех, что прибыли вместе с тысяцким Микулой из Полоцка. Но мало кто знает, что еще несколько дней назад из-под Искоростеня возвратилась конница воеводы Ярополка. Где она сейчас — неведомо никому. И только боги знают, ярл, кто кому готовит западню: ты русам или они тебе.

Эрик с нескрываемым презрением посмотрел на человека в плаще.

— Без риска не бывает удачи, трел. Ты потому и стал рабом, что был плохим воином. А раз так, мне не нужны твои советы. Лучше запоминай то, что передашь хозяину. Я не собираюсь лить кровь викингов на киевских стенах, а возьму город хитростью. Завтра часть моих воинов будет на киевском торжище. Пусть твой хозяин тайно

спрячет пять десятков из них в самом городе. Ночью ты проведешь по лесу три сотни викингов к Жидовским воротам, и мы нападём на них одновременно снаружи и из самого города. А когда разгорится бой у ворот, остальные варяги ворвутся в Киев со стороны Днепра. Все понял, трел? Ничего не перепутаешь?

— Ничего, славный ярл. Передам хозяину все сказанное тобой слово в слово.

Эрик указал рукой в сторону выхода из шатра.

— Ступай, трел. Встречайся с хозяином, а с закатом солнца снова будь у меня. Спешь, не теряй напрасно времени.

Человек в плаще отвесил ярлу низкий поклон и шагнул к выходу. Едва за ним задернулся полог, один из сотников, в течение всего разговора не спускавший глаз с раба, обратился к Эрику.

— Ты уверен, что это тот человек, о котором говорил Хозрой?

— Ты о ком, Рогнар? — удивился ярл. — О рабе? Но от кого он может быть еще?

— Это не трел, — убежденно сказал Рогнар. — Я сам имею рабов, видел их в империи и у себя на родине. Поэтому могу смело утверждать, что говоривший с нами никогда не был рабом. Я заглядывал ему в глаза, вслушивался в голос, не упустил ни одного его движения — и не обнаружил в нем ни единой приметы раба. Больше того, этот человек чувствовал себя равным нам, лучшим из викингов.

— Он назвал тайное слово, известное лишь мне и Хозрою, — заметил Эрик.

— Только поэтому он и ушел живым, — угрюмо процедил сквозь зубы Рогнар. — И все-таки что-то настораживает меня в нем, не позволяет верить до конца. Мне кажется, что я уже где-то или видел этого человека, или слышал его голос. А я редко ошибаюсь.

— Может, ты встречал его у Хозроя? — предположил Эрик. — Или сталкивался с ним в империи? Ведь рабы меняют хозяев так же часто, как золото кошельки.

Рогнар отрицательно покачал головой.

— Нет, я никогда не запомнил бы раба. Для меня они все одинаковы и не имеют собственного лица и голоса. Повторяю еще раз: этот человек такой же трел, как и все мы, здесь присутствующие.

— Ты преувеличиваешь, — вступил в разговор другой сотник. — Может, раб просто похож на кого-то? А поскольку

ку ты слишком долго смотрел на него, тебе и примерещилось невесть что.

— Возможно, — нехотя согласился Рогнар. — И все-таки при виде его моя рука сама тянулась к мечу. А голос крови еще ни разу не обманывал меня. Этот человек принесет нам беду.

— Пустое... Что может сделать нам жалкий трел?

— Предать. Раб — это говорящее животное, а ведь даже собака иногда кусает своего хозяина. Ушедший трел может открыть наш тайный замысел киевлянам.

Эрик задумался.

— Ты прав, Рогнар, — сказал он. — Золото — великий искуситель, тем паче для ничего не имеющего раба. Но неужто из-за твоего необъяснимого страха мы должны отказаться от возможности малой кровью захватить Киев?

— Нет, поскольку это наш единственный способ взять город. Давай доверимся трелу, только не полностью. Мы сказали, что будем штурмовать Жидовские ворота, а на самом деле нападём на Ляшские.

— Так и поступим.

— Еще, ярл. Знаю, что ты не раз охотился с покойным князем Игорем в этих местах. Может, сможешь вывести нас к Ляшским воротам и без трела?

— Вряд ли. Последний раз я был здесь три года назад. Да и разве я пытался когда-либо запомнить чужие лесные или охотничьи тропы? Так что без помощи раба не обойтись никак.

— Значит, пусть нас ведет трел. Но горе ему, если он снова вызовет мои подозрения...

31

Бескрайняя степь спала. Приближался самый тревожный утренний час — время между зверем и собакой. Мипуты, когда волк, хозяин ночной степи, отступал перед рассветом от человеческого жилья, уступая на день господствующее место собаке, а та, трусливо поджав хвост, еще боялась покинуть защитника-человека. В эти мгновения степь ничья. На ее равнинах царят покой и тишина, все сковано непробудным сном.

Воевода Ярополк положил руку на холку коня, продел ногу в стремя. Окинул взглядом стоявших против него тысячцких.

— Готовьтесь, други! И пусть ни одного хазарина не минует русский меч!

После неудавшейся попытки внезапным налетом захватить Искоростень тридцать сотен всадников великокняжеской дружины были тайно возвращены обратно к Киеву и переброшены за Днепр, в степь. Опытные полянские воеводы всегда помнили, какие ненадежные соседи у Руси с востока и юга, а поэтому конница Ирополка должна была стать прочным заслоном на возможных путях печенегов или хазар. Дозорные воеводы давно уже следили за хазарской ордой и неотступно шли за ней следом. Это по его распоряжению русские сторожевые посты, дабы усыпить осторожность степняков, не зажгли сигнальных костров и дали недругу беспрепятственную дорогу к Днепру. И теперь, когда орда чувствовала себя в полной безопасности и отдыхала перед броском на Киев, расчетливый Ирополк решил дать ей бой на уничтожение.

Предраассветную тишину расколол топот сотен копыт, громкое ржание, звон оружия. Сметая на пути дремлющие хазарские секреты, на спящую орду обрушилась лавина всадников. Пройдясь по полусонным, ничего не понимающим хазарам копытами лошадей и клинками мечей, напавшие конники достигли берега реки. Здесь они разделились на две части и поскакали назад, отсекая пеших ордынцев от их лошадей, выстроились сплошной стеной между хазарским лагерем и отпущенными на почные пастбища табунами.

Протирая на ходу заспанные глаза, хан с обнаженной саблей в руке выскочил из шатра, уклонился от просвистевшей рядом с ухом стрелы. То, что он увидел, заставило его оцепенеть. Два тесных строя конных зажали его воинов с двух сторон и отсекали от лошадей. Привстав на стременах, чужие всадники засыпали мечущихся между ними хазар ливнем стрел. А со стороны степи, оперев фланги в ряды своих конников, уже надвигались плотные шеренги пеших воинов, неся впереди себя частокол острых копий. И в сером предутреннем полумраке хан сразу узнал так неожиданно свалившегося ему на голову врага — это были русы.

Отбросив саблю и упав на колени, хан протянул к небу руки, издал протяжный вопль, похожий скорее на волчий вой. Так воет матерый степной хищник в предчувствии скорого конца.

Три сотни викингов под началом самого ярла выступили к стенам Киева ночью. Едва отсвечивающая под лупой лента Днепра исчезла за крутизной берега, Эрик остановил шедшего впереди варяжской колонны раба.

— Как хочешь вести нас?

— Вначале по лесной тропе, а ближе к Киеву по дну оврага. Он заканчивается у городских стен рядом с Жидовскими воротами.

— Мы не пойдём этой дорогой, трел. Сворачивай с тропы вправо и ступай к Медвежьему озеру. А от него двигайся к Ляшским воротам.

— Но ты собирался идти к Жидовским, светлый ярл? — прозвучал удивленный голос раба.

— Я передумал, — ответил Эрик. — А поэтому веди, куда я только что сказал. И не вздумай обмануть меня. Знай, что я несколько раз охотился в здешних местах с покойным князем Игорем и хорошо их помню. Будем к рассвету у Ляшских ворот — получишь горсть серебра, нет — отправишься к предкам. Все понятно, трел?

— Да.

— Тогда не медли.

Эрик ударил кулаком в железной рукавице по краю щита, и из темноты за его спиной выступили два варяга с луками в руках. Не проронив ни слова, они встали справа и слева от раба, достали из колчанов и положили на тетивы стрелы. Их длинные острые наконечники едва не касались плаща раба.

— Трел, я сегодня видел плохой сон, — с усмешкой проговорил Эрик. — Боги открыли мне, что ты замыслил против сынов Одина дурное. Предупреждаю, что при первом подозрении в измене стрелы викингов пронзят тебя насквозь. Не забывай об этом...

— Ты напрасно тревожишься, ярл, — спокойно сказал раб. — Рассвет ты встретишь там, куда собрался.

Приказ Эрика вести викингов к Ляшским воротам спутал все планы мнимого трела, а на самом деле сотника Ярослава. Вместе с дружинниками тысяцкого Миккулы, возвратившегося вчера в Киев, в городе насчитывалось всего четыреста воинов. Половина из них сейчас ждала варягов в засаде на выходе из оврага у Жидовских ворот, а вместо этого он приведет врагов к беззащитным Ляшским. Нет, такого не должно случиться ни в коем случае! Но как можно расстроить замысленное варягами

нападение на Ляшские ворота? Отказаться вести их? Но Ярославу известно, да и сам ярл недавно напомнил, что он несколько раз охотился в здешних лесах. Поэтому, возможно, Эрик сможет вывести викингов в нужное место и без посторонней помощи. Значит, надобно лишить варягов и возможного проводника в лице ярла. Но как это осуществить? Правда, под плащом у сотника спрятан надежный боевой нож, но два стража, идущие по бокам, не позволят даже выхватить его. Глаза врагов ни на мгновение не отрываются от Ярослава, стрелы их луков постоянно нацелены ему в грудь. Да и что он может сделать с ножом против целиком закованного в доспехи ярла, на котором от головы до коленей нет ни одной пяди, не защищенной броней?

— Медвежье озеро, трел,— вывел Ярослава из задумчивости голос Эрика.— Вон священный дуб русов, а за ним и тропа в Киев.

И тут Ярослава словно озарило: Медвежье озеро! Именно здесь прошлой зимой объявился медведь-шатун, не набравший за лето жира и потому не залегший на спячку в берлогу. В поисках пищи медведь не раз нападал на людей, а однажды даже испортил своим появлением великокняжескую охоту. И тогда взбешенный Игорь велел уничтожить голодного лесного бродягу. В числе прочих ловушек на возможных путях шатуна было вырыто и несколько глубоких ям, прикрытых жердями и тщательно замаскированных, дно которых было густо утыкано острыми кольями. Их копали под наблюдением Ярослава, он до сих пор отлично помнит расположение. Одна из ловушек была устроена недалеко от озера, рядом со священным дубом. Тогда медведь-шатун провалился в другую яму. Ничего, в эту сегодняшней ночью должен угодить зверь пострашней...

— Ты не ошибся, ярл, это Медвежье озеро,— сказал Ярослав.— Поэтому сейчас нам придется сойти с тропы и обогнуть священный дуб стороной.

— Почему? — подозрительно спросил Эрик.

— Возле дуба мы можем встретить русов, пришедших держать совет с душами спустившихся на землю предков,— ответил сотник.— А лишние глаза нам ни к чему.

— Хорошо, веди в обход,— разрешил Эрик.

Ярослав разговаривал с ярлом, но глаза и мысли русича были обращены к огромному, развесистому дубу-исполину. Одиноко возвышаясь посреди небольшой, тща-

тельно ухоженной поляны, он был хорошо виден на фоне светлеющего неба.

О священный дуб, твои корни пьют живительные соки в подземном мире, твой могучий ствол гордо высится между небом и землей, а твои ветви-руки уходят в небо. О священный дуб бессмертия, ты связываешь сегодняшней день-явь с миром уже живущих на небе душ, по твоим ветвям, касающимся облаков, спускаются лунными точками на землю умершие предки. О боги, обитающие на вечном древе жизни, взгляните на руса, идущего сейчас выполнить последний долг воина, позвольте и его душе взойти по священному дубу на небо. Смерть не страшна потомку Перуна, ибо воин-русич рождается, дабы погибнуть в бою, а умирает, чтобы вечно жить на небе. Боги, примите душу своего родича, дайте ей место на ветвях священного дуба бессмертия

Ярослав свернул с тропы, ведущей к дубу, медленно направился в сторону от нее. Вот пологий спуск в глубоководную, с шумящим на дне ручьем лощину. Чуть дальше — склопившийся набок граб, рядом с которым вырыта яма-западня. Земля, которой были порыты жерди-перекладины, успела густо зарости травой, и смертельная ловушка ничем не напоминала о своем существовании. Затаив дыхание, Ярослав осторожно ступил на тонкий настил. Первый короткий шаг, второй... Третий. Ярослав почувствовал, как земля вначале слабо спружинила под ногами, а затем прогнулась под тяжестью идущих. Заподозрив неладное, Эрик остановился.

— Трел, куда завел нас? — вскричал он.

Поздно! Не обращая внимания на лучников, сотник рванулся к ярлу и с силой толкнул его на самую середину западни. Резко присел, услышал под ногами Эрика треск жердей и метнулся назад, к твердой земле. Достигнув склона лощины, на миг оглянулся. Один из викингов-стражей, бросив лук, упомал с опасного места на четвереньках, другой целился в Ярослава. Сам Эрик, сгруппировавшись для прыжка, собирался последовать примеру русича. Мгновение — и тело ярла взлетит над ямой-ловушкой... Нет! Ярослав схватил из-под плаща нож и бросил его в одну из ног Эрика. И тотчас звенящая стрела вошла в грудь сотника почти до оперения.

Нож вонзился в ногу ярла, и тот присел от боли. Услышал, как ломались под ним последние из жердей настила, и сразу понял — это конец. Что ж, в таком случае ему осталось одно — встретить смерть как викингу. Эрик

рванул из ножен меч, поднял к небу глаза. Один, посмотри, он умирает как истинный воин: в его теле чужое железо, в руках обнаженный меч... Значит, он принял гибель в бою.

Прежде чем ярл исчез в яме-ловушке, ему в голову вполз зловеющий голос вещуньи Рогнеды: «...вы оба не вернетесь домой, а навсегда останетесь здесь. Тебя, ярл, поглотит земля...» Так и не выпустив из рук меча, Эрик упал спиной на острые колья, а большой пласт земли, сползший сверху, почти доверху засыпал яму.

Первым пришел в себя сотник Рогнар.

— Что с трелом? — спросил он у стрелявшего в Ярослава лучника.

— Он мертв. Стрела пробила его насквозь.

— Значит, нас больше некому вести на Киев. Что будем делать, гирдманы? — обратился Рогнар к двум сотникам, которые вместе с ним были отобраны Эриком для нападения на город.

— Это боги отвели от русов наши мечи, — сказал один из сотников. — Они же покарали и трела с ярлом. Раба за то, что желал зла сынам Одина, а Эрика, что давно забыл родную землю и мечтал то о месте полоцкого князя, то о власти киевского конунга. И наши боги не простили ему этой измены.

— Варягам не нужен русский Киев, — прозвучал голос второго сотника. — Его захвата жаждал лишь властолюбивый и завистливый Эрик. Что ж, боги послали ему то, чего он сам желал русам. Пока не поздно, надобно постараться избежать его судьбы. — Сотник посмотрел на луну, перевел взгляд на Рогнара. — Скоро наши драккары с оставшимися викингами должны тронуться в путь, чтобы напасть на Киев с Днепра. И дабы не случилось непоправимого, нам следует поспешить назад и остановить их. Тем более что обычай варягов требуют от нас как можно быстрее избрать нового ярла.

Слова сотников несколько не удивили Рогнара. Он прекрасно знал, что большинство викингов, как простых воинов, так и знатных гирдманов, всегда были против вражды с русами. Теперь, после гибели Эрика, не было дела до чужого славянского Клева и ему самому. А вот кто станет новым ярлом, имело для него первостепенное значение, ибо он давно уже считал себя самым достойным преемником Эрика. Поэтому ему не было смысла ни оставаться в лесу, ни в чем-то перечить сотникам, настраивая их против себя.

— Согласен с вами, гирдманы,— сказал Рогнар.— Смерть Эрика изменила все наши планы. Главное сейчас — как можно скорее возвратиться обратно к реке. Но что делать с мертвым ярлом? Ведь его душа должна расстаться с телом и вознестись на небо в пламени священного погребального костра. А Эрик так глубоко в земле...

— У нас лишь мечи да секиры, и до тела ярла мы доберемся не скоро,— сухо заметил первый сотник.— А нам сейчас дорога каждая минута.

— Он прав,— поддержал товарища другой гирдман.— Эрика покарали боги, пусть они и решают, как поступить с его душой. А наши дротты принесут им щедрые дары, чтобы они простили ярла и не оставили его душу в чуждой земле.

И Рогнар не стал продолжать разговор.

— Да будет по-вашему, гирдманы. Мы возвращаемся...

33

Варяжские драккары тронулись вниз по Днепру, когда солнце уже засияло на небе. Викингов вел в поход полый ярл Рогнар, а поэтому и цель плавания была совершенно иной. Бывший сотник по мечтал стать русским конунгом и видел для дружины только одну дорогу — за море, в империю.

Рогнар не первый раз плыл по Днепру и хорошо знал дорогу. Сейчас по правую руку будет высокая скала, нависшая над рекой. За ней — крутой поворот, а затем покажется и Киев. Но что это? На скале, до этого пустынной, появились трое всадников, замерли у ее края. А из леса, подступившего к песчаной речной отмели, стали выезжать группы вооруженных конников и выстраиваться сплошной стеной у самого уреза воды. Всадников было много, очень много, и у каждого в руках виднелся лук. Вот чужих вопилов почти пять сотен, вот около восьми... Уже не менее десяти, а лес продолжал выплескивать из своих зеленых глубин все новых конников. И тогда один из всадников, стоявших на утесе, приподнялся на стременах и помахал пловчим рукой, призывая их причалить к берегу.

— Ярл, это русы,— сообщил Рогнару сидевший рядом с ним на скамье сотник.— Они требуют нас к себе.

— Вижу,— отрывисто бросил Рогнар.— Вели гребцам держать путь к утесу. Я сам буду говорить с русами.

Когда драккар с ярлом подплыл к берегу, его уже

поджидали трое всадников, спустившихся с утеса. Двоих из них Рогнар знал: это были вернувшийся из Полоцка тысяцкий Микула и воевода великокняжеской конницы Ярополк, знакомый викингу по совместным с князем Игорем походам на Византию.

— День добрый, Рогнар,— приветствовал варяга Микула.— Я рад тебе, но мне нужен ярл.

— Он перед тобой, тысяцкий,— гордо произнес викинг.

В глазах русича на миг мелькнуло удивление.

— Поздравляю тебя. Но что с Эриком?

— Его взяли к себе боги.

— Пусть будет легок его путь к ним,— сказал, подняв глаза к небу, Микула.— Тогда, Рогнар, я стану говорить с тобой. Скажи, викинги не раздумали сделать остановку в Киеве?

— Нет. Чтобы плыть дальше, в Русское море, нам необходимо пополнить запасы. Мы всегда это делали в Киеве.

— На сей раз вам придется заняться этим в другом месте. Проплывете мимо города без остановки, а все необходимое закупите в витичеве. Ты хорошо расслышал мои слова, ярл?

— Я очень хорошо расслышал твои слова, тысяцкий. Но еще лучше понял их,— холодно сказал Рогнар.

— Тогда не держу тебя. Прощай!

Когда драккар отплыл от берега, Рогнар облегченно вздохнул. Сотники ночью сказали сущую правду — ярл Эрик воистину покинул землю по воле богов. Ведь не призови его Один, кто знает, был бы сейчас в живых хоть один из викингов...

34

По необозримой глади Славутича скользило несколько русских лодий. Не желая утомлять себя конным переходом по древлянским лесам и толям, великая княгиня спустилась по реке Уж в Днепр и спешила сейчас в стольный град русской земли. Обнаженные по пояс гребцы ладно и дружно ударяли по воде веслами, их потные загорелые спины блестели. Каждый взмах длинных весел приближал лодии к Киеву, куда так рвалась душа Ольги. Сама княгиня сидела в кресле на кормовом возвышении, сбоку от нее пристроился на скамье священник Григорий.

— Святой отец, — ласково и умиротворенно звучал голос Ольги, — я примучила древлян и добилась своего. Но это лишь начало... Немало на Руси бед и горя, много зреет недовольства и смуты, а потому скорбит душа моя. Плох и никчем властитель, который правит только силой и без раздумий льет кровь подданных. Оттого не усмирять хочу я Русь, а навести порядок во всех ее землях. Осенью сама поеду по русским городам и далеким весям, собственными глазами увижу, как живет мой народ, сама услышу его голос и плач. И дабы не повторилось нового Искоростеня, отменю полюдь, введу вместо него уроки и уставы, принесу мир и покой на всю Русскую землю. И ты поможешь мне в этом, святой отец. Расскажи еще раз, как взымают налоги императоры Нового Рима, чего при этом желают они и не хотят их сограждане, отчего так часто бунтуют ромейские горожане и смерды...

Наперегонки с чайками неслись по речной шири красавицы-лодии. Зеленели по берегам древнего Славутича бескрайние леса, высились могучие неприступные утесы, желтели косы золотистого песка. А там, где вековые дубравы чередовались с подступающей к самой воде степью, стояли на крутых откосах каменные бабы с плоскими лицами и сложенными на животах руками. Вот вдали, за очередной излучиной, в дрожащем речном мареве возникли днепровские кручи, обрисовались на них крепостные стены стольного града всей Русской земли. И воевода Асмуд встал со скамьи, взял на руки юного Святослава, поднял над головой.

— Смотри, княжич, вокруг тебя Русь, породившая и вскормившая всех нас. В тяжких трудах и жестоких сечах создавали ее для нас пращурь, морем соленого пота и реками горячей крови сберегли мы ее для вас, детей своих. А дальше блюсти ее ваш черед...

Ревали голубую воду острогрудые лодии, увешанные по бортам рядами червленых щитов. Зорко смотрело вперед изогнувшееся на посу деревянное чудище-диво с разинутой пастью. Вокруг все было залито ярким теплым солнцем, тихо журчала и билась о борт послушная волна. Замерев, сидел на плече у седого воеводы юный княжич, глядел в расстилавшуюся перед ним неоглядную русскую ширь.

Что виделось ему, будущему великому полководцу, походы и деяния которого современники станут сравнивать с делами и подвигами Александра Македонского?

Могучие русские дружины, которые вскоре поведет он освобождать последние восточнославянские племена, еще страдающие под властью иноземцев? Кровавые сечи на берегах Итиля и Саркела, когда под ударами его непобедимых полков рухнет и навсегда исчезнет исконный враг Руси — Хазарский каганат, а славянские воины распашут плугами место, где стояла взятая ими в неудержимом штурме его разбойничья столица? Суровые лица другов-братьев, с которыми он пройдет через древний Кавказ, сметая преграждающих путь касогов и ясов, и встанет твердой ногой на всегдашней русской земле — далекой Тмутаракани? А может, виделись ему седые Балканы, куда приведет Святослав не знающие поражений рати и остановится, вняв мольбам дрожащего от страха базилисса, лишь в нескольких переходах от столицы Нового Рима? Возможно, синел перед его глазами полноводный Дунай, на берегу которого он будет па равных говорить с императором Византии, предложившим ему поделить мир между Русью и Восточно-Римской империей?

А может, ничего этого и не видел юный княжич, а просто молчал, очарованный раскинувшейся перед ним картиной красоты земли Русской, внимая словам старого воеводы.

— Храни и защищай Русь, — звучал голос Асмуса, — не жалея для нее пота и крови, времени и самой жизни, всегда помни о нашей славе и чести. Мы, которые начинали, завещаем и оставляем вам, русичи и внуки русичей, Великую Русь. Берегите ее и вершите начатое нами Дело.

Родился в 1953 году в станице Константиновской Ростовской области. Окончил Высшее общевоинское командное училище и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор трех сборников стихотворений и книги поэтических переводов.

Валерий ЛАТЫНИН
КАЗАЧЬЕ СОСЛОВИЕ

В. Фирсову

Не быть казачьему сословию
В анкетах будущих веков.
По с неизбывною любовью
Русь отличает казаков.
И посреди людского моря
Мне доводилось, и не раз,
Услышать:
«Ты — донского корня?
Ну как там на Дону у вас?»
А что у нас?
У нас, как всюду,
Растят хлеба, смолят челны
Такие же простые люди,
Не пасынки своей страны.
Так от чего ж сплетают лица,
Бесхитростно теплест взгляд,
Когда в Сибири иль в столице
Со мной о Доне говорят?
Мой Тихий Дон,
Мой край нетихий,
Наверно, ты за то любим,
Что на заставах мыкал лихо,
Русь бороня копьем своим;
Что в пору крепостного гнета
Дышал ты волей гулевой,

Народной веры был оплотом,
С царями затевая бой?
Ты не держал оружие ржавым,
Не падал перед силой ниц.
Твоим старанием держава
Достигла нынешних границ.
Великий не единым сыном,
Ты всем запомнился бойцом —
Могучим, песенным, былинным,
Приметным духом и лицом.
Я ностальгией не страдаю
По отошедшей старине,
Но из любви к родному краю
Растет любовь ко всей стране.
И пусть сословья нет такого,
Правы москвич и сибиряк:
Я — отпрыск рода боевого,
Я — константиновский казак!

НАСЛЕДСТВО

Памяти деда А. К. Латынина —
красного командира, большевика

Дед наследства за жизнь не скопил.
Он излишков не знал и в помине.
Неухватистым, видимо, был?
Или дело не в частной причине?

А работал с двенадцати лет.
Воевал за счастливую долю.
И всеобщей коммуны рассвет
Приближал с хлеборобами в поле.

За плечами — лишь класс цэпэша¹,
Да походная школа краскома.
Но впитала, как пашня, душа
Грозовые мечты Совнаркома.

Он за их торжество не жалел
Ни здоровья, ни крови, ни жизни,
До конца отслужил, как умел,
И станице своей, и Отчизне...

¹ Церковно-приходская школа.

Наклоняюсь к могильной плите
И кладу незабудки неровно.
Дед! Я также живу в маяте —
Меж мечтой и реальностью скромной.

Я работы, как ты, не боюсь.
Головой и руками владею.
Только как в этой жизни ни бьюсь,
А долгов одолеть не умею.

Свет надежды во мне не погас.
И не зря я пошел в офицеры.
Но с тропы восхождения нас
В недоверье влекут лицемеры.

Сколько их под личинами слуг
Раздобрело на средства народа,
На призыв нас беря, на испуг,
На безумный посул сумасброда?!

От фальшивых пророков устав,
Я пришел, чтоб тебе поклониться,
Помянуть. Помолчать среди трав.
Духом предков своих причаститься.

Мы — былинки на шаре земном.
Косят нас и погами сминают...
Но как травы, мы рвемся на валом
Всех препятствий,
Что свет заслоняют!

* * *

Может, это Россию и губит,
Что с далеких времен повелось —
Всех пришельцев она приголубит,
А свои... перебьются небось?!

Все поставит на стол, чем богата,
Не возьмет с чужаков ни гроша.
Хоть и платье — в прорехах, заплатах,
Но зато нараспашку душа.

ОБРАЩЕНИЕ К АВВАКУМУ

Оглянись, Аввакуме, увидишь —
Нынче в яме твоей пустота.
Даже сеявших смуту на идиш,
Не отыщешь сегодня следа.

Все тактичны теперь и согласны,
Побратались сердечно давно.
И прожекторы светят нам ясно
Там, где было веками темно.

Нет у нас много лет лицемеров,
Ни проказы — в душе, ни чумы.
И врагов нашей праведной веры
Воспитали как следует мы.

Не смирившийся рыцарь гордыни,
Умирать на костре не учи.
Но к чему архаичное ныне
Одинокое пламя в ночи?..

ГЛАШАТАИ

К чему валить вину на одного?
Он грешен тем, что мыслил радикально.
Был геноцид задуман до него
В безграмотной стране патриархальной.

Куда ушли герои Октября,
Известные по битвам и походам?..
Посмертный путь прозрения торят
Те, кто не свыше признан, а народом!

Мешает Русь всемирной кабале,
Ростовщикам и скупщикам мешает.
И что без чьей-то помощи во зле
Погрязли мы,
Они же нам внушают.

Но приглядишься к глашатаям, народ!
По лицам их и по глазам узрешь,
Кто к возвышенью за собой зовет,
А кто — доставить на Голгофу реи!

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Ни автобуса нет, ни трамвая.
Да и город-то где, не поймешь.
Здравствуй, русская быль горевая,
Как же ты одичало живешь!

Сколь веков косебочатся избы
И кричит из окошек нужда?
Что за жребий народом был избран
И привел наших предков сюда?

Блещут чайки над озером Неро.
Кремль туристским нашествием взят.
Нашу славу былую и веру
В сувенир превратить поровят.

Будят память ротовские звоны.
Будят совесть старухи в пимах,
И гниющие лодки в затонах,
И безмолвие в серых домах.

Много в прошлом.
А что же в грядущем?..
Даже озеро тленно цветет..
Но лепечет душе всем живущим:
«Мир и счастье..»
Авось да грядет!

Вовсе не случайно вынесли мы в название этого раздела сборника «Военные приключения» легендарное слово-предупреждение великого князя Святослава, сына Игоря и Ольги. «Иду на Вы», — загодя извещал удивительный по духу своему и искренности полководец, раздвинувший границы тогдашней Руси до изощренной в хитроумностях и вероломстве Византии, навсегда положив конец алчному и жестокому экспансионизму Хазарии, протянув руку дружбы и помощи братским народам Поволжья, князь Святослав всегда действовал с беспримерной открытостью, выступал перед противниками с поднятым забралом. Этому качеству, издавна присущему русскому народу, нет нужды искать подтверждения в русской истории, факт сие общеизвестный. Способность изначально видеть в незнакомом доброго человека, а врага предупреждать о том, что мы умеем не только защищаться, но и нападать, определили грозящую опасность Отечеству, унаследовали и мы, литераторы-патриоты, объединившиеся вокруг идеи воочию показать духовное величие, этические традиции, воспринятые от предков Вооруженными Силами СССР.

«Иду на Вы!» — это острые публицистические работы лучших писателей, журналистов, офицеров и генералов Советской Армии. Это литературные разборы художественных сочинений о войне и армии, и тех, в которых незаслуженно оскорбляют наших военных, и тех, где они по праву предстают перед читателями во всем блеске изначально присущего русским ратникам благородства, мужества и героизма.

В разделе «Иду на Вы!» мы расскажем о том, как возникла афганская проблема и что на самом деле произошло в Тбилиси, кому выгодны грязные слухи, порочащие армию, каков механизм их зарождения и дальнейшего распространения.

Известные критики и литературоведы объяснят нам причины высокомерного и отрицательного отношения к приключенческой литературе, которое насаждалось «сверху», расскажут об истоках теории бессюжетности, навязываемой писателям официальным книговедением.

Мы попытаемся дать философское обоснование понятиям страха и мужества, героизма и трусости, одиночества и коллективной сплоченности на войне, воинской дисциплины и гражданского долга, любви к Отечеству и ненависти к его врагам.

Не скроем, что, признавая право каждого на собственное мнение, мы всегда будем занимать наступательную позицию по отношению к подрывателям основ государственности. Теперь уже ясно, что именно армия — основной нравственный монолит общества. Надо ли доказывать, что тот, кто покушается на союз советского народа с его же собственными Вооруженными Силами, противопоставляет военных людей гражданскому населению, пытается посеять недоверие между сторонами, вряд ли укрепляет этим Отечество, объективно помогает злейшим врагам его.

П тогда Отечеству не остается другого, кроме как вспомнить слова великого князя: «Иду на Вы!»

Родился в курдском селе Акко в Армении. Школу окончил в поселке Лагодехи Грузинской ССР. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Работал в газетах по проблемам науки. В Новосибирском академгородке стал создателем и первым президентом фехтовального клуба «Виктория». Последние годы живет в Москве.

Карем РАШ

АРМИЯ И КУЛЬТУРА

1. Память — фактор оборонный

Ни один народ не может жить без общенационального эталона, без образца и идеала. Пушкин — один из наших светочей. В это чудное имя мы вкладываем целый мир и программу. Если армия народная, она не может не исповедовать пушкинский идеал. Появятся ли Пушкин и лицейский дух в наших школах и военных училищах? Как бы это ни звучало неожиданно, но, взвешивая каждое слово, беру на себя смелость заявить, что сегодня, когда многие бросились в разоблачения, а иные даже смакуют их, для обновления школы, армии и общества нет более партийной темы и, если хотите, военной темы, чем пушкинский идеал.

Мы часто приводим прекрасные слова Гоголя о том, что Пушкин — тот самый идеальный тип русского человека, которому суждено явиться на родную землю через несколько столетий. Если мы признаем эту мысль пророческой, а, судя по обилию печатных ссылок на Гоголя, мы признаем ее таковой, то почему бы нам не пойти себе мужество признать, что именно мы призваны выработать тот тип учителя и офицера, который будет способствовать приходу этого человека? Мы все, по словам Блока, грешим перед веселым именем Пушкина. Разве не в наших силах изжить этот грех? Мы ждем не Пушкина, не мессию, не одного человека. Мы, по Гоголю, всем

строем жизни призваны выработать исторический тип личности, национальный тип, близкий к пушкинскому.

В Пушкине счастливо воплотился тип русского офицера. Именно офицера, солдата ермоловской поры. Генерал Липранди, боевой офицер, умный и наблюдательный разведчик, запишет: «Другой предмет, в котором Пушкин никогда не уступал, — это готовность на все опасности», — и там же отметит его «всегдашнюю готовность встать лицом со смертью». Десятки опытных офицеров присоединились бы к утверждению Липранди, что Пушкин «создан был для поприща военного». Он рвался в Эрзерум. Его всю жизнь тянуло к полю чести, к бивакам, к выгоревшим на солнце белым палаткам русской рати, туда, где вел боевые действия Отдельный кавказский корпус, в рядах которого дрались «лицейские, ермоловцы, поэты», самая просветленная и отважная часть русских мужчин. На родине их именовали уважительно «кавказцами». Верхи это слово произносили с опаской — офицеры-«кавказцы» были известны дерзостью, умом и независимостью нрава. Пушкин чутко уловил это, он почувствовал, что благословенные пулями «кавказцы» смотрят твердо, держатся прямо и в их немногословии есть нечто, из чего отливают стихи особой ковкой. Военные офицеры были любимой средой Пушкина с лицейских лет.

У Пушкина характер ратника, знавшего о тайне «упоеания в бою», всегда искавшего битвы и умершего с оружием в руках, стрелявшего, истекая кровью, защищая на поле битвы у Черной речки честь русской семьи. Это подлинный Пушкин — эталон мужчины, отца, семьянина и друга, не Пушкин музейный, не поэт «пушкинистов», копающихся в его сердечных делах, постели, долгах и радующихся его мнимым ссорам с властью предержавшими. Пушкин гораздо более верен себе и нам в строках: «Страппись, о рать иноплеменных, России двинулись сыны». Только с таким боевым подвижничеством и мог отец четырех детей броситься к Черной речке. И пусть не всхлипывают поздние пушкинистки, он умер прекрасной смертью, как мужчина, как дворянин, как витязь.

Что мы можем сделать для детей будущих воинов на этом дарованном нам отрезке жизни?

Для здоровья всего живого и полноты бытия необходимо мудрое сочетание постоянства и изменчивости. Когда жажда перемен становится зудом, а реформаторов с засмпой мыслью, непереваванными мечтаниями плодятся множество, когда забывают предостережение Руссо, что

«нет такой законной выгоды, которую не превысила бы незаконная», вот тогда революционными становятся уже действия тех, кто защищает устои. Не правда ли, на первый взгляд парадоксальная мысль? Однако если революционность — это положительное жизнеутверждение, то защиту истоков, классики, основ, среды, почвы, преданий и передачу их потомству в незамутненной чистоте нельзя не признать деянием революционным и возвышенным. Вот для чего нужны новые военные лица, нужна классика юношам, нужны как воздух и греческий, и старорусский языки, и римская доблесть, и история, интерес к которой — верный признак молодости общества, а по нашему национальному наставнику Пушкину, «воспоминание — самая сильная способность души».

Самая большая беда, которая мешает нам всем и будет самым большим злом, мешающим становлению характера, есть всепроникающая в нашу жизнь фамильярность. Она сравнима с тем незаметным грибом, который разъедает самые крепкие здания, когда фундаменты и кладки превращаются в труху. Монолит бывает уже трухляв при внешней прочности. Мы тыкаем друг другу, переходим на жаргон, скороговорку, сквернословие, в двери уже не входим, а протискиваемся. Мы не умеем ни сесть, ни встать, ни уступить. Фамильярничаем с классикой, с прошлым, с властью, с устоями. У нас на лицах или казенная серьезность, или хихиканье. Иронизируем по поводу всего высокого и тем ежеминутно разрушаем его. Ирония же всегда фамильярна, она всегда смотрит неподтишка, всегда снизу вверх и всегда разрушительна. Мы фамильярничаем с Пушкиным, смакуя его озорные мальчишеские безделки, глумимся над его памятью, когда предлагаем поговорить «о странностях любви». Фамильярничаем с родным языком, пазывая блуд хитрым заемным словом «секс», встречу переименовали в «брифинг», многообразие — в «плюрализм» и т. д., и т. п.

В ритуале общения людей заложены глубокий смысл защиты человеческого достоинства и самобытные начала уклада. Наши деды, обращаясь к юноше и даже подростку по имени и отчеству, тем самым охраняли, возвышали и приобщали молодого человека к единству с миром взрослых, как бы готовили к предстоящей ответственности. Нелепо называть человека из англосаксонского мира по имени и отчеству, как дико русских мужчипу или женщину называть одним именем. И не надо нас пасильно к этому приучать, как бы ни пытались «Московские но-

ности» быть западнее, чем сами западники. Но мы не примиримся с их «Михаил Горбачев», для нас он всегда Михаил Сергеевич. Если Рейган — Рони, то это дело его соотечественников, и нас не касается. Обращение — часть духовной гигиены общества, в ней межличностный климат, такт, норма, все, что созидает и оберегает. Считаю недопустимым, чтобы наши космонавты, как водится, переговариваясь с орбиты со своими друзьями-офицерами на Земле, голосили из поднебесья на одну шестую часть света: «Коля! Как ты там?! Вася! Как самочувствие?..» и т. д. Нас не касается интимная форма обращения между друзьями. Но для всей страны, как для командования, так и для миллионов мальчишек, полковник, космонавт, герой не может никогда и ни при каких обстоятельствах быть ни Колей, ни Васей, ни Юрой, а Юрием Алексеевичем, коль речь заходит о Гагарине, как, впрочем, о любом нашем офицере. Никто не сможет подсчитать силу ущерба, которую подобная фамильярность наносит обществу, и особенно душам будущих новобранцев.

Фамильярность, как и ирония, обладает разрушительной силой в своих «мегатоннах». Мы в армии фамильярничаем с мундиром, когда перед увольнением в запас строгий и потому благородный воинский наряд обвешиваем и обшиваем мещанскими побрякушками, но худшая из фамильярностей — это потеря дистанции между солдатами и офицерами и холопско-барские взаимоотношения между офицерами во время приветствия, когда старший по званию не отвечает на приветствие младшего. Убежден, что офицеры выжгут из своей среды эти манеры, когда поймут, что они незаметно для них заползли в их жизнь из чуждого мира с его заземленностью, узостью кругозора, культом импорта и штампами вместо мыслей. Вопреки мещанскому мелкотравчатому опыту беру на себя смелость утверждать, что деньги всегда пахнут. Вопреки расхожей пошлости «тот, кто крутится, не умеет жить»...

Рыба гниет с головы.... Поговорка эта не имеет ничего общего с народной мудростью, а родилась в среде завистливой и подглядывающей дворни. Плохой солдат всегда обвиняет в поражениях командование, хороший солдат во всех неудачах корит себя — это древняя добродетель настоящего воина. С какого бы места ни гнила рыба, армия всегда держится дольше всех, именно потому сегодня пушкинский дух, пушкинская иноческая простота, просветленность и готовность к праведному бою более все-

го в нашем обществе живут в войнах. И Советская Армия — сила не только вооруженная, но прежде всего сила духовная и культурная, народная школа воспитания патриотов, интернационалистов.

Очевидцы свидетельствуют: когда мы вошли в Афганистан, народ забрасывал цветами советские военные машины, потому что надеялся, что они избавят его от братоубийственной гражданской войны. Кухонная болтовня о том, что пуштун только тогда счастлив, когда стреляет, рассчитана на ванек, не помнящих ни своего родства, ни тем более чужого. Таких народов в мире нет. С бедра стреляют только в Голливуде, среди картонных декораций. Афганский народ втайне надеялся, что «шоурави» принесут им то, что русские даровали среднеазиатским и кавказским народам, а именно исполнение сокровенных чаяний всех малых народов сегодняшней Азии, то есть справедливую жизнь.

Здесь не уместны ни рецепты, ни поучения, но коли гласность дает кое-кому право смаковать пашни псудачи, то почему не высказать скромное предположение созидательного свойства и не выразить личное убеждение, что мы сделали верный, политически мудрый и решительный шаг, введя войска в Афганистан. Только не стоило делать благородный шаг, озираясь, втихомолку и крадучись, а надо было честно оповестить народ и попросить у него моральной поддержки.

Длительные войны русского самодержавия по усмирению Кавказа, длившиеся чуть ли не полстолетия, породили со стороны русских офицеров Лермонтова, Марлинского, Одоевского, а также Пушкина прекрасные поэмы, стихи и прозу, полные глубокого уважения к сопернику, ставшие и для горцев гимнами братства. Ведь и горцев поддерживала непрерывно Турция дипломатически, идейно, оружием, агентурой. Но черкеска стала и русским битвенным нарядом. Горцы перенимали огнестрельное оружие у русских, последние заимствовали лучшие в мире кавказские клинки. Нижегородские драгуны — воины одного из лучших русских кавалерийских полков в 1834 году приняли на вооружение кавказскую пашку. Вскоре это оружие в большинстве полков нашей кавалерии вытеснило повсеместно немецкие и французские клинки.

Когда Киплинг воспевал строителей империи, несущих в Азии бремя белого человека, другой его современник — Лев Толстой создал, точнее, высек резцом образ неспасаемого и неистребимого врага своей империи Хаджи Му-

рата. Такого понимания братства не знала европейская культура, подобное великодушие было нормой русской армии со времен «Повести временных лет». А пришел Октябрь, и даже самые малые племена Кавказа: кабардинцы, чеченцы, авары, адыгейцы — все получили свою государственность.

В Средней Азии старая русская армия провела ряд мероприятий по сближению с коренным населением, которые можно назвать образцом деятельной культуры. Но мы вошли в Афганистан, не взяв с собой своего драгоценного наследия, забыв опыт. Сейчас мы шарахнулись в другую сторону и стали паперобой состязаться в самовысекании с унтер-офицерской вдовой.

Наши солдаты и офицеры показали, что народ не утратил душу, не заложил ее за импорт. По радио передали встречу со школьниками воина-интернационалиста из Белоруссии Павла Шитько, кавалера ордена Красной Звезды. По просьбе слушателей передачу повторили. Павел рассказывал дельно, спокойно, трезво и честно. Он говорил: «Мы там часто слушали радио врагов. И то и дело из-за кордона твердили, что коммунисты задавили исконный русский воинский дух, что русские уже не те, что были раньше, в них уже нет того, чтоб за честное дело встать и даже жизнь отдать».

Ошиблись они. Как говорили раньше: «Славяне есть славяне». Еще Павел заметил, что в роте были и туркмены, и грузины, и казахи, а как пули неприятельские засвистят, так все становятся ближе братьев, как прошитые одним чувством.

Оторванные от Родины, юности проявили зрелость мужей, они кровью и утратами, терпением и отвагой вновь восстановили древнюю воинскую отечественную традицию подвижничества. Они часто в одиночку решали проблему своей духовной правоты. Для нашего солдата нет более важного на свете вопроса в битве, чем осознание, прав он или не прав, должен он пустить в ход оружие или нет. И там, в горах, вдруг в ритме песни в стиснутых не мальчишеским бременем душах, стихах и поступках засветился пушкинский свет дружбы, ясности и лиризма. Они почувствовали, что несут вдаль вахту, смысл которой еще неясен их современникам, что они уже переросли душой сверстников, уже увидели новую даль. Ни на минуту мысль о Родине не покидала их. Никогда никто не докажет Валерию Бурко, лишившемуся ног, что его отец сгорел в вертолете зазя, за чью-то ошибку. Если бы его

можно было бы сбить таким политиканством, он не пошел бы без ног в Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина. Как не стал бы проситься без ног майор Валерий Брачиков снова в десант, и непременно в Афганистан. Жажда приключений? Нет, это другие солдаты. За всех них сказал поэт Саша Карпенко, обожженный в Афганистане:

И за светлую, тихую грусть,
И за скорбь, что из пламени
Ты простишь нас, Великая ^{родом,} Русь,
Мы чисты перед нашим
народом.

Для полноты старинной традиции не хватает еще что-то хотя бы понимания противника, его страданий, его доблести, его заблуждений и верности. Много темных сил вмешалось в эти восемь лет. Мы еще услышим такие перлы дезинформации по отношению к Афганистану, которые затмят геббельсовские «открытия». Еще будут зверствовать в кинокадрах под видом «русских» и «афганской армии» переодетые диверсанты, еще прибавят в число жертв всех умерших своей смертью, нечистой суетливостью только осквернят тех детей, женщин и стариков, кто трагически погиб. Афганцы, и заблуждаясь, показали себя народом гордым, бедным и непреклонным. Они еще раз показали, что англичане дважды вовсе не случайно были разбиты в этих горах. Уверен, что мы нашли бы с ними общий язык без посредников, прояви мы сразу же, еще в 1979 году, столько же политической мудрости, сколько доблести показали солдаты.

Наши солдаты принесли с собой на Родину самое большое богатство народа, которое стоит всего золота земли, всех сокровищ и всех благ на свете, — они сохранили и закалили то, что дает здоровье, силу и счастье, и все это вмещается в одно самое чудное на свете слово — верность. Они не изменили ни присяге, ни дружбе, ни долгу. А верность неразрывна с честью, что в сердце каждого честного мужчины живет с его первым криком.

Я бы привел здесь, как это ни звучит неожиданно, слова Альфреда де Виньи из его прославленной книги «Неволя и величие солдата», которую мы издали в «Маятниках мировой литературы».

«Какое-то неизъяснимое жизненное начало присуще этой странной, гордой добродетели, которая стойко держится, невзирая на все наши пороки, и даже как-то сооб-

разуется с ними, развиваясь за счет их усилия. Тогда как все остальные добродетели, казалось, исходят с небес, чтобы поддержать и возвысить нас, эта добродетель исходит как будто от нас самих и стремится в небо. Эта добродетель исключительно человеческая, словно порожденная самою землею, не сулящая небесного венца после смерти; добродетель эта неотделима от жизни... Это суровая религия, не знающая ни символов, ни образов, ни догм, ни обрядов, — откуда же у людей возникает ощущение ее неотъемлемого могущества? Неотделимая стойкость поддерживается в борьбе против всех и против самого себя при мысли, что он хранит в груди некое неприкосновенное «святая святых», нечто вроде второго сердца, где царит божество. Отсюда к человеку приходят внутренние утешения, тем более высокие, что ему неизвестны ни подлинный источник их, ни смысл; отсюда — внезапные прозрения, открывающие перед ним суть истинного, прекрасного, справедливого; отсюда — луч света, освещающий ему путь... Это убеждение, которое как будто еще свойственно всем и безраздельно господствует в рядах армии, зовется честью».

Верность — это национальное достояние, с которым народу, как и каждому человеку, не страшны никакие железные бури. Каждый час нашей жизни экзаменует нас на преданность этой стеновой добродетели. Пушкин победил на Черной речке, смертью своей смерть поправ и завещав нам верность чести.

Потому-то, несмотря на все наши хозяйственные неурядицы, на коррупцию, разводы, несунув и даже пьяниц и сирот, принимая во внимание все недостатки, застои, репрессии, все проблемы, взятые порознь и вместе, вопреки наркоманам и бюрократам мы, порождающие таких солдат, являемся на сегодня, как и прежде, самой богатой и самой культурной страной в мире.

Обновлению жизни должно сопутствовать очищение родного языка, избавление его от мертвых догм, от штампованного газетного хлама, от стершихся понятий, привнесенных потребительским жаргоном и обрезанной памяти, бедности, мысли и скудного набора усеченных телевизионных речений, напоминающих слова-выкрики вроде «четко», «отлично». Но и этот малый запас слов захламлен у нас и забит из подбострастия западными заимствованиями. А самое страшное — это когда происходит через слова подмена глубоких понятий, когда благородный смысл постепенно, незаметно и вполне мирно

меняется на противоположный ему по значению. Идет медленное удушение слова, несущего в себе тысячелетия опыта, страданий и надежд. Как это, кстати, и случилось со словом «культура», в основе которого древнее слово «культ», что значит «служение», «возделывание», «защита», «очищение», «почтение».

Когда приходит в общество пора обновления, наступает время перестроек, очищения отечественного наследия. Сегодня тема нашего разговора — «Армия и культура». Когда-то эти два слова несли в себе один и тот же дух служения. Но разобщаются и отчуждаются не только ведомства, расходятся слои, обособляются группы и разъединяются люди. И прежде всего умирают слова. Надо бы, видимо, провести множество, скажем, семинаров и пригласить людей к общенародному разговору на тему, что такое культура. Десятилетиями люди приучаются находить «культуру» там, где ее никогда не было. Есть ли какой-либо смысл в понятии «парк культуры и отдыха»? И что общего у этого парка с сельским Домом культуры, соцкультбытом и т. п.? Но попытаемся в меру сил приблизиться хотя бы к первоначальному, чистому и животворному смыслу слова «культура».

Культура — это то, чего нельзя увидеть глазами, нельзя ни потрогать, ни взять в долг, ни заложить, ни осязать, а тем более купить, но единственно можно передать. «Традиция» в переводе означает «передача» — слово русское, честное и точное. Передал или не передал отец сыну — вот на чем зиждется культура. Разве вы можете пощупать руками верность, одолжить надежду или купить бескорыстие, доброту, милосердие? А ведь это и есть культура.

Культура есть здравый смысл, ибо она — психическое здоровье. Культура есть красота, ибо она — физическое здоровье. Культура есть достоинство и совесть, ибо она — нравственное здоровье. А еще культура — это верность отцу и матери, верность роду и отечеству, это правдивость и нежность, доброта и бесстрашие, которые всегда вместе, ибо сострадание есть отвага души. Значит, культура — это преданность всем своим истокам, словом, она есть любовь, она — здоровье, она — верность. Все эти слова равнозначны по смыслу. Нечистый воздух, грязная вода, отравленная почва — следствия того, что подлинная культура заменена как бы на чиновный «соцкультбыт».

Подлинная культура тяготеет не столько к образованию, сколько к воспитанию. Культура есть то, что не

имеет специализации, не поддается подсчету, неразложимо и чего нельзя приобрести с дипломом или степенью, а тем более с должностью. Потому крестьянин может быть глубоко культурен, а академик — хамом, офицер может быть высококультурен, а культуролог невежествен, а то и просто, по К. Марксу, «профессиональным кретином».

Культуре не учатся по книжке, ибо она вся в поступке, в действии, в живом слове. Лишившись здравого смысла там, где надо принять решение на уровне целого организма, мы призываем в советчики специалистов, профессионалов, академиков, то есть тех, кто всю жизнь буравил частность, и запутываемся окончательно, забывая, что нобелевский лауреат может, допустим, расщеплять атом, но быть полным олухом в неразложимой жизни и политике. Все наше столетие запуталось при оракулах-профессорах. Один профессор, вроде Фрейда, наотрез отказался рассматривать человека выше пояса, экономиста-профессора никакими силами не оторвать от желудка, технократ — беднейший из всех — верит в науку, другой профессор-оракул — Корбюзье — вещал, что дайте людям типовую солнечную каморку, и не надо ни революций, ни религий, и ведь этот идиотизм десятилетиями с упоением тиражировался. Еще один лингвист-структуралист — Леви-Стросс заявил, что в человеке нет вообще никакой тайны, а вместо души — хорошо просматриваемая кристаллическая решетка. Все они вместе и по отдельности «рисовали» свои портреты и навязывали их другим. Поэтому-то мы и пришли к этим гербицидам в культуре или вдруг увидели, как сказал бы Дерсу Узала: «Много лет тайга ходи — понимай нет».

А В. И. Ленин заклинал, предупреждал и завещал: *«Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове»*. Слова выделены самим Владимиром Ильичем Лениным.

Мы попробовали приблизиться к первоначальному понятию, которое заключено в слове «культура». Что касается вооруженных сил, то каждый полагает, что в словах «армия» или «флот» для него нет загадок, и отчасти прав, и именно отчасти, даже если он отслужил в вооруженных силах всю жизнь.

Что такое армия? В чем смысл, дух и назначение этой древнейшей опоры русской и советской государственности? Народ, с тех пор как осознал себя, живет в извест-

ных рамках общности, где вооруженные силы являются гарантом ее спокойствия. Войско — важнейший из краеугольных камней безопасности державы. Народ воплотил эти представления в образах былинных витязей, которые суть первый «офицерский корпус». Князья-воины изображены на столпах храмов, чтобы дать прихожанам наглядный урок государственности, и наш предок каждый день благоговейно проникался этой становой идеей родной державы. Пахарь и без пропаганды знал, что без воинской дружины он — легкая добыча алчных, вероломных и неспокойных соседей. Тайна русской государственности и армии в том, что исторически русский народ вел непрерывную войну за свое физическое существование. Во все века князья и позже цари волею обстоятельств становились во главе этого тысячелетнего противостояния. Имена Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского становились общенациональными именами-символами. В этом главная причина долгой веры народа в царскую власть и ее непогрешимость. Князья и тысячи других мужей, таких, как Боброк, Ермак, Пересвет, Коловрат, Платов, Суворов и, наконец, Жуков, — это начальники, воеводы и командиры русских сил, все тот же офицерский корпус. Это люди высочайшей духовности и главные в обществе носители подлинной культуры, ибо если на свете нет большей любви, чем «душу свою положит за други своя», стало быть, нет и выше культуры...

Русская и Советская Армия, через лучших своих сынов не раз доказавшая это, и поныне стоит на этом припидне, а тому порукой — остров Даманский, Афганистан, смертоносные реакторы Чернобыля... Такая армия и есть культура. На переломах истории армия оказывалась главной, реальной надеждой народа, а нередко выполняла несвойственные ей на первый взгляд обязанности. Так, Петр I указом 1722 года назначил военных управлять даже православной церковью, видимо, полагая с присущим ему здравым смыслом, что офицер и «воин христов» — священник воспитаны на идее служения и ответственны по общественному призванию.

Перед этим Петр уже заставил молодых священников подоткнуть рясы и резко взбираться на кораблях по вантам. Он помнил, что все его предки-воины перед смертью принимали монашеский постриг. Потому государь бестрепетной рукой подписал указ, где говорилось: «Выбрать из офицеров доброго человека, кто бы смелость имел и мог управление дела синодского знать, и быть ему обер-

прокурором». Знаменательно, что Петр счел нужным подчеркнуть такие качества главы Синода, как «доброта», «смелость» и «знание». Еще более важна неслучайная и мудрая последовательность этих качеств по степени их важности. Петр не расставлял слов бездумно и, как мы знаем, не был узким специалистом. Если офицер родственнику культу в силу хотя бы молчаливого служения, строгости обряда и устава, привычки к самоограничению и послушанию, то на земле нет ему, солдату, большего антипода, чем лицедейство и роль актера. Можете вы хоть на миг представить актера или певца, поющего при гробовом молчании зала? Он зачухнет, сникнет и уйдет после первой же песни или роли, ибо актер живет на похвале, аплодисментах, поощрении как на допинге. Солдат не смеет и думать об этом. Актер живет на чужих характерах, перевоплощаясь. Офицер держится на верности самому себе. Это противопоставление кажется искусственным, но оно не более надуманно, чем скрытое противопоставление, заключенное в теме «Армия и культура». Будем противопоставлять не для углубления разницы, а для рельефного высвечивания особенностей, затертых и захватанных неверным и частым употреблением.

Когда-то Константин Леонтьев (о нем ниже), разбирая «Анну Каренину», заявил вызывающе: «Нам Бронский пужнее и дороже самого Льва Толстого. Без этих Толстых можно и великому народу долго жить, а без Бронских мы не проживем и полувека». А ведь Леонтьев искренне преклонялся перед силой художнического пера Толстого и сам был не последний писатель.

Что в заявлении этого человека, которого Лев Толстой добродушно назовет «разбивателем стекол»: только умаление писателя или в его противопоставлении гвардейского офицера знаменитому сочинителю есть кроме парадоксальности еще и глубокое значение, скрытое от глаз массового читателя, который, кстати, есть предтеча массовой культуры? Отмахнемся ли мы от этого, еще раз повесив на Леонтьева бирку «консерватор»? Леонтьев, хотим мы того или нет, фигура крупная, личность глубокая и знаменательная. Первое желание, которое приходит на ум с бессознательно внедренной репрессивностью мышления,— это и в самом деле повесить ярлык «реакционер», и в угол пыльный, чтоб не мешал. Но Леонтьева этим не испугаешь, он гордился своей причастностью к консерватизму. Может, не будем голову прятать под крыло?

2. «Порно» и рок — новое оружие

Когда прилетел в Москву Челентано, итальянский эстрадный певец, то «герои» перестройки — газетчики устроили драку в Шереметьево за то, чтобы взять первым у него интервью. Когда же в Москву прилетели Герои Советского Союза офицеры-«афганцы» Руслан Аушев, В. С. Кот, В. Е. Павлов, А. Е. Слюсарь — люди, показавшие высочайшие образцы долга и отваги, ни один человек их не встречал. Люди, которые в любой стране стали бы народными героями, окружены молчанием.

Почему странные, прилясывающие, дрыгающиеся существа с гитарами навязываются телевидением в качестве кумиров? Уж не для того ли, чтобы сделать молодежь здоровее, отважнее, честнее? Или это особая милость, оказываемая за то, что они заимствуют, выкрикивают и хрипят на чужой манер? Случайно ли фестиваль песен воинов-интернационалистов в Москве проходит на задворках стадионов вроде «Авангард»? Туда прилетают за свой счет со всей страны молодые ветераны, катят инвалидные коляски, идут жены и дети. Перед нами подлинно народное явление. Прибегают на него с нечистыми намерениями представители некоторых иностранных телекомпаний, а от нас на эфир приходят только от телередакции со странным названием «Взгляд», которая считает, что с молодежью лучше всего говорить за полночь.

Отчего промолчали, по существу, все газеты, когда прошел грандиозный фестиваль славянской письменности в Новгороде в мае 1988 года, и все, как одна, захлебываясь и перебивая друг друга, говорят о роке? Почему все свое, родное, отечественное, вызывает молчание, а все зарубежное, чужое, особенно если оно не созидательно, вызывает ликования? Сможем ли мы убедить тот же Запад вести с нами достойный, честный и прямой диалог, если будем холуйски показывать, как мы ему подобострастно и нелепо подражаем и как все свое презираем и не уважаем, чтобы заслужить его одобрение? Воспитаем ли мы трудовое и честное поколение, если с детства будем приучать к тому, что Иммануил Кант с исчерпывающей и беспощадной прямоотой называл «сладоострастным самоосквернением»?

Почему развлечению дан бесспорный приоритет перед воспитанием? Случайно ли те, кто не «служит Советскому Союзу», имеют на телевидении, которое смотрит весь народ, лучшее время и приоритет перед теми, кто служит

Советскому Союзу? Никогда подлинный досуг не был развлечением. Он всегда созидателен. Вы думаете: неверная, разрушительная установка берет начало в застойных временах орденосного Брежнева? О, нет.

Валериан Майков, сын ратника 1812 года Николая Майкова и брат известного поэта Аполлона Майкова, отметил через несколько лет после смерти Михаила Лермонтова: «Все ударились в так называемую изящную литературу; все принялись или писать, или читать романтические элегии, поэмы, романы, драмы; некому было думать ни о славянизме, ни о европеизме в России. Затем явилась «Библиотека для чтения», и тогда, по собственному ее сознанию, начался в русской литературе такой смех и такое веселье, что серьезные вопросы сделались, наконец, совершенно неуместными».

Мы имеем длительную традицию анекдота, эстрадного хихиканья, всеразрушающей иронии. Еще Пушкин заметил, что глупая критика не так заметна, как глупая похвала. Созидательный здравый смысл и ответственность подменили критикой и ковырянием в недостатках с ущербным вниманием ко всему нездоровому. Мы беллетризуем все и вся до полного разжижения и расслабления. В журналах вялая беллетристика выше рангом, чем дельная глубокая статья историка-мыслителя. Первая набирается крупным шрифтом, корпусом, хотя она ближе к развлечению, а историк всегда будет набран мелким слепым петитом. Вот такие мы эстеты и знатоки изящного. Солому с крыш скормим коровам, но на искусство эстрады и балет отдадим последнее.

Когда умер первый Герой Советского Союза, боевой летчик генерал-полковник Н. П. Каманин, человек, который руководил отрядом космонавтов, то некролог не был подписан главой государства. Когда в тот же месяц умер эстрадный певец Л. О. Утесов, некролог подписал глава государства. Утесов, тот хоть целая эпоха в эстраде... Но вскоре ушла из жизни актриса из Прибалтики, имени которой никогда не приходилось слышать, и некролог снова подписывает глава великой державы. Что же мы ждем от молодежи, как мы можем поднять уважение к труду, чести, к производству и семье, если первый Герой страны генерал-полковник Каманин в таблице заслуг перед Родиной стоит ниже эстрадного певца? Вспомним, сколько раз мы видели по телевизору эстрадных певцов и сколько раз выдающихся военных врачей в Афганистане или прослав-

ленных — увы, в узких кругах! — героев — командиров атомных подводных лодок.

Перестройка есть перегруппировка сил перед наступлением. Может ли победить армия, если она противостоит противнику не передовыми частями, а выставив вперед обозы и героев тыла, и движется на врага с авангардом приплясывающих и дрыгающихся гитаристов, которые оглушают со страху себя и противника электрическими децибелами? Впереди идут предприимчивые газетчики, десант аэробики, усмехающиеся пародисты, женоподобные танцовщики, потому что «в области балета мы впереди планеты всей», а на острие атаки — министерство культуры, точнее министерство зрелищ и развлечений, и комсомол, который пытается шефство над флотом и армией, по существу, заменить шефством над досугом и кооперацией. Итак, один с сошкой — семеро с гитарой.

Можно понять отвращение и горечь, которую испытывают сотрудники военкоматов при виде нынешних призывников, воспитанных министерством развлечений и эстрадным обществом. Подросток убежден, что полноценный человек тот, кто слушает «маг» и знает дюжину по памяти «дрыг»-ансамблей (слово «рок» надо переводить точно: это значит «вертеться и дрыгаться»). Иначе «рок» по-русски прямо-таки имеет роковую многозначительную глубину). Сегодня рок уже позавчерашний день, так же как «порно», секс сметены СПИДом на Западе. У американских школьников на первом месте среди ценностей стоит здоровье, а мы доразвлекались до того, что у наших детей в шкале ценностей здоровье стоит на седьмом месте. Это не может не вселять тревогу. Не может быть ни солдата, ни вахаря, ни рыбака, ни инженера, ни отца, ни матери с подобной дегенеративной шкалой ценностей.

Вы думаете, у детей здоровье на седьмом месте, а у их родителей на первом? Так не бывает. Дети никогда не виноваты. Нет проблемы отцов и детей. Есть только проблема отцов. Мещанин сегодня стоит на трех китах: на импорте, на заграничной поездке и на заемной идеологии — йоге, кунфу, шамбале, роке и прочем. И импорт, и «загранка», и рок — все это чужое. Неприязнь к своему стала доминантой психики многих. Научная работа стала формой абстрактного развлечения, которая хорошо оплачивается. Не удивительно, что разжижение мозгов иных обывателей достигло такой степени, что они всерьез говорят о том, что теперь уже и армия не пужна.

Хулиганство и беззакония, случающиеся в среде воен-

послужащих, мы заменили обтекаемой формулировкой «неуставные отношения». Эти уродства, привнесенные в войска извне, должны выжигаться из армейской среды. Но неуставные отношения не есть «болезнь» только армии. Нет ни одного коллектива на гражданке, в котором не было бы в той или иной форме неуставных отношений. Если таковых не существовало бы в жизни, вернее, если бы они не принимали столь уродливый характер, то следовало бы распустить завтра же милицию, суды, прокуратуру. Неуставные отношения пронизывают жизнь каждой школы, бригады, общежития, института. И название им — «неписанные правила».

Неуставные отношения в армии существуют столько же, сколько и сама армия. Когда общество здорово, то они могут быть полны и благородства, взаимовыручки, боевого товарищества. Таких примеров в армии сейчас больше, чем уголовщины, которую дружно смакуют. Все закрытые учебные заведения держатся на неуставных отношениях. Кстати, чем аристократичней на Западе закрытый колледж, тем суровее в нем порядки, тем голоднее жизнь, и отпрыски богатейших семей живут зимой в нетопленных комнатах. Это потому, что они еще не имели счастья научиться книжкам наших «педагогов-поваторов», которые хотели бы и из нашей школы тоже сделать один большой эксперимент, а учебу превратить в непрерывное «шоу», где дети сидят на педсоветах с учителями. Школа благородно консервативна. Общество не всегда доверяет поваторам не из ретроградства, а из глубокого и спасительного чувства, что детство не может быть предметом эксперимента для энтузиастов. Жизнь не праздник, и школа призвана готовить молодежь к тяготам жизни. Потому в хорошей школе должно быть честно, светло, радостно, но всегда трудно. В учении всегда должно быть очень трудно. Школа не может быть ни развязной шоу-площадкой, ни угрюмой казармой. Для здоровья детей и молодежи не досуг и не телеразвлечения нужны, а порядок, строгость, справедливость, братская доброта и помощь.

Армия последние семьдесят лет была и есть единственный институт общества, путь которого полон жертв. Армия всегда расплачивалась своими лучшими сынами и никогда, даже в страшные годы, не запятнала себя ни репрессиями, ни чванством, ни малодушием. Армия не состоит из святых. В ней разные люди. Но она мужественно выполняла свой долг, даже когда камни кричали в так называемые мирные дни, и молча умирала, когда

Родина требовала. Это ложь, что сплошь и рядом кричали: «За Сталина!» Кричат только в кино. В бою трудятся, а не митингуют.

Словом, кто хочет искоренить безобразия в армии, тот должен поставить главным жизненным принципом девиз «честь — смолоду», а на острие перестройки выставить тех, кто у станков, на пашне, в больницах, в школах, на перевалах Афганистана и в Мировом океане показывает, что такое честь в действии.

Первым шагом для этого должен быть призыв ко всем фронтам комсомола, школ и минкультов повернуться лицом в искусство и этике к коренным отечественным ценностям и традициям. На Западе уже в магистральную моду среди молодежи (после хиппи, панков и рока) вошла мода «яппи», то есть верность своему флагу, своей стране, своим ценностям, добротной одежде, честная государственная карьера. Запад начал культивировать патриотизм всюду, он отрыгнул уже и секс, и децибелы, многие же из нас только-только радостно добрались до этих помоев. Опять будем в обносках Европы.

«До 1825 года все, кто носил штатское платье, признавали превосходство эполет. Чтобы слыть светским человеком, надо было прослужить два года в гвардии или хотя бы в кавалерии. Офицеры являлись душой общества, героями праздников, и, говоря правду, это предпочтение имело свои основания. Военные были более независимы и держались более достойно, чем трусливые и пресмыкающиеся чиновники». Эти слова принадлежат А. И. Герцену. Армию принимали не за ее золотое шитье, а за героизм, проявленный в сражениях за Бородино, Лейциг, Кульм, Дрезден, Париж...

В 1825 году русские офицеры доказали свою любовь к Отечеству, выйдя 14 декабря на Сенатскую площадь...

И сегодня на вопрос, смогла ли Советская Армия сберечь драгоценные традиции русского воинства, офицерского корпуса, в то время самого отважного и самого образованного в мире, ответ однозначен: традиции сохранены и приумножены.

Традиции — это память, а память — воздух культуры и душа армии. Не прервалась связь времен. После Октября лучшие офицеры и генералы старой армии передадут свои знания пытливым деревенским парням, сменившим Георгиевские кресты на ордена Красного Знамени. Среди них будут почти все маршалы и генералы 24 июня 1945 года на Параде Победы. Из Спасских ворот Кремля

вылетит всадник на белом коне — один из этих крестьянских парней Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Во главе сводных полков фронтов пройдут полководцы и военачальники — выходцы из народных масс.

Когда участники парада соберутся в Георгиевском зале, где стены хранят память о славных победах русской армии, преемственность воинской традиции станет особенно зримой. Главная традиция русской и Советской Армии — быть силой не только вооруженной, но прежде всего духовной и культурной.

Армия, куда собираются самые здоровые силы народа, по суворовским заветам должна быть школой нации. Наполеон в свое время признавал, что победа в войне только на четверть зависит от материальных факторов. Три четверти приходится на боевой дух. Армия не изолирована от общества. Она неразрывна с народом. Недуги общества отражаются на ней непосредственно. Офицеры несут бремя воспитания. Нет ни одного командира, который не был бы учителем, только педагогика эта труднейшая и самая истинная, ибо офицер действует по принципу «делай, как я».

Выдающийся русский военный педагог и мыслитель генерал Драгомиров, герой Шипки, говорил: «Если офицер не сделает, то никто не сделает». Сегодняшние советские офицеры воспитываются в духе благоговения перед своей трудовой миссией, с пониманием того, что на свете нет лучшей педагогики, чем личный пример, что наказание и дисциплина — понятия противоположные, что армия без дисциплины — битая армия. Речь идет о дисциплине, которая осознана человеком, дисциплине как идее, на которой основана сила воинского братства.

Каждые полгода в армейский строй вливаются тысячи юношей. Их надо в короткий срок обучить, воспитать и приобщить к суровому мужскому долгу, который в нашей Конституции, скупой на прилагательные, единственный сопрягается со словом «священный». Но даже если весь офицерский корпус будет состоять из богатырей, он не справится со своей педагогической задачей, если семья, общество, школа, книги, телевидение, радио не будут ежедневно создавать атмосферу созидательной любви к тому, что Пушкин называл «воинственным повиновением», не будут воспитывать добровольное стремление к самоограничению, прививать умение повелевать и подчиняться.

Человек был и остается главным фактором войны. Можем ли мы быть беспечны в том, что имеет отношение к

воспитанию? Нет, партия каждый день призывает к бдительности. Моральные устои общества, на мой взгляд, можно поколебать, достаточно внедрив в неограниченном количестве рок, диско, видео, порно, алкоголь, тем самым разрушив главную основу — духовную.

Сегодня в некоторых наших газетах и на киноэкране часто путают раскованность с распущенностью, доброту с потаканием, дружелюбие с заискиванием, расслабленность, бесхарактерность становятся нормой. В таких условиях юноши привыкают к вседозволенности, безответственности. Отрицательный настрой придает «брюзжанье» о трудностях службы некоторых уважаемых вузовских наставников с помощью печати, чего никогда не было в истории нашего государства.

Вся история русской литературы со времен создания Петром I новой армии пронизана идеей миролюбия. Офицеры Державин, Хемницер, Лермонтов, генералы Деис Давыдов и Павел Катенин, инженер-поручик Федор Достоевский и поручик Лев Толстой, кавалергард Александр Фет и майор Алексей Толстой все, как один, даже в своих батальных творениях неустанно приветствовали «возлюбленную тишину». Советская Армия сберегла эту столбовую традицию миролюбия, и когда мы произносим: «Военно-патриотическое воспитание», мы вкладываем в эти три слова, ставшие привычными с детства, любовь к родной армии и обществу. Ибо их противопоставление в любых странах считалось делом подстрекательским и преступным, а тем более это неприемлемо в стране с народной армией. Пропаганда войны у нас карается законом, это знает каждый. Когда отрицание войны подменяется отрицанием необходимости и важности службы в армии, когда борьбу за мир предлагается вести через «антивоенное патриотическое воспитание» — это звучит по меньшей мере двусмысленно.

Армия достойна самого глубокого почтения за то, что она всегда первой откликается на любую беду, будь то пожар или наводнение, за то, что офицеры, служа Отечеству, лишены порой не только театров и библиотек, но и многих радостей, которые для большинства из нас само собой разумеющееся. У армии всегда будут недруги, не надо убаюкивать себя маниловщиной. Армия стоит на дисциплине, а для разгильдяя это невыносимо. Армия держится на труде, а бездельникам и паразитам это не по нуру.

Кто спас недавно Польшу от хаоса, анархии и униже-

ния национального, кто в последний час удержал ее на краю пропасти? Войско Польское! Стало быть, кого враг черпиг? Разумеется, тех, кто стоит на страже социалистического Отечества, — народную армию.

Есть ли в нашей армии недостатки? Конечно, есть, и даже, видимо, больше, чем нам хотелось бы. Должна ли она меняться? Разумеется, ибо, как говорят лингвисты, «не меняется только мертвый язык». Но надо признаться, что эти недостатки, как правило, результат наших общих недоработок. Если мы в школе, ПТУ, институте, обладая и временем, и всеми средствами воздействия, не разбудили в душе молодого человека высоких чувств, называемых патриотизмом, если не воспитали в нем трудолюбия, стойкости, дисциплинированности, надо иметь мужество спрашивать с себя. Нельзя думать, что, надев военную форму, парень, будто по волшебству, освобождается от всего дурного, от накиши бездуховности, безответственности...

Мы вправе предъявить к нашей армии самые высокие требования. Но всегда должны помнить и то, что армия — это мы сами, наша плоть и кровь и наши предания.

Память — фактор оборонный. Сегодняшнему воину должны быть одинаково дороги подвиги ратников Куликова поля и небывалая стойкость героев Ельнинского сражения, первых советских гвардейцев. Наша память хранит подвиги панфиловцев и защитников Сталинграда, небывалую стойкость ленинградцев...

Мы все помним. Память о подвигах дедов и отцов — наше идейное оружие.

Вернемся к Афганистану, который подверг суровому экзамену все стороны нашей жизни. Были ли в Афганистане случаи моральной ущербности среди военнослужащих? Думаю, что да, и, видимо, больше, чем нам хотелось бы. Войне любой сопутствуют преступления, коли от них не избавлена даже мирная жизнь, и даже такой войне, как «священной памяти двенадцатого года». Известен гневный приказ Кутузова, и не один, направленный против дезертиров и мародеров русской армии. Но есть правда народная, которая совпадает с художественной, а есть правда «военкоматская», протокольная, окопная, тыловая, штабная, трибунальская и сотни других частных фактов, правд и кривотолков. Даже Лев Толстой, ко времени написания «Войны и мира» уже убежденный антимилитарист, который не упустил даже подергивающейся мышцы у наполеоновской ляжки и пухлой шеи Кутузова,

и тот не воспользовался трусами, мародерами и дезертирами. Он понимал, что это не народная правда о войне. С такой же взвешенной мудростью пишем мы о нашей армии в момент испытаний, выпавших на ее долю? Верны ли мы сыновней традиции?

Армия соединяет в себе все умственные силы общества, все его слои и возрасты, все производительные силы Родины. Мы в глубине сознания безмолвно отдаем ей все лучшее, потому что считаем армию и флот наиболее чистым, сильным и возвышенным выражением нашего Отечества. Иные упрекают офицеров в равнодушии ко всему, что не касается их профессии, в том, что они отгородились от общества. Между тем это происходит чаще от некоторого рода профессиональной застенчивости, которую можно скорее отнести к их заслуге. Если в прошлом офицеры и относились с предубеждением к штатским, то только потому, что им казалось, что у гражданских лиц недостаточно ревности к славе Отечества.

Любовь к своей армии, верность ее традициям есть самый верный признак здоровья нации. Нападки на армию начинаются всегда, когда хотят скрыть и не трогать более глубокие пороки общества. Чаще всего неприязнь к армии происходит от нечистой совести и страха перед службой и долгом.

Если в воинском коллективе происходит ЧП и случаются низменные поступки, жестокость и глупость, то приходит это в армию в значительной мере извне. О тяжелых случаях «дедовщины» часто пишут с плохо скрытым ущербным злорадством.

Наша армия при любых перекосах казачины и самодержавия почти всегда была носительницей благородных устремлений. В военных учебниках всего мира курсанты самых различных стран постигают военную науку по идеям англичанина Генриха Ллойда, швейцарца Жюмини и немца Клаузевица — и все три столпа военной мысли в разное время были боевыми офицерами русской армии. Случайно ли это? Нет. Как не случайно и то, что автор полонеза «Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс» Осип Козловский, юношей офицером сбежав из родной Польши, пошел волонтером в русскую армию и сразу же — на приступ Очакова.

Афганистан только заставил нас посмотреть на себя строже, как на боевой поверке, чтобы реалистично и сурово спросить с себя, верны ли мы родной традиции, но не для того, чтобы бегать с ушами грязн.

В 1945 году, вспоминает очевидец, митрополит Иосиф служил молебен по советским воинам, павшим за Югославию, в кафедральном соборе Белграда. Вдруг он сделал паузу и стал пристально всматриваться в толпу. Прихожане насторожились, — военная тревога еще жила в сердцах. Воцарилась в церкви мертвая тишина. Наконец митрополит нашел взглядом тех, кого искал, и медленно поклонился им в пояс. Тысячная толпа молящихся обернулась и увидела двух советских офицеров. Так первоиерарх сербской православной церкви выразил свою признательность советским воинам-освободителям и в их лице всему нашему народу. Русские солдаты уже не раз пробивались через горные теснины Балкан на помощь братьям.

Ни одна литература в мире не имеет такой устойчивой и сильной антимилитаристской традиции, как русская. «Всяк мудрый любит тишину» — это строка из державинской «Песни лирической россу на взятие Измаила». И еще: «Воюет росс за обще благо, за свой, за ваш, за всех покой». Даже когда поэт восклицает: «О! Исполать, ребята, вам, русские солдаты, что неустрашимы, никем не победимы...» — в этом только молодой избыток сил и нет и тени снеси. А ведь это эпоха, когда, по словам Пушкина, сына гвардии поручика, «их смелым подвигам страшась, дивился мир».

Этот же дух спокойной силы и правоты звучал в пьесах генерала А. Сумарокова на подмостках театра Сухопутного кадетского корпуса. Знаменательно, что русский театр вопреки бытующим предрассудкам родился в пылливой среде военной молодежи — подростков, как мы сейчас сказали бы. Этот неумирающий тип русского воина счастливо и неожиданно воплотился в солдате Сухове из чудесного фильма «Белое солнце пустыни». Потому-то с таким волнением, тревогой и напряжением мы ловили глухие обрывки вестей из Афганистана. Умолчание было страшнее беды. Не привык русский воин драться при разговоре молчания. Ему нужно чувство правоты, в которой он тысячу лет черпал силы. Почему не говорили на Родине о наших сражающихся ребятах? Тяжело бремя чужбины для человека, только начавшего жить. Мы спрашивали друг друга: «Где наши горные части? Почему при чудесах техники и сверхмощи ее мы не умеем оседлать перевалы, закрыть теснины? Не утрачены ли наши народно-суворовские качества быстроты, глазомера, натиска? Числом мы берем там или умением? Почему мы сма-

куем чужеродный шепоток о том, что мы там непрошены и гибнем зря? Почему мы верим всякой гадости о себе?»

Почему мы гордимся до сих пор швейцарским походом Суворова? Ведь Альпы тоже не Алтайские горы. Почему мы гордимся бойцами Испании и предвоенными добровольцами, бившимися с японцами в небе Китая? Что с нами произошло, что мы так легко поддаемся самоосквернению? Наверняка можно было бы обойтись в Афганистане меньшими потерями. Ясно, что можно воевать экономнее, расторопнее, решительнее, просто умнее. Но солдат выполняет приказ. Десантник не дискутирует перед прыжком с парашютом. Мы верим, что неотвратимая историческая необходимость бросила наших солдат за Гиндукуш. В этом, как сказал бы Альфред де Випьи, и заключена «неволя и величие солдата». Сколько бы нам ни перечисляли с настораживающей вьедливостью и многозначительностью случаи мерзкого поведения иных военнослужащих, мы верим, что в горах Афганистана не они оставят по себе память, не они несут историческую вахту поколений, не они олицетворяют русского солдата. Афганистан еще раз подтвердил, что не артиллерия — «бог войны», не ракеты, не танки решают все и не пехота — царица полей.

3. Ратник — слово святое

Бог войны — это дух, боевой дух решимости, терпения, выносливости и ратного братства. Дух, говорят, идет, где хочет. Но в бою он вливается в солдата и обретает форму, силуэт, осанку нашего ратника. Мы узнаем этот облик с детских лет. Это единственный в нашей отечественной истории образ, который отлился в знакомый со школы скромный и обаятельный тип боевого русского офицера. Из всех категорий наших граждан в характерный, особый тип отформовался только офицер. Мы, может быть, часто неосознанно недовольны бываем своими офицерами, потому что привыкли мерить их по высокой шкале декабристов, толстовского Тушина, Баграмянов, Раевских, Скобелевых, Нахимовых, Телегиных и Рощиных из «Хождений по мукам» и сотен других. Мы знаем с юности, каков он, русский офицер, и ревниво следим за тем, чтобы не снижалась шкала. Правда, часто мы склонны себе прощать многое, а офицеру — почти ничего. Наш офицерский корпус прошел экзамен Афганистаном. Враги это знают, потому ждите самых изощренных, тонких и неуловимых подкопов и разрушений имени со-

ветского офицера или, как они сами называют, «имиджа» офицера, то есть образа его.

В духовный багаж воинов входят и ценности культуры, накопленные народом веками. Строгие лики Рублева, бессмертные «Слово о полку Игореве» и марш «Прощание славянки», мудрая суворовская «Наука побеждать» и «Славься» Глинки, главная высота России — Кремль и бессмертные творенья передвижников укрепляют любовь к земле родной, к Отечеству. Интерес к истории — верный признак молодости народа.

Мы чаще всего говорим о границах, рубежах Отечества и его защитниках в День пограничника. Границы государства — тема общенародной значимости и одна из немногих, на наш взгляд, заслуживающих постоянного внимания. Мы очень много теряем, суживая проблему границ до степени политико-административной карты.

Россия — единственная в мире страна, которая выделила для защиты рубежей наиболее энергичную, жизнеспособную и боевую часть своего народа — казачество. И что поразительно, выделила стихийно. Казаки в свою очередь, по словам Л. Толстого, «создали Россию», присоединив и освоив Урал, Сибирь и весь юг России. Границы — это понятие естественно-историческое и для нашей страны полное особого смысла, начиная с богатырских застав былинных богатырей. К сожалению, эти исторические параллели никогда не фигурируют в печати, когда речь идет о современных пограничниках, а связь между ними очевидна.

Охрана границы не только борьба со шпионами и диверсантами. Это и охрана физического здоровья народа: вдоль всей южной границы СССР расположены уникальные противочумные станции, на которых трудятся безвестные зоологи редкой самоотверженности. Они не только охраняют, но при надобности приходят на помощь нашим соседям.

Пограничная застава, противочумная станция, таможня, которая борется с ввозом в нашу страну наркотиков или подрывной литературы, — все они охраняют физическое и моральное здоровье нации. На морских рубежах это сторожевые корабли. На всех границах запечатлены на мысах, банках, вершинах, заливах, островах и проливах имена славных русских моряков. На прибрежных скалах кресты и судовые колокола в память о погибших говорят о том, что рубежи — это тема актуальная, волну-

ющая и ежедневная. Мы нуждаемся в новом осмыслении пограничной службы.

Мы слишком много уже написали о безграничных просторах и неисчерпаемых богатствах. У хорошего хозяина не бывает безграничной территории. Каждая пядь отмерена, как показал остров Дамапский.

«Безграничные» разговоры нанесли огромный ущерб психике молодежи. Безграничность сродни безродности, то, что не имеет конца и края, не укладывается в сознание, не имеет очертаний, не имеет пределов. Безграничность, наконец, сродни вседозволенности, она лишена качества, национального самосознания.

Культура и сила начинаются с ощущения границ, с тормозов, с императивов. Без ограничений, без границ, без запретов не бывает благородства. Вот для чего нужно пропагандировать границы, пределы и рубежи под любым предлогом.

Любовь к Отечеству и знание его начинаются с границ. Не с очертаний на карте, а со знания границ в их исторической перспективе, с теми жертвами, которые были отданы на рубежах.

Ни один народ не отдал столько защите рубежей, как русский, украинский и белорусский. Даже общий любимый былинный герой Илья Муромец был одним из богатырей русской заставы, он — порождение границы.

Ту же столбовую традицию богатырской заставы несут наши моряки в Мировом океане и воины сухопутных войск.

Военно-патриотическая тематика наших периодических изданий связана с календарными датами — Днем тактикаста, Днем Военно-Морского Флота и т. д. Помимо традиционных статей пропаганда чаще всего связана с воспоминаниями ветеранов о последней войне или агитацией на уровне ДОСААФ.

Что касается наших идеологических противников, то они хорошо знают, что нет в природе темы, которая не имела бы отношения к обороне. В свое время французы обвинили фильм «Набережная туманов» в разгроме Франции и позоре страны. На первый взгляд это может показаться парадоксальным, но только на первый взгляд. Фильм своей безысходной тоской морально разоружил нацию. Вспомним, что французы шли на этот фильм перед войной так же, как мы в свое время на фильмы «Чапаев» и «Мы из Кройштадта». Не знаю, сколько бронированных дивизий сберег фашистам фильм

«Набережная туманов», но одно бесспорно: фильм, созданный во Франции, воевал не на стороне французов.

Мы должны помнить об этом великом уроке. Стало быть, искусство воюет и воюет как в мирное время, так и во время войны. Спектакль, книга, фильм, как и песни, «удваивают армию». Искусство и удваивает патию, и может стать «пятой колонной» в своей стране, как показал фильм «Набережная туманов».

Сейчас, когда на телеэкраны, радио, эстраду и в прозу хлынули песни, спектакли, книги с надрывом, плачем, печалью и унынием, можно смело сказать, что такое искусство не укрепляет дух, не бодрит, а разрушает моральный фактор в боевой готовности наших Вооруженных Сил, ибо армия наша и народ едины и неразрывны. Каков общественно-психологический климат в народе, таким он будет и в армии.

Моральный фактор рассматривается, как правило, применительно к условиям вооруженной борьбы. Но он действует активно и в мирное время, особенно сейчас, и чем глубже народ занят перестройкой и мирным созиданием, тем выше боевая готовность. Для вооруженных защитников во все времена высокий моральный фактор является основой боевой готовности. Боевая готовность носит всепроникающий характер, и никто не несет большей ответственности за дух общества, чем печать и телевидение.

В минуты опасности народ проявляет себя до конца, и все тайное становится явным, обнажаются ресурсы и надежды пации. Кого вспомнили 7 ноября 1941 года с трибуны Мавзолея, когда враг был на пороге? Почему в минуту смертельной опасности не вспомнили ни Стеньку Разина, ни Емельяна Пугачева, а вспомнили Кузьму Минина, Александра Невского, Дмитрия Донского?.. Вот факт, дающий повод к разработке целой стратегии в пропаганде военпо-патриотического воспитания. В минуты опасности на помощь народ призывает не разрушителей (пусть даже благородных искателей правды), а защитников и созидателей. А теперь вспомним, сколько книг, не считая стихов и поэм, посвящено Разину и сколько Минину. Спасителю Отечества Кузьме Минину — ни одной книги, ни одной поэмы, ни одной песни.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что борьбу с фашизмом возглавил русский народ в содружестве с другими народами нашей страны. Братство народов было и остается платформой всей нашей идео-

логии. Но чтобы союз был монолитным, надо, чтобы верующий народ, а авангардный народ был всегда крепок. Враги знают, что крепость Советского Союза зависит прежде всего от крепости русских. Поэтому они стараются принизить культурное и духовное наследие русского народа. Попутно стараются оглушить нас придуманными революциями: «сексуальной», «модной», «проблемой отцов и детей», псевдомолодежной революцией, зеленой революцией, научной, технической, электронной и т. д. Все эти псевдореволюции нужны для шума, чтобы упизнить главную революцию в истории, ибо, как говорит восточная мудрость, вор любит шумный базар.

Мы до такой степени поддались на уловку буржуазной пропаганды, что сами не заметили, как стали прославлять русскую историю и культуру с какой-то оглядкой, стыдливостью и краской на лице. Уступая шаг за шагом, мы теряем наступательный дух и готовность к отпору.

Афганистан подверг жесточайшей проверке все наши культурологические установки. Боевые будни породили братское братство, но они же и отбросили как хлам все, чем мы сейчас заполняем досуг молодежи. Весь музыкальный «импорт», все джазы, роки, диско, как чужеродная накипь и пена, спали сами собой. Каких же песен требовали бойцы? Они хотели слушать только папевы своей Родины. Свидетели говорят, что войны по четыре часа не отпускали со сцены И. Кобзона, призывая его спеть еще и еще родные песни.

Занимается ли в стране хоть один орган или институт целенаправленно военной песней, музыкой, ритуалами, воинскими традициями? Ни один! Многомиллионная армия, по сути, должна рассчитывать только на шефские концерты. Единственный в стране институт военной музыки, созданный Г. К. Жуковым, реорганизован в факультет — придаток консерватории. При профсоюзах существует Центральная комиссия по шефству работников культуры и искусства над личным составом Вооруженных Сил СССР. Долгие годы ее возглавляла артистка Гоголева, теперь — Чурсина. Что может быть более настоящим? Личный состав Вооруженных Сил в области культуры теперь как за каменной стеной, ибо славные деятели театра не дадут их в обиду!

Созидающая деятельность русской армии — от строительства древних твердынь и засечных черт, от строительства городов в Новороссийском крае, на Азово-Моздок-

ской линии, прокладки Военно-Грузинской дороги, Чуйского тракта, Транссиба и до создания БАМа. Мы писали о военных строителях на БАМе вполголоса, глухо и стыдась, а на самом деле это продолжение великой традиции. Ни одна европейская держава не имела такой созидательной армии и такого подвижнического офицерского корпуса, как у нас.

Какие темы мы можем предложить молодежи?

Вкус к дисциплине. Дисциплина и благородство. Дисциплина и честь. Дисциплина как проявление созидательной воли. Сознательная любовь к дисциплине. Дисциплина — это порядок. Порядок создает ритм, а ритм рождает свободу. Без дисциплины нет свободы. Беспорядок — это хаос. Хаос — это гнет. Беспорядок — это рабство.

Армия — это дисциплина. Здесь так же, как при закалке стали, главное — не перекалить металл, для этого его иногда «отпускают».

Все публикации наши должна пронизывать одна идея — поднять высоко престиж современного офицера. А это значит вернуть офицеру самоуважение, увлечь молодежь величием солдатского долга. Солдат в русском обществе всегда был окружен особым ореолом. Тем более это важно сейчас, когда в Советской Армии впервые в истории человечества весь офицерский корпус — из народа. Но корпус — это не абстрактное понятие. Это живые люди, порой лишенные элементарной социальной защищенности в острых проблемах быта. Чтобы офицер выполнял свой долг, он должен быть спокоен за свой личный «тыл», за семью. Пока здравствует семья, здравствует народ и армия. Пока существует русская семья, существует русский парод. Семья воспринимает, развивает и передает от одного поколения к другому через тысячелетия духовно-национальную отечественную память.

Семья взлелеяла чувство национального долга и совести. Сама идея Родины-колыбели — лона моего рождения и Отечества — гнезда моих отцов возникла из недр семьи, воплощая телесное и духовное (Родина и Отечество, мать и отец) начала, которые в живом единстве выражают идею семьи. Здоровый семейный очаг будет греть и светить всю жизнь и в труде, и в военных буднях. Если здоровье народа зависит от здоровья семьи, то защита семьи есть защита Отечества, потому защита семьи — тема военно-патриотическая.

Почему доход сейчас в семье больше, чем до войны, а детей меньше? Только ли занятость женщины виновна-

та? Не разлит ли в воздухе дух потребительства, желания «пожить»? Пожить для себя, а значит, для своей утробы, а не для семьи и Отечества. Не преувеличены ли намеренно крики о трудностях в связи с воспитанием и отсутствием детсадов? Не скрыта ли за этим нытьем нечистая совесть? Почему жили раньше беднее, а детей имели? Не является ли семья из троих (отец, мать, ребенок) уродливой игрой в семью? Если двое уходят и остается один, значит, нация занимается самоубийством. Надо всего несколько поколений, чтобы она исчезла. Оставлять после себя одного ребенка на всем свете без братьев и сестер, по существу, сироту, не есть ли это обратная сторона игры в семью? Вот круг отрезвляющих и непрерывных вопросов, которые должны идти в армейской печати из номера в номер, как набат. Какое это имеет отношение к армии? Прямое. Не может быть сильной державы со слабой семьей. Крепость семьи такой же оборонный фактор, как и память.

Об этом еще раз напоминает нам гиммлеровский план «Ост». Вот как выглядел план нацистов по бескровному, «мирному» истреблению русского, белорусского и украинского народов.

«Целью немецкой политики в отношении паселения русских территорий будет стремление к тому, чтобы рождаемость у русских держалась на гораздо более низком уровне, чем у немцев...»

«На этих территориях мы должны сознательно проводить политику, направленную на сокращение народонаселения. С помощью пропаганды, в первую очередь в прессе, по радио, в кинофильмах, листовках, брошюрах и т. д., мы должны настойчиво внушать населению мысль, что иметь много детей — это плохо. Нужно подчеркнуть, каких огромных материальных затрат требует воспитание детей, сколько всего на эту сумму можно приобрести, каким опасностям подвергают свое здоровье женщины, решившие рожать, и т. д.»

«Одновременно следует широко пропагандировать противозачаточные средства. Применение этих средств, как и аборт, не следует ограничивать ни в малейшей мере. Нужно всемерно способствовать расширению сети производящих аборт пунктов. Например, можно организовать в этих целях специальную переподготовку акушерок и фельдшерниц. Чем аборт будет успешнее, тем больше доверия будет испытывать к ним население».

«Разумеется, производство аборт следует разрешить

и врачам. Никакого нарушения врачебной этики в этом усматривать не должно».

«Наряду с введением в сфере здравоохранения всех перечисленных мер нельзя ставить никаких препятствий разводам. Не следует предоставлять преимуществ многодетным родителям — ни в форме денежных выплат, ни в дополнение к заработку, ни в сфере каких-либо привилегий. Во всяком случае преимущества эти не должны быть сколько-нибудь эффективными».

«Для нас, немцев, важно в такой степени обескровить русский народ, чтобы он никогда больше не обрел возможность помешать установлению в Европе немецкого господства».

«Этой цели мы можем добиться указанными выше средствами...»

В этой казенно-изуверской доктрине, выработанной генералитетом СС, нет юридического склада мышления, но есть знание о том, что любую нацию можно убрать со сцены истории, не прибегая к выстрелам, как и знание о том, что страну можно развалить до основания, не нарушая ее границ.

С середины 50-х, со времен хрущевской «оттепели», мы напомунаем корабль без системы и службы живучести. Более 30 лет мы со слабоумным оптимизмом потребителей культивируем разводы, аборт, бездетность, мы уже имеем миллион сирот при живых матерях, мы сами себя провоцируем паническими слухами о необратимом распаде семьи. Словом, мы, забыв о гражданских принципах, о долге перед ушедшими поколениями, мы, потерявшие за 30 последних лет десятки миллионов детей от абортов, мы без чужой злой воли выполняем гитлеровскую программу фашистов. Мы несемся в магазины, будто универмаги — это храмы, а ГУМ — кафедральный собор. Единственное, на что нас хватает, это искать козла отпущения и заниматься сладострасто демагогией. Ответили ли мы за 40 лет на программу «Ост» хоть одной программой созидания семьи? А ведь без крепкой семьи нет и не может быть боеспособной армии и просто здорового контингента солдат.

Воспользуемся несколькими тезисами, которые приводит генерал-полковник Д. А. Волкогонов в книге «Психологическая война». «Есть более глубокая стратегия — война интеллектуальным, психологическим оружием» — это Гитлер. «Четыре газеты смогут причинить врагу больше зла, чем стотысячная армия» — это Наполеон.

Масштабы и тиражи изменились, теперь четыре газеты могут больше, чем миллионная армия. Каким образом? Дезинформацией, говоря по-русски, ложью.

Французский специалист по теории психологической войны Пьер Нор в своей книге «Дезинформация» утверждает, что ложь есть «абсолютное оружие подрывной войны». Политработники должны бы сделать проблему хотя бы офицерской семьи одной из основных составляющих своей работы, наряду с моральной и политической подготовкой.

4. Армия — становой хребет

...Можем ли мы, имея миллион сирот в стране, располагать только восемью суворовскими училищами? Разумно ли иметь флот в Мировом океане и только одно Нахимовское училище? Не следует ли нашим высшим военным училищам иметь при себе суворовские училища? Для военно-медицинской академии, например, это было бы Пироговское училище. Сегодня, когда при поступлении в Рязанское воздушно-десантное училище конкурс больше, чем в театральное, мы не идем в ногу со временем и запросами молодых.

Песня, как говорил Суворов, «удваивает, утраивает армию». Но песня может и ополовинить и развалить армию, если она не отвечает становой идее армии. На чем же зиждется наша армия? Ее фундамент покоится, если выразить это одним словом, на здоровье. Здесь речь о физическом, нравственном и психическом. Оно прямо зависит от здоровья общества. Где еще держится в обществе древнейший род искусства — духовой оркестр? По сути, только в армии. А духовую музыку великий знаток нравственности Иммануил Кант решительно предпочитал любой другой. Где еще поют у нас в стране, где бытует песня, где гремят хоры, имеющие на Руси тысячелетнюю традицию? По существу, в армии.

В какой части нашего общества честность, отзывчивость и рыцарство не просто рекомендуются, а введены в суровые пункты устава? Цитирую Дисциплинарный устав, ст. 3: «Стойко переносить все тяготы и лишения военной службы, не щадить своей крови и самой жизни при выполнении воинского долга;

— с достоинством и честью вести себя вне расположения части, не допускать самому и удерживать других от нарушений общественного порядка, всемерно содейст-

воватъ защите чести и достоинства граждан». Слова-то какие забытые в наше потребительское время. Достоинство и честь.

И наконец, может выполнять армия свою задачу, не располагая собственной киностудией художественных фильмов? Почему в армии есть театры, но нет киностудии на уровне мировых образцов?

Жизнь может цвести только в обеспеченном силой бытии. Мы так привыкаем к армии, ее жертвенности, что не только не замечаем, но и считаем возможным брюзжать по отношению к ней. Только сильная, умная и добрая армия, какой ее хочет видеть народ, может быть гарантом мира. Когда народ занят мирной перестройкой своей жизни, роль стражей его труда и жизни возрастает.

Армия как становой хребет русской государственности на много столетий древнее русской православной церкви и древнее славянской письменности. Из всех сказаний, поэм и летописей лучше всех народные чаяния и народный взгляд на воинство выразил автор «Слова о полку Игореве». Армия возникла тогда, когда белорусы, украинцы и русские были единым народом, с единой психологией, речью и помыслами. Армия оказалась единственной структурой, в которой это единство сохранилось, несмотря на ужасы нашествий и бедствия.

Никогда, ни при каких столкновениях держав Сечь не воевала с Доном. Это завет, оставленный народом следующим поколениям. Когда после раскола и особенно Петровских реформ усилилась поляризация русской духовной культуры, когда простой народ и верхи разделила пропасть непонимания и они отделились друг от друга, только ратное братство лучших сынов из народа и из дворян еще продолжало жить, несмотря на перекосы, крепостничество и бюрократизм. Суворовская, отеческая мудрая традиция жила в рядах войска.

Достоевский с горечью заметил: «Беда наша в том, что на практике народ отвергает нас. Это-то и обидно; этого-то причины и должны мы доискаться. Родились мы на Руси, вскормлены и вспоены произведениями нашей родной земли, отцы и прадеды наши были русского происхождения. Но на беду, всего этого слишком мало для того, чтобы получить от народа притяжательное местоимение «НАШ».

Чаще всего этой высшей награды народ удостоивал офицеров суворовской закалки, тех, кто стоял с ними под пулями. Сегодня, когда впервые в истории весь офицер-

ский корпус — из народа и весь — «Н А Ш», мы должны помнить, что все мы в долгу перед армией. Именно то обстоятельство, что армия — плоть от плоти народа, и не дает покоя врагам нашего Отечества.

Традиция воинского подвижничества никогда не угасала на Руси. Еще боевые офицеры Петра легко переходили с армейской службы на гражданское поприще. В цене были гвардейские офицеры — смышленные, расторопные, волевые, они знали, что служат не только Петру, но и России.

«Счастлив для меня был тот день, когда на поле Полтавском я ранен был подле государя», — скажет Татищев, тогда поручик Азовского драгунского полка, он же замечательный артиллерист, географ, историк, ведущий родословную с XIV века от рюриковского князя Юрия Ивановича Смоленского. Им было с кого брать пример, размазни и «специалисты» по досугу были не в цене. О Петре Ключевский скажет: «Работал, как матрос, одевался и курил, как немец, пил водку, как солдат, ругался и дрался, как гвардейский офицер».

И наконец, к вопросу о самом понятии «культура». Ни одно понятие не было так искажено, перелицовано и затемнено, как эта будто бы известная всем категория. Постепенно с культурой стали ассоциировать в основном то, что имеет отношение к рампе, сцене, экрану, подмосткам, эстраде и т. д. То есть то, что объясняется словами «зрелище» или «развлечение». Дошло до абсурда, и сторонники рока стали даже требовать признать развлечение формой мировоззрения, что, кстати, широко подхватила и печать. Массовая культура — слова бессмысленные, ибо понятия — «развлечение» и «культура» — взаимоисключающие. Культура вырастает только из нравственности, подлинная культура укоренена в тысячелетии страданий, надежд и чаяний. Культура ближе к такой категории, как «совесть». Электронные развлечения, досуг с децибелами есть порождение не культуры, а машинной цивилизации, той, что отравляет воздух, воду, почву и сознание. Она порождение не почвы, а асфальта. Гельветий когда-то сказал, что «глупость — порождение цивилизации». «Массовая культура» скорее массовая глупость, которая в периоды застоя требует себе не только гражданское признание, но и лавров, и ореола.

Считаю в этой связи не совсем удачным название «Армия и культура». В подобном названии есть некое противопоставление. Армия стоит на традициях, унасле-

дованных от былинных времен. Она несет в себе мысль, волю и дух 1612 года, Полтавы, Бородина, Чесмы, Синопа, Наварина, Сталинграда... Сегодня это дух пограничных сражений на Даманском и боев в Афганистане. Армия дала народу не только полководцев суворовского закала, но и руководителей русской науки, академиков адмиралов Литке и Врангеля, композиторов офицеров Римского-Корсакова, Мусоргского, океанолога адмирала Макарова, генералов медицинской службы Пирогова, Боткина и Склифосовского, генералов — создателей русской стали и булата Аносова и Обухова и прибавим к этому сотни горных офицеров, таких, как братья Ползуновы, на которых держалась русская металлургия, генерала Мельникова, создателя русских железных дорог, и сотни великих и неизвестных русских офицеров-топографов, измеривших, положивших на карту, исходивших все уголки нашего Отечества и в трудную минуту не щадивших жизни.

Вся страна летает на воздушных лайнерах, созданных генералами Туполевым и Ильюшиным. И сейчас лучшим в мире духовым оркестром руководит генерал-майор Михайлов, как генерал Александров со своим ансамблем завоевал уже не одну столицу мира. Будем помнить, что ансамбль этот возник когда-то на границе во время событий на КВЖД.

Мы будем помнить и то, что Географическое общество России было основано военными моряками Литке, Крузенштерном и Врангелем (друзьями адмирала Матюшкина, лицейского друга Пушкина), которые в 1843 году собрались на квартире бывшего военного моряка и военного врача, автора первых в истории книг для рядовых солдат и матросов, человека, увековечившего свое имя подвигом, которому нет примеров в истории, — речь о Владимире Дале — создателе «Толкового словаря живого великорусского языка».

Ни одна литература в мире не дала такого числа офицеров, как ни одна армия не породила столько литераторов. Лучшая русская проза началась с записок адмирала Головнина. В военной шипели мы увидим офицера-воплетера Гаршина, капитана Куприна, прапорщика Литовского полка Сергеева-Ценского, сапера-поручика и композитора Мясковского, замечательного ученого и боевого моряка, героя 1812 года и автора «Рассуждения о любви к отечеству» адмирала Шишкова. Из этого перечня имен и событий, захватывающих самые священные страницы

нашей истории, выявляется естественная и органическая связь армии с народом и его судьбой, армии, которая и есть сила не только вооруженная, но прежде всего духовная.

Пришла пора замечательной эпохи перестройки и обновления. В этом потоке армия призвана заново осознать себя, осмыслить свое место в обновляющемся обществе и в истории, ощутить себя стеновым хребтом и священным институтом тысячелетней государственности и понять со всей ответственностью, что, чем более углубляется общество в мирную созидательную перестройку, тем более возрастает боевая готовность Вооруженных Сил как гаранта мирного труда. Задачу эту армия сможет выполнить, если будет верна тысячелетней традиции народного духа и культуры.

Афганистан поставил перед нами ряд кардинальных проблем, требующих коренной перестройки воспитания общества и обучения воинов. В босвых буднях весь груз заскорузлой схоластики, старых форм и методов воспитания воинов, вся казенная, догматическая, оторванная от жизни наглядная агитация, сухая плакатность лозунгов, отрезанная ровно на тысячелетие память, бюрократический метод, еще более одеревеневший от уставной буквальности, стал вредным, тяжелым и просто опасным. Многочисленные встречи с воинами говорят о том, что, по сути, только политическое воспитание за долгие девять лет проявило неспособность к саморазвитию, самосовершенствованию и обновлению. Солдаты-юноши, жертвуя жизнью вдали от Родины, оказались, по сути, духовными сиротами. Природная русская тяга к песенному творчеству осталась, а учителей, наставников не было. Духовную песенную традицию перерезала за десятилетие какофония западных чужеродных музыкальных помоев. Впрочем, наркотический примитивный блудливый ритм новой дискомузыки чужероден и враждебен Западу так же, как и нам. Рок сегодня уже вчерашний день. Но завтра будет новая музыкально-наркотическая мания.

Тягостно смотреть на некоторых наших боевых прекрасных воинов из Афганистана, когда они берут гитары. Зажатость, скрюченность, рваность ритма, полублатной налет почти на каждой песенной строчке. Не верится, что это дети России, страны с самой сильной и глубокой песенной культурой, знаменитой своими распевами, искренностью, лиризмом и силой. Чувствуется, что Высоцкий для них единственный и последний эталон. Им невдомек, что

Высоцкий, этот замечательный поющий актер, почти все свои песни строит на скрытой разрушительной иронии. Но ирония никогда не созидает и не выражает правду и душу. Посмотрите на лучшие образцы в сборнике самодеятельных песен наших бойцов из Афганистана. И вы ужаснетесь этому сиротству и полной оторванности от родной традиции. А все потому, что культурой личного состава Вооруженных Сил озабочены актрисы-старушки и военные ансамбли казенных песен и придуманных плясок.

Мы все в долгу перед армией. Мы виноваты перед ней. Ни один институт государства за тысячу лет не принес на алтарь Отечества столько жертв, сколько наше воинство. Путь наших войск всегда был жертвенным, возвышенным и скромным. Какая категория женщин может быть сегодня по тяготам, переездам, одиночеству, неудобствам поставлена рядом с женами наших офицеров?! Никакая. Мы в долгу и перед ними. Мы в долгу и перед матерями погибших в Афганистане, ибо не смогли им объяснить, что их сыновья погибли не зря, что они стали в один ряд с великими сынами Родины, павшими на рубежах Отечества.

Мы страдаем хроническими провалами памяти. У афганцев-интернационалистов были героические и недавние предшественники. В канун фашистской агрессии против СССР в небе Китая с японскими захватчиками сражались две тысячи только летчиков-добровольцев. По тем временам это огромная цифра. К 1940 году было уничтожено на земле и в воздухе 986 японских самолетов. Тогда по Синцзянскому тракту ходило 5200 советских грузовиков ЗИС-5 для снабжения Китая. Думаете, в те годы мы не смогли бы у себя дома использовать эти пять тысяч машин?

Хотя бы раз за девять лет войны в Афганистане читали мы хоть одну статью публициста или писателя, который внес бы грамотно события в Афганистане в контекст истории нашего Отечества и его усилий на границе?

Мы помогали многим. Тысячи матерей не дождались своих сынов. Русские бойцы продолжали жертвенную традицию русского воинства — не щадить жизни за други своя. Пусть не всегда это было оценено по достоинству, пусть иногда нам отвечали черной неблагодарностью, но мы помогали не в надежде на обмен любезностями, а для того, чтобы по-прежнему высоко держать честь русского

имени в мире. Эту духовную драгоценную традицию бескорыстия и благородства унаследовала Советская Армия в лице лучших своих представителей. Будем же хранителями огня этой тысячелетней традиции русской ратной славы. Здесь мы чаще употребляем слово «русский» хотя бы потому, что всех нас за рубежом упрямо называют «русскими». Будем же достойны этого имени.

Когда после Крымской войны, в которой прекрасно и так ярко проявилась русская доблесть, а иностранцы злорадовались над последствиями этой войны и русским унижением, как им казалось, тогда новый канцлер России лицейский друг Пушкина князь Горчаков обнародовал свой меморандум, в котором заявил, что Россия перестает интересоваться европейскими делами и безразлична к международной сваре хищных держав, что Россия поворачивается лицом к своим домашним, коренным проблемам и приступает к реформам и обустройству русской земли. Как ни странно на поверхностный взгляд, но именно это и привело вчерашних врагов России в смятение. Они бы хотели, чтобы Россия и далее беспорядочно вмешивалась во все дрязги внешнего мира и тратила на это свои ресурсы и внимание. Они с тревогой передавали друг другу ставшие крылатыми слова из меморандума Горчакова: «Россия сосредоточивается».

Они давно осознали, если Россия повернется лицом к своей земле, станет завтра для них подлинно великой и недосыгаемой. Они давно уже догадывались об особом предназначении России и с тревогой задавали себе тот же гоголевский вопрос: «Что пророчит сей необъятный простор?» Нет и сегодня ничего более актуального, чем пророчество Карамзина, звучащее как программа:

«Для нас, русских, с душой, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует; все иное есть только отношение к ней, мысль, привидение. Мыслить, мечтать можно в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России; или нет гражданства, нет человека; есть только двуножное, с брюхом».

Это и есть чеканная форма подлинного, а не казенно-плакатного интернационализма. «Интернационализм» — слово составное, из двух слов — понятий «интер» и «нацио». «Интер» наполнено только тогда, когда каждый приходит на братский форум со своим «нацио». Если нет «нацио», то не будет и «интер». Как он будет брататься, если смутно себе представляет, кто он таков, какой народ

представляет, какой глубины традиция за его плечами — словом, без «нацио» повиснет только «интер». На чужбине, да еще под пулями это становится проблемой не демагогии, а выживания и победы. Наши бойцы осознали это через кровь и потери, но осознали твердо и, увы, вопреки неповоротливой и косной нашей пропаганде. Беседы с «афганцами» показали, что они считают себя не только «интернационалистами», но и прежде всего «патриотами». В беседах они неизменно стали прибавлять это слово. Но наша пропаганда многотысячным усилием так и не смогла за девять лет осознать происшедшее, которое будет еще долго влиять на судьбу армии и общества. И не умея мыслить и боясь этого, она спряталась за два словосочетания — «воины-интернационалисты» и «ограниченный контингент войск» — и довели частым и неуместным употреблением до абсурда смысл, заключенный в этих понятиях.

Армия и флот не смогут выполнить своего предназначения, если и впредь на экранах телевизоров вместо летчиков-курсантов будут дрыгаться неряшливые «лабухи», вместо моряков-подводников — патлатые, бесполое певцы с подсознательными манерами, вместо голубых беретов — «голубые» мужички с женскими манерами, вместо жеп офицеров с далеких застав — развязные, эмансипированные женщины из породы тех, что отдают своих детей в приюты.

Как мы можем понять уважение к армии, к достоинству солдат, к мушкетеру, жесту, осанке, манере и воинскому духу, если на экране в норму введены болтливость, неряшливость и ущербное отношение к жизни с прощай и почти непреодолимым интересом ко всему гнилому, к печенотке. Один искренне критикует, трое смакуют, вместо своего мнения — мутная многозначительность, вместо прямоты — ухмылка. Экран стал подмигивать, намекать и усмехаться, и все это на неряшливом и плохом русском языке.

Почему, когда на Западе отрывка, когда Англия беспощадно вырезает все сцены секса и насилия, мы с опозданием, с нелепой суетливостью решили стать европейцами и показать, что и мы в блуде разбираемся. Влияет ли это на моральный облик личного состава Вооруженных Сил? Непосредственно. Дисциплина в армии прямо зависит от дисциплины в обществе. «Дедовщина» привнесена в армию извне — на пей, несомненно, пятно полу-

блатных отношений и полууголовной этики, когда «нет человека, есть только двуногое животное с брюхом», которое хочет поднять под себя других.

При тысячах всевозможных «революций», при любых электронно-лазерно-ядерных хитростях человек был и остается абсолютным оружием войны и мира. Моральный фактор является главной ударной силой армии и флота. Исследователи давно поняли, что сила солдата, его воля и дух зиждятся на его гордости за свой народ и страну. Пусть буржуазные военные теоретики полагают, что в основе морали лежит «расовая гордость» и что солдата необходимо воспитывать в духе гордости тем, что он является представителем «победоносной нации». Будем ли мы шарахаться от этого только потому, что это буржуазные ученые? Нет, всегда мы найдем в себе силы одухотворить любовь к Родине. Девять лет Афганистана породили много проблем. Здесь неуместно касаться их. Но один итог для нас имеет наиважнейшее значение. По свидетельству даже наших противников, русский солдат остается сегодня лучшим в мире. Потому он заслуживает культурной программы, достойной его самоотверженности, упорства и отваги.

Наша отечественная традиция — это когда армия живет одной жизнью с народом. Почему общественность стесняется, призывает, заклинает беречь и обновлять памятники воинской славы, почему в этом хоре голосов есть все, кроме армии? Казанский храм был поставлен на Красной площади (напротив ГУМа, где до недавнего времени был общественный туалет) не кем-либо, а национальным героем — Дмитрием Пожарским, руководителем русских войск, и сооружен в честь изгнания из пределов страны в 1612 году интервентов. Этот храм был в начале 20-х по указанию В. И. Ленина, несмотря на разруху и голод, реставрирован, а в 1935-м снесен. Теперь его решено восстановить на народные пожертвования. Участвовала в этом движении армия? Нет. Почему наша народная армия сама не охраняет и не восстанавливает те памятники, которые имеют к ней прямое отношение? В Москве нет почти ни одного храма, который не был бы приурочен к великой военной победе за свободу России, начиная с Покровского храма (собор Василия Блаженного). Все, кто носит погоны, вплоть до милиции и гражданского воздушного флота, должны повернуться лицом к родным памятникам, ибо армия без исторической памяти — это битая армия. Никогда нам не преодолеть неуставных

уродств, пока мы имеем разрушенные памятники, пока солдаты не одухотворены идеей охраны родного наследия.

Слово «интеллигент» в России раньше было сродни слову «подвижник» — тот, кто отдает людям всего себя и оттого богаче всех. Нет у человека ничего более ценного, чем жизнь. По природе своей, по внутренней готовности к опасности и самопожертвованию из всех родов службы наиболее требует суровой готовности к подвигу (от этого слова и подвижничество) армейская и флотская служба, то есть те, кто присягает и носит погоны. По замыслу, идее и нередкой практике эта же участь выпадает и на долю милиции. Из тех, кто не носит погон, ближе всех к ежедневному подвижничеству среди всех категорий граждан — врачи.

Повторим еще раз: нет на свете больше той любви, кто душу свою положит «за други своя».

Наиболее культурен и интеллигентен тот, кто верен этой заповеди, и не в военную годину, когда призваны почти все, а в мирное время, когда сограждане, ничего не подозревая, собирают грибы, отдыхают на пляжах, ходят в турпоходы, поют, проводят время на дискотеках или после трудового дня собираются за семейным столом. Вот почему из всех категорий граждан нашего Отечества наиболее культурен и интеллигентен воин. Когда общество это понимает, значит, оно еще молодо, свежо и необходимо. А вот когда армия становится наемной, купленной, то это верный признак, судя по истории, заката и деградации общества, ибо всеобщая воинская обязанность делает общество цельным и органичным, несмотря на все видимые издержки.

Адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков писал в «Морской мощи государства», что в периоды расцвета общества флот приобретает активные черты. Эта мысль верна и для сухопутных, и для воздушных сил, или, вернее, для вооруженных сил в целом. В лучшую пору России самые пытливые и благородные силы нации собирались в армии. Так было и на Куликовом поле, и в петровские, и в суворовские времена. Это ведется от Святослава и Мономаха. И вовсе не из-за бряцания оружием, золота шлемов и блеска эполет, не из-за эстетической составляющей жизни, которая была так важна для реакционного романтика Константина Леонтьева, философа, писателя, публициста и военного врача, кончившего дни монахом Оптиной пустыни. К. Леонтьев, который оспаривал у Достоевского право быть у русской молодежи влас-

тителем дум, писал, что главная мысль — военный (при всех остальных равных условиях) выше штатского по роли, по назначению, по призванию. При всех остальных равных условиях — в нем и пользы, и поэзии больше. Это так же просто и верно, как то, что во льве и тигре больше поэзии и величия, чем в воле и обезьяне (даже и в большой, как горилла).

Для нас в солдатском долге, а мы все время здесь имеем в виду Советскую Армию — наследницу тысячелетних традиций, важнее всего другая становая составляющая войска, а именно ее просветленное подвижничество.

В. И. Ленин говорил, что всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. Это верно и для общества. Но чтобы армия была защитницей, она должна исповедовать еще никак не опровергнутый принцип. Армия — защитница, а не обуза народа. Армия неразрывна с народом. Мощь армии — в мужественном идеализме офицерского корпуса. Знаток, особенно из другого стана, оценивают армию не по окладам и технике, а прежде всего по чести офицера, его презрению ко всему наносному, негативному.

Только хитрым пацифистам грезится мир без армии и службы, когда с развязанным пупком и издерганными нервами вкушаешь тонкие радости, при этом незаметно гребешь к себе, а от себя все, что имеет отношение к ответственности, ляжке, поту и молчаливому служению. В свете изложенного мы можем, пожалуй, взять на себя смелость и ответить на поставленную проблему «Армия и культура» с учетом всех равных условий, что в здоровом социалистическом обществе или в том, которое, перестраиваясь, стремится быть таковым, следующим утверждением: армия — это и есть культура.

Это не категоричность и не лозунг, а утверждение, которое могло, пожалуй, отлиться в первую строку древнего и прекрасного слова — устав.

Повторяю, речь идет здесь не о вымышленной армии, не об идеальной войске, нет. Речь о нашей, о родной Советской Армии, какая она есть на сегодня со всеми достоинствами и педугами и вместе со справедливо проклятыми уродливыми неуставными отношениями. Но чтобы картина не была преднамеренно искаженной, достоинство и правда призывают нас всегда помнить о волнующих и возвышенных неуставных отношениях, родившихся среди нашей военной молодежи в горах Афганистана, когда ста-

рослужащие, которым оставалось месяц-другой до увольнения в запас, шли на мины и под пули душманов, не позволяя необстрелянным новичкам следовать за ними, пока те не приобретут опыт ведения боевых действий с хитрым, хорошо вооруженным противником. Знаете ли вы что-либо более отеческое, трогательное и просветленное в нашей жизни, полной сообщений о «бухарских», «казахских» и «сумгаитских» делах, в обществе, полном трусливо семенящих «несунов» и сыто икающих и поучающих нас жить остепененных и премированных брызг после своих заграничных вояжей, обществе, где почтенные люди, тяжело дыша, бегают за импортом, где «пайконосцы» разгружают втихомолку багажники у своих подъездов, а миллион сирот тоскуют по материнской ласке при живых матерях...

В этот застойный период — вдруг, как чудо! — забытые «русские мальчики» показывают на чужбине в огне примеры высочайшей культуры и интеллигентности. Армия, дающая таких солдат, необходима, народ, воспитавший их, первым в истории создавший новое сообщество наций и принесяший на алтарь этого братства невиданные жертвы, может со спокойным достоинством считать, что он достоин этого благородного жребия. Вот почему офицеры, прошедшие боевую школу духовности, стали золотым фондом армии, а молодежь, вернувшаяся домой после горных боев, бесспорно, сейчас лучшая часть нашей молодежи, они все те же «русские мальчики», о которых возвестил миру Достоевский. Их присутствие среди нас дает нам всем нравственный шанс на выход из застоя совести. Они должны бы стать опорой перестройки, созидания и обновления.

Если жизнь есть диалектическое и мудрое равновесие между постоянством и изменчивостью, между традицией и новаторством, между стволом и листьями, между укорененностью и реформой, то подлинная культура всегда и во всех случаях тяготеет к постоянству, традиции, стволу, укорененности, культура консервативна в благородном смысле этого слова. Не будем вздрагивать при этом слове. Если бы оно было ругательным, то англичане, лучшие в мире знатоки политической культуры, не гордились бы причастностью к этому слову и заключенному в нем понятию, без которого нет ни реформ, ни обновления, ни перестройки. Будем помнить слова замечательного пианиста-новатора и музыкального мыслителя Бузони, который как-то заметил, что если есть на свете

что-либо столь же плохое, как желание задержать прогресс, то это безрассудное форсирование его.

Лучшая часть русского и советского офицерского корпуса всегда была верна суворовской заповеди: «Не тщись на блистание, но на постоянство!» Это необходимо помнить каждому в период перестройки, чтобы не шарахаться и не потерять из виду горизонт и не забывать, что Франция, несмотря на хорошо оснащенные, технически вооруженные силы, была разгромлена Германией за сорок дней. А все потому, что между двумя мировыми войнами, судя по мемуарам де Голля и отзывам современников, армия подверглась массивному высмеиванию, критике и просто шельмованию со стороны своей же печати, причем в тысячах разных форм.

Народ и армия были расслаблены и обезоружены этой психологической атакой. Произошло то, о чем предупреждает генерал-полковник Д. А. Волкогонов, когда в книге «Психологическая война» цитирует американского специалиста-психолога, который заявляет со знанием дела, что с помощью дезориентации и дезинформации человека «можно сделать беспомощным, как грудного ребенка: он будет не в состоянии применять свои силы».

Станем ли мы перенимать у Запада то, что он осознал ценой национального позора? Не воспользоваться ли нам хотя бы раз своим, «русским счастьем», к которому звал еще Глеб Успенский: «Теперь спрашивается, если мы знаем (а наше русское счастье и состоит в том, что все это мы можем и видеть и знать, не развращая себя развращающим опытом), если мы знаем, что такие порядки в результате сулят несомненнейшую гибель обществу, их выработавшему (что мы отлично знаем), почему же у нас не хватает способности на ту простую практическую правду...» Далее писатель призывает к единственному лекарству для здоровья нации, к честному, открытому обсуждению коренных общественных задач, не боясь даже суровой правды, которая одна способна залечить раны, которые сама наносит. Словом, он призывал к гласности для всех.

Память — мощь духовная и главный оборонный фактор державы. Судите сами. Историческая Москва занимает только два процента площади столицы. Но то, что знает весь мир и что свято для нас, вмещают именно эти два процента в пределах бывшего Садового кольца, теперь, правда, оно уже скорее угарное, чем садовое. Девяносто восемь процентов современности усту-

пают двум процентам старины миллионнократно— вот что значит духовный потенциал памятников, вот откуда память считается самой могучей творческой силой, вот почему воспоминание способно сплотить народ и сдвинуть горы. Каждому школьнику о многом говорят такие символы, как Музей В. И. Ленина... Красная площадь... Храм Василия Блаженного... Мавзолей.. Исторический музей... Могила Неизвестного солдата... Манеж... Бассейн «Москва» на месте храма Христа Спасителя, против него Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина...

Храм Христа Спасителя, посвященный победе русского народа в Отечественной войне 1812 года... Поставлен он после долгих обсуждений на самой священной в Москве земле, где на месте захоронения воинов, павших в Куликовской битве, был построен Алексеевский девичий монастырь. То была древняя традиция ставить храмы на уже освященной земле. Расписывал храм Суриков. Храм Христа Спасителя, крест которого был выше колокольни Ивана Великого, стал самым грандиозным воинским памятником за всю историю России. Современники так это и воспринимали. В мае 1883 года он был освящен. Специально к открытию Чайковский написал увертюру «1812 год», он же и дирижировал сводным оркестром при открытии величественного собора. Рассказывают, что, когда деньги народные вез в Москву из Петербурга специальный поезд, на него напали грабители. Они перевязали охрану. У одного из стражей выщипали язык. Он сказал грабителям: «Что вы делаете? Это же деньги на храм Спасителя в Москве. Душу губите свою». Разбойники оставили деньги нетронутыми. А рядом с кожаными мешками, хранящими народные пожертвования, положили свои деньги и скрылись.

Далее по пути— Воспная академия имени М. В. Фрунзе, потом два медицинских института... Лужники... Новодевичий монастырь, за рекой — МГУ.

Новодевичий когда-то был вторым на Руси после Троице-Сергиевой лавры по значению, богатству, а по красоте, пожалуй, и первым, что вполне естественно для женской обители, куда принимали монахинь только боярского рода и выше. Под сводами Смоленского собора монастыря нашли последний покой три сестры Петра и первая несчастная его супруга Евдокия, в девичестве Лопухина. Ее короткое письмо Петру после гибели сына — одно из самых трагичных и трогательных женских писем в истории. «Попрежнему быти инокою и пребытии во иночест-

ве до смерти и буду Бога молить за тебя государя. Вашего Величества низжайшая раба бывшая жена ваша Авдотья».

Это письмо Евдокии Лопухиной Петру из Шлиссельбургской крепости в 1718 году, накануне переезда в Новодевичий монастырь. Последний судьбой своих обитателей вносит лирическую ноту в суровые века и окружен, как аурой, теплотой и обаянием смиренных послушниц, хотя нынешние историки с угрюмо-взедливым энтузиазмом роятся в годах смутных и больных. Видимо, вульгарный историзм, много раз руганный, живуч, как дурной тик.

Вы не заметили, что, перечисляя учреждения-символы, я провел вас с Красной площади от начала до конца самой важной улицей Москвы? Цари ежегодно выходили из Кремля в сопровождении двора и полков и шли пешком этим же путем на поклонение к иконе Смоленской пречистой божьей матери. Собор и монастырь заложены отцом Ивана Грозного Василием III в 1525 году в честь присоединения и возврата Смоленска русской земле. То великий перелом в нашей истории. К иконе Смоленской богородицы относились с таким благоговением, что штурм Смоленска русскими полками отложили на день, чтобы он не совпал с днем почитания иконы, которая была главной святыней города с XI столетия. Путь от Кремля до Новодевичьего в 1658 году Михаил Алексеевич специальным указом повелел именовать Пречистенкой.

Ни Тверская, ни Калужская или иная другая улица в Москве не может быть сравнима с Пречистенкой по исторической символике, красоте и одухотворенности. На какой из дорог в Москве могут быть такие памятники, как на этом священном пути? Кремль — символ мужской и воинский, а монастырь на Девичьем поле — символ жепственности. Да и не припомню более до Петра именных царских указов об утверждении за улицей названия.

На пречистом пути просматривается еще один признак Москвы и, пожалуй, самый главный для понимания ее исторического смысла. Пречистенка — это путь от одной твердыни к другой. Это путь между строгими фортификационными сооружениями. На этом пути по Пречистинке, а рядом и по Остоженке селился цвет русского боярского воинства. На этой дороге две стрелецкие слободы: Левшинская и Зубовская. По пути монастыри-крепости Алексеевский и Зачатьевский и три вала стен — Китай-города, Белого города и Скородома (потом Садовое кольцо), все с башнями дозорными, раскатами и бойни-

цами. Пречистая дорога смело выходила в чистое поле за эти три оборонительные линии и шла лугами, садами и рощами к утопающему в садах дивному бело-золотому монастырю.

Все, что мы перечислили только что, идет по двум рядам: военному, как твердыни, и духовному, как культурные памятники. Москва прежде всего город военной и воинской славы. Потому нигде военный не должен бы себя чувствовать так естественно и уместно, как в Москве. Иностранцам это должно не нравиться. Стало быть, это хорошо для нас. Иноземцу лучше, чтобы вместо твердынь и храмов стояли кабаки, рестораны, магазины, снова кабаки, театры с «шоу», чтобы он весь день чувствовал подрыгивание в теле и было как можно больше «порно», но желательно с «куполаз» и «балалайказ».

В допетровской Москве не было ни одного, как мы говорим, «памятника культуры», который не носил бы оборонного характера. Даже на городской жилплощади, в тесной квартирке, всегда есть работа рукам и уму, а в усадьбах и подавно, потому проблемы досуга, коли сейчас придумана для лентяев, то тогда ее не было и вовсе. У нас разговоры, «круглые столы», печатные вонли о сносе и разрушении памятников стали уже из трагической фазы переходить в трагикомическую. Потому как «Васька слушает да ест», а общественность стенает. Общество охраны памятников создано без прав. Оно ничего не может запретить, а только причитает. Так будет до тех пор, пока памятниками культуры не займутся те, кто обязан их защищать, те, кто унаследовал их от предков и несет прямую ответственность за их сохранность.

Провалы в исторической памяти, а тем более ее атрофия — страшное бедствие для всего народа. Из-за них нация, сколь бы могущественна она ни была, духовно незащитна перед внешними влияниями, подчас враждебными, теряет свое лицо, не дорожит своей культурой и самобытностью и в конечном счете обречена на исчезновение.

Когда речь идет о «страшном бедствии», то наступает, как сказал Мономах в поучении детям, «мужское дело», стало быть, в первую очередь тех, кто носит погоны. Память всегда была мужской добродетелью.

Развитие в единстве постоянства и изменчивости, причем постоянства должно быть три четвертых, этот же баланс сил работает при традиции и новаторстве, истории и новшествах, базисе и надстройке.

Мы и впрямь видим дальше своих предков и зорче только потому, что стоим на плечах гигантов, то есть наших дедов. В то же время мы предали забвению завет Ломоносова, который всю сумму своих размышлений как завещание потомкам оставил в письме Шувалову. Четырех основных разделов этого программно-пророческого завещания не прозвучало ни разу в нашей печати. Что это за разделы? Вот они.

Первое — «о размножении и сохранении российского народа».

Второе — «о истреблении праздности».

Третье — «о исправлении нравов на большем народе просвещении».

Четвертое — «о сохранении военного искусства во время долговременного мира».

Можно смело сказать, что и другие разделы, посвященные развитию земледелия, ремесел и художеств, — все это мудрое завещание как будто обращено лично к каждому из нас и одновременно есть руководство для секретарей и мэров и всех делающих практическую политику. Мы забыли заветы отцов и в погоне за химерами теряем детей, которые ждут не схоластики, а теплоты и твердости. Шиллер, которого мы знаем только как поэта-романтика, был из числа высоких учителей народа и составителем и редактором воинских уставов. Он заметил с горечью еще тогда: «Дух абстракции пожирает то пламя, около которого могла бы согреться и воспламениться фантазия».

Философия, семья, дисциплина забыты потому, что не три четверти приходится на дух и четверть на блага, а наоборот. Победа перестройки будет зависеть от того, сможем ли мы перестроить эти соотношения в пользу совести, дисциплины, чести, духа.

Ни один политический деятель, офицер, философ, учитель, вождь да и просто честный человек никогда не рискнет сказать, что в человеке плоть важнее духа. Видимо, и удовлетворять надо при желаемой гармонии и согласованности прежде всего то, что регулирует и созидает остальное, то есть достоинство личности. Так, если перестраивать, то надо с головы поставить на ноги этот абсолютный принцип. Вряд ли, стоя на голове, мы даже с гласностью и ускорением перестроимся. Иначе страшный разрыв. Армия может выполнить свою задачу только при приоритете духа. И когда мы говорим: четверть материальных ресурсов, мы не принижаем их, эти ресурсы, а, наоборот, со-

вершенствуем. Чтобы техника и припасы занимали подобающую им четверть, они должны непрерывно шлифоваться и быть лучше мировых образцов. Не на уровне, а лучше. Армия и народ едины тогда, когда у них и задачи едины, и пропорции духовных и материальных ресурсов едины. Приоритет духа есть общенародная доктрина, а значит, на этой же базе попробуем созидать. Как вы думаете, может гражданин, который живет по балансу четверть — на мораль, а три четверти — на потребление, во время войны или иной народной беды вдруг стать собранным, отважным, неприхотливым и готовым к самоотречению воином?

Маршалы Наполеона со вздохом вспоминали солдат своей революционной юности. Тогда разутые, раздетые, плохо вооруженные и голодные инсургенты били вышкоченные части врага. У революционных батальонов на материальную часть приходилась даже не четверть, а десятина. Они после изнурительных переходов, голодные, став бивуаком во фруктовых садах, не срывали ни одного плода, чтобы не запятнать честь освободительной армии. Эти солдаты и до битв не были потребителями. Жизнь не ласкала их. Мы же думаем лишь о досуге для детины, который не устает на работе, чем бы еще «пощекотать» его.

5. Кадры решают все

Почему в перестройке кадровая проблема стала главной? Партии нужны люди сейчас трезвые и духовно собранные.

Одип из глубинных смыслов обновления в том и заключается, чтобы не видеть за каждой газетной публикацией директивного перста, не расшибать от усердия лба и не впадать в противоположную крайность — безвольную апатию. Перестройка есть перегруппировка сил нашего общества перед решительным и длительным наступлением. Имеется в виду отвести в тыл с исторического переднего края силы, ослабленные делячеством, ложью и уступками совести, и выдвинуть на направление главного удара здоровые, патриотичные, честные и верные партии и коренным образом Отечества кадры, то есть людей, обладающих характером, умом и честью.

Может ли перестройка быть успешной без учета здоровых народных традиций и одухотворенности такой становой категорией, как историческая память? Разумеется,

нет. Не надо терять здравый смысл, или, как говорил бывалый солдат Сухов в «Белом солнце пустыни»: «Только без паники!»

Нам прежде всего необходимо создать тип учителя. Коли кадры решают все, то каков этот «кадр»? Кто нам нужен сегодня? С тех пор как существует наш город, а возник он вместе с Кремлем, земля московская веками вырабатывала этот тип подвижника. В конце царской столбовой дороги, как уже упоминалось, в Новодевичьем монастыре стоит прообразом России четырехстолпный Смоленский храм. На стенах и колоннах его — фрески из истории Руси. Но четыре колонны отданы воинам — столпам державы, тем, кто является в стране несущей и оберегающей силой. В те времена ни один мазок не делали без глубокого образного смысла. Так же расписаны колонны в начале пречистой дороги — в Архангельском соборе Кремля.

Прежде чем создать образ, надо сначала выявить тип, а затем на его основе писать образ. Некоторые современные художники, не зная типа, кидаются сразу делать образ. Потому смотришь порой на живописные полотна, посвященные, например, Куликовской битве, всматриваешься в лица и не знаешь, где ордынцы, где свои. Искомый тип тот, кто держит тысячу лет своды державного неба, — воин и земледелец. Эта глава будет о другой заповеди Ломоносова — «о сохранении воинского искусства во время долговременного мира».

...Нам не к лицу испуганно озираться при слове «якона», «богородица», «молитва». Замалчивая или упрощая этот пласт духовной жизни, мы играем на руку врагам. Мы обязаны выделить из такого древнего и серьезного явления, как религия, спекуляции, невежество, салонное кокетство и религиозное политиканство, а оставить все подлинно непреходящее. Почему обойти церковь здесь нельзя? Да потому, что церковь всегда и всюду претендует на роль единственной хранительницы духовной и культурной памяти народа. В прошлом, являясь господствующей идеологией общества, она пронизывала все органы государства, все ритуалы и обряды как в армии, так и вне ее. Говоря о памяти и имея в виду офицера, разумно, думается, не уходить от родной ему воинской тематики, а попутно коснуться всегда актуального вопроса о чести воинского мундира и социальной роли офицера в обществе.

Нет более верного признака распада нравственных скрепов общества и его исторической обреченности, чем наемная армия.

Деньги и священный долг несовместимы. Нам нечего здесь перенимать у Америки. Мы выше и крепче в духовном потенциале. Мещанин этого не видит. Эта сфера ему чужда, а она решающая на чаше исторических весов. Умнейшие из них всю свою технологию с радостью отдали бы за малую толику этой нравственной силы. Да только эти ценности не купишь, ибо ничто так мерзко не пахнет, как деньги.

Не так давно в одной из молодежных редакций состоялась встреча между войнами-интернационалистами и студентами МГУ, вернее, студентками, так как их однокурсники-ребята были призваны в армию. То ли по этому поводу, то ли еще по какому, но скрыть свое раздражение по отношению к армии они были не в силах, даже перед лицом тех, кто сражался в Афганистане. Отвечал им деловито и твердо Герой Советского Союза подполковник Александр Солуянов. Студентки были напористы и на встречу пришли, похоже, с уже сложившимся мнением. Настрой психологический незаметно становится в человеке доминантой. Когда все армейское раздражает, то уже все водногаиается под это неудовольствие и сознание только ищет подтверждений. Хорошее в таких случаях искренне не замечается. Одна студентка заметила, что в метро только офицеры никому не уступают место. Это было так неожиданно и нелепо, что вызвало смех. Девушка говорила искренне и убежденно. Ей заметили, что если ее кто-либо не собьет в дверях, то уступит место скорее всего военный. Она укорствовала. К несчастью, та девушка видела такого военного и теперь перенесла это на всех офицеров. Такова природа всякого одномерного сознания, которое приводит к фанатизму. То ли из-за того, что отрицание армии было огульным, то ли желая пошатнуть успешнее стать догмой в их сознании положение, я заметил, что нельзя с больной головы перекладывать на здоровую, и добавил, что солдаты, которые дрались и гибли первые годы при странном и обидном молчании их возлюбленного Отечества, оказались, быть может, в более трудном положении, чем солдаты времен войны с фашизмом. Тогда вся страна следила и соперничала их делам, а на миру, как говорится, и смерть красна. Вряд ли такие солдаты заслужили после неназываемой войны в Афганистане еще и беседу, подобную этой. И уж если на то

пошло, говорю, коли взять сто журналистов, сто ученых, сто инженеров и сто артистов, и сто шоферов, и сто врачей, и сто... впрочем, кого угодно, то сто любых офицеров будут всегда лучше всех. Мы ценим офицеров за верность большевизму в любых обстоятельствах, за риск, за то, что армия не болтает, а дело делает, и тому порукой Чернобыль, БАМ, Афганистан, за готовность к повиновению, а это истинно благородная черта, за гарнизонную «тоску» и однообразие и, наконец, за то, что на них нет ни одной иностранной нитки — они одеты во все родное, и, может быть, эта верность родному более всего и раздражает кое-кого.

Ну вот, говорил, что недопустимо противопоставлять армию любым другим категориям граждан, а теперь сам ударился в тот полемический грех. Но вины моей тут нет.

От армии всегда требовали, чтобы она не вмешивалась в бесплодную и обессиливающую политическую борьбу, что она должна оставаться самым чистым выражением самого Отечества, например, той Франции, которая, по бытовавшему во французском обществе выражению «преживает вечно». Потому де Голль, вступив на нашу землю, первым делом заявил, что он принес привет от вечной Франции вечной России.

В 1813 году, когда русские полки, разбив Наполеона, двинулись освобождать Германию, Бернадот, бывший маршал Бонапарта, воевавший во главе шведских войск против Франции, а впоследствии ставший шведским королем, говорил шведам:

— Подражайте русским, для них нет ничего невозможного.

Сегодня мы должны с суровым реализмом признать, что часть молодежи не последует призыву Бернадота, потому что ее научили чужим песням, приохотили к чужой одежде, к чужим мыслям.

Матисс, приехав в Москву в 1911 году, был потрясен, увидев русские иконы, сказал, что это подлинно народное искусство. Здесь первоисточник художественных исканий... Русские не подозревают, какими художественными богатствами они владеют. Всюду та же яркость и проявление большой силы чувства. Ваша учащаяся молодежь имеет здесь, у себя дома, несравненно лучшие образцы искусства... чем за границей. Французские художники должны ездить учиться в Россию. Италия в этой области дает меньше. В 1947 году Матисс подтвердил свое отношение к русскому искусству, которому «предается тем силь-

ней, чем яснее видишь, что его достижения подкреплены традицией — и традицией древней». Здесь, однако, придется поправить не только Матисса, но и наших искусствоведов, специалистов по жанрам. Рублев не писал иконы, чтобы услаждать эстетическое чувство своих современников и потомков. Наше безмерное самомнение мешает нам заметить, что «Троица» Рублева, по словам летописца, писана, «дабы воззрением на святую троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего». Чтобы победить страх, победить, выстоять, восторжествовать в окружении врагов, вот зачем постились молчальники иноки, прежде чем взяться за кисть.

Самые чтимые иконы несли в битвах как знамена впереди полков. Присутствие в Бородинской битве иконы Смоленской пречистой божьей матери ободряло русских воинов, она облекала их как бы в духовные латы, придавала им силу и твердость. Воин доподлинно знал с детства, что Россия — удел Богородицы, а он сражается за нее. У каждого солдата оставалась дома мать. Образ его родной матери сливался с образом Родины. Эти сильнейшие два сыновних чувства, слившись, рождали в нем образ Богородицы, матери всех солдат, стоявших в сече рядом плечо к плечу.

Икона Донской богородицы, поднесенная Дмитрию Донскому, была в самой гуще сражения Куликовской битвы, воодушевляя русских ратников. Она же была с русской армией в Казанском походе Ивана Грозного.

Ничто так не воодушевляло воинов — защитников Москвы, как выставленные на стенах чтимые иконы. После Куликовской битвы Георгий, покровитель всех воинов, становится символом Москвы. Только заступничеству Владимирской божьей матери народ приписал спасение Руси от Тамерлана, который двинулся на Русь в 1395 году и неожиданно повернул назад. Говорят, ему привиделся образ грозной жены. Что же, теперь нам прикажете слабоумно хихикать над своими предками, если они верили, что образ разгневанной России может нагнать ужас даже на Тамерлана?

Как видим, идея церковная на самом деле коренилась в суровой действительности народной жизни, она утешала и одухотворяла тысячу лет, лик Пречистой богородицы совпадал с собирательным образом Родины-матери. В строгом лике Спаса, который возили с собой в походах Суворов и Кутузов (не было ни одного полководца, который рискнул бы выйти навстречу врагу без походной ико-

ны), отражалась идея высшей духовной инстанции, которой он был обязан давать отчет как перед лицом совести. Спас становился собирательным образом пародной совести.

Сегодня ни один человек не может пройти мимо проблемы сохранения памятников культуры, проблемы, которая давно из просветительской стала политической. Еще главари фашизма кричали, что «прежде всего уничтожайте памятники. Нация без памятников во втором поколении перестанет существовать». Память — фактор оборонный, как и любой памятник культуры. То, что враг хотел бы разрушить в первую очередь, мы должны защитить прежде всего. Армия, смысл существования которой в защите народа, первая должна внести свою лепту в защиту и сохранность и восстановление памятников Отечества. Благоговение перед народно-исторической памятью входит в баланс высокой боевой готовности. Только ваньки без родства и без памяти, ибо последнее сродни слабоумию, могут думать, что храм — это только культурный памятник. Каждый храм в войну становился богатством, каждый монастырь — войном.

То, что есть памятник культуры, было столетиями твердой и убежищем для детей, стариков и женщин.

Как икона не предмет искусства, так храм не церковное культурное сооружение — в нем средоточие духовности народа.

В этих храмах хоронили, крестили и венчали предков, они уже по одному этому для сыновнего чувства неприкосновенные святыни.

Совесть народа в военной среде получала легированные добавки от риска, отваги, бдительности и мужской дружбы и после переплавки на передовой выливалась в булат воинской чести. Отсюда и ритуал воинского приветствия. Отдать честь — значит подтвердить свою верность воинскому братству, помнить о жертвах и традициях. Воинское приветствие — это жест высочайшего духовного равенства, ибо им обмениваются и рядовой с маршалом. Ритуалы армии пронизаны глубоким смыслом, они все подчинены одному — укрепить, сдентировать армию, сделать ее единой семьей. Если младший отдал честь, а старший не ответил, то старший внес тут же свою лепту в разрушение армии. Ибо идею воинского братства превратил в идею холуйского чиновничества. Такие случаи должны немедленно наказываться. Я часами наблюдал, как военные, проходившие мимо могилы Неизвестного

солдата, не отдавали чести. Считаю такие явления позорными. Мундир и ритуал воинского приветствия единственное, что выделяет воина в толпе штатских. И каждый случай неотдания чести мгновенно фиксируется сотнями глаз. Ничем нельзя так оскорбить армию, как не отдать чести друг другу.

Маршал Шапошников в мемуарах рассказывает, как в Петербурге армейские офицеры в нарушение устава не стали после Цусимы отдавать честь морякам — так глубока была рана от поражения и так много смысла настоящий офицер вкладывал в ритуал отдания чести.

Хорошая армия не бывает многочисленной. Где много умения, там числом не берут. История знает, что все большие армии были разбиты соперником, уступавшим им в количестве войск. Человек был и остался абсолютным оружием любой войны.

Облик армии прежде всего зависит от культуры офицерского корпуса, от его готовности к служению, от его выучки, от его собранности, решимости и верности чести. Облик настоящего офицера в России всегда был неразрывен с обликом рыцаря.

Чтобы сформировать из курсанта-юноши истинного офицера, жизнь и быт военных училищ должны быть облагорожены лучшими традициями отечественного офицерского корпуса. В наших силах восстановить «библиотеку офицера» тридцатых и сороковых годов, вернуть офицерскому собранию забытые демократические нормы и благородные традиции полковых летописей. Нельзя мириться с тем, чтобы в военной энциклопедии не было таких офицеров, как генерал-майор Павел Катенин и офицеры пушкинского лицейского выпуска — генералы Данзас, Владимир Вольховский, адмирал Федор Матюшкин. Можно ли назвать энциклопедию всенной, если молодой офицер не найдет в ней ни одного слова о выдающемся деятеле 1812 года вице-адмирале Шишкове, чьи воззвания воспламеняли Россию? Лицейский дух должен стать воздухом всех наших военных училищ, как это было пушкинской порой.

Мы обязаны вернуть народу забытые имена, утраченные названия полков, восстановить все разрушенные памятники воинской русской славы и построить новые. Пора давно вымести из казарм и клубов зубодробительную казенщину, шаблонную агитацию и рутину. Для этого необходима помощь всего общества. Пришла пора создать при Фонде культуры СССР авторитетный Совет по про-

грамме «Армия и культура» для помощи в духовном и нравственном обновлении армии и флота, для выработки новой культурной стратегии.

Воспитание всегда классично, всегда тяготеет к первоосновам, к патриотизму, к грудолюбию и верности семье. В армейские библиотеки и все военные училища должны прийти наши замечательные историки Татищев, Карамзин, Соловьев, Ключевский, Сергеевич, Греков и другие. В военные училища любого профиля следовало бы ввести курсы отечественной истории и словесности, мировой культуры и этики и истории воинской культуры. Той культуры, что придает офицеру неотразимое обаяние и привлекает к нему солдат.

Нападки на нашу страну и армию имеют давнюю историю, и нет оснований надеяться на их конец. Но иногда при первых же враждебных выпадах или несправедливом перехлесте по отношению к армии на лица наших офицеров появляется выражение горестного недоумения. Подобное состояние не к лицу воинству. Армия должна быть готовой к защите своего достоинства печатно и устно. Нет в мире лучшей защиты, чем добрые дела человека.

Накануне революции офицеры Генерального штаба стали инициаторами замечательного движения по увековечению памятников воинской славы. Это они создали пабранные деньги музей Суворова в Петербурге и много других памятников ратной славы. Вся страна участвует в увековечении памяти павших в боях с фашизмом. Но знаем ли мы хоть один памятник, созданный армией за последние полстолетия с глубиной исторической памяти сто или двести лет, а ведь вот-вот грянет 300-летний юбилей русского флота? Почему Сухареву башню не восстанавливает флот, а ведь с этой башни, с размещенной в ней Петром навигационной школы ведут свое начало все офицеры флота.

Почему собор Казанский на Красной площади не восстанавливает заново армия — ведь собор построен главнокомандующим русской армией князем Пожарским как памятник изгнанию интервентов с русской земли в 1612 году? Почему по этому поводу стенает интеллигенция и не скажут свое слово армия и флот? Эта отчужденность и порождает в обществе недоумение и неприязнь к армии.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Дневник «Отечества»	
Почин дороже денег?	5
Несобыкновенные приключения	
Василий Веденеев. Человек с чужим прошлым	28
Владимир Зарубин. Убить Скорпиона	240
Ратная летопись России	
Андрей Сербя. Заговор против Ольги	296
Валерий Латынин. Казачье сословие, Стихи	386
Иду на Вы!	
Карем Раши. Армия и культура	393

ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Первый сборник, подготовленный военно-патриотическим литературным объединением «Отечество»

Редактор *Е. А. Плотникова*
Художник *А. С. Плаксин*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Н. Я. Богданова*
Корректор *В. В. Квятковская*

ИБ № 4019

Сдано в набор 31.07.89. Подписано в печать 12.09.89. Г-25086.
Формат 84×108/32. Бумата тип. № 1. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 14. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,94.
Уч.-изд. л. 25,87. Тираж 100 000 экз. Изд. № 15/6486. Зак. 831.
Цена 4 р.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

1-я типография Воениздата.

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

★ ОТЕЧЕСТВО ★

★ ОТЕЧЕСТВО ★